«100 важных книг года» по версии The New York Times

НИЛ СТИВЕНСОН

ПАДЕНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

fanzon

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

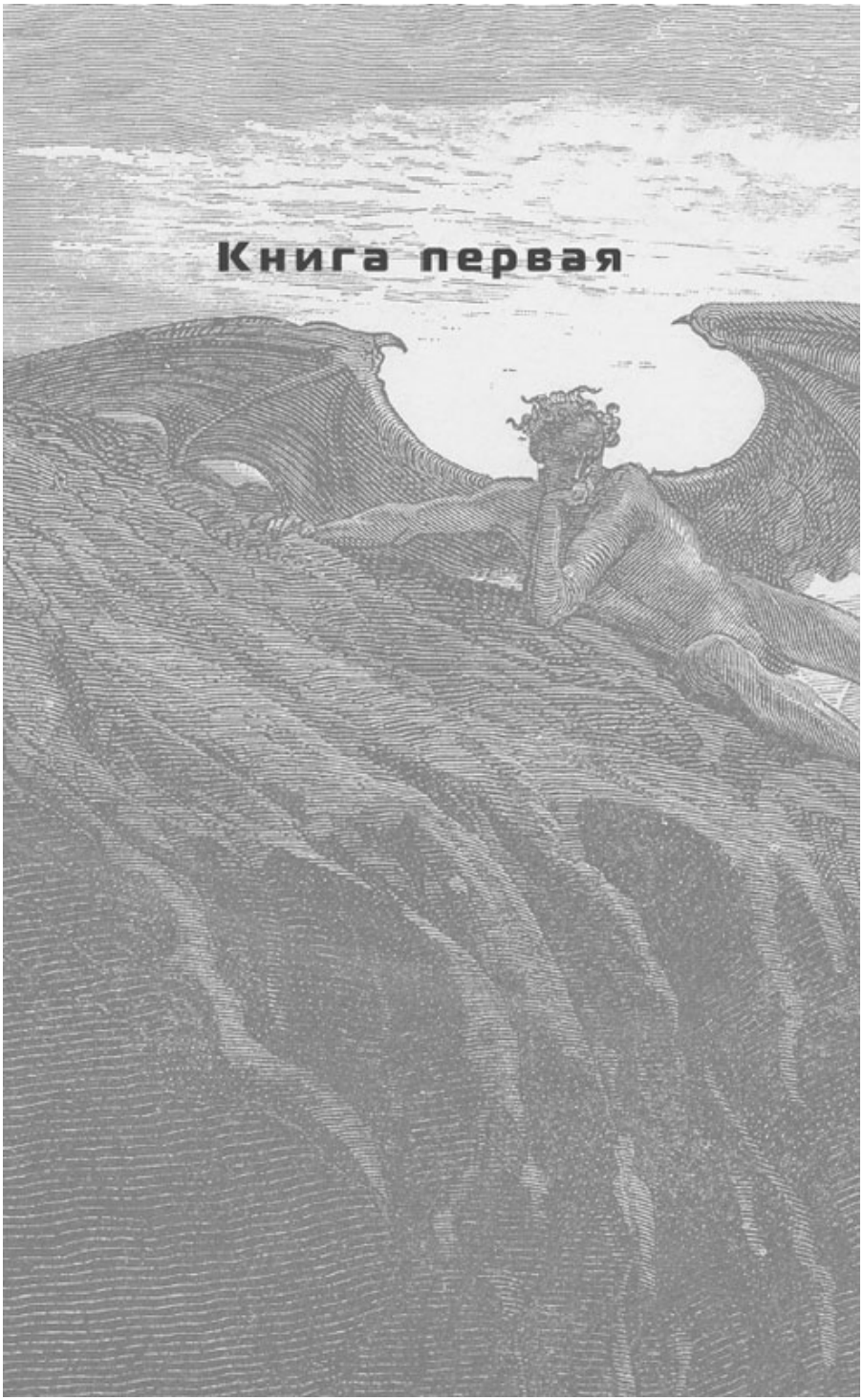
Ричард «Додж» Фортраст, миллионер и основатель известной компании по разработке видеоигр, умирает в результате несчастного случая. По условиям завещания его мозг сканируют, а структурную информацию загружают в хранилище данных, надеясь на дальнейшее развитие технологий. Проходят годы, и оцифрованное сознание Доджа подключают к Битмиру – вечной загробной жизни, в которой люди существуют как цифровые души в телах-симулякрах. Но является ли утопией этот новый дивный бессмертный мир? Драматический конфликт аналогового и цифрового, человека и машины, ангелов и демонов, богов и верующих, суетного и вечного в будущем, которое вот-вот наступит. Книга первая эпического романа Нила Стивенсона «Падение, или Додж в Аду».

- Нил Стивенсон
  - ○
  - ○ Часть 1
  - ○ Часть 2
  - ○ Часть 3
  - ○ Часть 4
  - ○ Часть 5
  - ○ Часть 6
  - ○ Часть 7
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12
  - ○ 13
  - ○ 14
  - ○ 15
  - ○ 16
  - ○ 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29

Нил Стивенсон
Падение, или Додж в Аду. Книга первая

Посвящается О. Л.



Книга первая

Часть 1

1

Додж очнулся от сна. На прикроватном столике тренькал телефон. Не открывая глаз, Додж ощупью нашел его, сдернул с зарядного провода, утащил под одеяло и перевел в режим «дремать». Телефон умолк. Додж перекатился на бок и сунул его под подушку, чтобы сподручнее было заткнуть, когда через девять минут будильник зазвонит снова. Чудо, конечно, что мозг хранит трехмерную модель кровати и соседнего с ней пространства, а значит, можно проделать это все с закрытыми глазами, но лучше не рисковать.

Засыпать особо не хотелось, так как перед пробуждением ему снился на редкость муторный сон. Сюжет состоял в том, что он никак не мог раздобыть кофе. Додж был в айовском городке своего детства, который оставил в зеркале заднего вида более полувека назад. К тамошним воспоминаниям примешивались люди и места из более поздних времен, но прямоугольная сетка улиц, по которым он мальчишкой гонял на велике, до сих пор служила пространственной решеткой почти всех его снов. На ней, как на миллиметровке, мозг выстраивал чертеж событий.

Во сне он пошел за кофе, но на каждом шагу утыкался в самые заурядные препятствия. В мире сна это удивляло и бесило: невероятно, чтобы столько совпадений встало на пути такого простого дела.

Однако теперь, когда Додж бодрствовал или, по крайней мере, полудремал, все объяснилось просто и логично: и впрямь трудно добыть кофе, если лежишь в постели с закрытыми глазами.

За следующий час он нажимал «дремать» еще несколько раз. Но то был не совсем сон, а полузабытье, когда мысли мало-помалу превращались в путаницу обрывков. От сна оно отличалось, как пыльные нити в углу чулана – от геометрически четкой паутины.

Интересно, разработчики проводили клинические исследования, чтобы определить девятиминутный интервал дремы? Почему не восемь минут, не десять? Создатели этого телефона известны своим вниманием к мелочам. Наверняка все основано на экспериментальных данных. Не случайно, что до следующего звонка Додж только-только терял связную нить мысли. Будь интервал короче, он бы не успевал забыться и

функция не оправдывала своего названия. Чуть дольше, и дрема перешла бы в настоящий сон. А так он мог считать: «Я нажал кнопку три раза. Пять раз. Я уже проспал лишний час».

Однако расчеты эти не сопровождались угрызениями совести. Додж знал, что спешить некуда. В период осознанности после третьего нажатия кнопки он вспомнил, что сегодня его в офисе не ждут. Ему предстояла рутинная амбулаторная процедура, назначенная на одиннадцать утра, то есть еще нескоро.

Помимо желания выпить кофе единственным стимулом встать была, как ни странно, мысль, что лишний сон помешает вздремнуть после обеда. Додж уже лет десять фанатично следовал ритуалу дневного сна. Поначалу он грешил на возраст: в его семье старикам случалось засыпать в церкви, на садовой скамье-качелях и даже за рулем. Потом вспомнил, как в восемнадцать колесил на раздолбанных машинах по Канаде и западной части США и часто на него накатывала просто невыносимая сонливость. Он старался перебарывать ее либо просто не ездить в это время. С тех пор ничего особо не изменилось, просто он разбогател и обзавелся личным кабинетом с ковриком для йоги и подушкой в углу, а равно поумнел и уже не боролся с послеполуденной сонливостью. Всего-то и надо, что закрыть дверь, перевести электронику в беззвучный режим, раскатать коврик, лечь и вырубиться минут на двадцать, а в итоге он получал силы еще на несколько часов интенсивной работы.

Сколько именно проспать, значения не имело. Додж пришел к выводу, что для успешного дневного сна важен лишь обрыв сознательного восприятия – миг, когда перестаешь мыслить связно и проваливаешься в забытье. Часто это сопровождалось судорожным подергиванием руки или ноги, когда он переступал порог сна, в котором должен был поймать мяч, или открыть дверь, или что-нибудь в таком роде. Если судорога его не будила, значит, нить сознания оборвалась и дневной сон достиг своей единственной важной цели. Даже если он просыпался через десять секунд, то чувствовал себя не менее (а может, даже более) бодрым, чем если бы час продрых как убитый.

Додж изучал эту судорогу. В тех все более редких случаях, когда он спал с женщиной, он иногда нарочно перебарывал сон, слушал ее дыхание, чувствовал, как мягчеет ее тело, и дожидался мгновения, когда она, проваливаясь в забытье, дернет рукой или ногой.

По работе (он был основателем и президентом крупной компьютерно-игровой компании) ему иногда случалось летать частным самолетом на остров Мэн, в восьми часовых поясах отсюда, где в отреставрированном замке жил его давний деловой

партнер – разбогатевший писатель. Писатель укладывал гостя в одной из двух башен. Круглую спальню украшали предметы средневекового интерьера и согревал большой камин, в котором горели настоящие дрова. Огромная кровать венчалась тяжелым балдахином. Года два назад, забравшись под балдахин и пролежав какое-то время без сна, Ричард (это было настоящее имя Доджа) провалился в кошмар с участием крайне опасного и неприятного персонажа, которого имел несчастье встретить за несколько лет до того. Проснулся он в галлюцинаторной уверенности, что этот персонаж стоит рядом и на него смотрит. Чистейший абсурд, поскольку персонаж давно умер, однако Ричард был в полудреме, когда логика выключается. Он попытался сесть. Ничего не произошло. Попытался поднять руки. Они не сдвинулись и на волос. Попытался набрать в грудь воздуха и заорать, но тело не слушалось приказов мозга. Он был совершенно беспомощен и не мог даже извиваться, как связанный пленник. Ему оставалось лишь переживать ужас полнейшего бессилия, пока его вновь не накрыло сном.

Через несколько мгновений он резко проснулся и сел. Тело снова работало. Он сбросил тяжелое одеяло, спустил ноги на пол и повернулся к догорающему камину в нескольких футах от кровати. В комнате никого не было. Массивная дверь, похожая не крепостные ворота, была по-прежнему заперта. Кошмарное ощущение, такое убедительное минуту назад, теперь казалось смешным. Ричард на пробу лег и увидел, что ночник отбрасывает на балдахин тень, и эта тень колышется в дрожащем свете камина. Видимо, во сне он приоткрыл глаза и принял тень за человеческую.

Так что причина кошмара нашлась. Впрочем, загадкой был напавший на него в кошмаре полный паралич. Позже Ричард выяснил, что это хорошо известное и научно подтвержденное явление под названием сонный паралич. Примитивные культуры объясняют его магией или выдумывают истории про жутких ночных тварей, которые садятся тебе на грудь, прижимают тебя к кровати, высасывают воздух из легких и крик из глотки.

Но для этого феномена есть вполне рациональное объяснение. Когда вы бодрствуете, ваш мозг, естественно, контролирует ваше тело. А вот когда вы спите, вы обычно видите сны. И во сне вы можете бегать, драться, говорить. Если бы тело по-прежнему выполняло приказы мозга, вы метались бы по кровати, орали и так далее. Поэтому эволюционно выработался механизм, вроде рубильника, отключающий связь мозг-тело, как только обрывается нить сознания. А в миг пробуждения рубильник переходит в положение «вкл», и вы продолжаете

двигаться как всегда. Обычно система работает безотказно, и большинство проживают жизнь, не догадываясь о ее существовании. Но любая система дает сбои. Один из этих сбоев – судорога в момент засыпания; она означает, что выключение рубильника запаздывает на долю секунды. Другой, более пугающий сбой происходит изредка, особенно с людьми, которые, как Ричард на острове Мэн, спят в непривычное время суток. Вы просыпаетесь, но рубильник не встает в положение «вкл», и вы остаетесь парализованным, как за мгновения до того во сне. Подобно человеку, который дышит размеренно и вроде бы мирно спит, а на самом деле видит ужасный кошмар, вы лежите с открытыми глазами в полнейшем покое, не в силах ничего поделать с воображаемой тварью на груди, врагом подле кровати, огнем, пожирающим ваш дом.

В любом случае никаких долговременных последствий этот случай не оставил, если не считать новых праздных интернет-поисков касательно природы сна и раздумий над своей привычкой ложиться после обеда. Так Додж развил свою теорию (не подкрепленную никакими научными данными), что залог успеха дневного сна – разорвать нить сознания ровно настолько, чтобы рубильник встал в положение «выкл». Когда он вновь встанет в положение «вкл», пусть даже всего через несколько минут, вся система мозг-тело перезагрузится, словно зависший компьютер, который всего-то и надо, что выдернуть из розетки и включить заново.

Мысль про обрывание нити окончательно его разбудила, поскольку вызвала некую ассоциацию. Додж достиг того этапа жизни, когда остается очень мало настоящих стимулов встать с кровати, но вот на что он всегда с готовностью отзывался, так это на зов собственных произвольных мыслей, желание отыскивать связи и параллели.

Впрочем, с кровати его подняла не ассоциация, а звон в ушах, который сегодня был хуже обычного. Мир напоминал Доджу, что нужно встать и немного пошуметь. Собственно, дело это было не новое: слишком много он в молодости палил из ружей и забивал гвозди, слишком много вечеров провел в байкерских клубах Британской Колумбии. А несколько лет назад еще и оказался в гуще перестрелки без адекватных средств защиты органов слуха. Точнее сказать, вообще без средств защиты. С тех пор в ушах звенело почти всегда, сильнее или слабее. Причина звона оставалась загадкой. Похоже, мозг честно пытался объяснить себе отсутствие значимого сигнала от ушей, которые уже не работали как следует. Гипотеза вроде бы подтверждалась тем, что звон усиливался в тишине; окружающая среда не давала слуховой

системе нужных данных. Помогало от этого устроить шум. Не обязательно громкий. Обычный звук шагов или струи из-под крана убеждал мозг, что вокруг по-прежнему существует нормальный мир, и давал несколько простых подсказок касательно настоящего положения вещей.

Ричард встал, надел пижамные штаны, сходил в туалет, принял таблетки, которые полагалось принимать до завтрака, и пошел в так называемую большую комнату своего пентхауса на крыше небоскреба в центре Сиэтла. Это была супердорогая недвижимость, спроектированная и обставленная в принятом у ИТ-магнатов Северо-Запада стиле почти претенциозного минимализма. Стеклянные двери на террасу Ричард с вечера оставил открытыми, удвоив таким образом размер жилой площади. Стеклянный потолок террасы был оборудован встроенными инфракрасными обогревателями вроде тех, что висят над кассами в «Хоум депо», чтобы кассиры – сомалийцы и филиппинцы – не умерли от переохлаждения. В холод и дождь, то есть примерно половину года, обогреватели поддерживали тут комфортную температуру. В конце лета и (как сейчас) ранней осенью они были не нужны, и терраса просто служила продолжением большой комнаты, перетекавшей в нее без помех. Она выходила на залив Эллиот и горы Олимпик.

Строгость дерева, кожи и камня нарушали аномальные розовые и малиновые цветовые всплески. У Ричарда часто гостила внучатая племянница София, к которой он относился как к родной внучке. В прошлые выходные родители – племянница Ричарда Зула и ее муж Чонгор – оставили Софию у него, чтобы вырваться на двое суток в Порт-Таунсенд на другом берегу залива Пьюджет. С террасы паромная пристань была как на ладони. Рядом с парапетом Ричард когда-то установил на штативе огромный советский бинокль из списанных военных запасов. Когда паром отошел от пристани, Ричард поднял Софию на табурет и помог навести бинокль. Тем временем Зула и Чонгор, оставив машину внизу, вышли на корму верхней палубы и стали махать Софии. Вся операция координировалась эсэмэсками и была проведена с точностью атаки беспилотников к полному восторгу маленькой Софии. У Ричарда ощущение было какое-то необъяснимо тягостное. Или, возможно, правильнее назвать это печальной задумчивостью.

Последовали сорок восемь часов тесного общения между двоюродным дедом и внучатой племянницей. За это короткое время атрибуты современного детства заполонили Ричардову квартиру. Даже если бы Софию ни разу больше к нему не привели, он продолжал бы находить чипсы, блестки, заколки и

липкие отпечатки пальцев еще лет двадцать.

В воскресенье вечером операцию с биноклем повторили. Зула объяснила, что в Софиином возрасте психологически очень полезно видеть, как родители уезжают, а потом – как они возвращаются. Забирая Софию, Зула и Чонгор в суете позабыли экосумку «Хол Фудс» с детскими книжками. Ричард поставил ее к двери, чтобы труднее было забыть в следующий раз, но, пока работала кофемашина, перенес на террасу. Он пристроил сумку на журнальном столе рядом с кофейной чашкой и достал две большие книги, купленные для Софии в воскресенье. Обе были с яркими картинками в пседонаивной манере, обе написаны и проиллюстрированы Ингри и Эдгаром Пареном д'Олер. Одна называлась «Древнегреческие мифы», другая – «Скандинавские мифы». Ричард с Софией бродили по книжному магазину, и обложка «Древнегреческих мифов», замеченная краем глаза, стрельнула по оптическому нерву в мозг и вызвала временный столбняк наподобие сонного паралича на острове Мэн. Или, учитывая контекст, это было, как будто он увидел Медузу Горгону (кстати, возможно, мифы о горгонах и василисках – донаучное объяснение феномена сонного паралича?).

Книги д'Олеров впервые вышли, когда Ричард был еще маленьким. Свой экземпляр он зачитал до дыр, перелистывал снова и снова, заучивал родословия титанов, богов и кого там еще, а по большей части просто разглядывал картинки, давая им наполнять и формировать свой мозг. Картинки были в обычной манере малышовых книжек и оттого, наверное, поражали детские нейроны, как герпес. И, подобно герпесу, они латентно дремали в центральной нервной системе много лет. От внезапного контакта с обложкой вирус пробудился и стал контагиозным. Ричард приступил к магазинной полке, словно древний эллин, восходящий по ступеням Зевесова храма, и узрел книгу, ровно как ее помнил, только новенькую и нечитаную, с предисловием знаменитого современного писателя, тоже, видимо, бредившего ею в детстве. София, которая тащилась за Ричардом, держась за его ногу и вытирая нос о его штаны, ощутила в дядюшкиной реакции нечто сверхчувственное и заразилась. Ричард купил оба тома и после дня полного погружения вернул Софию родителям одержимым подменышем. Она, захлебываясь, рассказывала о тактике ликвидации Гидры, о рукавицах Утгарда-Локи размером с дом и упрекала старших, что те путают римские и греческие имена богов. Воистину велик был гнев Софии, когда обнаружилось, что книги забыли в экосумке «Хол Фудс». Воистину славным будет деяние дяди Ричарда, когда вечером, после амбулаторной процедуры, он заявится к молодому

семейству с двумя томами д'Олеров под мышкой.

А пока Ричарду надо было разрешить одну маленькую мифологическую путаницу, дабы София, призвав его к ответу, не уличила в невежестве. Дело касалось судеб и норн.

Сняв греческие мифы с полки в книжном магазине, он чуть ли не первым делом открыл предметный указатель и нашел фурий – украдкой и немножко даже виновато. Ричард отличался тем, что у него не было совести или суперэго в обычном понимании слова. В его душе отсутствовал встроенный взрослый контроль. Однако на протяжении жизни у него было примерно десять серьезных романов. Каждый раз отношения постепенно портились по мере того, как дама узнавала Ричарда ближе и составляла полный перечень его изъянов. Некоторые держали свое мнение при себе до очистительного словоизлияния перед разрывом. Другие честно заявляли претензии в режиме реального времени. В любом случае Ричард помнил каждое слово через десятилетия после того, как дамы, надо думать, забыли о его существовании. Более того, мозг каким-то образом создал полностью автономные симулякры бывших, которые жили в голове у Ричарда вечно, говорили с ним в самые неожиданные моменты, реально влияя на его поступки и мысли. Прежде чем уволить сотрудника или пропустить чей-нибудь день рождения, он задумывался о последствиях: та или иная Муза-Фурия (как он их называл) сгустится из мозговых паров и выдаст несколько едких замечаний, от которых ему будет худо. Скрестить в одном сочетании муз и фурий было его собственной вольностью, отклонением от мифологической чистоты, за которое София (уже превращавшаяся в мини-Музу-Фурию) его бы отчитала. Идею эту Ричард носил в голове так долго, что различие между двумя категориями низших богинь для него стерлось. Теперь, заполучив в руки архикнигу, он решил, что полезно будет их посмотреть.

Термин «фурии» в указателе был просто перекрестной ссылкой на более правильное «эринии». Судьбы (мойры) толковались как «три старые богини, определяющие продолжительность человеческой жизни». Найдя «эриний» (богинь мести), Ричард перешел на страницу шестьдесят, где они упоминались впервые, и прочел, как души переправлялись через Стикс (на пароме, между прочим) и пили из Леты «под черными тополями», отчего забывали, кто они и что делали в смертной жизни. Отлично. Но дальше говорилось, что «великих грешников» ждали вечные муки под бичами фурий. Неприятно думать, что тебя будут вечно бичевать в наказание за грехи, которые ты забыл под темными тополями. Грешники в христианской версии ада хотя бы помнят, за что горят в вечном огне, но бедные

бессловесные греки могли только мучиться, не зная, чем провинились, и не помня даже, что такое быть живым и не мучиться. Ричарду было не совсем ясно, может ли пост-Летейская душа вообще считаться тем же существом, ибо разве наши воспоминания не часть нас самих?

И все же была в этом какая-то глубокая правда. Ричард чувствовал иногда, что продолжает терзаться из-за давно забытых поступков – поступков, совершенных, когда он не был собой теперешним. И кто не знал злополучных горемык, неудачников, вечно страдающих вроде бы ни за что ни про что?

Следующее упоминание эриний было как раз перед более оптимистичным разворотом о музах. Это был хороший материал, куда более подходящий для Софии, к тому же он напомнил Ричарду, что его собственные Музы-Фурии – богини не только мщения, но и творчества; некоторые самые продуктивные идеи рождались в мысленных диалогах с этими достойными дамами. Так что в первую очередь его занимали «фурии», а «мойры» были сбоку припеку, но сегодня утром он почему-то не мог отделаться от мысли о них.

А все из-за нитей. Лежа в постели, Ричард думал о нити сознания и о том, что ее обрыв – обрезание связи между телом и мозгом – залог успешного дневного сна. И он помнил, что где-то в д'Олерах есть картинка, на которой мойры прядут, отмеряют и обрезают нить. За кофе он пролистал все «Древнегреческие мифы», но так ее и не нашел.

Кофе был божественный. Кофемашина стоила больше, чем первый автомобиль Ричарда, и все известное науке о технологии приготовления кофе воплотилось в ее механизме и алгоритмах. Зерна обжаривали вручную в ста ярдах отсюда – в стартапе, созданном чудо-кофеделами, которые приехали сюда работать для «Старбакса» и выделились в отдельную компанию, как только фондовые опционы перешли в их полную собственность. Однако вкус у кофе был потрясающий не только из-за прекрасной машины и обжарки, но еще и потому, что Додж проснулся, что он был жив и ощущал этот вкус телесно, как не мог бы ощущать спящий-Додж-во-сне. В этом смысле проснувшийся Додж превосходил спящего Доджа, как живой человек – призрака. Додж, видящий кофе во сне, соотносился с пьющим кофе Доджем, как одна из теней в Аиде (д'Олеры сравнивали их с сухими листьями на холодном осеннем ветру) – с живым человеком из плоти и крови.

Первую чашку он осушил, ища картинку с обрезанием нити. Текст, как Клото, Лахесис и Атропа прядут ее, отмеряют и отрезают, нашелся, а картинка – нет, хотя Ричард отчетливо

помнил, что показывал ее Софии два дня назад.

За второй чашкой кофе ему пришла мысль проверить «Скандинавские мифы». Тут-то она и обнаружилась: полуполосная цветная иллюстрация, на которой три блондинки – здесь они звались норнами – прядут нити жизни у основания мирового древа. Урд, Верданди и Скульд. Если забыть про имена и цвет волос, они были абсолютно идентичной заменой своих греческих аналогов.

Сразу после школы Ричард сбежал в Канаду, не получив высшего образования, и нигде потом не учился, но из книг знал, что мифология накапливается как осадочные слои. Видимо, здесь был именно такой случай. Задолго до древних греков и скандинавов некая культура заложила мойр-норн в фундамент, на котором потомки затем строили свое. Соответственно, они всегда воспринимались как дополнительные компоненты к более развитой мифологии. Или даже наоборот. Они настолько просты, что их лучше не трогать. Ричард, сделавший состояние в цифровой индустрии, видел в норнах, мойрах, или как их еще называют, базовые функциональные средства операционной системы. Зевс не имел над ними власти. Они знали прошлое и будущее. В легендах к ним прибегали только тогда, когда что-нибудь кардинально разлаживалось на метафизическом/космологическом уровне, либо с целью заткнуть сюжетные дыры. В греческой версии Клото была пряхой – создательницей нитей. Лахесис отмеряла длину. Собственно, та же кнопка «дремать» – все время, пока Додж лежал в постели, в руках у Лахесис была девятиминутная мерная лента. Атропа орудовала ножницами. Древнегреческий вариант Мрачного Жнеца. Хотя по теории, которую выстраивал Додж, обрыв сознания при переходе ко сну – по сути та же смерть, с той разницей, что можно проснуться.

Завтракать Ричард не стал, потому что ассистент, записывавший его на процедуру, сказал что-то про желательность прийти натощак. Вместо этого он пошел в душ. Выйдя из душевой кабины, он был зачарован странным освещением – холодным, кружевным, не искусственным, но и не солнечным. Ощущение было сюрреалистическое, как будто попал в кадры сна, снятые режиссером, который не добыл денег на серьезные спецэффекты, поэтому обошелся световыми трюками. Странный свет шел из северного окна. Сварщик, что ли, снаружи работает? Наконец Ричард сообразил, что солнце, встающее над Каскадными горами на востоке, отражается от зеркальных окон офисного небоскреба в нескольких кварталах отсюда. Додж прожил в этом пентхаусе пять лет, и все равно порой отражение солнца от соседних зданий

устраивало ему фантастические сюрпризы. Астроном, наверное, оттянулся бы, рассчитывая углы, как они меняются от часа к часу и от сезона к сезону.

Из-за странного света отражение в зеркале тоже выглядело необычно. Ричард повертел головой, отыскивая новые родинки. Рыжий и веснушчатый, он десятилетиями готовился к завершающей схватке с меланомой, которая, по мрачным прогнозам дерматологов, ожидала его почти неизбежно. Раньше он проводил ежемесячный самоосмотр с почти параноидальной тревогой, однако годы шли, а схватка не начиналась. Ричард почти досадовал, что страшный враг, для битвы с которым он препоясался, вроде бы про него забыл.

Затем он приступил к бритью, поскольку заметил трехдневную рыжеватую щетину. Медики скоро будут проводить манипуляции с его бесчувственным телом. Смогут разглядывать его, сколько захотят, примечать, в чем он себя запустил. Он в какой-то мере знаменитость и должен за таким следить. Может, это повлияет на акции его компании или что-нибудь в таком роде.

Он ждал, что странный свет будет краткосрочным, и приятно удивился, что тот с каждой минутой становился все сильнее. Противоестественная бледность приобрела теплый оттенок, как от живого огня. Свет озарял маленькую раковину и фартук за ней. Для бритья Ричард, как всегда, пользовался мылом – особенным, которое покупал у компании на юге Франции. Оно пахло приятно, не парфюмерно, и запах не оставался надолго. Сейчас он только что положил мыло обратно в мыльницу, и оно было еще в пене. Через несколько минут пузыри высохнут и полопаются, но сейчас они вспыхивали в свете, преодолевшем девяносто три миллиона миль от исполинского термоядерного пекла в центре Солнечной системы и отразившемся от окон небоскреба. Каждый пузырек давал исключительно яркий блик, не белый, а радужный, поскольку мыльная пленка в силу каких-то там свойств (тут Ричард был слабовато подкован) разлагает цвет на чистые спектральные тона. Невероятно красивое, но совершенно обыденное явление не дало бы столько пищи для размышлений, если бы его компьютерно-игровая компания не вбухивала уйму денег и человеко-лет в задачу, как с помощью компьютерного кода более совершенно изобразить воображаемый мир. А это явление было как раз особенно сложно передать. О, существует множество способов сжулить, например нанести на куски мыла специальные шейдеры, чтобы в течение шестидесяти секунд после использования они были как будто в пене. Но это не более чем уловка. По-настоящему воспроизвести физику мыла, пузырей,

воздуха, воды и прочего чудовищно дорого, и при его жизни этого не произойдет.

Дело это трудное, даже если моделировать каждый пузырь не как маленькое чудо динамики жидких сред, а просто как отражающую сферу. Несколько лет назад один из инженеров Корпорации-9592 (классический гуманитарий, подавшийся в программеры ради приличного заработка) назвал это проблемой «Руки с зеркальным шаром» и уел коллег-технарей, показав одноименную эшеровскую литографию. Это автопортрет художника – отражение в металлическом шаре, которую тот держит в левой руке. Лицо Эшера посередине, но геометрически искажено, так что по краям виден его кабинет. На заднем плане окно, сквозь которое, разумеется, проникает свет, прошедший не менее девяносто трех миллионов миль. Суть доклада заключалась в том, что для точного 3D компьютерного изображения такого простого объекта, как блестящий шар, нужно учесть каждый объект во вселенной. Инженер-гуманитарий – новый сотрудник по имени Корваллис Кавасаки – добавил, что проблема зеркального шара восходит как минимум к немецкому гению и ученому-энциклопедисту Г. В. Лейбницу, который изложил это все в терминах теории монад. Тут программисты рангом повыше зашикали паренька, и Ричард сделал мысленную отметку выдернуть того из нынешнего подразделения в свой личный отдел Заумных исследований. Так или иначе, в данном случае суть была в том, что каждый пузырик на куске мыла по меньшей мере так же сложен, как эшеровский шар. Отрендерить такое реалистично невозможно. Ричарда, впрочем, проблема не злила, а, наоборот, успокаивала – он даже чуточку гордился, что живет во вселенной, чья сложность не поддается алгоритмическому воспроизведению.

Умываясь, он закрыл глаза, потом снова глянул в зеркало. Посредине поля зрения было маленькое пятнышко там, где его ослепил яркий свет от пузырей. Обычно оно скоро исчезало, сменяясь тем, что глаз должен видеть на самом деле.

Однако сейчас этого не произошло. Когда Ричард снова закрыл глаза, чтобы вытереть лицо, крохотное пятнышко осталось. Это было ничто, но иное ничто, чем красноватая чернота при закрытых веках. Ричард знал, что́ это, поскольку такое приключалось с ним несколько раз в году. Минуту назад солнечный блик включил в его мозгу глазную мигрень, безболезненную и неопасную. «Ауру» вызывало временное нарушение кровоснабжения зрительной коры головного мозга. Она всегда начиналась с такого вот пятнышка, которое не желало уходить. В следующие полчаса оно вырастет, так что невозможно

станет читать, затем постепенно сместится вправо и будет некоторое время мешать периферическому зрению, прежде чем исчезнуть без следа.

Слепая область была не черной, как вы могли бы подумать. Когда Ричард закрывал глаза, то есть действительно видел черное, она проступала как узор из нечетких желтых и черных полос, вроде тех, которыми обозначаются опасные зоны на производстве, только еще мерцала и плыла, как экран старого телевизора со сбитой синхронизацией кадровой развертки.

За всеми этими соображениями он продолжал выстраивать оборону против вероятной фланговой атаки со стороны Поликультии, одной из Муз-Фурий, утверждавшей, что любые идеи Ричарда культурно обусловлены. В данном случае она могла ждать тактической поддержки от Церебры, непреднамеренно вредной МФ, имевшей привычку указывать, что любая якобы умная Ричардова мысль – на самом деле ухудшенный вариант более умной мысли, пришедшей ей в голову давным-давно. Предполагаемая линия атаки Поликультии-Церебры была такая: о'кей, поскольку у Ричарда вышла из строя часть зрительной коры, он видит в этой области «ничто». Его мозг постоянно выстраивает своего рода трехмерную модель вселенной, позволяющую, например, с закрытыми глазами найти телефон на прикроватном столике. Он не может вынести «ничего» среди понятной в остальном реальности, а потому заполняет ничто кое-чем. Это просто визуальный эквивалент звона в ушах.

Но почему это конкретное кое-что? Ричард воспринимает «ничто» как черно-белые предупредительные полосы, разлаженный телевизор и так далее, но лишь потому, что он белый мужчина определенного возраста из штата Айова. Маорийская повитуха, римский центурион-гомосексуал или синтоист одиннадцатого века, столкнувшись с тем же неврологическим явлением, поместили бы на место «ничто» другие страшилки из собственного набора культурных отсылок – например, стену холодного колдовского пламени, окружающую владения Гюмира в Ётунхейме (согласно «Скандинавским мифам»).

Временная слепота дала предлог не окунаться в Галдеж. В прошлом десятилетии он бы сказал «не проверять почту», однако, разумеется, электронная почта – наименее назойливый способ из всех, какие Миазма (как Ричард называл интернет) изобрела для кражи нашего внимания. Ричард объединял их под заголовком «Галдеж». Он не ждал, что сегодня в Галдеже есть для него что-нибудь важное, поскольку с помощью секретарей оградился

системой чар и заклятий вроде автоматических сообщений «нет на рабочем месте» и так далее.

Таким образом, ему предстояло убить время до визита к врачу. Ричард убрал д'Олеров обратно в сумку и (раз уж в нынешнем полуслепом состоянии все равно ничего другого сделать не мог) обошел пентхаус, проверяя, не забыла ли София что-нибудь еще, а затем спустился на лифте в вестибюль здания. Между лифтовым холлом и выходом располагалось кафе-пекарня. Ричард собирался купить «Нью-Йорк таймс» и, когда зрение прояснится, решить кроссворд. Не то чтобы он любил кроссворды как таковые, но само сознание, что у него есть на них время, помогало ощутить себя свободным человеком.

Во, хозяин пекарни, вышел поздороваться. Это был вьетнамец на седьмом или восьмом десятке, достигший вершин пекарского мастерства благодаря французскому колониальному присутствию на своей родине. Заведение было серьезное – не мини-духовка за кассой, а целый комплекс мраморных разделочных поверхностей, миксеров размером с лодочный мотор и огромных печей в глубине здания. За стеклом пожилые азиаты и хипстеры в сеточках на волосах раскатывали тесто и вручную лепили круассаны. Во не считал свой бизнес успешным, если всякий в радиусе полкилометра не шел каждый вечер домой с багетом под мышкой.

В торговом зале стояло пять-шесть столиков, а со стороны тротуара было окошко с кассой. Отдельный вход соединял пекарню с вестибюлем. Ричард вошел в эту дверь, взял еще чашку кофе и «Нью-Йорк таймс». Во старался втолковать, что вчера через знакомых на рынке Пайк-Плейс получил бушель спелых яблок из долины Якима[1] – всего на несколько тарт татен, которые он приберег для особо любимых постоянных покупателей. Не то чтобы это был такой уж секрет, поскольку весь первый этаж благоухал яблоками. Во подкрепил вербальное сообщение наглядной демонстрацией, возможно, по привычке, выработанной за десятки лет, пока он мучительно осваивал английский. Мягко придерживая Ричарда под локоть, Во отвел его за прилавок и показал картонную коробку, до половины наполненную яблоками. Порылся, отыскал достойный образец и показал, держа в пальцах. Жест явственно напомнил Ричарду эшеровскую «Руку с зеркальным шаром», только, разумеется, вместо шара было яблоко. Американские покупатели старой закалки в местном супермаркете брезгливо отвернулись бы. Оно было вполовину меньше твердых, блестящих ред делишес, которые обычно продаются в таких местах, темно-красное с одного боку и желтовато-зеленое с другого, в темных точках и с

двумя листиками на черешке, однако до того круглое и налитое, что, казалось, вот-вот лопнет. Во поднимал яблоко все выше, поглядывая то на него, то на Ричарда.

– Вот это я понимаю, настоящее! – сказал наконец Ричард.

Не самое глубокомысленное высказывание, но иначе Во бы не унялся. В награду тот настоял, чтобы Ричард захватил яблоко на перекус. Ричард взял подарок с должной церемонностью, словно японский бизнесмен, принимающий визитную карточку, огладил пальцами бока, повертел туда-сюда, восхищаясь цветом, и аккуратно убрал в сумку. Скоро он оказался за всегдашним столиком с кофе, кроссвордом и куском тарта.

Только съев две трети ломтика, Ричард внезапно вспомнил, что доктор велел не есть перед процедурой. Утром помнил и не позавтракал, но начисто обо всем позабыл перед соблазном тарт татен, минуту назад вынутого из печи.

Он виновато глянул на оставшуюся часть – лучшую, поскольку там была хрустящая корочка, – и в конце концов решил ее съесть. Вряд ли прийти не натощак действительно так уж страшно. Это просто что-то вроде рекомендации выключать мобильный, когда заправляешь машину, раздутой юристами до истерического предупреждения. А в той мере, в которой опасность все-таки есть, сделанного не воротишь. Три трети ломтика в желудке не могут быть хуже двух третей. А если оставить недоеденное на тарелке, Во заметит, неправильно поймет и, возможно, лишит его статуса особо любимого постоянного покупателя.

Куда важнее потенциальных медицинских осложнений был вопрос: не следует ли считать забывчивость тревожным звоночком, первым признаком старческого маразма? То, как стремительно он расправился с кроссвордом, вроде бы опровергало опасения. Но тут работает долговременная память, верно? Ричард не мог сказать точно. В детстве он не ведал о существовании маразма, пока старший двоюродный брат на семейном сборище не открыл ему глаза и не привел краткий (и, как задним числом стало понятно, чудовищно неточный) список симптомов, выразительно поглядывая на бабушку. После этого Ричард с избытком компенсировал прежнюю наивность, высматривая эти симптомы у всех сколько-нибудь пожилых родственников.

2

Медики очень твердо стояли на том, что после процедуры он

не сможет вести машину из-за сильнодействующих препаратов, которые ему введут, что в практическом смысле он будет полным инвалидом и что процедуру не станут даже начинать, пока он не назначит ответственного, который заберет его из больницы и не допустит до управления транспортным средством. Поэтому сейчас Ричард прошел два квартала до остановки, сел в автобус, который шел к медицинскому центру на холме за центром города, и удобно устроился на сиденье в середине салона.

Он разблокировал телефон. Экран покрывала красная сыпь кружочков с укоризненными циферками – следствие двенадцатичасового пренебрежения Галдежом. Ричард заставил себя не смотреть на уведомления, открыл адресную книгу, пролистал до буквы «К» и нашел пять разных контактов для Корваллиса Кавасаки. Некоторые были с маленькими картиночками, и это помогло угадать, которые из них устарели. По большей части они накопились за годы, когда Корваллис плотно работал с Ричардом в Корпорации-9592, компьютерно-игровой компании, сделавшей Ричарда миллиардером, а Корваллиса, на лексиконе ИТ-индустрии, децимиллионером. На снимках он был с кружкой пива в баре либо в комических/ликующих позах, связанных с успехами компании в онлайн-игровой отрасли. Впрочем, имелась и очень официальная, почти как на документ, фотография Корваллиса с тщательно уложенными волосами, в костюме и при галстуке. На этой фотографии, сделанной всего несколько месяцев назад, значилась и должность Корваллиса – технический директор «Нубилант индастриз», компании, которая занималась облачными вычислениями. Она возникла несколько лет назад в результате «ролл-апа», как на ИТ-жаргоне называется приобретение и слияние нескольких компаний, работающих в одной нише. Корваллиса переманили из Корпорации-9592 жирным фондовым опционом. Ричард жалел о его уходе, но вынужден был признать, что решение очень правильное: Корваллис руководил переездом Корпорации-9592 со старомодных серверных шкафов в облако и получил за это не такое щедрое вознаграждение, как те, кому повезло больше. С тех пор как Корваллис ушел в «Нубилант» (офис компании располагался почти в центре Сиэтла), они с Ричардом несколько раз обменялись сообщениями, что хорошо бы встретиться и пропустить по глоточку, но пока все никак не сраталось. Сегодня Додж, прокручивая их переписку, нашел в конце тучу сообщений от воскресного вечера: Корваллис соглашался уйти с работы после обеда, забрать одурманенного Ричарда из клиники и посидеть с ним в кафе или где-нибудь еще, пока он не оклемается.

«Еду в больничку», – отбил Ричард, затем выудил из сумки тяжелые наушники и нахлобучил на голову. Звуки автобуса стали приглушенными. Ричард воткнул наушники в телефон и включил, поскольку они были электронные шумоподавляющие. Они тут же начали гнать ему в уши антишум, отчего все стало еще тише.

Корваллис ответил «ок». В окошке появилось многоточие, означающее, что тот продолжает набирать.

Додж активировал музыкальное приложение и начал прокручивать плей-лист до буквы «П». Звон в ушах усилился из-за противоестественной тишины, созданной активным шумоподавлением.

Корваллис добавил: «Могу отвезти тебя на работу. Хочу показать, что мы тут делаем. Это суперкруто».

Ричард решил не отвечать. При всем дружеском отношении к Корваллису он ненавидел долгие экскурсии по ИТ-компаниям. Он вбил в окошко поиска «Помпезус Бомбазус». Уши наполнил роскошный звук симфонического оркестра в полном составе, поддержанный хором и усиленный энергичной секцией перкуссии. «Помпезус Бомбазус» была любимой группой Ричарда. Очевидно, она состояла всего из одного человека в какой-то немецкой студии: оркестр, хор и все остальное создавалось синтезатором. Чувак несколько лет назад заметил, что во всех малобюджетных ужастиках саундтреком служит одна и та же музыка, «Кармина бурана» Карла Орфа. Эта кантата превратилась в клише, способное скорее насмешить, чем напугать. Немецкий чувак, который влачил голодное существование свободного художника в попытках выстроить карьеру диджея, родил гениальную мысль, преобразившую его жизнь. Судя по кинорежиссерам, есть неудовлетворенный спрос на музыку, единственным образцом которой остается «Кармина бурана». Рынок (если можно назвать так мир композиторов и музыкантов) не откликается на спрос. Почему бы не записывать собственную музыку, которая будет звучать как саундтрек к таким киноэпизодам, которые всегда идут под «Кармина бурана»? Она не должна быть такой же, но обязана вызывать те же чувства. Немец взял себе имя «Помпезус Бомбазус» и выпустил одноименный альбом, который тут же с энтузиазмом спиратили и выложили на торренты, откуда его принялись бесплатно качать начинающие режиссеры, объединенные чувством, что если еще раз услышат «Кармина бурана», то проткнут себе барабанные перепонки карандашом. С тех пор «Помпезус Бомбазус» выпустил еще пять альбомов. Все их Ричард скачал легально и слил в один длинный плей-лист. Душераздирающий надрыв этой музыки превращал разгрузку посудомойки в эпохальное событие

масштаба заключительной сцены «Космической одиссеи 2001 года». В данном случае это было мягкое ехидство в адрес Си-плюса (как Додж называл Корваллиса). Он не хотел говорить этого прямо из страха, что Си-плюс неверно его поймет, но в последние годы их профессиональных отношений Си-плюс был для Ричарда не столько техническим экспертом самого широкого профиля, сколько интеллектуальным помощником и подсказчиком. Когда дело доходило до всего, что Ричард не выучил в свои исключительно бурные восемнадцать – двадцать пять лет, Корваллис был его Вергилием и его мистером Пибоди[2].

Например, когда несколько лет назад Ричард заметил, что действие почти всех его снов разворачивается в одном и том же айовском городке, Си-плюс объяснил, что это связано с известной догадкой немецкого философа по фамилии Кант. Тот утверждал, что человеческий мозг вообще не способен думать ни о чем, не привязывая это к пространству-времени. Мозг просто так устроен, тут ничего не поделать. Маленький Ричард усваивал основные свойства пространства-времени, катаясь на велосипеде по конкретной сетке улиц, обходя в Хэллоуин определенные кварталы, удирая от больших мальчишек и завучей через подходящие задние дворы. Топология городка впечаталась в его «коннектом»[3], и теперь для него это кантовская основа всего мышления, связанного с пространством и временем. Опасаясь, видимо, что Ричард его не поймет, Си-плюс привел сравнение с бумагой в шестиугольную клетку, на которой нерды когда-то рисовали карты для варгеймов. Последняя деталь заронила у Ричарда подозрение, что Си-плюс прикалывается. По чистой случайности разговор произошел в последние минуты перед заседанием совета директоров, самым важным заседанием совета директоров за всю историю Корпорации-9592. На нем огласили, что годовой доход компании превосходит теперь доход Римской империи эпохи Августа. Ричард сгрузил задачу финдиру, большому любителю делать такого рода объявления. Пока тот показывал свои пауэрпойнтовские слайды, Ричард вытащил телефон и, спрятав его под стол, чтобы не делать это слишком уж демонстративно, загуглил Канта. Выдача была исключительно трудна для чтения, но доказывала, что чувак по фамилии Кант действительно существовал и занимался такими вопросами.

Под музыку «Помпезус Бомбазус» пятнадцатиминутная поездка на автобусе превратилась в событие трагически-душеподъемное, как Сталинградская битва. На повороте к центру дорогу им преградил рабочий со знаком «стоп», поскольку на улицу выезжал длинный грузовик с землей, направляющийся

туда, куда уж там вывозят излишки земли. Саундтрек в наушниках Ричарда преобразил эту хлопотную, но простую, по сути, операцию в технологическое чудо вроде старта массивного и в то же время прекрасного звездолета с орбитального сухого дока. Доджу потребовалось несколько мгновений, чтобы сориентироваться. Оказалось, что старый небоскреб – здание, составлявшее важную часть городского силуэта с шестидесятых годов, – снесли, а Ричард и не знал. На щите было изображено здание, которое построят на этом месте, куда более высокое. Старческое бурчание, конечно, но Ричард как-то даже возмутился: не успел отвернуться, а здания нет.

В следующем квартале высился небоскреб, который пять, нет, уже десять лет назад, когда его только возвели, был архитектурным событием. Теперь он сделался частью городского пейзажа. Ричард невольно задумался, будет ли он еще жив, когда и это здание снесут. Подобные мысли приходили ему и раньше: станет ли нынешняя машина последней, переживет ли его кожаная куртка, которая на нем сейчас. Он не был в депрессии, не думал о смерти постоянно. Просто полагал, что зашел на очень длинную глиссаду, которая приведет его к смерти лет так через тридцать, а пока у него вдоволь времени, чтобы о ней поразмыслить. Жизнь представлялась ему окопом Первой мировой, очень глубоким в начале, но все более мелким с каждым пройденным годом. В молодости не замечаешь, что где-то высоко над головой рвутся снаряды и свистят пули. Позже начинаешь их видеть, но они все еще не имеют к тебе прямого отношения. В определенной точке осознаешь, что людей вокруг тебя ранит или даже убивает шальными осколками, но, даже если они твои близкие друзья и ты горюешь, тебе понятно, что они всего лишь статистическое отклонение. Впрочем, чем дольше идешь, тем труднее не замечать, что приближаешься к поверхности. Люди впереди умирают по одиночке, потом группами, потом целыми рядами. Наконец, лет в сто, выходишь из окопа на открытую местность, где твоя продолжительность жизни измеряется в минутах. До этого этапа Ричарду оставались десятки лет, однако кое-кто рядом с ним уже сыграл в ящик, и, глядя вдоль окопа, он различал – еще вдалеке, но уже видимую – черту, за которой пули несутся сверкающим потоком. А может, просто музыка в наушниках настроила его на такой лад.

Проехали хороший ресторан, который Ричард обычно выбирал для деловых встреч. Из проулка вырулил фургон и влез перед автобусом. На фургоне был логотип компании, поставляющей салфетки и скатерти едальням соответствующего уровня. Фургон свернул к следующему ресторану. Водитель

автобуса злился, что его подрезали. Ричард, который ехал с хорошим запасом времени и ни за что не отвечал, бесцельно пялился на поток машин. В проулке, откуда выехал фургончик, с мини-грузовика снимали бочонки крафтового пива. Назначение фургончика и мини-грузовика было очевидно, написано прямо на них, но, разумеется, каждая машина на проезжей части и каждый пешеход на тротуаре куда-то направлялись. Именно взаимодействие всех этих устремлений и составляло город. Поначалу разработчикам Корпорации-9592 никак не удавалось передать этот эффект, в итоге Ричард на несколько месяцев впрягся в то, чем вообще обычно занимался: решением проблемы столь дикой и заковыристой, что просто признать ее было бы карьерным самоубийством для всякого, кроме основателя компании. Игра и воображаемый мир, в котором она разворачивалась, назывался «Т'Эрра». Геологию мира убедительно смоделировал большой спец по таким делам, известный коллегам как Плутон. Проблема, как скоро стало ясно, была из тех, что выглядят пустяковыми, а на поверку оказываются невероятно сложны. Компания потратила миллионы долларов, приглашая экспертов на семинары и моделируя городские транспортные потоки на суперкомпьютерных кластерах. В итоге проблему удалось свести к следующему: в настоящем городе каждый движется куда-то и зачем-то. Иногда цель у каждого своя, иногда (например, перед большими спортивными событиями) – общая. Перемещения машин и пешеходов отражают эти цели. Если какое-то время живешь в большом городе, мозг научается интерпретировать такое поведение и распознавать его как городское. А вот когда вы попадаете в выдуманный город многопользовательской онлайн-игры, то видите групповое поведение, не убеждающее ваш мозг в своей реальности. Иллюзия разрушается.

Над центром уже вырисовывался «Пилюли-Хилл». В свое время там построили несколько больниц, которые с тех пор пухли как на дрожжах по мере того, как город генерировал неиссякаемый поток пациентов. На редких участках, не занятых самими больницами, выросли двадцати-тридцатиэтажные медцентры, связанные туннелями и воздушными переходами. Вместе с объединениями и слияниями это превратило холм в тесно переплетенный трехмерный лабиринт здравоохранения. Маршруты общественного транспорта были проложены очень удобно; Ричард мог бы доехать на автобусе до самого входа в клинику, но ему захотелось выйти на несколько кварталов раньше и прогуляться по Черри-стрит. Район был по здешним меркам старый, с могучими кленами; их, надо думать, завезли

поселенцы, мечтавшие создать тут подобие зеленых городков американского Северо-Востока и Среднего Запада. Стояла самая что ни на есть золотая осень. Вдогонку к прежним раздумьям пришла мысль, опять-таки праздная и ничуть не горькая: сколько еще раз он увидит, как желтеют и краснеют листья? Двадцать? Тридцать? Не сверхбольшое число. Одна из Муз-Фурий напомнила, что тем более следует ценить окружающую красоту. Ее убеждения не действовали, однако Ричард вынужден был признать, что музыка «Помпезус Бомбазус» добавляет великолепия буйству осенних красок.

Интересно, думал он, какие пути в мозгу связывают комбинации звуков с удовольствием? Это что-то изначальное или выработано эволюцией либо возникло случайно? Иначе говоря: если существует посмертие, старомодное аналоговое или современное цифровое, если мы станем бестелесными душами или цифровой имитацией нашего собственного мозга, будем ли мы по-прежнему любить музыку?

Дождь не моросил, но тротуар был мокрый от сгустившейся из воздуха влаги. Красные листья липли к асфальту, как будто район захватили канадские патриоты. Под ногами листья немного побурели, но деревья вдоль Черри-стрит горели тем же чистым оттенком канадского флага, что светофоры над перекрестками.

Корваллис Кавасаки объяснил ему, что для этого есть слово «квале» (во множественном числе – «квалиа»). Субъективное переживание (например) красного. Или музыки, или тарт татен. О квалиа пишут и нейробиологи, и философы, пытаясь разгадать, что они такое, откуда берутся и свойственны ли сознанию изначально. Если муравьи пьют из лужицы пролитого лимонада, ощущают ли они его сладость? Или они слишком просты и реагируют по заложенной в них программе? Инфракрасный сенсор в двери лифта не воспринимает квалиа людей, пересекающих его луч; он просто тупой переключатель. На каком этапе эволюции мозг перестает быть навороченным сенсором в лифтовой двери и начинает воспринимать квалиа? До муравьев или после? Или в данном случае отдельный муравей слишком примитивен, но муравейник в целом способен к восприятию квалиа?

Безотносительно всех этих высокоумностей, Ричард наслаждался квалиа в степени почти сексуальной. Он загубил не одно первое свидание, реагируя на глоток вина или кусок стейка так, что женщину напротив него это пугало. Несколькими годами раньше он угодил в переделку, из которой не рассчитывал выйти живым, и тогда у него оказалось более чем достаточно времени

на раздумья обо всех квалиа, которые он любит. Ричард даже составил перечень самых лучших, как будто каталогизация поможет их себе подчинить или хотя бы понять.

Черный лоск старой чугунной сковороды, запах масла, когда ее нагреваешь.

Складка на спине голубой парадной мужской рубашки.

Отблески солнечного света на волнах.

Аромат кедровой доски, распиленной по волокну.

Форма буквы «Р».

Найти свое точное положение на карте.

Сбавить шаг перед приближением к бордюру.

Ходить по дому: через стены проходить нельзя, в двери – можно.

Сохранять вертикальное положение. Равновесие. Стоять на одной ноге.

Пузырьки на дне кастрюли, когда вода вот-вот закипит.

Аппетит.

Уложиться тютелька в тютельку.

Первые такты Comfortably Numb[4].

Это что касается поэтических сторон его натуры; ИТ-магнат тем временем праздно размышлял, сколько же вычислительной мощности тратит мозг, даже в самые праздные мгновения, просто воспринимая квалиа и составляя из них связную историю о мире и своем в нем месте.

Он поймал особо яркий красный кленовый лист прямо из воздуха – тот мокрым пластом прилип к ладони – и принялся разглядывать, как мальчишкой мог разглядывать такой же лист на айовской ферме. Издалека можно было подумать, будто Ричард смотрит в свой телефон. Было что-то почти жуткое в этой симметрии, далеко не совершенной, но все же очевидной и неоспоримой. Темные жилки ветвились от черенка. С задней стороны они выступали, как балки под потолком. С передней каждая жилка была бороздкой, врезанной в алую плоть, дренирующая ее, словно система ручьев и рек, либо питающая, словно капилляры – орган. Это было маленькое торжество пространственной организации, подобно штату Айова, воспроизведенное на протяжении Черри-стрит миллионы раз и обреченное сгнить в канаве. Ричард решил спасти лист от такого унижения и сунул в сумку, чтобы потом показать Софии.

Он почувствовал, что на него смотрят. Мальчик лет двенадцати, идущий по Черри-стрит, заметил Ричарда и теперь направлялся в его сторону, к легкому ужасу сопровождающего взрослого – вероятно, отца. На левой руке у мальчика была новомодная пластмассовая лангета, в которой человек выглядит

не калекой, а бионическим супервоином. И впрямь, под музыку «Помпезус Бомбазус» последний отрезок его приближения к Ричарду казался триумфальным вступлением героя в Валгаллу. Здоровой рукой мальчик доставал телефон. Он хотел сделать и запостить селфи с Ричардом, чтобы таким образом достичь, по крайней мере на несколько часов, той славы, что в Миазме служит эквивалентом Валгаллы. Ричард снял наушники и оставил их на шее. Он пожал мальчику руку, что получилось неловко из-за лангеты и телефона. В сопровождении взрослого, шагавшего на уместном расстоянии, они прошли вместе полквартала. Мальчик оказался фанатом «Т'Эрры». Он был приятный, умненький, с продуманными, вполне разумными идеями, как сделать игру еще лучше. Они остановились у входа в клинику. Мальчик продолжал свой монолог, Ричард внимательно слушал и кивал, пока отец, сообразив, зачем Ричард здесь, не вмешался и не велел сыну закругляться. Мальчик за время разговора настроил телефон на селфи и теперь приступил к съемке. При этом он говорил в камеру, и Додж сообразил, что снимается не фото, а видео: его подделать труднее, а значит, и веры ему больше. Додж еще раз пожал мальчику руку и обменялся кивками с отцом, мол, возвращаю его вам. У мальчика было слегка испуганное выражение; он решил, что Ричард Фортраст заболел.

Для детей медицина – точечный ответ на болезнь. С возрастом понимаешь, что она скорее как чистка зубов – система продвинутых стратегий упреждения неприятностей, которые могут случиться в отсутствие превентивных мер. Ричарду отчасти хотелось объяснить это мальчику, чтобы унять его беспокойство, но разговор был без того долгий и уже закончился. Ричард вошел в здание, дивясь чудной роли, которую выбрало для него общество: чувака, создавшего или поручившего другим создать воображаемый мир.

Уйму денег вбухали в то, чтобы вестибюль не выглядел больничным. Вместо традиционного материального указателя, какой врач принимает в каком кабинете, поставили сенсорный экран. Додж с его помощью освежил в памяти, на каком этаже у него процедура. Каталог выглядел полным электронным собранием болезней. Приятно было листать его и думать, скольких телесных и душевных недугов он пока избежал. Это казалось таким же чудом, как и то, сколькими способами жизнь может оборваться или хотя бы превратиться в ад. И для каждой болезни имелась своя, чрезвычайно высокоразвитая подотрасль медицины. Ричард почувствовал себя почти виноватым, что подводит эту колоссальную индустрию отсутствием сколько-нибудь интересных заболеваний. Сегодняшняя его процедура

была самая банальная, такая, какую делают тысячу раз на дню. Он нашел на экране нужный кабинет и двинулся к правильному лифтовому холлу, поглядывая на выход с парковки на случай, если Си-плюс уже приехал. Си-плюса не было, так что поначалу Ричард оказался в кабине один. Его отделение было на верхнем этаже. На других этажах входили и выходили люди с различными патологиями – то ли заблудились, то ли дружественные субспециалисты обменивались ими между собой. По большей части пациенты выглядели неожиданно жизнерадостными, а вовсе не убитыми. За какой-то чертой остается лишь дергаться из последних сил.

На стойке регистратуры стояла заметная табличка: «ПЕРЕД ПРОЦЕДУРОЙ НИЧЕГО НЕ ЕСТЬ И НЕ ПИТЬ». Однако там не говорилось, что делать, если ты уже ел и пил, так что Ричард мысленно зашвырнул предупреждение в ту же корзину для мусора, куда отправлял надписи о риске возникновения рака, размещенные на каждой плоской поверхности в штате Калифорния. Регистраторша спросила, отвезет ли его кто-нибудь домой. Ричард вытащил телефон (Корваллис Кавасаки прислал уже несколько сообщений с жалобами на пробки) и предъявил в качестве официальной гарантии, что помощник приедет сильно раньше конца процедуры. Регистраторша надела ему на руку пластиковый браслет, затем отвела его в отдельную комнатку, чтобы он переоблачился в больничный халат. Последовала какая-то неприлично долгая суета вокруг его мобильного, бумажника и прочих ценных вещей (от Ричарда требовалось уяснить, что клиника за них ответственности не несет). На него вновь повеяло характерным запашком юристов, у которых навалом времени. За дверью раздался голос Си-плюса; Додж подумал было его окликнуть и поздороваться, но не захотел показываться или даже общаться в больничном халате и браслете, из-за которых ощущал себя больным, что было неправдой. Скорость приготовлений росла почти экспоненциально. Очевидно, время процедурного врача было настолько дорого, что его график составлялся, как расписание «Боинга». И следующая очередь была Доджа. Его пригласили лечь на каталку и доставили в процедурную. Воткнули в руку иголку капельницы. Прилепили датчики на кончики пальцев и закрепили липучкой на бицепсе; аппараты вокруг ожили и начали показывать его жизненные показатели. Ричард знал, что происходит: сейчас его усыпят чудо-препаратом. Через минуту Атропа перережет нить его сознания, и он, в практическом смысле, умрет. Однако, когда процедура закончится, Клото вновь начнет прясть его нить, и он вернется к жизни, как будто ничего и не было. Всё это мистическая заумь из

древнейшего слоя мифов – определенно не то, о чем можно будет рассказать Софии, когда он придет к ней с книгами.

Вошел человек, надо думать, врач, поскольку не представился и вроде бы рассчитывал, что Ричард знает, кто он. Врач сказал, что у него есть персонаж в «Т'Эрре», и начал задавать вопросы по какой-то технической частности в правилах игры. Ричард уже немного «плыл», но было понятно, что это не настоящий разговор. Врач просто хотел видеть, когда пациент отключится. Видимо, наркоз ввели через капельницу. Новые квалиа: маска на лице, в ноздри втекает холодный сухой газ, шипение. Атропа перерезала его нить.

3

Корваллис, смешно сказать, с удовольствием предвкушал сегодняшнее дело, или, вернее, безделье. Ему предстояло явиться в определенную клинику, дождаться, когда выйдет Додж, весь такой заторможенный, и отвезти его на ланч и в кино. По сравнению с тем, чем Корваллис обычно зарабатывал на хлеб, задача была простой. Физическая работа. Не в той же мере, что у сварщика, но все же более физическая, чем его основная: двигать пиксели по экранам неким способом, нацеленным на получение больших денег.

Впрочем, профессиональная совесть укоряла его за незаслуженный выходной. Чтобы заглушить ее упреки, он открыл ноутбук, подключился к гостевому больничному вай-фаю, установил безопасное соединение с сетью своей компании и написал несколько мейлов. Все они имели целью нагрузить коллег заданиями, которые, по его расчету, надолго выбьют их из колеи и займут на то время, пока они с Доджем будут смотреть какой-нибудь дурацкий боевичок. Как всегда во время работы, Корваллис вошел в своего рода потоковое состояние, которое продолжалось с полчаса. Поначалу он воспринимал свое окружение: больные дожидаются приема, регистраторши заполняют бумажки, медработники в хирургических костюмах быстрым шагом снуют туда-сюда. В какой-то момент из коридора отчетливо донесся голос Доджа: тот отпустил шутку, пока его катили в процедурную. Внимания Корваллиса ничто не требовало. Он ушел во вселенную электронной почты и пребывал там какое-то время.

Он смутно ощутил, что все вокруг разом всполошились. Это чуть не вернуло его в реальность, но он знал, что в любом случае ни на что повлиять не может. Люди постоянно психуют на

рабочем месте. Их заботы его не касаются.

Тут он все же поднял голову, поскольку в помещение ворвались трое пожарных. Их ждала женщина в хирургическом костюме. Как только дверь распахнулась, женщина побежала в глубь здания, пожарные – за ней. В руках они несли не топоры и брандспойты, а большие ящики с красными крестами.

Первой реакцией Корваллиса было безучастное любопытство. Очевидно, в этом огромном медучреждении кому-то стало плохо. Может, у пожилого врача случился сердечный приступ или что-нибудь в таком роде. Казалось бы, в медучреждении, забитом сверху донизу врачебными кабинетами, в районе, целиком отданном индустрии охраны здоровья, для таких случаев должны существовать особые процедуры. Однако, если Корваллис Кавасаки правильно понял увиденное, никакой особой процедуры не было. Когда что-то случалось, здесь, как и везде, звонили по номеру 911. Звонок переключался на ближайшую пожарную часть, и оттуда присылали парамедиков. Это немного удивляло, однако Корваллис как технический специалист должен был признать, что все на самом деле правильно и логично. Парамедики из пожарной части – лучшие в своей области и быстрее всего приезжают на вызов. Система работает.

От ноутбука он все равно отвлекся, так что сел прямее и огляделся. Женщина в розовом халате стояла там, где он мог ее видеть. Прижав стиснутые руки к губам, она смотрела в глубину коридора. В глазах у нее блеснули слезы. Парамедики выкрикивали резкие короткие фразы. Регистраторши совершенно забросили работу и застыли перед компьютерами, сжимая край стола, словно офицеры на мостике звездолета, в который летят фотонные торпеды. Голоса парамедиков звучали громче и отчетливее. Судя по всему, они, не прекращая манипуляций, катили больного из палаты, по коридору, к выходу. Женщина в розовом халате торопливо посторонилась. Одна из регистраторш вскочила, пробежала через помещение и распахнула входную дверь.

Парамедики выкатили Ричарда Фортраста на каталке и на лихой скорости вырулили через дверь к лифтам. Корваллис видел его лишь минуту-две, поэтому не сразу осознал увиденное. Ричард был голый по пояс, торс утыкан электродами. В рот и, надо полагать, в дыхательное горло уходила трубка. Один из парамедиков ритмично сжимал что-то вроде резиновой груши, закачивая воздух ему в легкие.

Первой, нелепейшей инстинктивной мыслью Корваллиса Кавасаки было позвонить Ричарду. Потому что ситуация очевидно была экстраординарная и критическая, то есть по обоим

параметрам такая, где нужен Ричард. Почти всю послеуниверситетскую жизнь Корваллиса согревала уверенность, что любая такая проблема автоматически переходит к Доджу, который охотно и даже с энтузиазмом берет дело в свои руки. Додж бы обиделся, если бы критическую экстраординарную ситуацию не переключили на него. Это трудно было согласовать с тем, что Корваллис понимал умом: Додж умирает либо умер.

Корваллис закрыл ноутбук, сунул в сумку, вскочил и по следу из медицинских оберток бросился к лифтовому холлу. Двери лифта закрывались, Корваллис едва успел заметить серое лицо и опутанное проводами тело Ричарда. Он нажал кнопку «вниз» и в очень странном состоянии ума начал дожидаться следующего лифта. Ничто еще не определилось. Ни капли информации не утекло в то, что Додж называл Миазмой, акции Корпорации-9592 не начали падать. Стоя в пустом лифтовом холле, Корваллис убеждал себя, что ему просто померещилось. Будь Додж при смерти, разве мир бы вокруг не рушился? Разве улицы не заполнились бы рыдающими геймерами? Однако лифтовый холл оставался лифтовым холлом, неизменным, как звезды.

На первом этаже он по следу из ошарашенных зрителей – охранников, входящих пациентов, медиков, стоящих в очереди за латте, – добрался до выхода в то мгновение, когда «Скорая» отъезжала. Еще через секунду она включила мигалку и сирену.

Корваллис побежал. Почти квартал он держался вровень со «Скорой», пока та поворачивала, замедлялась, в праведном гневе сигналила тупым мотоциклистам и пересекала шесть полос транспорта. Потом она свернула за угол и пропала за огромным больничным зданием, но Корваллис смог отследить ее по звуку и сопоставить эти данные с красными указателями «ОТДЕЛЕНИЕ ЭКСТРЕННОЙ МЕДИЦИНЫ». «Скорой» Ричарда надо было проехать всего три квартала. Его почти могли довезти сюда на каталке.

Корваллис поборол желание броситься наперерез потоку машин, как в кино. Он жал кнопки, законопослушно дожидался зеленого сигнала, а потом бежал, когда можно. До отделения экстренной медицины он добрался секунд на шестьдесят позже «Скорой». Здесь регистраторши сидели за толстым стеклом, как кассиры в винных магазинах, а за входящими следили видеокамеры на потолке, а также обычный охранник, слегка ошарашенный видом промчавшейся мимо каталки. Корваллис оказался в помещении перед стеклянным барьером вместе с рабочим-латиноамериканцем, повредившим левую руку, и полной негритянкой, которая набирала на телефоне эсэмэски. Регистраторша за стеклом спросила Корваллиса, чем может ему

помочь. Он почувствовал, что она его оценивает, профессиональным взглядом выискивая признаки травмы или душевной болезни. На нем были спортивные брюки, старая футболка и черный плащ. Он подошел к стеклянной стене и объяснил, что был с человеком, которого только что доставила «Скорая».

За стеклянную стену его не пропустили. Корваллис не приехал с Ричардом. Ричард не наделил его официальными полномочиями. Корваллис мог быть кем угодно. Скажем, душевнобольным, который бежал за «Скорой». А может, Ричард и Корваллис любовники и это случай домашнего насилия. У регистраторши за стеклом не было никаких способов проверить. Она что-то сказала про «ближайшего родственника». Корваллис заткнулся и сел. Отчасти потому, что выражение навевало тягостные ассоциации, отчасти потому, что да, сейчас его первейшей обязанностью было вызвать в больницу Зулу Фортраст.

Зула появилась через двадцать минут, запыхавшаяся. Она просто прибежала из своей квартиры, от которой до больницы было меньше мили. Зула сейчас работала неполный рабочий день, по большей части из дома, расположенного в пешей доступности от садика Софии. Фортрасты удочерили семилетнюю Зулу из сиротского приюта в Эритрее и воспитали на айовской ферме. Ее приемная мать погибла из-за несчастного случая, и Зула стала общим ребенком всей большой семьи. Корваллис не знал точно, кто формально считается ее родителями, но с дядей Ричардом она была очень близка. Корваллис увидел, как Зула бежит по тротуару, выпуская облачка морозного пара. Необычное решение добираться пешком было как раз в ее духе: она сообразила, что так выйдет скорее, чем вызывать «убер». Перед входом она замедлилась до быстрого шага. Стеклянные двери раздвинулись автоматически. Зула была в джинсах и свитере, с рюкзаком, который обычно заменял ей сумку, без плаща и шапки. Непокрытые волосы вобрали влагу из воздуха и торчали росистой копной мелких завитков. Корваллис встал, и Зула шагнула было к нему, но тут же изменила курс и направилась к регистратуре.

– Зула Фортраст, – объявила она, вытаскивая бумажник. – К моему дяде Ричарду Фортрасту. – Она протянула водительское удостоверение. – Мне сказали, он здесь.

Только после этого Зула обернулась и встретилась глазами с Корваллисом. Она выглядела собранной и деловитой. После того что ей пришлось пережить, ничто не могло выбить ее из колеи. Не то чтобы у нее не было чувств, просто она научилась их прятать. Несколько лет назад она на какое-то время оказалась в центре общественного внимания и выработала свойственную всем

знаменитостям привычку держать лицо. Сейчас это оказалось для нее очень кстати. Корваллис не мог сказать, ошеломлена она известиями или досадует. Не слишком ли много бед на нее одну?

– Вечно с моим дядей все не слава богу, да? – спросила она.

– Угу, – выдавил Корваллис.

– Насколько все плохо?

Он не знал, что сказать.

– Очень плохо? – спросила Зула. Давая ему разрешение.

– У меня такое впечатление, что типа как совсем плохо, – признал он.

Она кивнула и заморгала.

Регистраторша сообщила, что Ричарда уже перевели в реанимацию, и сказала, в какую сторону идти.

Корваллис и Зула прошли указанным коридором, отыскали нужные лифты и принялись блуждать в трехмерном лабиринте больницы. Между ними постоянно оказывались медики либо пациенты, так что они не пытались больше разговаривать. Зула отправила пару эсэмэсок, потом запрокинула голову, чтобы не дать вытечь слезам.

Наконец они добрались до входа в реанимацию.

– Ну вот, – сказала Зула.

– Могу ли я чем-нибудь… – начал Корваллис, но она уже решительным шагом подошла к медсестре за стойкой.

– Зула Фортраст. Ближайшая родственница Ричарда Фортраста, которого, как мне сообщили, только что сюда доставили. Может ли кто-нибудь ввести нас в курс дела? Мы пока совершенно не знаем, в каком он состоянии.

Их отвели в комнату, предназначенную, насколько догадывался Корваллис, специально для таких разговоров. Современные диваны буквой «П» стояли вокруг журнального столика с цветами в вазе. Коробки с бумажными носовыми платками соперничали за место с диспенсерами для антисептика. В папке аккуратной стопочкой лежали меню соседних ресторанов, доставляющих заказы по телефону; на клейкой бумажке был от руки написан пароль от вай-фая. В большое окно открывался вид на мокрый деловой центр города, белое небо вверху и серое море внизу.

В дверь вежливо постучали, и вошел врач лет сорока пяти, азиатской внешности, в массивных очках, подобранных под квадратное лицо. Он представился как доктор Тринь и пригласил всех сесть.

– Во время процедуры у него случилось необычное осложнение, вызвавшее остановку дыхания. Наличный медперсонал не смог исправить положение. К тому времени, как

прибыли парамедики и вставили дыхательную трубку, сердце уже остановилось, и его удалось запустить с большим трудом. Сейчас он на искусственной вентиляции легких, то есть за него дышит аппарат.

– Сам он дышать не может? – спросила Зула.

– Мы полагаем, что не может.

– Это значит, что его мозг сильно поврежден, да?

– Мы наблюдаем полное отсутствие мозговой активности. По моим оценкам, он не очнется. Очень сожалею, что должен сообщить вам такие известия. Но я должен спросить, есть ли у вашего дяди «завещание о жизни». Он вообще когда-нибудь говорил, что делать, если он окажется на аппаратах искусственного жизнеобеспечения?

Наступило долгое молчание, которое прервал Корваллис:

– Это я выясню.

Зула поблагодарила его кивком и слабой улыбкой.

– Спасибо, Си-плюс. – Она поглядела на доктора Триня: – Я бы хотела его увидеть, если можно.

Корваллис вырос в университетском городке, имя которого носил. Его отец был хорошо внутри аутического спектра, а мама – очень близко к тому. Он был единственным ребенком. В доме всегда царило спокойствие. Они играли в настольные игры и читали книги. Эмоции были отданы на аутсорсинг родным, живущим довольно далеко. Иногда от мамы или папы требовалось поддержать родственника в беде. Обычно в таких случаях они переводили деньги, решали логистические проблемы или делали взнос в соответствующую благотворительную организацию. Они не ходили в церковь, которая, вне зависимости от того, верите вы на самом деле или не верите, дает детям определенную прививку за счет участия в крестинах, бар-мицвах, венчаниях и похоронах. В старших классах Корваллис начал замечать, что проигрывает другим в ситуациях, требующих выражения чувств. Подобно первым симптомам опасной болезни, это проявилось, когда он оказался на вечеринке и понял, что не может танцевать. Движения как таковые сложности не представляли – у него уже был коричневый пояс по таеквондо, – но двигаться с чувством он не мог от слова совсем. С тех пор болезнь только прогрессировала.

Затруднение распространялись на такие простые действия, как позвонить по телефону незнакомому человеку или сделать приятельнице комплимент по поводу новой прически – два дела в числе многих, которых он любыми силами старался избегать. От одной мысли о предстоящих Зуле телефонных звонках, слезах, объятиях, письмах, охах и ахах в аэропорту, надрывных

задушевных разговорах с четвероюродными братьями и сестрами – просто от близости ко всему этому без какого-либо предполагаемого участия с его стороны Корваллис ощущал что-то вроде панической атаки.

Но всегда имелся выход. Отец Корваллиса был официальным фотохронистом семейных встреч. Он не любил обниматься, зато суперклассно снимал, как обнимаются другие: недреманное око его ультрасовременного «Никона» не упускало ни одно объятие. Для Корваллиса было огромным облегчением получить конкретную задачу, в которой выражать чувства мало что не нужно, а даже и контрпродуктивно. Он открыл ноутбук. Сообразил, как подключиться к больничному вай-фаю. Заставил себя не обращать внимания на почту, скопившуюся за последний час, и открыл сайт «Ардженбрайт-Вейл». Это была сиэтлская юридическая фирма с филиалами в Сан-Хосе и нескольких других центрах ИТ-индустрии. За десятилетия с тех пор, как «Майкрософт» пустил корни в этом районе, маленькая фирмочка выросла так, что теперь в ней было под тысячу юристов. «Ардженбрайт-Вейл» помогла Доджу создать Корпорацию-9592, принимая плату конвертами с двадцатидолларовыми бумажками, и с тех самых пор представляла и его компанию, и его самого. Корваллис не знал, составил ли Додж завещание, и если да, то где его искать, но логично было начать поиски здесь.

«Ардженбрайт-Вейл» занимала десять этажей в офисном небоскребе, который был виден прямо из окна. Когда Корваллис набирал добавочный номер Стэна Петерсона, партнера, который, скорее всего, знал ответ на его вопрос, он почти мог представить, что Стэн виден в одном из окон, белая отложная манжета рубашки сверкает, когда он тянется к гарнитуре. В кои-то веки телефонные боги улыбнулись Корваллису, и он дозвонился со второго гудка. Вероятно, помогло, что он техдир раскрученного стартапа, его фамилия, должность и фотография занесены в анналы высокотехнологичной телефонной системы «Ардженбрайт-Вейл» и высветились у Стэна на компьютере в то мгновение, когда зазвонил телефон.

– Ба! Корваллис Кавасаки собственной персоной! – весело ответил Стэн.

– Стэн, ты у себя в кабинете? Без посторонних?

– Да, только дверь закрою. – Было слышно, как он закрывает дверь. – Что случилось? Позвать Лору?

Стэн имел в виду другого партнера – она вела дела «Нубиланта», компании, в которой работал Корваллис. Сам же Стэн был личным юристом Доджа. Возможно, он решил, что Корваллис перепутал добавочный. Такое случается сплошь и

рядом.

– Нет, я насчет Доджа.

– Опять он во что-то вляпался? – спросил Стэн с юмористической наигранной досадой, которая и впрямь была бы забавной, не будь Додж практически мертв.

Корваллис объяснил, что происходит. Правильнее сказать, что произошло. Правильнее, но мучительнее, поскольку это означало реальность, которая уже не исчезнет. То и дело он умолкал на случай, если Стэн захочет вставить вопрос. Однако Стэн молчал, как рыба, только дышал в трубку – чуть быстрее и тяжелее нормального.

– Конечно! – выпалил он, когда Корваллис наконец дошел до причины своего звонка. – В смысле, да! Мы составляли его завещание. У нас есть то, про что ты спрашиваешь.

– Завещание о жизни?

– Распоряжение о медицинском уходе, – поправил Стэн. – Это одно и то же. Но, Си-плюс, ты уверен…

– В чем?

– Что его состояние действительно такое… когда надо читать этот документ?

– Ты про документ, в котором Додж говорит, что делать, если у него наступит смерть мозга и он окажется на аппаратах поддержания жизни?

После долгой паузы Стэн ответил:

– Да.

– Ну доктор не смягчал выражений. Сейчас он с Зулой. Когда вернется, спрошу еще раз. А пока мне кажется, что лучше бы прислать сюда этот документ.

Стэн не ответил, и Корваллис добавил:

– В худшем случае тревога окажется ложной и мы дружно посмеемся.

Уловка сработала.

– Сейчас пришлю, – тут же ответил Стэн.

Завещание Доджа прибыло через двадцать минут. Велокурьер достал его из мокрой от дождя сумки через плечо. Гомо сиэтлус, подумал Корваллис, глядя на тощего рыжебородого юношу с дредами, в утиликилте[5], на велосипеде с независимо мигающими фарами и стальной бутылкой для воды. Впрочем, вопреки своей внешности он оказался очень деловитым и потребовал от Зулы расписаться в получении. Она поставила закорючку, не прекращая телефонного разговора через наушники-капельки. Корваллис отнес пакет обратно в комнату, которую они превратили в свой штаб, и вытащил стопку документов. Их было три: толстый – настоящее завещание и два потоньше –

распоряжения о медицинском уходе и об останках. У Корваллиса от ужаса покалывало пальцы. Ему казалось, что голос Доджа сейчас заговорит с ним из распоряжения о медицинском уходе и решительно прикажет отключить аппарат. В таком случае это произойдет прямо сейчас, до того как Корваллис успеет загуглить пять стадий проживания горя. У него оставалась надежда, что Додж дал слабину или – что было больше на него похоже – не глядя подмахнул предложенный ему документ, чтобы не вникать в занудные юридические формулировки. В таком случае, возможно, удастся подержать его на аппаратах хотя бы несколько дней – пока не соберутся члены семьи и не снимут с Корваллиса всякую ответственность.

И те и другие ожидания не оправдались. Распоряжение о медицинском уходе оказалось на удивление подробным. И немного странным в типографском смысле. Вводный параграф и некоторые связки были напечатаны шрифтом «палатино», принятым в «Ардженбрайт-Вейл», а все большие разделы – «монако», сан-серифом, которым нерды раньше выводили компьютерный код в терминальных окнах. Другими словами, документ собрали копипастом из чего-то другого, скачанного из интернета в эпоху, когда он еще не стал Всемирной паутиной. Вероятно, голый текст в противоположность расширенному текстовому формату. Кавычки и другие знаки препинания заставляли предположить, что он написан в дружественном для нердов текстовом редакторе Emacs. Стэн, или кто там составлял этот документ, не потрудился нажать «выделить все» и поправить форматирование.

Эти разделы содержали инструкции. Подробные инструкции. Довольно жуткие. Технические инструкции, как убить Доджа контролируемым образом, если он вдруг окажется на ИВЛ. Отключать аппарат не предполагалось. Вместо этого его следовало оставить на то время, пока в тело Доджа будут вводить определенные препараты и охлаждать его в ванне со льдом. Только после этого аппарат следовало отключить. И затем, в тот миг, когда Додж перестанет быть живым человеком на пороге смерти и юридически станет покойником, читателю предписывалось отложить распоряжение о медицинском уходе и взять следующий документ, распоряжение об останках. И тут начинались те же самые странности со шрифтами. Инструкция начинались ровно с того места, на котором закончились в предыдущем документе. Как только аппарат искусственного дыхания отключат, тело Доджа следовало максимально быстро охладить ванной, клизмой и капельницей с ледяной водой. Лишь после этого разрешалось переместить останки, причем тоже

тщательно расписанным способом. Доставить тело требовалось прямиком по конкретному адресу в пустыне неподалеку от Эфраты, штат Вашингтон, где его будут хранить в глубокой заморозке.

Корваллиса как нерда заворожил уровень технических подробностей. Ему хотелось бы поговорить с врачами и нейробиологами, которые это все продумали. Как гик с трудностями в общении он в каком-то смысле почти радовался, что может отвлечь мысли от происходящего. Покуда он вникает в инструкции, он избавлен от обязанностей на эмоциональном фронте. Однако в его личности был и третий аспект, который постепенно выдвигался на первый план и норовил вырвать руль у двух других, – руководящий сотрудник, хотя бы поверхностно знакомый с юридическим миром. И руководящего сотрудника заинтриговали шрифты. «Ардженбрайт-Вейл» – солидная фирма, работающая в ИТ-сфере. Прежде чем документы отправили Доджу на подпись, на их составление и проверку потратили не одну тысячу долларов. Поправить форматирование – работа для стажера на пять минут. Корваллис подозревал, что шрифт и прочее оставили сознательно. Этакий способ закавычить предписания. Показать будущему читателю, что фирма всего лишь выполняла инструкции. Инструкции Доджа, надо думать.

И тут до Корваллиса дошло. Все встало на свои места. Он проверил дату подписания. Девять лет назад. Ричард поручил составить эти документы, когда разбогател. Подписал их и забыл. Вот уж кто точно не стал бы заморачиваться мыслями о завещании.

– Носил ли он браслет? – спросил Корваллис у Зулы в ту редкую минуту, когда она не говорила по телефону с Айовой.

– Что? – переспросила она, думая, что неправильно расслышала. Вопрос был странный. Представить Доджа с браслетом было так же трудно, как представить его в епископской митре.

– Я имею в виду браслет с медицинскими указаниями. Ну, знаешь, какие носят люди, у которых аллергия на определенные препараты.

– Чтобы врачи «Скорой помощи» прочли, если человек будет без сознания.

– Да.

– Не помню, – сказала она, – но вроде бы нет. Проверить?

– Не надо, – ответил Корваллис. – Думаю, я смогу проверить сам.

Он открыл на ноуте фотоприложение. Там скопились тысячи снимков. Разложить их по альбомам вечно не хватало времени.

Однако у приложения была встроенная функция распознавания лиц, и оно умело создавать именные коллекции. Во время долгих перелетов Корваллис научил его распознавать нескольких важных для себя людей, в том числе Ричарда Фортраста. Сейчас он кликнул строчку «Додж» в меню. Приложение ненадолго задумалось, потом заполнило окно миниатюрами Доджа или людей, которых алгоритм счел на него похожими. Вторым щелчком Корваллис рассортировал их по дате, затем начал листать сначала. Его первый собственный снимок Доджа был восьмилетней давности, но имелись и более старые, сделанные до их знакомства и попавшие на диск, потому что кто-то прикрепил их к мейлу или чему там еще. На некоторых был совсем молодой человек: длинноволосый, косящий от армии Ричард Фортраст, версия 1970 года, в злачных местах на границе Айдахо и Британской Колумбии, в вырвиглазных цветах отсканированной кодахромовской пленки. Никакого браслета. Правой стрелкой Корваллис двинулся по годам, пока не дошел до серии фотографий, сделанных примерно в то время, когда Корпорация-9592 впервые выпустила на рынок свои акции. На одной из них Ричард держал на высоте паха полуторалитровую бутыль шампанского, зажимая горлышко большим пальцем, чтобы направить струю пены на Плутона. Снимали со вспышкой, и обе руки Ричарда были видны отчетливо. На левом запястье, конкурируя за место с дешевыми электронными часами, сидел медицинский браслет: цепочка и на ней металлическая пластина размером с большую почтовую марку, украшенная красным кадуцеем и заполненная мелким шрифтом, который на фото было не разобрать. Определенно куда больше металла, чем нужно для надписи: «У меня аллергия на пенициллин».

Корваллису не нужно было читать, что написано на браслете, он и так это знал. Для перестраховки он сверил даты и убедился, что фотография сделана месяца через два после того, как Ричард подписал завещание.

Он открыл новое окошко браузера. Затем вернулся к распоряжению о медицинском уходе и просмотрел один из разделов, набранных «монако», на предмет необычного сочетания слов. Это сочетание он ввел в строку поиска, нажал «энтер», и экран тотчас заполнился точными совпадениями. Один тот же текст много раз копипастили и вывешивали в интернет. Для его целей эти ссылки были по большей части нерелевантны. Корваллис прокрутил выдачу, пока не нашел слово, которое все это время пытался выудить из памяти.

Он вернулся к строке поиска и напечатал «эвтропийцы». Воспоминание из раннеинтернетных дней, ИТ-бум девяностых.

Исходный сайт не обновлялся больше десяти лет. Организация, если она и существовала до сих пор, захирела в 2002-м, в черные годы после краха доткомов и 11 сентября.

Статья в «Википедии» была обернута несколькими слоями предупреждений: за нее шла война.

Впрочем, некоторые основные факты никем не оспаривались. Эвтропийское движение возникло в начале девяностых, когда казалось, что наука и технология могут все. Это была просто неформальная дискуссионная группа в Беркли с филиалом в Стэнфорде. Эвтропийцы рано освоили Всемирную паутину и создали невероятно продвинутый по тем временам сайт. Сейчас, конечно, он выглядел устаревшим, как черно-белый телевизор. Было создано НКО, которое позже приобрело статус 501(c)(3)[6], а в 2004-м прекратило свое существование. Из движения вышли и другие НКО. Статья в «Википедии» была испещрена вопросительными знаками и сетованиями различных редакторов. Корваллису не надо было смотреть историю, чтобы понять – тут разыгрался не один холивар. Детали значения не имели.

– Если я сумею зазвать сюда доктора Триня, – спросил Корваллис, – ты уделишь мне несколько минут?

На самом деле он не сказал это, а отправил сообщение Зуле, которая сидела напротив за столом и пыталась кого-то успокоить по мобильному. Она глянула на телефон, подняла голову и кивнула.

Довольно трудно оказалось убедить медсестру за стойкой, что информация, которую нужно сообщить врачу, важнее того, чем он сейчас занят, однако слова «распоряжение о медицинском уходе» и «юридический» произвели желаемое действие. Через несколько минут доктор уже был в комнате с Корваллисом и Зулой.

– В девяностых была такая группа гиков в Северной Калифорнии, убежденная, что технологии позволят достичь бессмертия, – начал Корваллис. – Они называли себя эвтропийцами. Название квазинаучное. Если энтропия – тенденция к развитию беспорядка, то эвтропия – оптимистичный взгляд. Мало того что мы можем победить энтропию; в каком-то смысле вселенная сама хочет, чтобы мы как разумные существа сделали ее лучше. И часть этой программы – победа над смертью.

– И как у них это получалось? – иронически осведомилась Зула.

– Они были умные ребята, – ответил Корваллис. – Не психи. Научную сторону они изучили досконально и отлично понимали, что технология продления жизни появится не в ближайшие десятилетия. Знали они и то, что могут до этого не дожить,

поэтому придумали временную меру. Основываясь на самых передовых достижениях тогдашней науки, они разработали инструкцию по замораживанию и вечному хранению человеческих останков.

– Чтобы когда-нибудь… – начала Зула.

– Чтобы когда-нибудь, когда воскрешение станет технологически возможным, их вернули к жизни.

– Как Уолта Диснея[7], – сказал доктор Тринь.

– Это городская легенда, – ответил Корваллис, – но да, идея та же. Крионика. История долгая. Идея возникла в шестидесятых, затухала и возвращалась волнами. В данном случае достаточно знать, что одна из этих волн зацепила Ричарда.

– Очень на него не похоже, – заметила Зула.

– И да и нет. Разумеется, он скептик… был скептиком. Фаталистом. Но он был открыт для новых идей. Готов пойти на просчитанный риск.

– Это верно.

– Примерно в то время, когда его компания пошла в гору, он заключал много договоров в ИТ-мире, ездил на конференции, общался с инвесторами. Один из инвесторов Корпорации-9592 вложил деньги и в некий стартап, основанный эвтропийцами. Если коротко, это была крионическая компания. Они построили холодильную установку на востоке штата Вашингтон. Там дешевое электричество благодаря плотине Гранд-Кули.

– А это их главная статья расхода, – сообразил доктор Тринь. – Электричество для холодильников.

– Совершенно верно. Они обращались ко многим людям, разбогатевшим в ИТ-сфере, и предлагали им своего рода пари Паскаля.

– Пари Паскаля? – спросил доктор Тринь.

– Паскаль как-то сказал, что надо верить в Бога, потому что если вы окажетесь неправы, то ничего не потеряете, а если правы, то получите бесконечную награду, – ответил Корваллис.

Зула кивнула:

– Тут то же самое.

– Совершенно верно, – сказал Корваллис. – Если крионика окажется бесполезной и спасти ваше замороженное тело не смогут, какая разница? Вы так и так умерли. А если она сработает, вы, возможно, будете жить вечно.

– Отлично вижу, как Ричард на это соглашается, – заметила Зула. – После третьего стакана.

– Он согласился и выполнил все их указания. Какое-то время даже носил специальный медицинский браслет с инструкциями, как заморозить его тело. – Корваллис развернул ноутбук и

показал фотографию. – Примерно в то же время Ричард обновил завещание. Полагаю, бóльшая часть там обычное завещание. – Он положил руку на самый толстый документ. – Однако распоряжения о медицинском уходе и об останках почти целиком состоят из инструкций, разработанных эвтропийцами. По сути, там сказано, что после охлаждения тело надо доставить в восточную часть штата Вашингтон, где команда специалистов подготовит его к полной криоконсервации.

– Я никогда не видела на нем браслета, – сказала Зула.

– Потому что Ричард перестал его носить задолго до того, как ты перебралась в Сиэтл, – ответил Корваллис. – Мне он эту историю рассказал сто лет назад. Про эвтропийцев, инвестора и все остальное. И я напрочь ее забыл. У Доджа было много историй, и это не самая из них интересная.

– Да, не самая, – согласилась Зула и медленно покачала головой.

– Судя по рассказу, Ричард уже тогда считал это глупостью. Вроде того, как купил «Кадиллак Эскалейд» и тут же разбил.

– Одна из тех глупостей, которые делают мальчишки, когда у них внезапно появляется куча денег, – сказала Зула.

– Да. И он ее давно забыл. Но… – Корваллис положил руку на распоряжение о медицинском уходе, – он так и не обновил завещание.

– Оно по-прежнему имеет юридическую силу? – резко спросила Зула, кивая на документ.

– Я не юрист, – ответил Корваллис.

Они оба глянули на доктора Триня, который поднял руки, как при аресте, и замотал головой.

Стэн Петерсон, юрист, приехал через полчаса. Он с порога сказал, что отменил все встречи, – не хвастаясь, а просто давая Зуле понять, что все ресурсы «Ардженбрайт-Вейл» вплоть до боевых дронов и личных космических кораблей – в полном распоряжении ее семьи.

– Элис вылетела, – сказала ему Зула. – Будет поздно вечером.

Стэн глянул непонимающе.

– Вдова его брата, – объяснила Зула.

– Она – душеприказчица?

Зула отрицательно покачала головой и глянула на завещание:

– Она просто старшая из ближайших родственников. Не знаю, как это работает. Если мы собираемся что-нибудь делать, отключать аппараты, или что там еще, Элис должна в этом участвовать. – Лицо у Зулы скривилось, и она всхлипнула.

– Извини. – Стэн был не только растерян, но и в некотором

эмоциональном раздрае. Очевидно, он тоже всплакнул, причем недавно, поскольку время от времени шмыгал носом. Вероятно, по пути сюда он заглянул к Ричарду. – Так кто душеприказчик?

Зула подняла голову, шмыгнула носом, сдержалась. Потом глянула на Корваллиса.

– Извини, я не читал завещания… – начал он.

– Я читала, – перебила она. – Душеприказчик ты, Си-плюс.

– Ой, – выговорил Корваллис. – Ох ты, блин.

– В таком случае нам многое предстоит обсудить, – сказал Стэн.

– Но ведь технически он еще не умер? – спросил Корваллис. – Значит, завещание не вступит в силу. До тех пор пока…

– До свидетельства о смерти, – кивнул Стэн и покосился на распоряжение о медицинском уходе. Еще раз шмыгнул носом и кивнул на документ: – Его составил лично Кристофер Вейл младший. – Видя, что остальным это имя ничего не говорит, он пояснил: – Сооснователь нашей фирмы. Он отошел от дел пять лет назад. Ранний Альцгеймер. Сейчас живет в специальном хосписе. Боли он не испытывает. Однако помочь нам с этими документами не сможет.

– Ты их читал? – спросил Корваллис.

– В «убере» по пути сюда. – Стэн поднял брови в немом комментарии к увиденному на этих страницах, и Корваллис не сдержал слабой улыбки.

– Я взял на себя смелость посмотреть диф, – сказал Корваллис.

– Надо полагать, это какой-то технический термин?

– Я программно сравнил текст документа с размещенной в интернете версией.

– Как ты добыл электронную версию? Это же бумага, – удивился Стэн.

– Сфотографировал на телефон и запустил программу распознавания, – сказал Корваллис.

Стэну услышанное не очень понравилось (видимо, так делать не полагалось), но спросил он только:

– И что ты узнал, «посмотрев диф»?

– Кристофер Вейл младший не просто тупо скопировал шаблонный текст, – сказал Корваллис. – Он внес изменения.

– Я бы удивился, если бы не внес! – воскликнул Стэн.

– Не в технические инструкции, разумеется. Они те же самые, слово в слово. А вот в остальной текст добавлены некоторые оговорки.

– Си-плюс, тебе придется меня простить за то, что я, честно говоря, оказался немного к этому не готов. – Стэн вздохнул. –

Должен сознаться, раньше я не заглядывал в завещание Ричарда и те два документа. Знай я, что они настолько необычны, я бы, наверное, в какой-то момент убедил его освежить их и подправить. А пока я еще, если честно, не совсем въехал. Может, ты сейчас расскажешь мне, что выяснил? А я даю слово, что к приезду Элис буду знать все досконально.

– У меня создалось впечатление, что изначальный текст «Эфраты» писали нерды.

– Эфрата? Похоже на что-то библейское.

– Так и есть. Но в данном случае я говорю о «Эфрата крионикс инкорпорейтед». Это холодильная установка в одноименном городе. В пустыне к востоку от гор. По крайней мере, когда-то она там была.

Прошло несколько секунд, прежде чем до Стэна дошел смысл последнего слова. Он чертыхнулся.

– Все в порядке, – сказал Корваллис. – Вот тут-то Кристофер Вейл и отработал свой гонорар. Основатели «Эфраты» искренне верили, что нашли идеальный способ сохранять человеческие останки. И еще они верили, что «Эфрата крионикс инкорпорейтед» будет существовать вечно.

– Потому что столько людей подпишется на их услуги… – сказала Зула.

– Что у них будет огромный счет в банке, масштабные обороты и все такое, – согласился Корваллис.

– Что ж, как человек, знавший Криса Вейла, когда у него с головой все было в порядке, предположу, что ничего из этого он на веру не принял, – сказал Стэн.

Корваллис кивнул:

– Когда ты это прочтешь, то увидишь, что, по сути, там сказано следующее: если ко времени смерти Ричарда «Эфрата крионикс» будет существовать, и если она будет финансово состоятельной, и если за это время не изобретут лучшей технологии сохранения останков, то валяйте, действуйте по инструкциям и везите Доджа в большой эфратский холодильник.

– А если хотя бы одно условие не будет выполнено… – начал Стэн.

– То все осложняется, – сказал Корваллис.

– Как будто оно изначально было просто, – пробормотала Зула.

Корваллис придвинул к себе распоряжение об останках и долистал до нескольких последних страниц, напечатанных стандартным «палатино»:

– Сложно в том смысле, что у меня мозги начинают плавиться. Но я уверен, ты разберешься.

– К вашим услугам, сэр, – ответил Стэн.

По счастью, через несколько минут к ним присоединилась женщина, которая представилась юрисконсультом больницы. Легко было догадаться: она узнала, что в реанимацию приехал адвокат больного, и зашла выяснить, в чем дело. Возможно, прыти ей добавило то, что больной – знаменитый миллиардер, а его адвокат – старший партнер фирмы «Ардженбрайт-Вейл». Она оказалась моложе, чем можно было ожидать, и не такая холеная, как большинство женщин в ее профессии; католичка, феминистка и заботливая мать с дипломом Брауновского университета, согласно Миазме. Эсме Херлбат. Любительница вязанья и скалолазания. Несколько минут ушло на то, чтобы представиться и ввести Эсме в курс дела. Доктор Тринь повторил то, что все остальные уже знали о состоянии Доджа. Корваллис тем временем перерывал Миазму в поисках дополнительных данных об «Эфрата крионикс».

К тому времени, когда разговор возобновился, ему было что добавить:

– «Эфрата» получила много денег от таких, как Додж. Почти сразу они заморозили несколько тел, что, вероятно, тогда считалось удачей, но дальше должны были постоянно держать холодильники включенными. Несколько обиженных эвтропийцев подали против них иск, который практически разорил фирму. Она так и не достигла намеченных финансовых показателей. Крах доткомов усугубил ситуацию. В две тысячи третьем они провели реорганизацию. В качестве первого шага отрезали головы и кремировали тела.

– Извини, ты не мог бы повторить? – попросил Стэн.

Эсме Херлбат, которая вошла в комнату с явно настороженным видом, теперь слушала как завороженная.

– На этот момент в криохранилище находилось одиннадцать тел, – сказал Корваллис, переводя взгляд на экран, чтобы проверить данные. – Контракт, который эти одиннадцать подписали при жизни с «Эфрата крионикс», содержал оговорку. Там говорилось, что останки надлежит хранить замороженными *либо* другим способом, на усмотрение «Эфрата крионикс», наиболее отвечающим цели будущего воскрешения.

Эсме подняла руку, как отличница в первом ряду.

– На усмотрение? На *единоличное* усмотрение? – спросила она.

– Да, – подтвердил Корваллис, взглянув на экран.

Краем глаза он видел, что Стэн и Эсме выразительно переглянулись.

– На этом основании, – продолжал Корваллис, – «Эфрата

крионикс» объявила, что для воскрешения нужна только голова. Или, если идти дальше, только мозг. Тело, по сути, ни к чему. Общество, которое разработает технологию, способную полностью восстановить мыслительные функции замороженного мозга, уж точно сумеет вырастить новое тело из ДНК. Так что для экономии «Эфрата» обезглавила одиннадцать замороженных тел и поместила головы в куда более компактный холодильник.

– Оттяпали лишние расходы! – восхитился Стэн, похоже, временно запамятовав, на чьей он стороне.

– Что это означает для нас сегодня? – спросила Зула.

Стэн придвинул к себе распоряжение о медицинском уходе и принялся его листать, особо внимательно проглядывая раздел, составленный его бывшим коллегой Кристофером Вейлом. Продолжая читать, он ответил несколько рассеянно:

– Полагаю, Зула, это будет зависеть от того, что мы обсуждали минуты две назад… состоятельна ли компания… какие сейчас есть технологии…

– Смотря как понимать состоятельность, – ответил Корваллис. – Согласно интернету…

– Который, как мы знаем, никогда не ошибается, – вставила Эсме.

– Да. Согласно интернету, отрезанием голов они выиграли всего три года. Затем они дошли до того…

– О господи, теперь вспомнила. Это мелькало в новостях, – сказала Эсме. – Энергетическая компания грозила отключить им энергию за неуплату. Они утверждали, что дать мозгам оттаять – все равно что совершить убийство. Ситуация была патовая.

Стэн буквально хлопнул себя по лбу:

– Боже. Поверить не могу, что Додж связался с такими людьми!

На что и Корваллис, и Зула глянули на него с немым вопросом: «Ты хоть представляешь, с какими людьми он вообще вел дела?»

Стэн, не замечая их взглядов, продолжал:

– Но, по крайней мере, теперь все ясно с их состоятельностью.

– Смотря что ты имеешь в виду, – сказал Корваллис, гугливший по ходу разговора. – Была заключена сделка. Их захапал один из первоначальных эвтропийцев. Элмо Шепард.

– Из тех обиженных, которые раньше подавали на них в суд?

– Именно так. Шепард был главным инициатором иска. Он утверждал, что «Эфрата крионикс» присвоила некую интеллектуальную собственность, которая должна быть в общественном достоянии, – опенсорсный продукт первоначальных эвтропийцев.

– Погоди, я знаю, кто такой Элмо Шепард. Черт, да я с ним встречался, – сказал Стэн. – Вроде бы он клиент нашего филиала в Кремниевой долине.

– Он заработал какие-то деньги на Ай-Пи-О и стал венчурным капиталистом, – продолжал Корваллис. – По большей части инвестиции в обычный ИТ-сектор, насколько я понимаю, но сохранил побочный интерес к технологиям продления жизни.

– Так что случилось, когда он их «захапал»? – спросила Эсме.

– Он создал новую компанию под названием «Эфрата лайф шеринг». – Корваллис перестал быть автономным участником разговора и сделался передатчиком того, что имелось в Миазме. – Создал на собственные деньги. И провернул сделку – приобрел «Эфрата крионикс» на корню. «Эфрата крионикс» теперь стопроцентно дочерняя компания ЭЛШ, базирующейся в Президио, Сан-Франциско, штат Калифорния.

– То есть формально «Эфрата крионикс» состоятельна? – спросила Зула. Она быстро отвечала на сообщения, блокировала телефонные звонки и очевидно проигрывала битву с электроникой, претендующей на ее внимание.

– Пока Эл Шепард закачивает в нее деньги, трудно утверждать противоположное, – сказал Стэн. – Но в документе есть не только это. Остается вопрос, действительно ли технология ЭЛШ лучшая на сегодня.

– На *единоличное* усмотрение ЭЛШ? – спросила Эсме.

Стэн позволил себе изобразить легкое самодовольство:

– Не-а. В *стандартном* контракте, который подписали Эфратские Одиннадцать – те, чьи головы оказались в холодильнике, – стоит слово «единоличное», но Крис Вейл, дай ему бог здоровья, вычеркнул его в документе, который подписывал Додж.

– То есть у нас есть выход, – сказала Зула.

Эсме открыла было рот, но передумала и скрестила руки на груди.

– Тут есть что сказать, – ответил Стэн. – Уверен, мы можем заявить, что отрезать Доджу голову и запихнуть ее в холодильник – не лучшая на сегодня технология, если вообще когда-нибудь была лучшей.

Зула ответила кивком. Корваллису пришлось проглотить неприятное чувство. Позже он сядет с Зулой и Элис Фортраст и напомнит, что, если дело дойдет до суда и придется спорить с адвокатами Эла Шепарда, «Ардженбрайт-Вейл» очень хорошо на этом заработает. Впрочем, гугля, он наткнулся на новые факты, которые опять все меняли.

– Стоп, – сказал он. – Там уже не головы в холодильнике.

ЭЛШ пошла дальше.

– Я готов, – мгновенно отозвался Стэн.

И вновь Корваллису немного не понравился его тон. Единственно важный вопрос, готова ли Зула. Однако уже было ясно, к чему все идет. Стэн понемногу прибирал дело к рукам. К тому времени как Элис Фортраст сойдет с самолета, он полностью овладеет ситуацией и будет готов представиться как семейный адвокат Фортрастов.

Зула с Эсме загадочно переглянулись. Своего рода женская солидарность.

Корваллис снова поймал взгляд Зулы и дождался ее кивка.

– Теперь, когда у нас есть облачные вычисления, куда дешевле хранить биты, чем части тела в холодильнике, – сказал он. – Несколько лет назад ЭЛШ, на свое единоличное усмотрение, сочла, что по-настоящему важен только коннектом – связи между нейронами в мозгу. Они взяли одиннадцать голов и отсканировали их мозг. Свели его к данным, а данные загрузили в облако.

– А где теперь сами мозги? – спросила Эсме. Поскольку второй башмак должен был рано или поздно упасть.

– Сканирование – деструктивный процесс. – Корваллис, говоря, читал с экрана. «Деструктивный» звучало относительно мягко, но он не видел причин выражаться со всей жестокостью. – К концу сканирования не осталось ничего, что можно было бы считать мозгом. По утверждению ЭЛШ, то, что все-таки осталось, захоронено надлежащим образом. Кремировано. Прах возвращен ближайшим родственникам.

– И с тех пор, как ЭЛШ перешла на эту технологию, были ли еще такие? – поинтересовался Стэн.

– О чем ты? – спросил Корваллис.

– Такие как Ричард, – подсказала Зула.

Стэн кивнул:

– Люди, которые подписали контракт с «Эфрата крионикс», а умерли, когда у компании уже начались неприятности.

– Если и были, в интернете о них ничего нет. – Корваллис промотал назад. – Правда, в одной из статей говорится, что ЭЛШ по просьбе некоторых клиентов вернула деньги и расторгла контракт.

– Но не Ричарду, – сказала Зула.

– Этого мне узнать неоткуда, – ответил Корваллис.

Зула сделала большие глаза:

– Си-плюс. Опомнись. Это Ричард. Ты правда думаешь, что он стал бы заморачиваться?

– Нет, – признал Корваллис. – Додж не стал бы

заморачиваться. Если вообще не забыл про этот контракт.

– Итак, я вижу для себя несколько пунктов, – объявил Стэн. – Если родные не против, я свяжусь с ЭЛШ и выясню, действует ли еще контракт. Тогда вам предстоит решить, как быть дальше. Мне кажется, нам стоит побольше выяснить про этот… как ты его назвал… который связи в мозгу.

– Коннект… коннектом, – сказал Корваллис, запнувшись на слове так, что все удивленно на него поглядели. Потому что какая-то часть мозга в этот самый миг выкинула сообщение «ой, блин».

– Все в порядке, Си-плюс? – спросила Зула.

Он немного устыдился, что именно она выражает сейчас заботу о его состоянии.

– Хм, извините. Просто странная связь, простите за каламбур.

– Связь с чем? – спросила Эсме, которая оставалась с ними исключительно из интеллектуального любопытства.

– Должен объяснить, что я работаю в… что я технический директор… компании, специализирующейся на облачных вычислениях. Здесь, в Сиэтле. И один из наших клиентов…

– Давай угадаю, – сказала Зула. – «Эфрата лайф шеринг».

– Не совсем, – ответил Корваллис. – Но у Элмо Шепарда целая свора компаний, которыми он руководит из Президио. Некоторые коммерческие. Другие – скорее мозговые центры, исследовательские институты, все такое. Он очень интересуется Сингулярностью. Это…

– Я знаю, что такое Сингулярность, – перебила Зула.

– Я не знаю. Вы меня просветите? – сказала Эсме. Они с Зулой каким-то невербальным образом заключили между собой союз.

Зула, кивнув, объяснила:

– Это вроде как вера в то, что когда-нибудь мы загрузим свой мозг в компьютеры и обретем вечную цифровую жизнь.

– И как из этого получается Сингулярность?

– Прибавьте закон Мура, – сказал Корваллис.

– Это который про то, что компьютеры становятся все быстрее и быстрее?

– Экспоненциально. Считается, что души, загруженные в кремний, будут супербыстрыми и супермощными, а живые биологические мозги упразднятся.

– Все равно не понимаю, при чем тут Сингулярность – это же вроде слово для черных дыр?

– Смысл в том, что все произойдет мгновенно, – объяснила Зула.

– И Эл Шепард в это верит, – подытожила Эсме.

Стэн сидел, закрыв руками лицо. Вся его поза говорила: «Когда этот маразм перестанет крепчать?»

– Некоторые другие его компании созданы для исследования различных явлений, связанных с Сингулярностью. Одно из этих явлений – коннектом. У него их несколько. Послушайте, тут я вступаю на тонкий лед, поскольку не могу разглашать подробности отношений «Нубиланта» с клиентами.

– Но по твоему лицу очевидно, что Эл Шепард хранит коннектомы Эфратских Одиннадцати на серверах твоей компании, – сказала Зула.

– Если кого-нибудь не утомила ирония событий, – добавил Корваллис, – его, возможно, порадует, что наш самый большой серверный парк находится на востоке штата Вашингтон, неподалеку от Эфраты.

– Где дешевое электричество и много воды для охлаждения, – сказала Зула. Она была геолог по образованию.

– Кажется, я теряю нить разговора, – призналась Эсме.

– Это либо по-настоящему хорошо, либо по-настоящему плохо в смысле того, насколько я смогу быть полезным, – ответил Корваллис. – Поспрашиваю и выясню, удастся ли мне выйти на кого-нибудь из людей Элмо Шепарда в Президио.

– Или на самого Эла, – сказал Стэн. – Полагаю, ему это будет небезынтересно.

4

Разговор заглох, поскольку всем стало ясно, что прямо сейчас они Доджа отключать не будут. Доктор Тринь ушел заниматься теми больными, кому еще можно было помочь. Эсме раздала визитные карточки, обменялась со всеми телефонными номерами и тоже ушла. Комнату пора было освобождать для семей других пациентов, поэтому Стэн, Зула и Корваллис переместились в гостиничный кафетерий. Оттуда каждый поехал своей дорогой: Стэн к себе в офис изучать документы, Зула домой, Корваллис на работу.

Разговор приостановили до второй половины дня, но пауза затянулась, и возобновился он только на следующее утро. Эти сутки Корваллис провел в мучительной неопределенности. Пока нет свидетельства о смерти, Додж юридически не умер, а значит, душеприказчик не требуется. Душеприказчиком (или, более современно и политкорректно, личным представителем) предстояло быть Корваллису. Он потратил какое-то время на то, чтобы узнать свои обязанности, но от юридических формулировок заболела голова. Да и основную его работу никто не отменял.

К десяти вечера в Миазму как-то просочилось, что Ричард Фортраст в реанимации, и мир Корваллиса взорвался. В следующие шесть часов о сне и отдыхе не могло быть и речи. Миазма иногда ведет себя так, будто у каждого мужчины, женщины и ребенка на земле есть соцсети и штат пиарщиков на круглосуточном дежурстве. Корваллис не мог бы ответить всем, даже будь он вправе что-нибудь говорить.

Следующий раз все собрались в номере люкс старой, но очень приличной гостиницы в двух кварталах от больницы. Корваллис немного знал Элис Фортраст и догадывался, что гостиницу выбрала не она. Элис из демонстративной экономии и презрения к порядкам больших прибрежных городов остановилась бы в самом дешевом мотеле возле аэропорта. Зула упредила этот шаг: заранее сняла номер и просто отвезла Элис в гостиницу, куда от дома, где жили Зула, Чонгор и София, можно было дойти пешком. Родственники в Айове наверняка дивились, почему Зула не уложила тетю у себя на диване или, к слову, в пустующей квартире Ричарда. Однако Корваллис понимал ход ее мыслей. Семье нужен штаб рядом с больницей, некая нейтральная территория. Согласиться на конференц-зал в «Ардженбрайт-Вейл» значило бы фактически отдать себя в лапы юристам. За кухонным

столом в квартире Зулы и Чонгора не обо всем можно говорить, если София будет вертеться под ногами и требовать объяснений. Оставалась гостиница.

К тому времени как Корваллис привез туда Джейка Фортраста, младшего брата Ричарда, Зула уже набила холодильник молоком, йогуртом и другой едой, чтобы Элис не писала в «Фейсбук» возмущенные посты о стоимости гостиничных заказов в номер. Чонгор взял несколько дней за свой счет, чтобы заниматься Софией и освободить Зулу. Корваллис предупредил в «Нубиланте», что в ближайшие дни будет недоступен – мог бы и не сообщать, поскольку его коллег с утра захлестнуло волной освещения трагического события в соцсетях. Номером первым в Реддите стояло короткое видео с Доджем, снятое каким-то ребенком за считаные минуты до несчастья. Корваллис долго крепился, потом не выдержал и все-таки посмотрел. Додж вполне благодушно отнесся к юному поклоннику и снял наушники, чтобы его слышать; можно было даже различить тихую музычку, когда ее не заглушали проезжающие по мокрому асфальту машины. Корваллис думал, что видео его доконает, однако неожиданно нашел в нем странное утешение и даже посмотрел несколько раз. Напоминая себе, каким был Додж, готовясь к жизни без Доджа.

Корваллис только что забрал Джейка Фортраста на вокзале. Тому было под пятьдесят – последний ребенок немолодых родителей, много младше двух братьев и сестры. Он жил на севере Айдахо в поселении единомышленников – крайних либертарианцев с религиозным уклоном. Там у него были жена и выводок детей. Он не мог водить машину за пределами ближайшей округи, поскольку не получал прав, считая, что не дело государства их выдавать. Вчера, узнав новость, он как-то добрался до вокзала в Кёр-д’Алене и сел на поезд, пришедший с семичасовым опозданием. Они с Корваллисом пересекались раньше и ладили куда лучше, чем можно было ожидать, исходя из разницы в образовании, круге общения, политических и религиозных взглядах. Поездка от вокзала заняла минут пять, поэтому Корваллис не успел ничего толком объяснить, только сообщил, что состояние Ричарда без изменений. Джейк был почти совсем лысый, с проседью в лохматой русой бороде. Он приехал в практичной одежде на фланелевой подкладке, какую носил у себя в поселке каждый божий день, занимаясь своей работой, то есть изготовлением деревянной мебели и строительством бревенчатых домов. Выражение, с которым он оглядывал роскошный вестибюль гостиницы, Корваллис истолковать не смог. Лифт, обшитый изнутри полированным деревом, по крайней мере дал

ему на чем остановить взгляд.

Элис Фортраст – вдова Ричардова старшего брата, Джона, и матриарх разветвленной семьи, жила на ферме в северо-западной Айове. Она была на восьмом десятке, но выглядела моложе своих лет. Стриглась коротко, волосы, теперь уже совершенно седые, не красила. Когда Корваллис вошел, она улыбалась Зуле, показывая собственные зубы, не сказать что идеальные. Они вспоминали какой-то забавный поступок Ричарда, но при виде Корваллиса и Джейка сразу посерьезнели, как будто их застукали на шалости. Джейк обнял Зулу, надолго прижав ее к себе, а с Элис обнялся символически – она лишь привстала в кресле, но, правда, улыбнулась ему, не размыкая губ и жмурясь, чтобы удержать слезы.

Хотя они были знакомы, Зула представила Корваллиса на случай, если Элис забыла его имя. Вдруг кратковременная память у нее уже не очень, да и вообще, для некоторых все азиаты на одно лицо. Впрочем, Элис кивнула и сказала:

– Конечно, я помню, Додж рассказывал про вас и ваши римские забавы.

Она имела в виду его необычное хобби.

– Но он еще и… – начала Зула.

– Конечно, я знаю, что Си-плюс замечателен не только этим. – Она повернулась к Корваллису: – Иначе Ричард не назначил бы вас своим душеприказчиком, ведь правда?

Хорошо. Значит, кто-то ее уже просветил.

Элис продолжала:

– Хочу вам сказать, Ричард, что бы про него ни говорили, прекрасно разбирался в людях, и раз он вам доверял, то и мы вам доверяем. К тому же я вижу самые разные причины назначить душеприказчика не из родни – человека непредвзятого.

– Что ж, мне очень жаль, что сейчас мы встретились по такому поводу, – сказал Корваллис. Фразу он приготовил загодя, и прозвучала она соответственно. Так что дальше пришлось импровизировать. – Спасибо за ваши слова.

Зула и Элис по-прежнему смотрели на него, словно ожидая продолжения.

– Для меня они много значат, – попробовал Корваллис.

Обе женщины, видимо, сочли это подходящим завершением того, что он силился сказать.

– Я буду стараться, – продолжал он, не в силах закрыть рот. Кажется, это было уже лишнее, потому что они немного напряглись.

Его спасло своевременное появление Стэна, который прибыл вместе с адвокатом помладше.

Встреча в верхах теперь собрала кворум. Элис, Зула и Джейк были ближайшими родственниками Ричарда. Говоря без обиняков, достаточная критическая масса, чтобы выдернуть из розетки Ричардов ИВЛ. Корваллис присутствовал в роли душеприказчика, в которую еще не вступил, адвокаты прибыли, и их время пошло. Элис с полным равнодушием к юридическим порядкам и почасовым ставкам настояла, чтобы все выпили кофе. По прикидкам Корваллиса, она потратила оплачиваемого времени примерно на тысячу долларов, прежде чем позволила разговору подойти к деловым вопросам. Чувствуя, как в голове тикает счетчик, Корваллис отпил кофе (очень плохой) и оглядел номер, стилизованный под жилище богатой пожилой дамы. Разумеется, Элис Фортраст и была богатой пожилой дамой, но он подозревал, что ее собственный дом обставлен совершенно иначе.

Молодого адвоката звали Маркус, он родился в Шейкер-Хейтс, окончил Пенсильванский университет, где изучал философию и увлекался греблей. Промыкавшись два года в миссисипской глубинке по линии «Тич фор Америка»[8], он поступил в Стэнфордскую школу права. У него красавица жена корейского происхождения и полугодовалый ребенок, и они на днях покупают псевдотюдоровский дом с тремя спальнями в районе Квин-Энн, сильно запущенный, но будет замечательный, как только уберут асбестовую теплоизоляцию системы отопления в подвале – работа, для которой они прямо сейчас ищут исполнителей. Все это Элис у него выспросила, а под конец, словно невзначай, заставила Маркуса сознаться, что он специализируется на структурировании транзакций в ИТ-индустрии, а про семейное право ничего не знает и в жизни не составлял завещаний. Прежде чем до Стэна (который почти все время разговора отвечал на сообщения в телефоне) окончательно дошло, в какую ловушку угодил его молодой коллега, ему самому пришлось сделать аналогичное признание. Когда уже ничего было не исправить, он заверил Элис, что Кристофер Вейл прекрасно разбирался в этих вопросах.

Элис огорченно покачала головой, как мамаша, поймавшая сына на вранье. Вчера во время перелета из Омахи она заплатила пятнадцать баксов за беспроводной интернет и, надо полагать, все три часа изучала карьеру и образование Криса Вейла. Никаких свидетельств, что он разбирался в завещаниях, при этом не обнаружилось.

– Вчера я попросила Зулу отправить отсканированное завещание Ричарда нашему семейному адвокату в Айове, – заявила она. – Он, может, и адвокат в маленьком городишке, но, скажу я вам, составил множество завещаний. Это значительная

часть его практики, и он нашел три ляпа *на первой же странице*. Новичковые ошибки, так он выразился.

Она снова покачала головой.

Стэн отложил телефон и сидел красный как рак. Маркус обратился в слух.

– Знаете, как, на мой взгляд, это выглядит? – продолжала Элис. – Додж позвонил вашему Крису, что хочет составить завещание, и тот сказал себе: «Я не хочу упускать моего миллиардера, я уж как-нибудь справлюсь сам. Хитрое ли дело – составить завещание?» И он написал первый и последний такой документ в своей карьере. Не сомневаюсь, что намерения у него были самые лучшие, но он напортачил.

– Элис… – начал Стэн.

– Кое-кто назвал бы это преступной халатностью, – сказала Элис.

Эта женщина – кобра, мысленно отметил Корваллис.

Больше всего ему хотелось оказаться сейчас где-нибудь в другом месте. Он покосился на Зулу. Та глянула в ответ с непроницаемым видом. *Добро пожаловать в семью, Си-плюс.*

– Ладно, что было, то сплыло, – вздохнула Элис. – Завещание составили абы как, а Додж подписал, потому что ему недосуг было вникать, и тут мы ничего поделать не можем. Тот, кто это сделал, уже не с нами, и нет смысла терзать его угрозами и попреками. Я не Додж. Я всегда внимательна и буду требовать от «Ардженбрайт-Вейл» более высоких стандартов в том, что касается *компетенции* и *оплаты*.

– Да, мэм, – выдавил Стэн.

Однако тут зазвонил телефон. У Корваллиса. Стэн, чувствуя, что звонок его спас, вздохнул и глянул на Си-плюса.

– Извините, – сказал тот, вынимая телефон из кармана рубашки.

Он глянул на высветившееся имя, глянул снова, затем развернул телефон так, чтобы все могли прочесть: Эл Шепард.

– Я бы посоветовал не принимать звонок прямо сейчас, – быстро произнес Стэн. Потом глянул на Элис, словно ища ее одобрения. Она смиренно отвела взгляд, что вроде бы его успокоило. – Ты уже говорил с мистером Шепардом?

– Нет, – ответил Корваллис. – Только с его подчиненными.

– И каков общий тон? – спросил Стэн.

– Повышенное внимание к ситуации. Не то чтобы особо благожелательный разговор. Ощущение, что адвокаты напротив говорящего безмолвно подают знаки.

– Что ж, – начал Стэн, – теперь, когда мы познакомились немного поближе, этот звонок позволяет нам плавно перейти к

делу. Если позволите.

– Прошу, – сказала Элис.

– Но первый вопрос: что говорят врачи?

– Без изменений, – ответила Зула. – Мы должны принять, что наступила смерть мозга и она необратима.

При последних словах она быстро посмотрела на Джейка. Тот заметил ее взгляд и вскинул руку.

– Я уже изложил свои взгляды по этому поводу, – сказал он. – Только Бог может забирать жизнь. Для Него все возможно – в том числе и полное выздоровление Доджа. Покуда душа остается в теле, Ричард жив не меньше, чем любой за этим столом.

Стэн, выдержав уважительную паузу, кивнул и пророкотал лучшим своим адвокатским баритоном:

– Спасибо, Джейкоб. Зула говорила мне, что вы можете занять такую позицию. Я хотел бы продолжить со всем уважением к вашим религиозным воззрениям.

– Очень признателен, сэр, – сказал Джейк.

– Я – юрист, – продолжал Стэн, – и, как я уверен, адвокат Элис в Айове первым бы вам подтвердил: распоряжение о медицинском уходе, или, как его иногда называют, завещание о жизни, не обязательно учитывает религиозные взгляды и мнения членов семьи.

– Это мне известно, – ответил Джейк. – И в любом случае я тут в меньшинстве.

Он посмотрел через стол на Элис и Зулу, которые твердо встретили его взгляд.

– По условиям распоряжения о медицинском уходе, подписанного вашим братом, аппараты искусственного поддержания жизни следует отключить без дальнейшего промедления. Однако сделать это следует с соблюдением определенного технического протокола, направленного на сохранение мозга. А благодаря дополнительным оговоркам, которые Крис Вейл *очень тщательно* предусмотрел, – при этих словах Стэн наградил Элис выразительным взглядом, который та не соблаговолила заметить, – если «Эфрата крионикс» финансово несостоятельна либо появилась лучшая технология, у нас есть выход.

Элис кивнула:

– И, по словам моего адвоката, один из главных недостатков документа – этот выход никак не уточняется.

– Затруднительно, – мягко произнес Стэн, – точно указать альтернативную методику сохранения мозга, до которой еще никто не додумался. Единственный способ составить подобный документ – сделать явным намерение подписавшего лица, то есть

Ричарда. А оно, очевидно, состояло в том, что если на момент его смерти будет существовать технология, способная обеспечить будущее возвращение к жизни, то эту технологию следует применить. Если же технологий будет несколько, он вполне разумно хотел лучшую – а не то, что в этот конкретный день постарается всучить «Эфрата крионикс».

– Но кто решает, какая технология лучше? – спросила Зула.

– В конечном счете решение принимаете вы – ближайшие родственники. Никто не может его оспорить. Не предусмотрено наказаний за неверный выбор.

Джейк подался вперед:

– Минуту назад вы сказали, что завещание о жизни не учитывает религиозные взгляды родных.

– Вы не можете поступить вопреки завещанию, – сказал Стэн, – но в той мере, в какой вы добросовестно стремитесь выполнить желание Ричарда, у вас есть некоторая свобода.

– Я хочу сказать, что мы не специалисты в нейробиологии, – заметила Зула.

– Так найдите специалиста, – ответил Стэн. – В Сиэтле полно авторитетных…

– Готово, – перебил Корваллис.

Все посмотрели на него.

– Вернее, в процессе, – объяснил Корваллис. – Дело в том, что года два назад несколько лучших программистов Корпорации-9592 ушли в Уотерхаузовский институт мозга. С одним из них, Беном Комптоном, я по-прежнему в дружеских отношениях и взял на себя смелость к нему обратиться.

– Это Уотерхауз из заумного кибербанка? – спросила Элис. – Тот самый Уотерхауз?

Она имела в виду одного из местных ИТ-филантропов, предпринимателя, участвовавшего в одной из первых криптовалютных авантюр, которая каким-то образом переросла в серьезное финансовое учреждение.

– Тот самый.

– Извините, если задаю глупый вопрос, но зачем институту мозга программисты, делавшие компьютерную игру?

– Геймификация, – сказала Зула.

– Да, – подтвердил Корваллис. – История долгая, и я с удовольствием объясню. Суть в том, что в науке возникают задачи, очень трудные для компьютеров, но легкие для людей. Если превратить эти задачи в увлекательную игру, в интернете найдется много желающих решать их бесплатно. Сотрудники Уотерхаузовского института мозга уперлись в такую задачу и решили ее геймифицировать – для чего переманили наших самых

классных программеров.

Элис завела глаза к потолку:

– Ладно. У вас есть друзья в авторитетном институте мозга. В этом городе, если я правильно поняла.

Корваллис кивнул:

– Меньше чем в миле отсюда. Я связался с ними и рассказал о Ричарде, которого они все, к слову, любят. И спросил, знают ли они что-нибудь на эту тему. Упомянул, что в ЭЛШ несколько лет назад отсканировали одиннадцать замороженных мозгов. И они – люди из Уотерхаузовского института – ответили, что это *точно* не самая передовая на сегодня методика. Каждый день появляются куда более совершенные.

– Тогда почему ЭЛШ их не применяет? – спросила Элис.

– Я могу просто нажать кнопку «перезвонить» и поинтересоваться у самого Эла Шепарда, – сказал Корваллис. – Но, похоже, тот ответит, что эти технологии никогда не проверялись на людях. Только на мышах.

– На мышах, – повторила Элис.

Фортрасты отреагировали на слова Корваллиса по-разному. Элис – скептически; возможно, она недоумевала, зачем он вообще упомянул технологию, не имеющую к ним никакого отношения. Джейк покачал головой, возмущаясь глупыми занятиями ученых: мышиные мозги они сканируют! А вот Зула сообразила сразу.

– Сколько лет? – спросила она.

– Что? – не поняла Элис.

– Сколько лет до того, как они сделают такую аппаратуру для человеческого мозга?

– Вот это, – сказал Корваллис, – я и пытаюсь выяснить. Мне надо позвонить…

– Лет? Какой нам от этого прок? – возмутилась Элис. – Решение надо принимать сейчас. Ричард лежит на аппаратах через улицу от нас.

– Мы можем сейчас его заморозить, – сказал Корваллис.

– Кто «мы»? – строго спросил Джейк.

– Виноват, – сказал Корваллис. – Да, конечно. Вы, родные, можете сейчас его заморозить.

– Я в этом участвовать не буду, – напомнил Джейк.

– Джейк, хватит перебивать, – сказала Элис. – Продолжайте, пожалуйста, Си-плюс.

– Если заморозить его сейчас по последней версии эвтропийского протокола, которая вроде бы сохраняет коннектом – связи между нейронами, и продержать замороженным несколько лет, то можно будет отсканировать мозг по новой технологии, как только она станет доступна.

– Но мне сказали, что фирма по заморозке людей закрылась, – сказала Элис.

– Состояние Ричарда – около трех миллиардов долларов, – напомнил Корваллис.

– Вы хотите сказать, на покупку холодильника хватит.

– Я говорю, что такой вариант есть.

– И мы наймем кого-нибудь стоять у холодильника несколько лет, следить, чтобы не выключился? – ехидно спросил Джейк.

– Не знаю, – ответил Корваллис. – Об этом еще не думал.

Маркус, младший адвокат, молчал с тех самых пор, как угодил в расставленную Элис ловушку. Сейчас он заговорил:

– Наша юридическая фирма выполняла кое-какие работы для Семейного фонда Уотерхауза-Шафто, финансирующего УОТИМ – Уотерхаузовский институт мозга.

– Ну разумеется, – сказала Элис. – «Ардженбрайт-Вейл» работает со всеми.

Маркус поднял руку, прося молчания:

– Это крупная фирма, и мы тщательно избегаем конфликта интересов. Я просто к тому, что такие фонды тут достаточно распространены. Многие люди заработали кучу денег в ИТ-индустрии. На определенном этапе жизни они начинают раздавать эти деньги, тогда-то и учреждаются подобные фонды. Они взаимодействуют… – он сплел пальцы, – довольно сложным образом. Так вот, как только будет выписано свидетельство о смерти Ричарда Фортраста, согласно его завещанию появится новый фонд.

– Фортрастовский фамильный фонд, – вставила Элис.

– Я к тому, что вам не нужно покупать собственный холодильник. Думаю, если вы заглянете в УОТИМ…

– В УОТИМ?

– …В УОТИМ, который, как справедливо заметил Корваллис, расположен меньше чем в миле отсюда, очень вероятно, вы сумеете договориться, как пожертвовать мозг Ричарда на благо науки.

– Но тогда они смогут делать с ним что угодно!

Маркус мотнул головой:

– Вы можете написать какой угодно контракт. Точно оговорить, что с ним делать.

– С какой стати УОТИМу подписывать такой контракт? – спросила Элис.

– Потому что Фортрастовский фамильный фонд пожертвует институту чертову уйму денег, – предрекла Зула. – А деньги – очень убедительный аргумент.

– Я тут всего лишь юрист, – сказал Стэн, – но идея мне

нравится. Мы не можем утверждать, что «Эфрата крионикс» несостоятельна, поскольку Эл Шепард поддерживает ее из своего бездонного кармана. Итак. Если родственники не хотят, чтобы мозг Доджа подвергли разрушающему сканированию, которое проталкивает ЭЛШ, то, согласно распоряжению о медицинском уходе, мы просто должны заявить, что существует более передовая технология. И если в словах Корваллиса что-то есть, сделать это будет легко.

– Легко убедить Элмо Шепарда?

– Нам не нужно убеждать Элмо Шепарда, – ответил Стэн. – Нужно только послать его к черту достаточно уверенным тоном.

5

У Корваллиса в кармане рубашки завибрировал телефон. Он глянул на экран. Незнакомый местный номер, заканчивается на два нуля, то есть звонят с многоканального телефона. Корваллис извинился, встал и вышел в прихожую.

Через минуту он вернулся. В его отсутствие чашки унесли, а ноутбуки убрали в сумки.

Зула поймала его взгляд:

– Эл Шепард по-прежнему тебя достает?

– Это оттуда, – сказал Корваллис. Отчетливо понимая, как невнятно выразился, он заморгал, затряс головой и попробовал зайти снова: – Из медицинского центра, где Ричард был вчера. Где он… где с ним произошло несчастье.

– Люди, которые его убили? – вмешалась Элис. – Чего им надо?

– Мой телефон был у них записан для связи в экстренных случаях – я сидел там, когда это случилось, – сказал Корваллис. – Сейчас они просто позвонили сообщить, что у них сумка Ричарда. С его вещами. Одежда, бумажник и прочее. Когда его увезли, все осталось там. Там что я, наверное, зайду туда и заберу вещи.

Фортрасты просто смотрели на него.

– Если, конечно, так будет проще, – добавил он.

– Да, пожалуйста, – сказала Элис.

– Я спущусь с вами, – объявил Стэн, дружески беря Корваллиса за плечо.

Когда они со Стэном и Маркусом вышли, Корваллис спросил:

– Я что-нибудь пропустил?

– Зула будет звонить на ИВЛ-фермы, – ответил Стэн.

– Что это такое?

– Жуткое слово. Когда пациент, как Ричард, стабилен, но не

может дышать самостоятельно, нет надобности держать его в реанимации. Это дорого, и он занимает койко-место, куда можно положить человека, которого правда нужно реанимировать. Есть центры, обслуживающие этот рынок. Представьте себе интернат для инвалидов, только все его обитатели…

– Такие, как Ричард?

– Да. Есть политкорректный термин, но врачи говорят «ИВЛ-ферма».

– То есть мы собираемся перевезти Доджа на ИВЛ-ферму?

– Элис решительно против, – сказал Маркус. Он сумел, не меняя выражения лица, показать, какое живое впечатление произвела на него Элис Фортраст.

– Она хочет оставить его в реанимации?

– Альтернатива – отвезти его домой и уложить на кровать, – ответил Стэн. – Аппарат, само собой, поедет вместе с ним. Круглосуточный сестринский уход, все такое.

– Эсме Херлбат сильно давит, – добавил Маркус.

– Она хочет сбыть его с рук, – сказал Стэн.

Дверь открылась, и они вышли из лифта в вестибюль.

– Она юрист, – заметил Корваллис.

– Она видит, к чему все идет. Ледяная ванна, замораживание останков. Она категорически не желает, чтобы все это происходило на территории больницы.

– Ясно.

Они вышли на улицу и остановились под козырьком. Капельки влаги, сыплющиеся на металл с серого неба, создавали тихий белый шум.

– Сейчас вы заберете личное имущество, оставшееся от Доджа?

– А? Да. – Корваллис задумался, в какой момент одежда, бумажник и все такое стали «личным имуществом покойного».

– Не хочется думать, что они попробуют вас обставить, – сказал Стэн, – но все равно молчите, хорошо? Ни слова кроме «здрасьте» и «до свидания».

– Обставить?

– Они наверняка боятся иска о преступной халатности. Если не просто отдадут сумку, а начнут вытягивать из вас информацию, сразу уходите. И позвоните мне.

Корваллис пожал Стэну и Маркусу руки, шагнул под дождь и двинулся по улицам Ферст-Хилл в сторону медицинского центра, где оборвалась жизнь Ричарда. Короткая прогулка, но он радовался случаю наконец проветрить мозги.

По крайней мере, пока не зазвонил телефон. Корваллис был уже перед медицинским центром, глядел на улицу, живописно

усеянную красными кленовыми листьями. Он стоял на том самом месте, где вчера Ричарда поймал юный геймер со сломанной рукой и снял его последнее прижизненное видео.

Снова Эл Шепард. Корваллис решил принять звонок.

– Корваллис Кавасаки. Правда ли к вам обращаются Си-плюс? Или это только для близких друзей? Не хочется в такое время проявлять излишнее панибратство. Примите мои соболезнования в связи с происходящим.

– На промежуточном уровне официальности ко мне часто обращаются просто «Си». Меня это вполне устроит. А как мне называть вас, мистер Шепард?

Элмо Шепарда назвали в честь деда, двоюродного деда или кого-то еще, родившегося в краях, где в то время Элмо, Элвудов, Делбертов и Деуэйнов было пруд пруди, а подобные имена считались нормальными и даже красивыми. Отринув мормонизм и перебравшись в Северную Калифорнию на поиски счастья, он узнал, что его имя воспринимается как несколько комическое, и отбросил второй слог. Как Эл он достиг высот влияния и богатства, на которых мог, не вызывая смешков, назваться полным именем в официальной обстановке вроде обеда в Белом доме или открытия сверхсовременного научного центра. Корваллис знал, что это своего рода шибболет. «Эл», произнесенное нужным тоном, могло означать личное знакомство.

– Меня устраивает «Эл», спасибо, – произнес голос в телефоне. Потом на какое-то время все заглушил рев взлетающего самолета. – Извините. Я на аэродроме Боинг-филд. Сейчас зайду в здание.

– Вы прилетели самолетом?

– Да. Вы, возможно, видели, что я пытался дозвониться вам два часа назад. Со взлетной полосы в Сан-Рафаэле. – Эл приглушенно кого-то поблагодарил (судя по звукам, тот распахнул перед ним дверь).

Корваллис прекрасно знал, где это происходит: в той части Боинг-филда, где садятся и взлетают частные самолеты.

– Да, извините. Я был на встрече. С родными.

– Конечно.

– Я слышал, вы не любите летать, – сказал Корваллис.

– И это правда, в отличие от многого того, что про меня пишут, – ответил Эл. – Но иногда надо идти на просчитанный риск.

Как часто бывало во время телефонных разговоров, взгляд Корваллиса блуждал, изредка замирая на том, что вызвало усиленную реакцию зрительной коры: хорошенькой студенточке

из соседнего университета, проезжающей мимо лиловой «Тесле», шоколадном лабрадоре, который раскорячился в кустах, в то время как хозяин стоял наготове с вывернутым синим пакетом «Нью-Йорк таймс» в правой руке. У ног лежал прибитый дождем идеально красный кленовый лист. Вокруг листа асфальт был раскрашен в цвета детских игрушек: ядовитые оттенки малинового, зеленого и розового. Кто-то мелками нарисовал на тротуаре граффити. Корваллис отступил на шаг и увидел размытый дождем портрет седовласого седобородого человека. Ветхозаветный Бог в лиловом одеянии и с радужным нимбом. Ниже было написано: ЖДОД. Имя самого могущественного Ричардова персонажа в «Т'Эрре». Какой-то фанат увидел видео на Реддите, вытащил оттуда GPS-координаты и мелками нарисовал здесь икону. Может, думал, что окна больничной палаты Доджа выходят на эту сторону и что Додж способен выглянуть в окно.

– Вы еще здесь? – спросил Эл. – Я заскочил в конференц-зал.

В аэропорту для частных самолетов хватает уютных конференц-залов, ждущих, когда такие, как Эл, в них заскочат.

– Какие у вас на сегодня планы? – спросил Корваллис.

Определенно у Эла была причина пойти на просчитанный риск. Согласно тому, что о нем писали, Эл Шепард намеревался жить вечно, а потому не любил помещать себя в ситуации, чреватые разрушением мозга. У него был мобильный офис в автобусе, который он предпочитал авиаперелетам. Автобусы иногда попадают в аварии, но, если ты не протаранишь бензовоз на скорости сто миль в час, до полного уничтожения мозга дело, скорее всего, не дойдет. А вот на месте крушения самолета могут и не наскрести мозгов для морозильной камеры.

– У меня есть кой-какие дела, раз уж я здесь, – ответил Эл, – но вы, конечно, угадали главную цель моего визита.

– Да.

– Менее всего мне хочется в такое время навязываться родным…

– Хорошо, – сказал Корваллис, гадая, слышит ли Эл улыбку в его голосе. Скорбящих родственников, значит, беспокоить нельзя, а вот скорбящий друг – законная добыча. – Я сейчас должен выполнить одно мелкое поручение. Через пять минут освобожусь, возьму свою машину и поеду в Джорджтаун. – (Это был район к северу от Боинг-филда). – Если хотите выбрать там ресторан или что еще, просто напишите мне сообщение, и я буду через полчаса.

– Отлично. До встречи, – сказал Эл.

Корваллис сфотографировал граффити на асфальте и вошел в здание, мысленно крепясь перед очередным неловким разговором, из которых сегодняшний день состоял чуть больше,

чем полностью. Люди в медицинском центре постараются быть предупредительными и выразить сочувствие, но при этом не сказать ничего такого, что может быть использовано против них на слушаниях о преступной халатности. Так что разговор будет чудовищно неловким. Даже предстоящая встреча с Элом Шепардом по контрасту не казалась такой тягостной. Эл гарантированно ломанется прямо через эмоциональное минное поле и в два счета начнет вещать о коннектомике.

Рядом с регистратурой был небольшой конференц-зал, стандартный до полной безликости. Офис-менеджер проводила Корваллиса туда. На середине стола одиноко стояли наплечная сумка Ричарда и холщовая сумка с эмблемой Национального общественного радио. Кто-то собрал одежду Ричарда (которую тот, раздеваясь, наверняка бросил на пол) и аккуратно сложил в холщовую сумку. Эта единственная мелочь яснее всего свидетельствовала, что Додж умер. Корваллис сел, сложил руки на столе и уткнулся в них лбом. Минуты две он безудержно рыдал. Офис-менеджер поначалу смутилась, затем вышла и вернулась с коробкой бумажных носовых платков. Это все Корваллис заключил по звукам; он ничего не видел сквозь слезы, кроме пластиковой столешницы «под дерево». Когда он поднял голову, офис-менеджер стояла в дверях, заламывая руки. Он вытер глаза бумажным носовым платком, затем промокнул слезы со стола, бросил мокрые носовые платки в урну, закинул сумку Доджа на плечо, а холщовый пакет сунул под мышку. Офис-менеджер открыла ему дверь. Он кивнул ей и, не оглядываясь, вышел из медицинского центра.

За время его отсутствия кто-то положил цветы на тротуаре рядом с изображением Ждода. Букет был дополнительно обвязан черным проводом. Со второго взгляда стало понятно, что это джойстик от игровой приставки, аккуратно примотанный к стеблям.

6

Через полчаса Корваллис сидел в кабинке джорджтаунского бара напротив Элмо Шепарда. Эл был в деловом костюме. Некоторые северокалифорнийские ИТ-миллиардеры из принципа одеваются в дорогих ателье. Эл принадлежал к их числу.

– Си, – сказал Эл, – я сочувствую вашей утрате.

– Все в порядке, – ответил Корваллис. – Мне пришлось исполнить печальную обязанность, но сейчас это позади.

Он держал в охапке вещи из медицинского центра, которые

принес с собой. Джорджтаун – нехороший район, машины здесь грабят часто, и он не хотел, чтобы личное имущество Доджа выставили завтра на продажу в Миазме. Додж, если бы мог узнать, от души посмеялся, а вот Элис бы это расстроило.

– Ладно, – с легким смущением сказал Эл. – Я не буду ходить вокруг да около. Известно ли вам содержание документов, которые Ричард Фортраст подписал с «Эфрата крионикс»? Знаете ли вы о них?

– Целиком и полностью, – ответил Корваллис. – Да.

– И вы знаете…

– Про ЭЛШ и все остальное? Покупку компании? Сканирование и облачное хранение? Да.

– Это, вероятно, не имеет отношения к делу, но ваша компания…

– «Нубилант» хранит сканы. Да, это я тоже знаю.

– Отлично, – кивнул Эл. – Похоже, вы в курсе всего, что я считаю прошлыми и нынешними аспектами ситуации. Однако вы никак не можете знать, что мы планируем на будущее.

– Справедливо.

Подошла официантка с заказанной Корваллисом пинтой пива. Он счел, что в таких обстоятельствах вправе выпить за ланчем. Эл пил что-то прозрачное с лаймом, надо думать, безалкогольное. Не подвергая опасности свои мозговые клетки. Интересно, каков «просчитанный риск» сидения в джорджтаунском баре? У скольких людей, выпивающих здесь в полдень, есть при себе спрятанное оружие? Случайный или не очень случайный выстрел – и пуля разнесет Элу мозги, а равно его планы на бессмертие. Есть ли у Эла таблица, в которой он рассчитывает и сопоставляет вероятности?

– Раз уж мы здесь вдвоем, беседуем с глазу на глаз, не стану оскорблять ваши умственные способности, уверяя, будто метод, использованный для Эфратских Одиннадцати, имеет что-либо общее с тем, что мы предполагаем сегодня.

– Для Ричарда Фортраста, вы ходите сказать.

– Для него или кого угодно.

– Кого угодно?

– Для меня. Си, поймите, я не разделяю свое положение и положение Ричарда Фортраста. Я тоже завтра могу оказаться на ИВЛ и хочу, чтобы в таком случае для сохранения моего коннектома применили самые передовые методики, каких бы затрат они не потребовали. Я здесь, чтобы вам сказать: в данном вопросе нет никакой разницы между Ричардом Фортрастом и мной. Мы не предлагаем экономвариант.

Корваллис отпил пива. Хорошее. Интересно, есть ли пиво в

цифровом раю Эла Шепарда?

– Вы, вероятно, рассматриваете возможность ионно-лучевого сканирования, – заметил Эл.

– Да.

Это была та самая методика, о которой Корваллис упомянул в разговоре с Фортрастами. Та, с помощью которой в УОТИМе сканировали мышиные мозги. На семейной конференции в гостиничном номере было как-то неуместно входить в детали.

Если считать (как, очевидно, считает Шепард), что коннектом – единственно важное в мозгу, а значит, оцифровав монтажную схему и поместив ее в облако, можно выбросить остальное тело и не потерять ничего существенного, то ионно-лучевое сканирование решает все ваши проблемы. Старая методика, которую применили к одиннадцати замороженным в «Эфрата крионикс», состояла в том, чтобы пропустить мозги через высокоточную ломтерезку, снимая один за другим тончайшие слои и фотографируя каждый срез. Дальше требовалось проследить связи через слои. Именно эту сложную задачу УОТИМ попытался геймифицировать несколько лет назад. Метод целиком зависел от толщины нарезки, разрешения фотографий и внимания геймеров.

Ионно-лучевое сканирование, чтобы сохранить мозг, уничтожает его по несколько молекул за раз. Луч заряженных частиц, сфокусированный с субклеточной точностью, выжигает мозговую ткань. Однако при этом он собирает информацию о том, что разрушает, и записывает ее с куда большим разрешением, чем позволяла старая методика. По сути, это та же ломтерезка, только куда более прецизионная. Вместо груды слоев толщиной с бумажный лист остаются только дым и пар. Продвинутая форма кремации.

– Послушайте, – сказал Корваллис. – В той мере, в какой это касается меня как нерда, читающего статьи в интернете? Да. Куда лучше, чем пропустить все это через машинку для нарезки колбасы и отщелкать фотографии.

– Я пошел бы дальше, – ответил Эл, – и сказал бы, что тут достигнут предел. Если даже завтра изобретут систему с еще большим разрешением, она ничего дополнительно не даст. Все равно что составлять карту США в субмиллиметровом масштабе – она ничего не добавит к сантиметровой.

Корваллис оторвал взгляд от собеседника и глотнул пива. В последние несколько минут эмоциональный прилив сменился эмоциональным отливом. Все эти разговоры о сканировании мозга превратились в нудные детали, с которыми нужно покончить как можно скорее, желательно – чужими руками. Два

щедро финансируемых научных центра – УОТИМ и многочисленные фонды и стартапы Эла – независимо пришли к выводу, что лучше ионно-лучевого сканирования ничего нет и быть не может. Облачные компании вроде той, в которой работал Корваллис, сделали долговременное хранение данных таким надежным и дешевым, что думать вообще не о чем.

Так что тут обсуждать? Эл сам минуту назад сказал, что предел достигнут.

– Зачем вы прилетели в Сиэтл? – спросил его Корваллис.

– Убедиться, что последняя воля Ричарда Фортраста – включая распоряжения о медицинском уходе и об останках – будет выполнена, – ответил Эл.

– Вы считаете, что у вас есть на это моральное и этическое право?

– Я не знаю ничего про его родных, – сказал Эл. – Вы, Си, другое дело. Хоть мы и не встречались, я могу оценить вас по профилю в Линкдин, по вашему послужному списку. Я пришел в этот бар, зная, что мы с вами можем побеседовать спокойно и на должном техническом уровне.

– Какое отношение это имеет к моему вопросу?

Эл умиротворяюще поднял руку. Мол, слушай меня, приятель.

– Мысленный эксперимент. Человек родился в примитивном племени, где медицина находится в руках заклинателей. Самая их передовая терапевтическая методика – трясти гремушкой. Позже ему удается получить образование. Он переезжает в Лондон, становится зажиточным человеком. Хочет в случае болезни гарантированно получить то же медицинское обслуживание, что и любой в Лондоне. Поэтому он пишет распоряжение о медицинском уходе, где, по сути, говорит врачу следующее: «Если я заболею и буду без сознания, могут заявиться мои родственники с тем, чтобы исцелить меня гремушками. Они попытаются не дать вам, врачам, предоставить мне такой медицинский уход, какой я хочу получить. Так вот, дайте им пинка под зад. Не впускайте их в мою палату. Они могут стоять под окнами больницы и трясти гремушками до посинения, но ко мне в палату пусть заходят только врачи и медсестры». Он пишет это в форме совершенно пуленепробиваемой юридически, подписывает и скрепляет печатью со всех сторон и убирает в надежное место. Давайте предположим, что случилось худшее. Он правда заболел и лежит без сознания. Его увозят в больницу, и, конечно, являются родственники-знахари. И они не просто хотят стоять возле кровати и трясти гремушками. Они хотят выгнать врачей и медсестер, вытащить капельницы, выключить аппараты,

отменить лекарства. В этой ситуации, Корваллис, скажете ли вы, что доктор имеет моральное и этическое право вызвать охрану, чтобы та препроводила заклинателей на улицу?

– Так вы хотите знать про ближайших родственников Ричарда, заклинатели ли они с гремушками?

– Да.

– И, – сказал Корваллис, – просто чтобы уточнить вашу аналогию, вы – врач. И медицинский уход в данном случае не обычные процедуры, которые мы под этим словом понимаем, а…

– Ионно-лучевое сканирование мозга. Да.

И снова пари Паскаля. Эл Шепард убежден, что посредством правильной методики сделает Доджа бессмертным. Как Додж и хотел. И Эл не позволит родственникам встать поперек желания Доджа. Ставки слишком велики.

– Давайте на минутку вернемся к вашей аналогии, – сказал Корваллис. – Когда дело становится серьезным, врач зовет охрану и вышвыривает заклинателей вон. Эл, каков ваш план на случай, если дело станет серьезным?

– Я не остановлюсь перед тем, чтобы пойти в суд и получить судебное предписание.

– Обалдеть.

– Послушайте. Фортрасты расстроятся и на какое-то время меня возненавидят. Это минус. А плюс…

– Вы спасете Ричарду жизнь. Или посмертное бытие – как уж вы это называете.

– А попутно? Может, и рассерженным родственникам тоже. Миллион лет спустя они еще поблагодарят меня за то, что я предпринял необходимые шаги.

– Просто обалдеть.

– Теперь вы, возможно, понимаете, отчего я хотел поговорить именно с вами. Не с родственниками. Для них это может быть личное.

– Это личное для меня.

– Но иначе, верно? Даже если вы меня ненавидите, вы понимаете, на каком я техническом уровне.

Корваллис подумал, что сейчас лучше промолчать. Эл Шепард, не встретив отпора, попытался зайти с другой стороны:

– Минуту назад вы сказали, что рассматривали вариант ионно-лучевого сканирования.

Корваллис и впрямь это сказал. Возможно, зря.

– Как я понимаю, вы решили поискать альтернативу услугам, предлагаемым «Эфрата лайф шеринг».

Да, определенно зря.

– К чему вы клоните?

– Вы, вероятно, исходите из вставленного в контракт пункта, согласно которому родственники могут обратиться к другой организации, если решат, что она лучше.

– Учитывая, что вы только что грозили нам судом, – начал Корваллис, – с какой стати я…

– Заверяю вас как технарь технаря, что такой альтернативы не существует. ЭЛШ далеко обогнала всех в этой области. И я намерен активно за нас бороться. Исключить всякое недопонимание. Защитить наш бренд.

– Желаю вам всяческих успехов с вашим брендом, – сказал Корваллис, вставая. В последний момент он, как будто спохватившись, сгреб вещи Ричарда и пошел прочь, не пожав Элу Шепарду руки. Путь к двери проходил мимо ряда барных табуретов. На четырех сидели люди. Для любителей выпить в полдень они выглядели странно накачанными. Может быть, потому что пили воду. Они разом подняли голову, следя за Корваллисом краем глаза. Один глянул на Эла.

– Все в порядке! – крикнул тот. – Пусть идет.

Табличка на двери сообщала Корваллису «ОТКРЫТО». Значит, она сообщала «ЗАКРЫТО» людям на улице.

Эл для одного лишь разговора снял целый бар и рассадил здесь свою охрану.

«Пусть идет». По пути к машине Корваллис не мог отделаться от этих слов. Неужели всерьез возможно, что его бы *не выпустили*? Неужели они думали его *задержать*?

Маловероятно, думал Корваллис, заводя машину и трогаясь на север. Они, может быть, и головорезы, но, скорее всего, головорезы-профессионалы. У них нет юридического права никого задерживать, и они это знают. Про себя они думают: ну и придурок же их босс, если такое сказанул.

А может, просто Корваллис пытался себя успокоить.

7

Он думал сразу отвезти вещи Доджа в гостиницу, но Зула прислала сообщение, что в следующие часа два они будут заняты «переездом», а следом еще одно: «*встречаемся у Ричарда часа через 2*».

Значит, Додж не будет овощем на вентиляторе. Он умрет в своей постели.

Корваллис заехал на стоянку и отправил сообщение Стэну: «*Может ли Эл получить судебное предписание? Реальная ли это угроза*?»

Потом он набрал номер Бена Комптона. Бен первым променял Корпорацию-9592 на Уотерхаузовский институт мозга, он же и увел за собой остальных. Потом некоторые вернулись к программированию традиционных компьютерных игр, а вот Бен так и остался в УОТИМе.

– Си-плюс. – Голос Бена звучал глухо. Он, разумеется, уже знал новости. Корваллис слышал его через аудиосистему автомобиля, подключенную к телефону через блютус.

– Бен. Ты в курсе.

– Да. Кошмар полный. Даже не знаю, что сказать. Чуть было дома сегодня не остался.

– Может, к лучшему, что ты на работе.

– Могу я тебе чем-нибудь помочь?

– Зарезервируй переговорку, и встретимся там через полчаса.

– Заметано. Пожрать?

– Ага. Я после отвратительного ланча.

– Что было на ланч?

– Полпинты пива.

– Звучит неплохо. Хотя пинта была бы лучше.

– Дело скорее в том, кто там со мной был.

– Юристы?

Как по команде, в держателе завибрировал телефон. Корваллис глянул на экран. Звонил Стэн с рабочего номера.

– Извини, мне звонят. До скорого.

Он переключил Стэна на аудиосистему и выехал со стоянки в сторону центра.

– Ты принял звонок Эла, – сказал Стэн. – Лучше было этого не делать.

– Хуже. Я сидел напротив него за столом.

– Что?!

– Кроме шуток. Пока мы разговаривали в гостинице, он прилетел из Сан-Рафаэля. С оравой телохранителей.

– Черт. И угрожает получить судебное предписание?

– Да. Возможно ли это юридически?

– Это очень необычно. Настолько необычно, что мне придется провести изыскания, – ответил Стэн. – Но в принципе да. Если родственники намерены прямо нарушить распоряжение о медицинском уходе, главный прокурор штата может обратиться в суд и получить предписание.

– И тогда?..

– Тогда, если родственники или врачи проигнорируют судебное предписание, это неуважение к суду. Так что да, у Эла есть дубинка, которой он может грозить Зуле и Элис. Но я в шоке, что он вообще о таком заикнулся.

– Говорит, что защищает свой бренд.
– Охрененная защита бренда.

Организация, известная Элис как Заумный кибербанк, приобрела большое старое здание у незаумного некибербанка, который в начале нулевых сдох из-за финансового кризиса и сопутствующих неурядиц.

В тридцатых годах двадцатого века здание, вероятно, считалось высоким и футуристичным, теперь выглядело низким и забавно старомодным. Новые владельцы провели всю необходимую структурную реконструкцию, чтобы оно не превратилось в груду кирпичей при следующем землетрясении, а затем поделили его между своими подразделениями.

Собственно Заумный кибербанк – коммерческая финансовая организация, выросшая из стартапа под названием «Эпифит» и вобравшая в себя еще несколько шараш-контор аналогичного профиля, – занимал верхние две трети здания. На нижних этажах располагались Семейный фонд Уотерхауза-Шафто и его дочерняя структура, УОТИМ.

Здание стояло на склоне холма, так что с одной стороны посетители заходили на первый этаж, а с другой – на четвертый. Топология оставшегося клина могла бы вызвать трудности у лиц с ограниченным чувством направления, поэтому архитекторы сохранили его по большей части деконструированным: оставили на виду мощный стальной каркас, держащий теперь мраморно-кирпичный пряничный домик наверху. Такая система надежности и пристала банку, который работает с таинственными и, возможно, стремными клиентами. Однако внутренние перегородки были преимущественно стеклянные, так что вы по крайней мере могли видеть места, куда вам вход запрещен.

Не могло быть и речи о том, что Корваллис Кавасаки войдет с улицы и на посту охраны подпишет стандартный эндиэй. Поэтому ему выдали не пропуск, а гостевой бедж. Это значило, что он может ходить только с Беном и они должны держаться разрешенных для посетителей зон на нижних этажах. Там как раз для таких случаев имелось несколько переговорок, но через стеклянные стены было видно, что все они заняты. Так что Си-плюс с Беном, за неимением другого места куда пойти, начали прогуливаться по музею, занимавшему внутреннюю часть первых трех этажей.

Музей выглядел дорогим. Явно его сляпали не стажеры на скорую руку. Чувствовалось, что серьезные люди приехали из Лондона, работали над экспозицией много лет и создавалась она надолго. Многословные таблички, гравированные на загадочном

коррозионностойком металле, излагали длинную интригующую историю. Корваллис пообещал себе, что вернется их прочесть. Сейчас, прохаживаясь и болтая с Беном о пустяках, он в фоновом режиме впитывал визуальную информацию и вынес общее впечатление, что институт уходит корнями в эпоху, когда люди носили большие парики – не пудреные, как у Джорджа Вашингтона, а цвета натуральных волос, и связан по научной линии с Паскалем и Лейбницем, по финансовой – с древней банкирской династией Хакльгеберов, а по политической с… неужто это правда Петр I? Каким-то образом это сходилось к ганноверскому «Лейбниц-архиву», который, честно сказать, никак себя не проявлял несколько сотен лет.

Создатели экспозиции умело замаскировали прискорбную лакуну материалами по первым механическим компьютерам, включая действующую модель разностной машины Беббиджа (ее построили в приступе нердовского энтузиазма, а затем пожертвовали музею местные ИТ-магнаты). Имелся обязательный алтарь Ады Лавлейс, а затем быстрая перемотка к середине двадцатого века и черно-белой фотографии молодых Алана Тьюринга, Лоуренса Притчарда Уотерхауза и Рудольфа фон Хакльгебера на велосипедной прогулке. Тут Корваллис почувствовал, что запутался: прошлый раз Хакльгеберы упоминались в связи с событиями на двести пятьдесят лет раньше. Но, видимо, этот Рудольф был из тех сверхпривилегированных белых мужчин, кто и впрямь оказался математически одаренным. Так или иначе, отсюда начиналось целое крыло экспозиции с предметами, которые Корваллис видел в десятках других музеев («Энигма», фотография «Бомбы» Тьюринга), а также уникальными экспонатами вроде ЭВМ, которую Лоуренс Притчард Уотерхауз собрал из органных труб и наполненных ртутью U-образных трубок.

Большая карта мира, расцвеченная дорожками светодиодов и окруженная плоскопанельными мониторами, пыталась донести до зрителя некую сложную цепочку событий, в ходе которых «Лейбниц-архив» увезли из Ганновера (то ли спасая бесценную реликвию от англо-американских бомбардировок, то ли потому, что Геринг хотел ее переплавить) и в конечном счете доставили на Филиппины, где он затонул, не достигнув берега, а позже был поднят Уотерхаузом и Шафто.

Главное заключалось в том, что архив состоял из золотых пластин с пробитыми в них дырочками, вроде ранней версии перфокарт. Пластины эти должны были читаться механическим компьютером под названием Логическая Машина. О Логической Машине много говорили разные ученые со времен Оливера

Кромвеля, но никто ее так и не построил, пока Рэнди Уотерхауз – один из основателей Заумного кибербанка – не вбухал часть своих прибылей в создание действующей модели. На это ушло больше десяти лет, поскольку, коротко говоря, прожекты восемнадцатого века были очень наивны на инженерном уровне и требовали большого участия людей, чтобы двигать разные рычаги. И все же удалось сконструировать модель для работы с подлинными пластинами из «Лейбниц-архива».

Именно это обстоятельство и позволило Си-плюсу с Беном уединиться наконец для настоящего разговора. Случайный посетитель музея мог видеть Логическую Машину через окно с толстым стеклом, но само помещение отделял дополнительный пост охраны, где требовалось сдать сумки и пальто, после чего вас пропускали через рамку и охлопывали. Для большинства посетителей это был достаточно серьезный барьер, и они ограничивались взглядом через стекло. Бен и Корваллис прошли проверку на входе и оказались одни в стальной камере (она опечатывалась на ночь) с механизмом, который медленно перебирал золотые пластины и тыкал в них металлическими спицами.

– Она в интернете! – воскликнул Бен, указывая на плоскопанельный экран, закрепленный на кронштейне. По экрану двигались строчки – так медленно, что по большей части текст казался застывшим. Корваллис узнал низкоуровневый интернет-язык.

– Ага, – изумленно согласился он.

– На пенсии эпифитовские гики сумели научить Логическую Машину протоколу TCP и присвоили ей собственный IP-адрес. Можешь пингануть ее, если некуда будет девать время.

Они постояли минуту-две, глядя на работу Логической Машины. Было что-то приятно-успокаивающее в том, как металлические стержни цепляют пластины.

Выждав приличествующее время, Си-плюс сказал:

– Итак. Элмо Шепард.

– Эл – фанатик, – ответил Бен.

Бен был в рекламной футболке одной из ранних версий «Т'Эрры», изрядно заношенной, с дыркой от моли над правым соском. Корваллис, не спрашивая, знал, что Бен надел ее сегодня в память о Ричарде Фортрасте, который взял его на работу, после того как Бена выгнали из Принстона. Бен был круглолицый, кудрявый, небритый.

– Ты встречался с Элом?

– Скажем так, пару раз сидел с ним на переговорах. А что?

– Года два назад он ошивался здесь, хотел замутить что-то

между нами и ЭЛШ. После стадии предварительных ухаживаний высокое начальство УОТИМа сочло, что на переговорах нужен программист – просто чтобы сообразить, что же такое Эл предлагает.

– Удивительно, – заметил Корваллис. – Мне казалось, Эл занимается всякими вещами вроде ионно-лучевого сканирования. Как собрать данные и поместить их в облако.

– То есть тем, что совершенно не по моей части.

– Да.

– Ну он смотрит дальше. – Бен отпил кофе с молоком из бумажного стаканчика. – Кстати, в том, что ты назвал, он чувствует себя неувереннее всего.

– Потому что привык жонглировать битами.

– Да. Ему пришлось основательно напрячь мозги, чтобы вникнуть в биологию.

– Оно и заметно по общему подходу, – сказал Корваллис.

– Вот именно. Ребята из «Эфрата крионикс» хотели сохранить тело. Вернуть к жизни конкретный кусок мяса. – Бен пантомимой изобразил, как Эл Шепард отмахивается от этой мысли. – Элу оно не нужно. Превратить его в биты. Как можно скорее. Мясо выбросить. – Он выразительно указал на Логическую Машину и скроил гримасу, пародируя того, кто при виде нее скажет: «Вот он, настоящий мозг!»

– А потом запустить цифровую модель.

– Да. Ты же знаешь, он верит в Сингулярность.

– Знаю.

– Так что все сходится. – Бен улыбался, но совсем не весело.

– И он хотел сотрудничать с вами в этом направлении.

Другими словами, чтобы сделать следующий шаг. Программно воссоздать работу человеческого мозга. Реинкарнировать отсканированный коннектом в качестве облачной цифровой души.

– Я подписал эндиэй, так что много рассказать не могу, – продолжал Бен. – Но я уже упомянул, что присутствовал на переговорах. Два и два можешь сложить сам.

– Не срослось.

– Угу. – Бен хохотнул. – Элмо звал меня к себе. После того как здесь ничего не вышло.

– Но ты не… – начал Корваллис.

Бен перебил его пантомимой, которую Корваллис знал по совещаниям в Корпорации-9592: быстро повел туда-сюда раскрытые ладони, будто стирает с воображаемой доски негодную идею.

– Си. Нет. Послушай меня. Он больной на всю голову.

– Мне он показался не психом, просто, как бы это сказать… исключительно зацикленным на том, во что верит.

– Один хрен. Это его религия. И он пускает ее в ход, как худшие из фанатиков.

– Ты хочешь сказать, оправдывает ею любые свои поступки.

– Да!

– Это я про него понял.

– Ничего у него не выйдет, – сказал Бен.

– Откуда такая уверенность?

– Из-за Доджа.

– Не понял.

– Это то, по чему я вижу, выйдет у компании что-нибудь или нет. Все дело в лидере. В «девяносто пять – девяносто два» у нас был великий лидер, Ричард Фортраст. А здесь это Уотерхаузовский клан. Совершенно другие люди, чем Додж, но тоже классные лидеры в своем роде. Эл не такой. И не важно, сколько у него денег или сколько умных людей на него работают. Ни хрена ни то, ни другое не даст.

Корваллис кивнул. Несколько минут они сидели молча, глядя, как думает Логическая Машина. Бен сказал:

– Главный вывод, по-моему, такой: не дай этому козлу захапать мозг Доджа.

8

Через несколько часов Корваллис был у Ричарда в квартире, сидел на диване в большой комнате и чувствовал себя лишним. Элис и Зула говорили по телефону с медработниками. У Фортрастов выдался хлопотный денек. Как только они решили перевести Доджа домой, начались часы безумной логистики: договориться со службой перевозки больных, арендовать аппарат ИВЛ и прочее оборудование, выбрать сиделок. Корваллис приехал минут через десять после того, как Доджа переложили с каталки на кровать, где он проснулся сегодня утром и где ему вскоре предстояло умереть. Рядом стояли трое в медсестринской форме, хотя Корваллис не знал, медсестры они или какие-то другие специалисты по уходу на дому. Больше всего Корваллису хотелось сбежать. Он постепенно привыкал к мысли, что его друг умер; ужасно было видеть, как тот лежит, по виду совершенно живой, и, кажется, сейчас откроет глаза, сядет и потребует вытащить из горла трубку.

Элис лет двадцать тащила на себе заботы о дедушке Фортрасте, отце Ричарда, Джейка и ее мужа Джона. После

инсультов тот полностью зависел от аппаратов и сиделок. Сейчас она была в своей стихии, так что Зуле осталось лишь молча рассылать эсэмэски родне. Корваллис был совершенно бесполезен.

Одиноко, сидя на диване, он расстегнул сумку Ричарда, думая составить опись вещей. Сверху лежали наушники – те самые, разумеется, что были на последнем видео. Ричард просто затолкал провод вслед за наушниками. Корваллис аккуратно вытащил их, обмотал проводом и положил на стол.

В сумке лежали еще две книги большого формата и яблоко. Корваллис достал книги. Они были детские, про греческие и скандинавские мифы, с яркими литографиями. Корваллис положил яблоко на стол рядом с книгами и некоторое время на него смотрел. Оно было маленькое и не такое идеальное, как обычные магазинные. Прямиком из какого-то сада. Возможно, Ричард захватил его для перекуса.

Теперь в сумке остались только всякие мелочи, рассованные по внутренним карманам: батарейки, карамельный батончик, зарядки для разной электроники, номер «Экономиста» двухмесячной давности.

Корваллис гадал, возмутится ли семья, если он также проверит карманы Ричардовых брюк, и решил, что лучше не надо.

Телефон завибрировал. Пришло сообщение. Стэн писал: «*Кнут и пряник от Эла. Позвони мне*».

– Давай сперва про кнут, – так Корваллис начал разговор. – Надо понимать, с тобой связались его юристы?

– Ага, – ответил Стэн.

– Угрожают судебным предписанием?

– И не только, – в голосе Стэна сквозила легкая ирония. – Они еще что-то вякают про уголовное преследование.

– Издеваешься?

– В законодательстве есть всякая древняя бредятина про ненадлежащее обращение с покойниками. Вероятно, вписана века назад, чтобы наказывать людей, кравших трупы для вскрытия. Юмор в том, что Фортрасты как раз хотят вскрыть тело определенным образом…

– Ионным лучом.

– Да. Послушай, не воспринимай это слишком серьезно. Никого за такое в тюрьму не посадят. Думай тактически. Элис и Зуле надо принять решение. Им и без того треплет нервы Джейк с его религиозными взглядами. Теперь Эл ищет, как бы потрепать им нервы еще сильнее. Грозит судебным предписанием и даже уголовным преследованием. Все это фигня.

– Но в качестве кнута годится.

– Да. И это возвращает нас к прянику.

– Ага. Что за пряник?

– Пока лишь туманные намеки. Но суть в том, что это всего лишь единицы и нолики.

– Ты хочешь сказать, после того как мозг Доджа отсканируют.

– Да. В итоге процесса остается сколько-то дыма в небе и сколько-то данных в файле. Эл хочет копию данных.

– Всего лишь копию.

– Да. Неисключительную лицензию. Фортрастовский фамильный фонд может сохранить собственную копию и делать с ней что пожелает.

– Тогда Эл заткнется и оставит нас в покое.

– Если я правильно его понял, да.

– Зачем Элу это все? – спросил Корваллис. – Почему он не возьмет какой-нибудь другой мозг? Куча людей же умирает.

– Куча людей умирает, – согласился Стэн, – но не все оставляют юридически заверенные указания сохранить их мозг.

– Он может найти желающих.

– Конечно. Но трудно найти таких, кому по карману подобная процедура.

– Так дело в деньгах? Разве Эл не может…

– Вспомни, аппарат для ионно-лучевого сканирования еще не создан, – сказал Эл.

– УОТИМ пока только пробует на мышах.

– Да. Технология в зачаточном состоянии. Машина, способная целиком отсканировать человеческий мозг, обойдется в миллиарды. Даже Элу Шепарду такое не потянуть. А вот совместными усилиями ЭЛШ, УОТИМа и фортрастовского фамильного фонда, возможно, что-нибудь и удастся сделать. И он не хочет оказаться вне этого союза.

– Странный способ заключать союзы.

– Нравится тебе или нет, некоторые именно так ведут бизнес. Методом кнута и пряника, – сказал Стэн.

– И что ты мне советуешь делать сейчас?

– Ровно то, что ты делаешь, – ответил Стэн. – Не забывай, сканер появится еще не скоро. Времени принять решение выше крыши.

– Я правильно понимаю, что Фортрастам это все пересказывать не надо?

– Нет. Пусть горюют. Но если они внезапно решат его кремировать, позвони мне.

В ходе разговора Корваллис бесцельно скользил глазами по столу. Он заметил, что книга греческих мифов выглядит немного странно. Она была совершенно новая, но с дефектом. С торца

можно было разглядеть, что первые страницы пошли волнами, как от сырости. Корваллис придвинул ее к себе. Это была «Д'Олеровская книга древнегреческих мифов». Он открыл ее и увидел две вещи. Во-первых, дарственную надпись.

София!

Надеюсь, ты полюбишь эти истории так же, как я любил их в твоем возрасте! Если захочешь, чтобы я почитал их тебе вслух, просто попроси маму мне позвонить.

Люблю, целую.

Дядя Додж.

И, во-вторых, лист. Большой кленовый лист, красный, как пожарная машина, зажатый между обложкой и первой страницей. Он был все еще мягкий и влажный. Видимо, он был совсем мокрый, когда Додж сунул его сюда, оттого страницы и пошли волнами. Очевидно, Додж подобрал лист перед самым входом в медцентр и, чтобы сохранить для племянницы, вложил в книгу.

Корваллису стало стыдно, что он подсмотрел нечто его не касающееся. Он бережно закрыл книгу и положил обратно на стол.

Минут через пятнадцать хлопнула дверь – кто-то вошел из лифтового холла. Кто-то, у кого были ключи от квартиры. Несколько мгновений Корваллиса мучила дикая фантазия, что вернулся Додж, а все остальное было сном либо галлюцинацией. Но тут тоненький голос позвал:

– Дядя Ричард! Дядя Ричард! Здравствуй! Тебе лучше?

В ответ раздался более низкий голос с восточноевропейским акцентом:

– Тсс, не буди дядю Ричарда, он спит. – Это говорил Чонгор, муж Зулы. – Не забывай, он очень болен.

Корваллис внезапно ясно понял: семья разыгрывает сложный и дорогостоящий спектакль исключительно ради Софии. Трудно объяснить ребенку ее возраста, что любимый дядюшка ни с того ни с сего просто перестал существовать. Непродолжительная тяжелая болезнь, затем смерть – вот лучшее, что они смогли выдумать. София не готова принять, что совершенно здоровый по виду дядя Ричард – на самом деле фактически безмозглый овощ. Ей говорят, что он болен, что он спит. Через несколько дней девочке сообщат ужасное известие о его смерти. Про то, чего требуют распоряжения о медицинском уходе и останках, она узнает, когда подрастет.

– Здравствуй, Корваллис Кавасаки!

София всегда обращалась к нему так, гордясь, что может

произнести трудное имя. Она была маленькая, едва до середины бедра своему крупному отцу. По счастью, она больше взяла от Зулы, чем от Чонгора, в первую очередь роскошную кудрявую шевелюру. Венгерская кровь угадывалась в глазах, зеленовато-голубых с легкой азиатской раскосостью.

Корваллис невольно широко улыбнулся – в первый раз с тех пор, как все это началось.

– Привет, София! – сказал он. – Как в садике?

– Отлично, – последовал неизбежный ответ.

Корваллис и Чонгор переглянулись.

– Вот они! – завопила София.

Она пулей влетела в комнату, запрыгнула на журнальный столик и затормозила, чтобы поглядеть на обложки сверху.

– «Ду-ле-ровская книга древнегреческих мифов» и «Ду-ле-ровская книга скандинавских мифов». Дядя Ричард мне их купил. – Она повернула голову и осуждающе глянула на Чонгора: – Мама с папой их забыли!

– Дядя Ричард хотел, чтобы они были у тебя, – сказал Корваллис. – Он надписал для тебя одну. И оставил внутри маленький подарок.

София схватила «Древнегреческие мифы» и открыла обложку. От резкого движения красный лист вспорхнул в воздух. София от неожиданности с визгом шлепнулась на попку и застыла, глядя, как лист планирует на стол.

Потом серьезно глянула на Корваллиса:

– Это и есть подарок?

– Да.

– Такой красивый! – воскликнула она.

– Да, очень.

– А яблоко тоже мне?

Корваллис взял яблоко и глянул на Чонгора. Тот кивнул.

– Да, – ответил Корваллис. – Это все тебе.

Часть 2

9

В следующие три года «Нубилант» расширялся рывками по мере того, как руководство ухитрялось привлекать новые инвестиции, словно персонаж в компьютерной игре, вынужденный совершать один головоломный подвиг за другим. На каждом этапе финансирования оценочная стоимость компании росла, а значит, рос и теоретический капитал самого Корваллиса. Он начал задумываться, не пора ли завести личную жизнь. Как именно к этому приступить, было не совсем понятно. Почти все свободное время Корваллис отдавал своему хобби: тщательной реконструкции, в парках и на пляжах Тихоокеанского Северо-Запада, повседневного быта древнеримского легиона. Увлечение почти исключительно мужское, что способствовало бы личной жизни, будь он (как уверяли слухи) геем, однако он был однозначно гетеросексуален. Когда он все-таки выбирался в люди, то обычно к Чонгору, Зуле и Софии, которые стали ему почти что семьей. Иногда там присутствовали одинокие молодые женщины, и Корваллис тут же замыкался, понимая, что Зула пытается его сосватать. Он объяснял отсутствие личной жизни тем, что находится «в режиме стартапа», а в таком режиме обычные правила не действуют. Думать обо всем остальном можно будет после краха или «выхода» – единственных возможных исходов для стартапа.

«Выход» – в том смысле, что он внезапно сделался еще богаче, – случился, когда их купил «Лайк», калифорнийская компания, владеющая крупной социальной сетью. У «Лайка» была собственная система облачных вычислений, по многим параметрам превосходящая «нубилантовскую». Однако благодаря некоторым умным решениям Корваллиса «Нубилант» особенно хорошо умел то, что оказалось нужно социальным сетям. Таким образом он стал вдвойне желанным – и сам по себе, и ради того, чтобы утереть нос конкурентам, уведя у них из-под носа лакомый кусок. Так Корваллис Кавасаки на пороге сорокалетия стал сантимиллионером. Теперь он был директором по научным исследованиям в «Лайке», крупном ОАО со штаб-квартирой в Маунтин-Вью. Он легко мог уйти на покой, но не ушел, потому что любил работу и чувствовал ответственность за команду, которую набрал и воспитал в Сиэтле. Он купил долю в частном самолете и летал на побережье примерно раз в неделю.

Он только-только освоился с переменами в жизни, когда однажды утром его разбудил рингтон, означавший, что звонит новый босс – руководитель «Лайка».

По правде сказать, последний час Корваллис спал беспокойно. Он оставил телефон рядом с собой экраном вверх. Когда приходили извещения, экран включался, рождая голубоватые сполохи. Корваллис, просыпаясь, думал, не перевернуть ли телефон, но некая глубокая нердовская часть мозга боялась поцарапать экран о камни. Ибо, как и остальные легионеры, Корваллис спал прямо на земле, завернувшись в шерстяной плащ. Ни на одно извещение он не посмотрел.

Телефон сейчас был настроен так, что мог зазвонить лишь при исключительных обстоятельствах, таких как личный входящий вызов босса. Легион совершал переход в Биттеррутских горах западной Монтаны, заменявших в данном случае Альпы. Днем мобильники и другие электронные гаджеты были под запретом, но в палатке, в темное время суток, разрешалось выйти из образа, лишь бы не громко.

Однако будить людей спозаранку неприлично в любом месте, так что Корваллис сразу схватил мобильный, чтобы тот не трезвонил.

– Сальве, – прошипел он в телефон под недовольное ворчание товарищей по палатке.

– Ты нужен мне здесь, – ответил босс. – Аврал.

И отключился. У Корваллиса осталось странное чувство, что он упустил что-то важное.

– Корвус, туам матрем! – возмутился легионер из соседней палатки. – Звук выключи!

«Корвус» была латинизированная версия его имени. Он выключил звук, чтобы телефон не тренькал при нажатии на экран.

Цепочка извещений объяснила всё. Они были от разных людей в разных соцсетях, но все вызваны одним и тем же событиям: ядерным взрывом в городе Моав, штат Юта.

Это произошло до рассвета, примерно в 5:20 по местному времени. Первые посты были от страдающих бессонницей пассажиров и команды ночных трансконтинентальных рейсов, которые сообщали о вспышке, ослепившей их на расстоянии в сотни миль. Она погасла так быстро, что никто не успел ее заснять, однако сообщения ушли в «Твиттер» и «Фейсбук» через самолетный вай-фай, а к тому времени, как Корваллис глянул в телефон, их уже ретвитнули и перепостили миллионократно.

Некий Ларри Проктор, блогер с контактами в мире военных и разведки (судя по блогу, который он вел со времен службы в

Катаре), поймал утечку из зоны. mil в гражданский интернет. Утечка смутно намекала на возможность радиоактивного заражения в юго-восточной Юте. Персонал близлежащих баз сообщал, что увольнительные отменены и подразделения приведены в боевую готовность. Происходить это должно было в секрете, но никто не может заткнуть рот женам и детям-подросткам. Кто-то из округа Колумбия запостил фотку доставщика пиццы в идущем к Пентагону вагоне метро. Пицц было столько, что доставщику пришлось везти их на тележке. В комментах самозваные эксперты наперебой объясняли, что крупная доставка пиццы в Пентагон – верный знак, что происходит нечто важное. Пересыпанный эмодзи пост четырнадцатилетней техасской девочки с нечетким кусочком видео, как ее одетая в камуфляж мамаша закидывает в пикап вещмешок и газует с места, сделался вирусным. Новостные каналы за отсутствием какой-либо определенной информации с места катастрофы повторяли его снова и снова. Моав располагался далеко отовсюду, на пересечении реки Колорадо и двухполосного шоссе. Ни звонков, ни интернет-трафика оттуда не поступало.

Все это Корваллис прочел, надевая калиги – походные полусапоги-полусандалии легионеров – и собирая вещи настолько сосредоточенно, насколько это возможно делать, читая одновременно телефон. Он спал в льняной тунике, завернувшись в плащ. В горах было холодно, так что, прежде чем выйти из палатки, он закутался поплотнее. Поход был облегченный, на выходные с родственниками. Легионеры встали лагерем на лугу, но в четверти мили ниже, на парковке в конце дороги, виднелась фаланга современных автофургонов. Там работали генераторы и горели электрические огни. Корваллис сунул снаряжение в вещмешок, забросил его на плечо и потрусил по склону. Из одного автофургона тянуло аппетитным запахом – там жарили бекон. Через окно Корваллис увидел телеэкран, на котором шла живая трансляция (у фургона была на крыше спутниковая тарелка). Корваллис замедлился. Показывали Лос-Анджелесский аэропорт, где только что сел первый из ночных рейсов. Репортеры подкарауливали пассажиров на выходе из зоны контроля. Большинство всё проспало, многие не хотели говорить с прессой, но один энергичный тип – модно взлохмаченный молодой актер, летевший из Нью-Йорка в Лос-Анджелес на съемки, – увидел вспышку краем взгляда, играя на своем телефоне. Он успел включить видео и заснять оранжевое грибообразное облако. Так что первыми кадрами гибели Моава стал просто снятый крупным планом телефон в дрожащих руках актера. И это правда очень

походило на ядерный гриб.

Корваллис прошел через парковку к своей «Тесле», забросил вещмешок в багажник и сел на водительское место. Телефон подключился к системе электромобиля, и большой экран в середине приборной панели ожил. Корваллис набрал круглосуточную горячую линию авиакомпании и сказал, что ему нужно срочно вылететь из Миссулы – ближайшего крупного города – в Сан-Хосе. Его попросили оставаться на линии. Он открыл почту и увидел, что писем много, но ни одного срочного; сейчас главное было сесть в самолет. Корваллис перевел «Теслу» в режим движения вперед и бесшумно заскользил по стоянке в сторону дороги с гор.

К тому времени как он добрался до магистрали, диспетчер сообщил, что пилот уже выехал в Боинг-филд. Самолет заправляют. Он скоро взлетит и, вероятно, будет в Миссуле раньше Корваллиса.

Дорога по Биттеррутской долине заняла около часа. Почти все это время Корваллис перебарывал искушение смотреть на экран и слушал радио. Все было забито экстренными выпусками, в равной мере тревожными и неопределенными. Казалось бы, проще всего отправиться в Моав и сделать репортаж оттуда. Однако все вертолеты в часе лета от эпицентра были разобраны неведомо кем, а пилотам велели не пролетать близко к Моаву из-за опасности радиоактивного заражения. Ведущие по большей части пересказывали сообщения из Миазмы. На дискуссионных форумах в топ выталкивались фотографии военных блокпостов. Комментаторы увеличивали детали снимков и отмечали различное снаряжение: счетчики радиации, дозиметры, флаконы с таблетками, которые надо глотать, если облучился. Время от времени микрофон переключали на финансовых экспертов, сообщавших о неизбежном обвале рынка. Торги на Нью-Йоркской бирже уже приостановили до конца дня. Главы иностранных государств выражали озабоченность и предлагали помощь. Джихадистский сайт запостил видеоролик, в котором говорилось, что Моав – первое предупреждение и такая же бомба размещена в одном из крупнейших городов США.

К тому времени когда Корваллис въехал на окраину Миссулы, пассажир в Лос-Анджелесском аэропорту уже продал видео грибообразного облака медиакомпании, предложившей наибольшую цену. Стоя на светофоре, Корваллис посмотрел ролик на экране. Снято было с расстояния в сотни миль, так что в оригинале изображение было совсем маленькое; медиакомпания разогнала его и улучшила.

Она недолго наслаждалась эксклюзивностью. К тому времени

как Корваллис добрался до аэропорта, другая компания заполучила видео еще лучшего качества с видеорегистратора грузовика. Шофер, увидевший ядерный гриб с расстояния двадцати миль от Моава, тут же развернулся и погнал в ближайший город, где можно выйти в интернет.

Охрана пропустила Корваллиса на частную парковку, и он смотрел ролик на экране электромобиля, пока экипаж забирал из багажника его вещи и перекладывал в грузовой отсек. Видео было куда лучше качеством, чем снятое на мобильный, но все равно оставляло простор для воображения. Грузовик ехал не прямо в сторону Моава, так что в кадр попала только половина облака. Безусловно грибообразного. Видно было, как оно, поднимаясь над Моавом, взаимодействует с различными атмосферными слоями, а в темных частях кадра – как зарево подсвечивает обращенные к Моаву склоны холмов.

Корваллис передал «Теслу» наземному служащему для парковки и прошел оставшиеся пятьдесят футов до самолета. Один пилот уже занимался в кабине своими пилотскими делами, другой закрывал грузовой люк. Стюардесса (Корваллис смутно помнил, что ее вроде бы зовут Бонни) стояла на верхней ступени трапа. Корваллис не знал, где авиакомпания набирает стюардесс, но рабочая гипотеза состояла в том, что все они – манекенщицы старше тридцати лет. Их мир был далек от его мира, как Древний Египет, хотя они сосуществовали в одном пространстве-времени. Изредка, например, когда Бонни встречала Корваллиса на трапе, его мир соприкасался с ее миром, и если Корваллис не был слишком погружен в свои мысли, то бросал на Бонни взгляд и дивился, до чего же непохоже их существование.

Сегодня ее пассажиром был айтишник, пусть не миллиардер, но, вполне возможно, будущий миллиардер. Он подошел к самолету в тунике и плаще римского легионера, но с тем же успехом на нем могли быть джинсы, футболка и худи.

Улыбка стюардессы чуть дрогнула, но профессионализм тут же взял верх, и к тому времени, как его калиги переступили порог самолета, Бонни уже полностью овладела собой. Подкованные железом подошвы цокали по дереву экзотических пород, пока Корваллис не дошел до главного салона, где пол был застлан ковровой дорожкой. Он снял шерстяной плащ и протянул Бонни. Та оценивающе погладила ткань и отнесла плащ в маленький стенной шкаф.

Возможно, ее внимание привлекла вышивка по краю одеяния: узор из повторяющихся вороньих голов. В реконструкторской группе Корваллиса было принято выбирать себе персонажа или хотя бы имя, которое в пылу боя прозвучит не слишком

анахронично. Корваллис стал Корвусом, что на латыни значит просто «ворона». Отчасти это было естественное сокращение фамилии, отчасти намек на цвет кожи. Его отец был наполовину японец, мать – из Южной Азии. По современным меркам дразнить этим не полагалось, но, очевидно, в римском легионе он бы выделялся как уроженец восточных провинций. Другие легионеры наверняка придумали бы ему какую-то такую кличку. Так появился Корвус. Поначалу прозвище ему не нравилось; воро́ны или воро́ны (он плохо их отличал) ассоциировались у него с Эдгаром Алланом По и готической культурой вообще. Однако от времени и повторения все исправилось. Теперь он воспринимал свое имя через мифы Тихоокеанского северо-запада и римской авиомантии. В Сиэтле есть только чайки, воро́ны и орлы. Чайки – вездесущие безмозглые потребители. Орлы великолепны, огромны, сильны, но относительно редки; обычно, если пролетает орел, люди бросают свои дела и следят за его полетом. Врановые отличаются исключительным умом, памятью, а также изобретательностью, но, несмотря на эти замечательные черты, их никто не любит.

Врановым люди приписывают те же черты, что и азиатам (если забывают навыки политкорректной речи или изначально ими не обзавелись). Вороны очень умны и постоянно чем-то заняты, но их не отличишь между собой и мотивы их угадать невозможно. Однако Корвус прекрасно знал собственные мотивы. В них не было ничего дурного, и он не собирался их ни перед кем оправдывать.

При жизни Ричарда Фортраста Корваллис соотносился с ним, как ворона с орлом. А может, он задним числом себя в этом убедил. Всякий раз, видя в окно, как орел парит над озером, а рядом суетливо машет крыльями ворона, он думал о себе и Додже. С именем Корвус он свыкся, а погружаясь все глубже в реконструкторский мир, тратя все больше денег на одежду, доспехи и оружие, взял на себя труд персонализировать их в соответствии с вороньим именем. Нашел на Крейгслисте художника, который нарисовал правдоподобный античный арт, потом людей, готовых вышить рисунок на ткани и вычеканить на доспехах. Из Миазмы можно добыть что угодно, включая целый альтернативный исторический образ.

«Корвус» сел на свое всегдашнее место (впереди справа от прохода), застегнул ремень безопасности поверх туники и, пока самолет выруливал на полосу, вытащил и включил ноутбук. Ноут впал в ступор – десятки приложений пытались синхронизироваться через перегруженную беспроводную связь. Только когда самолет взлетел и поднялся на ту высоту, на

которой включился бортовой вай-фай, Корваллис получил нормальный интернет. В левой части экрана он открыл обычное окно браузера, чтобы видеть мир так же, как другие люди, в правой запустил два приложения, связанные непосредственно с внутренними системами «Лайка» по шифрованному соединению. Браузер страшно тормозил, второе окошко показывало почему: системы «Лайка» были перегружены, как, вероятно, и все платформы соцсетей.

Гидрометцентр выдавал карты, где исходя из нынешнего и прогнозируемого направления ветров указывались области вероятного выпадения радиоактивных осадков. На магистрали I-70 у Гранд-Джанкшен, штат Колорадо, образовалась многокилометровая пробка, потому что жители рванули из опасного места и начали въезжать друг другу в зад. Другая пробка возникла на аэродроме в Аспене, где все частные самолеты одновременно запрашивали разрешение на взлет. Телеканалы, у которых не было настоящих видео из Моава, снова и снова показывали пробки.

Внезапно недреманное око новостных агентств обратилось к Лас-Вегасу. Полицейские (судя по количеству – все полицейское управление Лас-Вегаса в полном составе) эвакуировали многоэтажный отель-казино. Они высадились из вертолетов на крышу и (как прекрасно видели длиннофокусные объективы на дронах или просто нацеленные из окон соседних многоэтажек) комната за комнатой обыскивали пентхаус. У них были собаки и счетчики Гейгера. По телевизору военные эксперты, наблюдая за рейдом в реальном времени, объясняли, что верхний этаж небоскреба – оптимальное место для взрыва тактической ядерной бомбы; разрушений будет куда больше, чем если разместить его на уровне земли. К тому времени как поступил официальный приказ эвакуировать все здания на милю вокруг, улицы уже были забиты туристами, решившими не ждать.

С точки зрения Корваллиса, который смотрел новости в одном окошке и мониторил системы «Лайка» в другом, лас-вегасские события породили эквивалент цепной ядерной реакции, поскольку все одновременно пытались запостить фотки и видео. Результатом стало что-то вроде паралича. Серверные парки «Лайка» создавались в расчете на мощные всплески трафика, а купленные у «Нубиланта» технологии еще увеличили их производительность. И все равно число компьютеров было конечно, как и пропускная способность. Теперь оставалось лишь ждать, когда все уляжется.

Так что Корваллис ждал, глядя в застывший экран, вместе с миллиардом пользователей Миазмы. Его мысли вернулись к

несчастному Моаву. Отдаленный, труднодоступный, окруженный блокпостами, радиоактивный, вероятно, обращенный в пепел город как-то отодвинулся на второй план. Корваллис был там несколько лет назад, когда сплавлялся на рафте, и запомнил его как чудесный городок, Мекку энергичных ребят в карго-шортах и девушек в спортивных топах.

Ему подумалось, что сейчас самое время сменить наряд римского легионера на обычный. Вчера он переоделся на заднем сиденье «Теслы» и затолкал современную одежду в вещмешок, который убрал в багажник. Но теперь вещмешок был в грузовом отсеке самолета и до посадки недоступен.

В сети родился слух, что связь с Моавом прервалась еще два дня назад, когда жителей поразил стремительно распространяющийся вирус, предположительно сбежавший из соседнего центра по разработке биологического оружия, и что президент решил стерилизовать весь город атомной бомбой. Посты на дорогах поставлены не для того, чтобы не пускать любопытствующих. Их цель – не дать выбраться уцелевшим зараженным жителям. Всех вооруженных сограждан из краев, сколько-нибудь близких к Моаву, призывали выставить дозор на крышах и холмах и отстреливать сбежавших зомби. Эта и другие альтернативные версии реальности тут же опровергались строгими комментаторами, но одновременно подхватывались и расцвечивались маргинальными радиостанциями и сообществами сетевых единомышленников.

Президент, который был с государственным визитом на Дальнем Востоке, призвал к спокойствию, затем отменил все мероприятия, погрузился на борт номер один и вылетел в США. Впрочем, утекший в сеть документ, тут же растащенный по блогам и многократно перепощенный, показывал, что конечным пунктом в плане полета значится командный ядерный бункер в Колорадо-Спрингс.

За неимением полезных занятий Корваллис решил для начала хотя бы разбить гипотезу зомби. Через VPN, связывающий его с серверами «Лайка», он мог провести поиск по колоссальной базе данных, где хранилась вся активность в соцсетях со дня, когда компания вышла в онлайн. Этому он неплохо научился за время работы в Корпорации-9592, где необходимо было отслеживать действия миллионов игроков, чтобы сделать «Т’Эрру» интересной, успешной и прибыльной. Сейчас достаточно было задать нужный запрос и вывести все, что написали в «Лайке» пользователи из Моава, штат Юта, за последнюю неделю.

Разумеется, Корваллис и на секунду не поверил в эпидемию, вызванную биологическим оружием. Слух, конечно, запустили

тролли. Оставался один вопрос: это тролли-пофигисты, сеющие панику по приколу, или мотивированные тролли, заинтересованные в том, чтобы миллионы доверчивых пользователей щелкнули по конкретной ссылке. Но одна из гнусностей Миазмы состоит в том, что она заставляет разумных людей вроде него – людей, у которых есть занятия поважнее, – спорить с неведомыми придурками, из которых многие, возможно, даже не верят в свои доводы, а некоторые и вообще не люди. Запрашивая базу данных, Корваллис готовил доводы для такого бесполезного спора. Если бы жители Моава внезапно разом заболели, они бы жаловались в сети. Отменяли намеченные встречи, сочувствовали друг другу, делились идиотскими домашними средствами, искали в интернете по определенным ключевым словам вроде «высокая температура и сыпь». Даже если государственные органы позже отрезали город от остального мира, все предыдущее заархивировано на серверах «Лайка», и те, у кого, как у Корваллиса, есть к ним доступ, могут это проанализировать.

Естественно, по запросу он получил совершенно нормальный недельный трафик добрых моавских жителей. Абсолютно ничего про загадочную смертельную болезнь. Так что версию о биологическом оружии разбить было легко, во всяком случае, если вы принадлежите к меньшинству пользователей Миазмы, то есть к тем, кому правда важны логика и доказательства.

Не столько из любопытства, сколько из обсессивно-компульсивного стремления наводить порядок Корваллис отсортировал результаты по времени, так что самые свежие посты оказались вверху списка. Теперь он видел все, отправленное из Моава в соцсети за дни и часы перед взрывом.

В итоге на экране остались по большей части сообщения за прошлую ночь – то, что люди постили перед сном. Было пьяное селфи с вечеринки в 3:12, затем два часа перерыва.

Верхняя запись на экране – другими словами, последнее, что ушло в соцсети из Моава, штат Юта, до того как его разбомбили, – была сделана с аккаунта компании «Каньонленд эдвенчерс». Судя по профилю, компания базировалась в Моаве и занималась организацией рафтинга на реке Колорадо. Предыдущие записи включали анонсы мероприятий, домашние новости (кошка в офисе поцапалась с собакой), фотографии счастливых рафтеров на природе и логистические апдейты для клиентов.

Последняя запись была как раз таким апдейтом: только текст, без фотографий и гиперссылок. Она гласила: «Дорогие Джонсы! Ваш гид Мэйв уже здесь, с первым светом утра, и готова к

увлекательным приключениям. Встречаемся на косе в 6 ровно. Пишу с телефона, потому что у меня только что отрубился вай-фай! Если что, звоните мне на мобильный. И не забудьте: КРЕМ ОТ СОЛНЦА И ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ!!!»

Из метаданных следовало, что запись и впрямь сделана с мобильного телефона через эсэмэс. В 5:05 по местному времени, то есть за пятнадцать минут до взрыва бомбы.

10

Несколько лет назад Корваллис попал в относительно серьезную аварию. Он притормозил, а автомобиль следом за ним – нет; водитель набирал эсэмэску и смял ему багажник в лепешку. Задним числом удивительнее всего было вспоминать, как долго мозг восстанавливал картину событий. С точки зрения системы мозг-тело все началось с того, что его ударил подголовник – так сильно, что Корваллис затылком ощутил заклепки каркаса. Потом случилось много всего другого, и он отвлекся. Лишь примерно через час он ощутил боль в голове и нащупал на затылке большую шишку.

Сейчас было нечто похожее. Время, когда Мэйв отправила сообщение, и слова «у меня только что отрубился вай-фай» ударили его по голове, но мозг сосредоточился на них не сразу.

Корваллис легко нашел фамилию Мэйв (Браден) и ее адрес. Она жила в центре Моава, в нескольких кварталах от офиса «Каньонленд эдвенчерс». Вне зависимости от того, писала она из дома или с работы, от центра взрыва Мэйв отделяли всего лишь сотни ярдов.

Некоторое время он бесцельно щелкал по сообщениям Мэйв в разных соцсетях. На «Лайке» и других платформах она регистрировалась под разными вариантами своего имени (Мэб, Маб, Мабв) и фамилии (Брадан, О Брадейн), благо и то и другое было гэльское, с простором для альтернативных написаний. Довольно обычная уловка. Человек не хочет светиться в соцсетях под своим именем, но знает, что ник должен выглядеть правдоподобно; «Микки Маус» или «X Y» алгоритм зарубит, а «Мабв О Брадейн» – пропустит. «Мабв» всего одной буквой отличается от «Моав»; возможно, Мэйв заодно обыгрывала свое новое место жительства.

Она родилась в Австралии, в Штаты переехала по каким-то семейным обстоятельствам, на которые смутно намекала, не раскрывая подробностей. Из-за врожденного дефекта ей еще в детстве ампутировали обе ноги выше колена. Почти все свои

двадцать девять лет она увлекалась греблей. У Верны, ее старшей сестры в Аделаиде, была третья стадия меланомы; Мэйв не просто так напоминала туристам про защиту от солнца.

В какой-то момент Корваллис поймал себя на том, что читает статью о современных высокотехнологичных протезах по ее ссылке. Двое-трое его знакомых такими пользовались, и он как-то инвестировал в стартап, занятый разработкой еще более совершенных протезов. Так что у них с Мэйв случайно обнаружился общий интерес.

Самолет летел над Биттеррутскими горами в направлении юго-юго-запад. Корваллис открыл на телефоне карту и увеличил ее так, чтобы Сан-Хосе был в нижнем левом углу, Моав – в нижнем правом, а Миссула – сверху.

Он отстегнул ремень и прошел на крохотный камбуз, где Бонни варила кофе. После взлета она сбросила туфли на высоком каблуке и надела более удобную обувь. Бонни глянула на него с легким недоумением: туалет располагался в хвосте, а на камбуз пассажиру заходить было незачем.

Режим безопасности на частных самолетах мягкий. Дверь кабины небронированная; ее часто оставляют открытой, чтобы любопытный пассажир мог зайти к пилотам. Сейчас она была закрыта. Чтобы постучать, пришлось сделать над собой усилие. Корваллис собирался принять решение, которое никому не понравится. Он плохо умел вести себя в таких ситуациях, а главное, не любил оказываться в центре внимания. Так что он провел небольшую психологическую подготовку, которая за последние годы вошла у него в привычку: вообразил Ричарда Фортраста, здорового и крепкого, как тот уверенно стучит в дверь. Черт, Додж бы и стучать не стал, просто вошел, поздоровался с Фрэнком и Ленни – пилотом и вторым пилотом – и сказал что нужно.

Бонни странно на него покосилась.

Корваллис улыбнулся ей, затем постучался и открыл дверь.

– Фрэнк и Ленни, – сказал он, – по моей карте Моав примерно в том же направлении и на том же расстоянии, что Сан-Хосе. Значит, нам хватит топлива до Моава. Я хотел бы изменить план полета и лететь в Моав.

Оба пилота предсказуемо глянули на него как на сумасшедшего. Однако это было вовсе не так плохо, как он ожидал. Всегда самое страшное – решиться.

– Моав – это где бомба взорвалась? – спросил первый пилот, Фрэнк.

– Да. Тот Моав.

– Думаю, он закрыт, – сказал второй пилот, Ленни. – В

смысле, ФАА нас близко к нему не подпустит.

– Вы это точно знаете, Ленни, или просто строите догадки исходя из новостей и сообщений в соцсетях?

Ленни глянул на Фрэнка.

– Ну мы не связывались с ФАА, если вы об этом, – ответил Фрэнк.

– Я попросил бы вас взять курс на Моав, составить план полета и посмотреть, что получится, – сказал Корваллис. – Если ФАА не разрешит нам посадку в Моаве, возможно, мы можем пролететь над ним по пути куда-нибудь еще. Мне на самом деле нужно только посмотреть на город сверху.

Фрэнк и Ленни переглянулись. Фрэнк кивнул.

– Я этим займусь, босс, – сказал Ленни.

– О'кей. Сообщите, как пойдет дело. Мне особенно интересны подробности того, как будет реагировать ФАА.

Корваллис вернулся к своему ноутбуку и онлайн-трансляциям в Миазме. Там показывали, как большой армейский вертолет взлетает с одного из лас-вегасских казино. На подвеске болталось что-то тяжелое. Вертолет взял курс на ближайшую военную базу – сверхсекретный объект, где раньше испытывали атомное оружие. В Лас-Вегасе объявили отбой тревоги. Но тут же в новостях пошла онлайн-трансляция сходного инцидента на верхнем этаже строящегося небоскреба в Манхэттене. Эти кадры боролись за эфирное время с шокирующими съемками из Моава. Впервые с начала событий мы увидели фотографии чудовищно обгоревших жертв и дерганое видео, как их выгружают из вертолета. С наветренной стороны от Моава, за линией кордонов, блогеры на лошадях и внедорожниках зафиксировали повышенный уровень радиации. Крупные СМИ игнорировали либо активно опровергали эти сообщения; видимо, правительство запретило им сеять панику. Однако соцсети отлично справляются с распространением такого рода информации, так что запрет, по сути, не действовал.

Кто-то наконец подобрался к Моаву настолько, чтобы запустить над ним квадрокоптер. Совсем близко они подойти не могли из-за армейских кордонов и радиации, но видео разрушенного города им снять удалось. Низкая частота кадров, крупные пиксели, артефакты сжатия и тенденция камеры смотреть не туда в пыли и дыму – все это создавало ощущение *синема верите*[9], которое его намозоленному глазу начинало казаться чересчур хорошим для правды.

Внутренний мессенджер «Лайка» показывал, что Джейсон Крэбб в сети. Джейсон был сисадмином в «Нубиланте», а после продажи компании перешел в «Лайк» – ему так и так надо было

перебираться в Калифорнию из-за девушки. Корваллис щелкнул по значку видеокамеры под именем Джейсона. Через минуту с экрана уже смотрел Джейсон. Он сидел на постели своей девушки, подпершись множеством подушек, и, очевидно, держал ноутбук на коленях. Борода, озаренная розоватым утренним светом, в этом ракурсе казалась окладистой и роскошной. Джейсон не стал тратить время на приветствия. Си-плюс вообще не злоупотреблял видеосвязью, а уж в такой день точно звонил не поболтать.

– Допустим, в Моаве есть компания со своими веб-сайтом или вообще какой-то формой интернет-присутствия, – начал Корваллис.

– Да?

– Сейчас она, надо думать, офлайн.

– Еще бы!

– Ладно, но давай на мгновение предположим, что мы не знаем почему. У нас есть два возможных объяснения. Тебе надо включить режим Шерлока и выяснить, какое из них верное.

– Валяй.

– Сценарий первый. Моав разбомбили, и провода вообще не доходят до города, просто болтаются на сгоревшем телеграфном столбе посреди пустыни. Сценарий второй. Моав стоит как стоял, но его интернет-провайдер выведен из строя DDoS-атакой. Либо любым другим методом удаленного взлома, который на время сделает его недоступным. Можешь ли ты отличить одно от другого, не вставая с постели?

– Мне надо будет вставать в туалет.

– Ты понял, о чем я.

– Наверное.

– Так вот, пожалуйста, выясни и перезвони мне, – сказал Корваллис и отключился.

Еще многое происходило в Манхэттене, на новостных сайтах, в соцсетях и на радио. Волна еще не достигла максимума. Будь Корваллис в числе миллиардов, верящих, что Моав и впрямь разбомбили, он бы смотрел не отрываясь и переживал. А так он чувствовал странное спокойствие.

– Я переиграл на ходу, – сказал Фрэнк.

Корваллис поднял голову. Пилот стоял в проходе и смотрел на него. Мозг не сразу осмыслил услышанное. Очевидно, Фрэнк хотел сказать, что сымпровизировал – самостоятельно принял какое-то решение в расчете, что Корваллис его одобрит.

– Я составил план полета до Эль-Пасо.

– Эль-Пасо?

– Так мы пролетим достаточно близко к Моаву. Настолько,

что вы сможете на него взглянуть. Но мы будем на высоте сорок тысяч футов – над зоной.

– То есть?

– Над зоной, которую ФАА для нас закрыла.

– Эль-Пасо куда дальше, – заметил Корваллис.

Фрэнк кивнул:

– Проблема одна: у нас нет столько топлива. В смысле, мы можем его растянуть, но это определенный риск. Так что надо будет сесть где-то раньше Эль-Пасо.

– Нормально, – сказал Корваллис. – К тому времени все изменится.

– Вам нормально, – ответил Фрэнк, – но я выгляжу полным кретином, составляя план полета, на который мне не хватит топлива.

– Просто скажите, с кем надо поговорить. Я беру ответственность на себя. – Корваллис не любил смотреть людям в глаза, но из наблюдений за Доджем знал, что иногда это решает дело. Так что он заставил себя посмотреть в глаза Фрэнку. – Я лично беру на себя ответственность и отмажу вас, если что.

Фрэнк пожал плечами, поднял брови и вышел.

Корваллис искал нечто, по чему скользнул взглядом, когда смотрел информацию по Мэйв Браден. Чтобы до этого докопаться, пришлось зарыться глубоко в историю браузера. Дело осложнялось тем, что он смотрел ее и в Миазме, и в закрытой файловой системе «Лайка». То, что он искал, в конце концов нашлось именно там. Это были ее личные данные, связанные с аккаунтом, – результат того, что много лет назад, регистрируясь на «Лайке», Мэйв заполнила форму и нажала кнопку «отправить». В форме она указала несколько телефонных номеров, в том числе один, начинавшийся с 011 – префикса для международных звонков из США. Корваллис уже знал про ее австралийское происхождение и при первом взгляде счел номер австралийским. Но указывать его при регистрации стоило в одном случае – если бы она и впрямь проводила много времени в Австралии.

Со второго взгляда он заметил, что код страны – 881. Не Австралия, а специальный код для спутниковых телефонов.

Корваллис не особо разбирался в спутниковых телефонах, но знал пару-тройку людей, которые их завели – либо из гиковской любви к технике, либо потому, что много путешествовали в краях, где нет мобильной связи. По всему выходило, что Мэйв принадлежит ко второй категории. Она сопровождала группы туристов на сплаве в каньоне Колорадо, где мобильные точно не берут. У «Каньонленд эдвенчерс» должны быть спутниковые телефоны, и, конечно же, их выдают гидам.

Другой вопрос, оставила ли она его включенным и под рукой. Легко представить, что телефон выключен и лежит в гермомешке на дне рафта. Но так он может выпасть за борт, если рафт перевернется, – то есть ровно в той ситуации, когда средства связи нужнее всего. Логичнее предположить, что гид держит его при себе.

В любом случае попробовать стоило. С мобильного Корваллис из самолета позвонить не мог, зато у него был относительно приличный интернет, что позволяло сделать голосовой звонок с ноутбука. Он надел наушники, запустил соответствующую программу и вбил номер. Последовало долгое ожидание – куда более долгое, чем при обычных звонках.

– Ал-ло?! – произнес женский голос. Помимо австралийского акцента в нем слышалась досада на несвоевременный звонок. На заднем плане кто-то разговаривал и смеялся. Корваллису отчетливо представился рафт на спокойном отрезке Колорадо. Раздался глухой всплеск. Кто-то спрыгнул поплавать.

Из этого одного Корваллис узнал все, что ему было нужно: Моав не разбомбили. Однако вежливость требовала объясниться.

– Мэйв, извините, что беспокою, но это важно. Мы с вами не знакомы. Меня зовут Корваллис Кавасаки.

– Как город Корваллис? В Орегоне?

– Да. Можете загуглить меня, когда вернетесь домой. Я руководящий сотрудник в «Лайке». Компании, владеющей одноименной социальной сетью.

– Вы работаете в «Лайке»?

– Да.

– Что-нибудь с моим аккаунтом? Меня взломали?

Ему понравилось, как она задала этот вопрос. Не испуганно. Скорее так, будто взлом ее аккаунта был бы чем-то даже забавным.

– Нет. С вашим аккаунтом все хорошо. Вообще все хорошо в том, что касается вас.

Она рассмеялась:

– Тогда зачем вы мне звоните? Хотите на свидание пригласить?

– Это было бы нарушением нашей политики конфиденциальности, – ответил Корваллис. – Дело касается того, о чем вам, вероятно, следует знать.

И он объяснил, что происходит, насколько это можно было сделать, не тратя весь день. Мэйв слушала почти в полном молчании. Ей многое надо было переварить. И хотя миллионы людей в Миазме искренне верили в гибель Моава, ей, наверное, казалось нереальным слушать все это меж древних скал

Колорадо, медленно скользя на рафте с веслом в руке, в шляпе от солнца, под смех резвящихся в воде Джонсов.

– Примерно в пять двадцать сегодня утром вы еще были в Моаве или где-то близко, верно?

– Я была в офисе, – сказала она. – Загружала машину.

– В центре Моава.

– Да.

– Видели ли вы что-нибудь похожее на яркую вспышку в небе? – Корваллис уже знал ответ, но должен был спросить.

– Нет. Ничего такого.

– Но интернет отключился.

– Я встала в четыре тридцать, и он работал. Через полчаса отключился. Намертво.

– Пытались ли вы звонить по мобильному?

– Джонсы пытались. Хотели дозвониться до меня примерно в пять тридцать – пять сорок. Связи не было.

– Зачем они хотели до вас дозвониться?

– Сказать, что опаздывают.

– Но вы встретились на косе и отплыли без всяких происшествий.

– Ага.

– А коса, как я понимаю, милях в двух от Моава.

– Да. Подождите минутку.

В телефоне зашуршало. Голос Мэйв долетал обрывками, но понятно было, что она объясняет ситуацию клиентам, которые услышали разговор и заинтересовались.

– Я здесь, – объявила она.

– Мэйв? Нам еще многое надо друг другу сказать, – произнес Корваллис, – но держу пари, друзья и родственники Джонсов знают, что сегодня утром они были в Моаве, и не находят себе места от волнения. Вам, вероятно, стоит им позвонить.

– Интересно, почему они не позвонили сами?

– Вероятно, у них нет номера спутникового телефона. Чтобы его получить, надо дозвониться до вашего офиса…

– А вся связь оборвалась, ага. Ладно. Как мне вам перезвонить, Корваллис?

Он продиктовал номер, Мэйв повторила по-военному четко, что внушило ему просто невероятное доверие. Затем без дальнейших формальностей отключилась.

Тем временем Джейсон Крэбб написал ему по внутренней электронной почте то, что он уже и так знал: полное отключение Моава вызвано обычной DDoS-атакой.

Корваллис позвонил Лауринасу, своему начальнику, пятьдесят девятому в списке богатейших людей мира. Тот вместо

«здрасьте» сказал:

– Не продавай свои акции.

– Что-что?

– В смысле, после открытия торгов. Юротдел сейчас рассылает инфу всем сотрудникам.

Корваллису потребовалось несколько секунд, чтобы уловить логику.

– Ты знаешь, что моавские события – фейк, – сказал он наконец.

– Да. Это все очевиднее.

– Ты боишься, что наши акции рухнут. Потому что многое шло через нашу площадку. Мы недосмотрели. На нас подадут в суд.

– Но сейчас это закрытая информация, Си, и любая продажа акций будет инсайдерской сделкой.

– Усек.

– Где ты? Помимо того что в самолете.

– Лечу в Моав.

Лауринас рассмеялся. Судя по всему, впервые с начала дня.

– Кроме шуток?

– Когда у меня возникли подозрения, я попросил пилотов изменить курс.

– Супер. – Лауринас был на десять лет младше его. – Попытаешься сесть в Моаве?

– Вероятно, нет. У меня еще нет четкого плана.

– Ты просто переиграл на ходу. Супер!

– Спасибо.

– Когда у тебя возникли первые подозрения, Си?

– На подсознательном уровне – из-за бредятины про моавитян.

– Ты о чем?

– Видеообращение террористов, где они взяли на себя ответственность за атаку.

– Да. Очень длинное, – сказал Лауринас, оправдываясь. – У меня не было времени посмотреть его до конца.

– Этот тип много цитировал из Ветхого Завета, про древних моавитян и какие они были плохие. Родились от кровосмешения и все такое.

– Как будто оправдывал атаку на Моав в штате Юта.

– Да, и на каком-то уровне я думал, это обычные их завиральные идеи, но в то же время мне хотелось сказать: «Слышь, чувак, вы могли разбомбить любой старый город по своему выбору, так чего вас понесло в какой-то Моав?» В смысле, на кой ляд заморачиваться с предупредительным выстрелом?

– Они чересчур суетились, – сообразил Лауринас. – Громоздили кучу слов, чтобы оправдать выбор именно этого города.

– Да. Боялись, что люди догадаются. И тогда станет очевидной истинная причина.

– Ага. Если бы они устроили ядерный фейк в Патерсоне, штат Нью-Джерси, жители соседнего городка просто глянули бы в бинокль и сказали: «Фигня. Он по-прежнему стоит». Нужно было далекое место.

– Это главный элемент плана, – сказал Корваллис.

– Ага. А дальше ночной рейс, водила грузовика и все остальное. Очень классно сработано.

– Так что, будь я на твоем месте, с твоими ресурсами, я бы покопал насчет фейкового видео, фотографий обожженных жертв…

– Мы нашли метаданные, по которым выходит, что это из Нолливудской студии спецэффектов.

– Болливудской?

– Нолливудской. Николас, не Бенджамин. Нигерийская кинопромышленность. Мощная.

– Блин, ну почему всегда Нигерия?

– Это не она, – отрезал Лауринас. – Классический перевод стрелок. Те, кто это сделал, знали, что, когда все выплывет, люди сразу зациклятся на нигерийском происхождении.

Мгновение оба молча размышляли о Нигерии.

– Так что мне теперь делать? – спросил наконец Корваллис.

– Спасать компанию.

– Как я, по-твоему, могу ее спасти?

– Если доберешься туда раньше президента Соединенных Штатов. Или по крайней мере сразу за ним.

– Каким образом это спасет компанию?

– Когда люди поймут, что это фейк, с неба посыплется горящее говно и завалит нас на глубину шести Эмпайр-стейт-билдинг, – сказал Лауринас. – В лучшем случае мы сможем разделить вину, сказать, что другие площадки использовали точно так же. Это будет куда эффективнее, если мы сможем добавить: «И поглядите, наш чувак Си был в Моаве еще до заката, лично оценивал реальную ситуацию на месте».

Лауринас был литовский баскетболист, которого взяли на стипендию в Мичиганский университет, а он утер всем нос, оказавшись и вправду умным. Отзывался на имя «Лоуренс», освоил сленг молодых американских айтишников, но в предвкушении чего-то суперского у него прорезался литовский акцент.

– До заката? – повторил Корваллис.

– Очень желательно. Видео, темнота, одно с другим не дружит. – Лауринас со смехом отключился. У него было свойственное большим людям юмористическое отношение к делам мелких людишек.

В миазменной онлайн-трансляции ученые в белых халатах давали пресс-конференцию на фоне повторяющихся логотипов Лос-Аламосской национальной лаборатории. Корваллис немного послушал. Сделано было безупречно. Актеров подобрали идеально. Здесь был маститый старик, который говорил мало, но мудро и веско. Обаятельный молодой бородач (он в основном все и объяснял), похожий на вашего любимого преподавателя математики, который разъезжал по кампусу на лигераде[10]. Пожилая, но все еще эффектная женщина. Азиат-интроверт, изредка вставляющий искрометные шутки. Тот, кто изготовил этот фейк, замечательно поработал со звуком. Слышно, как скрипят стулья, щелкают затворы фотоаппаратов, пальцы стучат по клавиатуре ноутбуков, у кого-то звонит мобильный – все вместе создавало ощущение, что в зал набилась сотня журналистов. Полезный груз – информационная боеголовка социально-сетевой ракеты – состоял в том, что ученые провели изотопный анализ радиоактивного пепла, собранного добровольцами с подветренной стороны Моава, и подтвердили, что «отпечатки пальцев» совпадают с полудюжиной советских «ядерных бомб в чемодане», пропавших в Узбекистане несколько лет назад.

Пока Корваллис восхищался качеством псевдонаучного диалога между актерами, «пресс-конференцию» внезапно «закрыли» – в помещение ворвался взвод дюжих бородатых мужиков в темных очках, как будто прямиком со съемок «Кодовое имя «Джеронимо»[11]. Лицо командира мелькнуло на долю секунду, когда он развернулся и наотмашь ударил камеру. Она упала на пол, боком, в кадре остались уроненный «старбаксовский» стаканчик и ножки стула. Слышно было, как возмущаются ученые, которых выводят из помещения.

Логотип внизу экрана утверждал, что это прямая трансляция Си-эн-эн. Что по определению было ложью, поскольку Корваллис смотрел ее не на Си-эн-эн. Он нашел ролик на Ютубе, щелкнув по ссылке в Твиттере. Какой-то неравнодушный гражданин уверял, что записал живую трансляцию Си-эн-эн, и просил максимального перепоста, дабы правительство не смогло замолчать новость.

Из любопытства Корваллис перешел в Твиттер Си-эн-эн и нашел двадцатиминутной давности твит, что ролик с пресс-конференции на Ютубе не является подлинным материалом Си-

эн-эн, никогда не передавался в эфире Си-эн-эн и представляет собой фейк. Под ним уже набралось с тысячу сердитых или ехидных комментариев о том, что Си-эн-эн, очевидно, контролируется правительством.

От нечего делать Корваллис промотал фальшивую пресс-конференцию до места, где лицо женщины-ученого показали крупным планом, сделал скриншот и загрузил его в лайковское приложение для распознавания лиц. Через минуту он читал на IMDb профиль актрисы, которая снималась во многих рекламных телероликах и нескольких инди-фильмах. Он не стал повторять эксперимент с остальными участниками постановки. Как не стал проверять взлохмаченного актера, прилетевшего ночным рейсом и продавшего видео грибообразного облака. Или шофера грузовика. Или Ларри Проктора, блогера. Когда обман вскроется, их всех выследят дотошные миазменные ищейки, и все, вероятно, расскажут одну и ту же историю: их пригласила продюсерская компания, снимающая низкобюджетный инди-триллер. Они произнесли по несколько реплик в определенной студии. Им и съемочной бригаде заплатили каким-нибудь неотслеживаемым способом, биткоинами или чем-нибудь в таком роде, и на этом все закончилось.

От Лауринаса пришло сообщение: «*Мы нашли людей, снявших фейковый ядерный гриб, – студия компьютерной графики на Филиппинах*».

Корваллис загуглил «моавский фейк» и нашел практически бесконечное число постов. Многие их авторы были правы по неверным причинам. Девяносто процентов касалось теории биологического оружия.

Эти люди – создатели фейка – были невероятно умны. Они знали, что многие раскусят обман и примутся его разоблачать. Заткнуть им рот невозможно. Но можно их переорать. Итак, фальсификаторы наводнили Миазму разоблачениями, откровенно нелепыми и заточенными на то, чтобы вызвать обострение у граждан Дуркатауна. Сейчас каждый доморощенный правдоискатель печатал капслоком так быстро, как только мог. Трезвомыслящие люди должны будут пробиваться через сотни постов про зомби, прежде чем доберутся до чего-нибудь осмысленного. И если вы попытаетесь отстаивать разумный скептический подход, вас сочтут сторонником теории зомби и обсмеют. Например, Корваллис прочел ветку обсуждения, где сторонников теории зомби опровергали люди, только что посмотревшие на Ютубе фейковую пресс-конференцию лос-аламосских ученых: они приводили ее как довод, что Моав уничтожили иностранные террористы, а не правительство США.

Из репродуктора раздался голос Фрэнка:

– Моав полностью закрыт облаками.

Ну разумеется. Интересно, создатели фейка нарочно дожидались облачной погоды?

Корваллис прошел в кабину и посмотрел пилотам через плечо. Сверху погода была ясная, но во всех понижениях рельефа ватой лежали облака, в том числе в долине большой реки – видимо, Колорадо. Запрещены полеты или нет, можно летать над Моавом хоть весь день и не узнать, существует ли он сейчас.

– Нам надо сесть, – объявил Корваллис.

– Моавский аэропорт закрыт, – ответил Фрэнк.

Не думая, Корваллис сказал то, что сказал бы сейчас Ричард:

– Я ничего не говорил про аэропорт. Посмотрите, есть ли где-нибудь посадочная полоса или прямой отрезок шоссе.

– Шоссе?!

– Возможно, я смогу связаться с человеком, знающим здешние места.

Корваллис вышел из кабины. Звонил его телефон. Вернее, звонило приложение на ноутбуке, выполняющее функции телефона только через интернет. Корваллис прошел по проходу и глянул на экран. Там выскочило окошко, сообщающее о международном звонке из зоны с кодом 881.

Корваллис влюбился в Мэйв.

Это был такой же переход, как удар подголовником по затылку, когда тебе в зад въехала машина. Сказать, будто Корваллис ничего не заметил, значило бы солгать. Ощущение было сильнейшее. Однако тревожные мейлы от нервной системы, регистрирующей это в подвале, должны были долго пробиваться через спам-фильтры и средний управленческий уровень мозга. Могли пройти недели, прежде чем Корваллис Кавасаки, сидя в конференц-зале своей души, увидит на экране восьмифутовый пауэрпойнтовский слайд с категоричным сан-серифом: «ВЛЮБИЛСЯ В МЭЙВ». То, что он испытал сейчас, больше походило на легкий щелчок, с каким соединяются детали классно сработанного механизма.

Он надел наушники и принял вызов.

– Мэйв?

– Какой-то полный сюр, – объявила она. – Джонсы говорили с чертовой уймой ополоумевших родственников. Нервная семейка, я бы сказала.

– То есть вы примерно в курсе, что происходит.

– Я знаю, что происходит в их маленьких головенках. – Те же слова в устах айтишника прозвучали бы до неприличия высокомерно, но у нее получилось скорее добродушно-ворчливо.

Главным образом Корваллис испытывал сейчас радость от того, что он – единственный в мире, с кем Мэйв может говорить. Чувство было неуместное и несуразное. Он с другими людьми, но, по сути, один в частном самолете. Она с другими людьми, но, по сути, одна на рафте в тридцати тысячах футов под ним (самолет уже начал снижаться).

– Они хотят свалить? – спросил он.

– Что?

– Сколько должен был продолжаться сплав?

– Три дня. Две ночевки. Мы заканчиваем на другом конце парка.

Корваллис догадался, что она имеет в виду Каньонлендский национальный парк.

– И вы еще не в парке?

– Не совсем. Остановились на косе для перекуса и бесконечных телефонных разговоров.

– Они хотели бы сейчас прекратить сплав? И вернуться к ополоумевшим родственникам?

– Вообще-то удовольствие испорчено напрочь. Они не смогут радоваться сплаву в следующие три дня.

– Да, и коли так, есть поблизости от вас посадочная полоса?

Оба ее ответа оказались положительными: да, Джонсы хотят свалить, и да, поблизости есть посадочная полоса на ранчо. Через полчаса самолет уже стоял на этой полосе. Спуск и посадка показались Корваллису вполне обычными, но, когда самолет остановился, Ленни хлопнул ладонью по раскрытой ладони Фрэнка. Бонни выглянула в дверной иллюминатор и не стала надевать туфли на каблуке. Она открыла дверь, опустила трап и приготовилась подать Корваллису плащ. Салон наполнился запахом полыни.

Корваллис надеялся на что-то аутентично сельское, но ранчо переоборудовали для приема туристов, и первым делом он увидел сувенирный киоск, сейчас без продавца. Ветер пронес мимо настоящее перекати-поле – Корваллис едва поверил своим глазам. Полосу проложили на дне высохшего озера, между внушительными останцами, окруженными грудами каменных обломков. Наверное, потому-то пилоты друг друга и поздравляли.

К самолету приближался особо крупный пикап со сдвоенными задними колесами и двойной кабиной. На поворотах он взметал петушьи хвосты рыжей пыли.

Корваллис был сейчас ближе к Моаву, чем любой другой руководящий сотрудник какой-либо соцсети. Хотелось запечатлеть это сообщением. Однако телефон говорил, что сеть

недоступна. Спутникового телефона у него не было. Он оказался в положении римских легионеров. И даже в худшем, поскольку у легионеров были гонцы, почтовые голуби и все такое.

Кстати. Ленни достал вещмешок и сунул ему как бы с намеком, что пора переодеться. Корваллис мешок взял и забросил на плечо. Переодеваться было негде, если только он не собирался высаживать дверь киоска.

На двери пикапа красовался логотип ранчо «Энджел-Рок». Корваллис видел его в Миазме час назад. Эстетически логотип занимал любопытную относительно новую нишу. С одной стороны, для такого глухого места он был чересчур профессиональным, поскольку в нем использовались стоковые изображения и готовые шрифты. С другой стороны, он был доморощенный, любительский, поскольку все это слепили на коленке. Они понятия не имели о кернинге. Пикап пересек взлетную полосу на приличном расстоянии от самолета, обогнул его по широкой дуге и остановился перед Корваллисом и Ленни. Из кабины вылез поджарый плосколицый мужчина в бейсболке, джинсах, рабочих башмаках и клетчатой рубахе на кнопках. У него была фигура молодого человека и трифокальные очки старика. По краю левого уха вилась полоска крема от загара. Мужчина старательно глядел Корваллису в лицо, избегая смотреть на его тунику; возможно, он уже удовлетворил свое любопытство через тонированное окно кабины. Корваллис, в свою очередь, скрыл мальчишеское разочарование от того, что мужчина оказался не в ковбойской шляпе.

– Мистер Кавасаки, я полагаю. Добро пожаловать на ранчо «Энджел-Рок». Меня зовут Боб Нордстром, я управляющий ранчо и готов вам помочь.

Они обменялись рукопожатиями.

– Очень приятно. Возможно, вам удобнее будет называть меня Си, это вроде как мое прозвище.

– Я погуглил бы, чтобы узнать больше, но…

– У вас с утра не работает интернет. Ваш провайдер в Моаве, как я понимаю.

– Совершенно верно, Си.

– Возможно, вы рады будете узнать, что ваш сайт по-прежнему работает и открывается. Очевидно, он хостится где-то еще.

– Рад слышать. – Боб обдумал новость и уже другим тоном сказал: – Значит, у вас доступ в интернет недавно был. Там, я понимаю, – он глянул на самолет.

Корваллис кивнул.

Боб сказал:

– Я знаю, в Моаве творится что-то нехорошее, но не могу сообразить что.

– Творится везде в мире, *кроме* Моава, – ответил Корваллис. – В Моаве, насколько мне известно, не произошло ровным счетом ничего. История долгая, я с удовольствием расскажу вам по дороге – как я понимаю, ехать придется какое-то время?

Боб кивнул:

– Отсюда до реки – с полчаса. Я так понимаю, семейство хочет вернуться в Моав? Это еще час.

Корваллис глянул на часы и с изумлением обнаружил, что еще нет двенадцати. Они будут в Моаве часам к двум. Если их туда пропустят.

– Что вам известно про блокпосты?

– Я абсолютно уверен, что сумею проехать в Моав, – ответил Бен.

По пути к реке он объяснил подробнее:

– В город ведут несколько дорог. В худшем случае пересядем на квадроцикл и проедем без дороги. Совсем на крайний случай у нас есть моторка, так что доберемся по реке.

Они перевалили водораздел между пересохшим озером и собственно долиной реки Колорадо. Окрестный пейзаж вполне объяснял, почему хозяин ранчо переключился со скота на туристов. Боб махнул в сторону невидимой отсюда главной усадьбы. Там был любительский радиопередатчик, который очень пригодился сегодня утром, когда помощники Корваллиса организовали все через сложную цепочку мейлов с самолета, радиопереговоров и звонков на спутниковый телефон Мэйв.

Поездка к стоянке у реки (последней точке, где рафт можно вытащить на берег до сплава через национальный парк) требовала от Боба полной сосредоточенности, так что тот по большей части молчал, пока Корваллис вкратце пересказывал историю с фейком. Изредка проглядывала бурая полоса реки, но вообще этот район тем и славен, что исключительно тонкая струйка воды бежит в очень глубоком каньоне, и по большей части Корваллис видел одни камни. Под конец ехали уже не по дороге, а по сухому руслу. За то время, когда там и вправду текла вода, она нанесла вдоль реки каменистую отмель. На нее-то Мэйв и ее коллега Том вытащили два рафта и здесь же устроили дневку под навесом. Старшие Джонсы сидели в тени, вид у них был затравленный; младшие беззаботно плескались в реке. Боб аккуратно провел пикап через мелкую воду за отмелью и остановился в нескольких ярдах от лагеря. Как только он вылез из кабины, его облепили перенервничавшие папаша-мамаша.

Корваллис выскользнул через пассажирскую дверь и, обойдя пикап сзади, подошел к рафтам. Мэйв и Том разбирали вещи – выгружали пожитки Джонсов, а имущество компании оставляли на плоту.

– Классный прикид, – был вердикт Мэйв по поводу того, что надето на Корваллисе. Она оглядела его с головы до пят глазами до того светлого голубого оттенка, что это почти пугало.

– Возвращаю комплимент, – ответил Корваллис.

На Мэйв были кофта из серебристой лайкры с дыркой для большого пальца на рукаве и неопреновые перчатки. Кофта переходила в капюшон с овальным отверстием для лица. Из-под капюшона кое-где торчали выгоревшие на солнце пряди. Судя по выступу на затылке, волосы были длинные, и она собрала их в пучок. Поверх капюшона был надет козырек, на груди болтались очки – от солнца, для плавания и какие-то еще. Красные подтяжки не давали свалиться в реку карго-шортам с туго набитыми карманами. Ниже шортов были приемные гильзы, коленные суставы, углеволоконные голени и пластмассовые стопы ее ножных протезов.

– Спасибо, что забрали нас.

Мэйв сделала два шага вперед. Походка у нее оказалась естественней, чем можно было ожидать, и все же не совсем правильная. Мэйв сняла правую перчатку и протянула руку. Ладонь у нее была прохладная, сильная, в песке, пожатие – символическое.

– Мне не пришлось особо ничего делать – только прочесть по телефону номер кредитной карты. – Корваллис мысленно обругал себя эти слова. Он пытался скромничать, а получилось, что он говорит как богатый хам.

– Мы вам все возместим.

Пассажирских мест в кабине было пять, Джонсов – шесть, но младшего усадили на колени. Корваллис и Мэйв сели в открытом кузове на рюкзаки и пенки. Мэйв дала ему шляпу от солнца и неодобрительно глянула на его голые руки. Подъем по сухому руслу был такой неровный, что им пришлось встать и держаться за кузовные дуги, пружиня ногами. Как только выехали на более или менее ровную дорогу, они устроились поудобнее, и Корваллис, чтобы успокоить Мэйв, намазал руки солнцезащитным кремом.

– Не против? – Мэйв отстегнула одну ногу, потом другую и отложила их в сторону, чтобы проветрить культи. – Туда песок попадает.

– У меня и мысли бы не возникло возражать против того, что необходимо для вашего удобства, – сказал Корваллис.

Витиеватая формулировка привлекла ее внимание. Мэйв надела темные очки-консервы, но по выражению лица было ясно, что она пристально его разглядывает.

– Ты всегда так одеваешься?

Некоторое время Корваллис объяснял про свое хобби и про то, как здесь оказался. Мэйв слушала без явного отвращения, задала пару вопросов. Потом сказала:

– Ладно, главное, что это полезно для здоровья. Ты не похож на великовозрастного обалдуя, который разбивает лагерь у мамочки в подвале.

– Спасибо.

– Печатая на клавиатуре, такие дельты не накачаешь.

Обычно женщины не разглядывали, а уж тем более не хвалили его дельтовидные мышцы – да и вообще какую-либо часть его тела. Несколько мгновений он не мог выговорить ни слова. Легкое напряжение в мошонке заставило его одернуть тунику.

Поездка по ухабам и разговор с Мэйв каким-то образом разрубили гордиев узел, который завязался у него в мозгу от того, что в интернете миллионы людей неправы.

– Ты тягаешь железо, – сказала Мэйв полувопросительно, полуутвердительно. Она сурово смирилась с тем, что у него есть личный тренер в навороченном фитнес-центре.

– Я тягаю лопаты с землей, – ответил Корваллис.

Ей это понравилось.

– Это какое-то новое хипстерское упражнение?

– Это старое римское военное упражнение. Когда легионеры разбивали лагерь, они обносили его рвом, а из выкопанной земли строили вал. Когда они снимались с лагеря, ров надо было закапывать.

– Это ж охренеть сколько копать.

– Если посмотреть на повседневные занятия настоящих легионеров, они были все равно что профессиональные спортсмены. Я себя с ними не равняю, но сказал бы, что реконструкция – лучшая фитнес-программа в моей жизни.

Мэйв глянула в синее небо, пытаясь уложить все это в голове.

– Выкопать столько земли, просто чтобы потом засыпать ее обратно, это, на мой взгляд… не знаю.

– Все равно что грести на лодке, – заметил он. – Только тут не вода, а земля.

– Ладно, твоя взяла, – Мэйв глянула на него. Это было чуточку страшно, но лучше, чем когда она на него не глядела. – Так когда ты думаешь переодеться?

– Вообще-то сперва я думал сделать это сейчас, в машине. Не

вышло. А знаешь что? У меня всего один комплект нормальной человеческой одежды. Блейзер и белая рубашка. Кожаные туфли. Если надеть их сейчас, они пропылятся по дороге. Переоденусь, когда приедем в Моав.

– *Если* приедем, – поправила она.

– Боб уверен, что сумеет туда проскочить.

Она вздохнула:

– Интересно, как это скажется на нашем бизнесе?

– В дальней перспективе для вашего бизнеса это будет замечательно. Поскольку привлечет внимание к Моаву, а оно конвертируется в клики и прибыли.

– Клики, – повторила она. – Думаю, ради них все и затеялось.

– Если ты запишешь то, что сейчас происходит, и выложишь в соцсеть, то получишь миллионы просмотров. – Корваллис хотел обрадовать Мэйв, но чувствовал, что не получается. Его не отпускало ощущение, что она думает о чем-то своем и не хочет этим делиться, а он со своими усилиями поддержать разговор все время говорит не о том.

– Я думала, компьютерщики носят худи и футболки, – сказала Мэйв.

– А?

– Ты сказал, у тебя блейзер и белая рубашка.

– Так я был одет, когда уезжал из Сиэтла. Я поехал прямиком с совещания.

– Почему ты был на совещании не в футболке? Разве у вас не так принято?

– Принято, но совещание было не в ИТ-фирме. В частном фонде. Я вхожу в совет. Это более консервативная структура. Там были юристы и богатые люди.

– Что за фонд?

– Умер мой друг. Он был богатый. Заработал миллиарды в индустрии компьютерных игр. Часть его состояния пошла в этот фонд.

– Это была преждевременная смерть?

– Да.

– Сочувствую.

– Спасибо. Так или иначе, фонд стремится применить игровые технологии к решению разных общественных задач.

Грузовик подпрыгнул на ухабе, и Мэйв ухватилась за свои протезы, чтобы они не вылетели из кузова.

Корваллис силился вспомнить совет, который дала ему Зула года два назад после неудачного свидания.

– Ты задаешь много вопросов, связанных с одеждой, – сказал он. – Ты ею интересуешься?

– Вся одежда – протезы. Так я о ней думаю. Это, – она тронула серебристую лайкру, – и это, – она похлопала по углеволоконной ноге, – лишь вопрос степени.

– Кофта защищает от солнца?

– Да. Лучше, чем крем. – Мэйв вздохнула. – Я училась на модельера, – сказала она, словно сознаваясь в грандиозном провале. – С психу устроилась на лето инструктором по рафтингу. Застряла там.

– Совершенно нормально взять академический отпуск на год. Даже на два.

– Я не получила диплома.

– В смысле, вылетела из университета или…

– Бросила учебу, основала стартап. Он загнулся. – Она вздохнула: – Я одна из проигравших в войне, в которой ты победил.

– А что случилось?

– Мы создали его вдвоем, моя сестра Верна и я. У нас были деньги от бизнес-ангела[12]. Они усвистели на удивление быстро. Потом она заболела.

– Этого одного хватило бы на то, чтобы убить много стартапов.

Мэйв покачала головой:

– Дело не в этом. Ну то есть и в этом тоже. Но убило наш стартап осознание, которое пришло мне среди ночи.

– Какое?

– Что я все делаю не так. Недостаточно широко мыслю.

– Масштаб – штука хитрая.

– И что если я начну мыслить достаточно широко, то понадобится столько денег, сколько мне не добыть. На этом все застопорилось. – Она сняла темные очки и посмотрела ему в глаза: – Я тебя не убалтываю.

– В смысле?

– Не прошу у тебя денег.

– Я так и не думал.

– Просто для ясности.

– О’кей. Принято. И, раз мы прояснили этот момент, можешь рассказать подробнее, чем ты занималась?

– Тогда ты увлечешься, начнешь придумывать, как сделать это лучше, и все снова упрется в деньги.

– До Моава еще далеко, надо о чем-то разговаривать.

– Ладно. Скажу только, что моя идея об одежде как протезах, когда я развила ее дальше, вывела меня из моей зоны комфорта. Потому что мы сейчас носим не только материальные предметы. Мы носим информацию. Моя ава, мой профиль в соцсетях играют

в киберпространстве ту же роль, что одежда в реале. И надо их соединить – материальную одежду с электроникой. Я ничего про эти технологии не знаю.

– Другие знают. Ты можешь найти программистов, разработчиков…

– Тогда почему я?

Корваллис не нашелся с ответом.

Мэйв продолжала:

– Я была как плотник, который придумал деревянную лодку. На середине работы я поняла, что лучше сделать ее алюминиевой. Про алюминий я ни хрена не знаю, значит, на этом этапе мне надо было найти слесаря по металлу. И объяснить инвесторам, что им есть смысл платить мне, чтобы я платила слесарю.

Корваллис кивнул:

– Ты решила, что не годишься для этой работы.

– Ага.

Он пожал плечами:

– Так бывает. Собственно, бизнес-ангелы этим и занимаются. Платят людям вроде тебя, которые пробуют что-то новое. Ты всегда можешь продолжить.

Она скривилась:

– Нет. У меня слишком мало технических знаний.

– Ты просто слишком честная. Если бы ты умела пудрить людям мозги, ты довольно легко нашла бы инвесторов.

– Спасибочки. – Мэйв со злостью отвернулась. В кузове грузовика, на чужих вещах, с отстегнутыми протезами – буквально не способная твердо стоять на ногах, – в миллионе миль от Кремниевой долины, записанная Миазмой в покойники вместе со всем Моавом, загнанная в угол до полной безысходности, она являла собой архетип неудачливого предпринимателя.

Корваллиса почти оскорбила легкость, с которой они въехали в Моав. Блокпосты – если они вообще были – стояли на идущей через город трассе, единственной его связи с большим миром. Почти все улицы Моава заканчивались тупиком у подножия розовых каменистых холмов либо переходили в заросшие колеи. Однако по меньшей мере одна из них соединялась с раздолбанным двухполосным шоссе на восточном берегу Колорадо, вбиравшем в себя грунтовые дороги с многочисленных ранчо. Реку патрулировал одинокий шериф на моторке, но он узнал пикап и, подняв руку от руля, помахал Бобу. Боб, в свою очередь, поднял от баранки два пальца. Так они преодолели

знаменитый на весь мир военный кордон вокруг дымящихся развалин Моава и свернули от реки на дорогу, по которой до города оставалось меньше мили.

На Мейн-стрит, как назывался идущий через город отрезок трассы, царила праздничная атмосфера. По случаю закрытия движения ее превратили в пешеходную торгово-развлекательную зону. Местные жители поставили свои жилые автофургоны и пикапы где вздумалось и натянули импровизированные навесы от солнца, теперь шпарившего через плотные облака. Рестораны и бары обслуживали альфреско. Посередине улицы выстроилась цепочка машин нацгвардии, по большей части «Хамви». Молодые люди в поношенном иракском камуфляже стояли вокруг, направив автоматы в асфальт, и безмолвно впитывали восхищение пьянеющих местных жителей. Туристическая гостиница на «Бродвее» выставила наружу телеэкран, по которому шла прямая трансляция через спутниковую тарелку. К тому времени все телекомпании напрягли свои художественные отделы и соорудили заставки, которые выдавали после рекламных пауз. Типичная заставка выглядела так: «ЯДЕРНЫЙ ТЕРРОР В СЕРДЦЕ СТРАНЫ», шрифтом ужастиков, наложенным на монтаж из атомного облака и карты США с красным крестом нитей в юго-восточной Юте. Корваллису стало любопытно, не юротдел ли составил формулировку. Слова «ядерный удар» или «ядерная катастрофа» подразумевали бы, что это произошло на самом деле. «Ядерный террор» означал лишь, что люди напуганы. Компании уменьшали риски. Их руководство уже почуяло обман. Сказать это прямо значило бы проиграть конкурентам, которые имитируют веру в происходящее. А вот говоря о терроре, можно вроде бы и не врать, но при этом по-прежнему гнать в эфир лажу.

Боб, которого полдюжины Джонсов заразили своим эмоциональным состоянием, подъехал прямиком к офису рафтинговой компании в квартале от Мейн-стрит. Джонсы высыпали из кабины. Отец семейства подошел к своей машине, бежевому «Субурбану», и некоторое время его оглядывал, словно ища вспучившуюся краску, расплавленные шины или другие следы пережитого ядерного взрыва. Мэйв пристегнула протезы еще на въезде в город. Сейчас она стояла в кузове и бросала вещи остальным Джонсам. В семье произошел раскол: передавать ли их в «Субурбан» по цепочке или таскать по одной. На Корваллиса, который был единственным ребенком в семье, это почему-то подействовало удручающе. Он взял у Мэйв ключ, спрыгнул с кузова и пошел в офис. По дороге он очень старался предотвратить обезвоживание, что вкупе с тряской привело к острой необходимости отлить. Чтобы сделать это со всем кайфом,

он заперся в туалете и сел на унитаз. Мочиться стоя в длинном развевающемся одеянии чревато нежелательными последствиями.

Затем он подошел к раковине и некоторое время плескал воду на шею, руки и голову, смывая пыль. Сейчас было самое время переодеться в человеческую одежду, так что он пошел за вещмешком. Джонсы уже уехали. Боб и Мэйв сидели в маленькой приемной офиса, пили пиво из казенного холодильника и смотрели телевизор. Корреспондент подкараулил медсестру из какого-то неопознаваемого ожогового центра, когда та выскочила в «Старбакс». Медсестра выглядела в должной степени потрясенной, однако ей хватило сил в душещипательных подробностях описать страдания детей, которым ядерная вспышка сожгла всю кожу на половине тела (во время взрыва они играли на улице). Согласно интервью, детей спасли из лагеря на окраине города. Мэйв и Боб соглашались, что такого лагеря в Моаве отродясь не было, и хотели объяснить это Корваллису. Однако тот давно смирился с наглостью фейка.

Корваллис вернулся к пикапу и заглянул в кузов. Там было пусто. Он проверил кабину.

Потом вернулся к зданию.

– Ты, случайно, не отдавала Джонсам синий вещмешок вот такой длины? – спросил он Мэйв, показывая руками размер.

– И не один, наверное, – ответила она. – А что?

– Не важно. Есть ли на Мейн-стрит магазин, где можно купить одежду?

– Да. Если он открыт.

– Отбой. Я только что вспомнил. Мой бумажник был в мешке.

Мэйв, отхлебывая пиво из бутылки, оглядела его с ног до головы.

– Серьезно? – спросила она.

Боб резко выпрямился:

– Если хотите, я попытаюсь их догнать.

– А вы знаете, в какую сторону они поехали?

– Нет.

– Думаю, Мэйв мне что-нибудь найдет, – сказал Корваллис. – Но все равно спасибо.

Боб, возможно, уловил перемену в атмосфере – что-то вроде падения барометра перед ливнем, которое не воспринимается человеческими чувствами напрямую, но ощущается артритными суставами как определенный дискомфорт. И, возможно, эндемичный эмоциональный артрит, свойственный живущим на фермах и ранчо лицам североевропейского происхождения, делает их наиболее чуткими барометрами.

– Мне, наверное, пора ехать, – сказал он. – Если только я вам

не нужен.

– Мне надо будет когда-нибудь вернуться к самолету, но… – Корваллис глянул на Мэйв, та кивнула.

– Я тебя отвезу, – сказала она. – Мне все равно забирать Тома и рафты.

Так что Боб попрощался и вышел. Мэйв отперла дверь в дальнем конце помещения и поманила Корваллиса за собой.

В Моаве строили с размахом. Здание было большое, относительно старое и, судя по некоторым признакам, в прежних инкарнациях служило баром, магазином одежды и конторой по продаже недвижимости. Все пространство, кроме небольшого офиса, занимал склад походного снаряжения – идеальное место для набега в случае коллапса цивилизации. Барахло лежало на грубых стеллажах, сделанных на скорую руку с помощью циркулярки и шуруповерта.

– Здесь мы держим тяжелое, что не хочется таскать вверх-вниз по лестнице, – объяснила Мэйв, ведя его к упомянутой лестнице – деревянным ступеням в подвал. – Легкое, вроде одежды, лежит внизу.

Это походило на первые кадры ужастика, в котором Корваллис никогда бы не выбрался из подвала, но отступать было поздно. Мэйв спускалась по лестнице обычным шагом, хотя и с некоторыми предосторожностями – держась за перила и наклоняясь в сторону сильнее, чем человек на здоровых ногах. Сквозь серебристый спандекс было видно, как движутся ее трицепсы и мышцы спины. Бетонный пол внизу выглядел так, будто на него многократно проливали разные напитки. Свет Мэйв включать не стала, сочтя, что хватит и маленьких окошек под потолком.

– Аккуратно, не споткнись, – посоветовала она, что было трогательно, поскольку Корваллис-то шел на своих ногах.

Повсюду по какой-то неочевидной ему схеме были расставлены картонные коробки разного размера и древности. Некоторые были открыты. Там лежали футболки, не сложенные, а брошенные как попало. Преобладали логотипы «Каньонленд эдвенчерс» и прочая туристическая символика, связанная с Моавом, штатом Юта или рекой Колорадо. На коврике в углу валялась огромная груда футболок. Пахло чистой тканью.

– Что такое «Зтетика»? – спросил Корваллис, беря черную футболку с совершенно другим, абсолютно не туристическим логотипом.

– Мой покойный стартап. Понимаешь, если соединить «протез» и «эстетика», отрезать начало…

– Понял.

– Слово «протез» из греческого, – настаивала она, как будто он с ней спорит. – От «простетика», что означает «прибавление». Протез прибавляет силы.

Корваллис кивнул:

– Здорово! Отличное название.

Она вроде бы осторожно приняла комплимент, но тут же отбросила:

– Дурацкое слово. Звучит нелепо и некрасиво.

– Это хорошее условное название, – сказал он. – Перед выходом на рынок нанимаете брендинговую компанию, и она придумывает красивое название для публики.

Это вроде бы немного ее успокоило.

– Можно я возьму такую? – спросил Корваллис, показывая футболку с надписью «Зтетика».

– Почему?

Он не стал говорить, что у айтишников это своего рода фетишизм – коллекционировать вещи с символикой безвестных сгинувших компаний.

– Мне нравится название и то, что оно значит. И это память о сегодняшнем дне.

Она фыркнула:

– О дне, когда Моав разбомбили?

На миг он умолк, напуганный силой ее ехидства. Ощущение было такое, словно он ехал по прекрасной дороге на полностью исправной машине и неожиданно улетел в кювет.

И тогда Корваллис одновременно включил обоих Фортрастов, Ричарда и Зулу.

– Нет, – сказал он. Кровь прилила к лицу и к ушам, так что собственный голос показался ему чужим. – О дне, когда я ехал с тобой в кузове.

Она попятилась на шаг и подняла брови:

– Можешь взять. Размер правильный выбери.

– Ладно. Не смотри на меня.

Он стянул тунику через голову и бросил на пол.

– И ты, – ответила Мэйв.

Послышались щелчок, глухой удар и свистящий шорох. Корваллис обернулся и увидел, как Мэйв стягивает серебристую кофту. Для этого ей пришлось скинуть с плеч красные подтяжки, так что карго-шорты упали на пол. Теперь она осталась в спортивном лифчике и бабушкиных трусах.

– Ой, извини, – выговорил он.

– Ты смотрел? – шутливо возмутилась она. – Пустяки. Ничего такого, чего ты не мог бы увидеть на пляже, верно?

Корваллис вновь повернулся к ней спиной и делал вид, будто

перебирает футболки.

– И все равно… я не хотел…

За спиной послышались бионические шаги.

– Тебе помочь?

– Спасибо, и я сам.

Мэйв подошла очень близко и, протянув руку из-за его спины, вытащила футболку.

– Эта будет классно на тебе смотреться. Повернись, проверим размер.

Корваллис повернулся. Мэйв приложила к нему футболку и оглядела его сверху донизу.

– Коротковата. Дуделку не закрывает, – сказала она.

Корваллис предположительно угадал, что означает термин.

– Семейные трусы не идеальны в вопросах сдерживания дуделки, – признал он.

– В одной из коробок есть зтетиковские плавки. Эластичные и *плотные*. – Она бросила футболку в коробку.

Мгновение они стояли, глядя друг на друга почти в упор. Когда Мэйв стянула капюшон, спутанные волосы рассыпались по спине. Она даже не удосужилась их расправить.

Корваллис медленно взял ее за бедра.

– Знаешь, что было, когда умер мой друг и первый шок остался позади? Примерно ко времени похорон? – спросил он.

– Тебе совершенно некстати хотелось трахать все, что движется?

– Да. А с тобой такое бывало?

– Ага. Когда умер отец. Когда умерла моя компания. И теперь. Хотя в данном случае никто не умер. – Мэйв шагнула ближе, так что его выпирающая под семейными трусами дуделка оказалась в четверти дюйма от ее живота. – Это от мыслей о смерти, да? Типа «жизнь коротка – надо ею пользоваться».

Он притянул Мэйв к себе и прижал стоящую вертикально дуделку к ее животу. Мэйв обхватила его шею и прижалась крепче. В итоге они занялись сексом на огромной груде футболок, которые было удобно хватать комами и подсовывать под себя для смены поз. Мэйв почти ничего не говорила, но у Корваллиса сложилось впечатление, что она хочет трогать себя и при этом иметь возможность смотреть ему в лицо. Они сумели это осуществить за счет, как сказали бы в пауэрпойнтовской презентации, гибкой перекомпоновки футболочной модульной структуры. Корваллис кончил первым, что было почти неизбежно, так как у него три года никого не было. Но он не выходил, пока не кончила она, глядя на него из-под полуприкрытых век.

Через какое-то время Мэйв попросила отнести ее на закорках

в душ и оставить в кабинке. Потом Корваллис спустился в подвал за ее протезами. Покуда она мылась, он сделал попытку прибраться. Его сперма, следуя своему предназначению, ухитрилась распределиться по максимальному количеству футболок, а также по коврику. В углу подвала стояла стиральная машина; Корваллис забил ее до отказа и включил. Тут же сквозь белый шум душевой кабины прорвался голос Мэйв, сообщавшей, что он чертов придурок. Корваллис переключил цикл на холодную воду.

Все это время часть его существа, которая была ответственным руководящим сотрудником, оставалась связанной в чулане с кляпом во рту и пыталась привлечь к себе внимание, выстукивая лбом морзянку по полу. Учитывая, чем занимались остальные его части, это было практически безнадежно, но теперь, когда Корваллис в зтетиковской футболке и плавках сидел в офисе, тянул посткоитальное пиво и слушал, как Мэйв моет голову, он различил далекий глухой стук и задумался о более широком контексте сегодняшнего дня. Лауринас просил его спасти компанию или что-то такое.

Он сел за офисный компьютер и нашел под клавиатурой пожелтевшую бумажку с паролем. Сделал несколько попыток выйти в интернет и убедился, что единственный моавский провайдер по-прежнему лежит. Телефон показывал три палочки, но работать отказывался. Корваллис решил, что лучшее сейчас – задокументировать свое присутствие в городе и загрузить это в интернет, когда будет возможность.

Мэйв вышла из душа абсолютно собранная и невероятно отвлекающая. Корваллис разглядывал ее, отчасти потому что это было приятно, отчасти чтобы понять, какая степень нежности от него требуется. Мэйв держалась исключительно деловито, но все-таки хлопнула его по заду, когда он пошел в душ. Понимай как знаешь. К тому времени, как он вышел, она уже подогнала ко входу мини-фургон с логотипом компании и присоединила к нему прицеп, явно созданный для перевозки надутых рафтов.

Мэйв отвезла Корваллиса на Мейн-стрит. Он сидел в прицепе, покуда она сходила в магазин и вернулась с бермудами его размера. Они были рассчитаны на молодежный вкус, и Корваллис решил, что так проявляется ее чувство юмора. Она поснимала, как он дружески общается с моавитянами, серьезно беседует с нацгвардейцами и корчит рожи с местными ребятишками – все кадры строились так, чтобы на заднем плане отчетливо различался сам город. Вдобавок он снял панораму всей улицы.

Они заехали на ранчо «Энджел-Рок», проведали самолет и экипаж. Бонни расположилась в доме, пилоты – на борту; ждали,

когда подвезут топливо. Следующая остановка была в усадьбе, где Корваллис сумел дозвониться до Лауринаса по стационарному телефону. Лауринас отчаянно хотел заполучить снимки, так что на пару часов они разделились: Мэйв поехала за Томом и рафтами, а Боб отвез Корваллиса на вершину столовой горы, где, как он предполагал (и не ошибся), ловилась мобильная связь из соседнего городка, расположенного далеко от Моава и не затронутого DDoS-атакой. Отсюда Корваллис смог передать фотографии, хоть и медленно. К тому времени как они ушли и Боб отвез Корваллиса на ранчо, Мэйв уже ждала там с Томом и рафтами.

Мэйв. Девушка Корваллиса. За время недолгой поездки он несколько раз об этом вспоминал и радовался.

Года два назад, упражняясь с оружием, он сломал руку и некоторое время проходил в гипсе. Первые дни он забывал про гипс и всякий раз удивлялся новым ограничениям, вроде невозможности нажать «энтер» на клавиатуре или переключить передачу в автомобиле. Теперь все было прямо наоборот, каждое открытие оказывалось приятным. Новые возможности, а не ограничения. Простетика.

Когда они ехали в Моав, Том на заднем сиденье неожиданно чертыхнулся и выглянул в окно с левой стороны машины. Мэйв сказала: «Ух ты, блин!» Корваллису пришлось чуть ли не лечь к ней на колени, чтобы увидеть, на что они смотрят. Синеносый «Боинг-747» заходил на посадку в нескольких милях северо-восточнее.

– Борт номер один, умереть и не встать, – сказал Том.

На этот раз их правда остановили на окраине города, но Мэйв объяснила, кто они; агент Секретной службы проверил документы и внимательно осмотрел мини-фургон и прицеп, после чего им разрешили ехать. Тома и рафты Мэйв оставила на парковке возле «Каньонленд эдвенчерс», а сама пошла с Корваллисом на Мейн-стрит.

К тому времени как президент въехал в город, а его пресс-служба подготовила все для выступления и журналисты установили камеры, наступил вечер. Не исключено, что так и задумывалось, потому что свет был волшебный. Он идеально озарял красные скалы к востоку от Моава, и все в нем выглядели на десять лет моложе и вдвое красивее. Пресс-служба нашла место, где этот свет будет президенту в лицо, а горы и большая надпись MOAB окажутся на заднем плане, установила президентскую трибуну и расставила позади нее справа и слева тщательно отобранных людей: национальных гвардейцев в форме, представителей коренной народности Америки, фермеров с

обветренными лицами, загорелых туристов с лохматыми выгоревшими волосами, пастора, высокопоставленного айтишника азиатской внешности с девушкой-инвалидом. Президент вышел в эфир и сообщил миру, что Моав, штаты Юта и Колорадо, Соединенные Штаты Америки и даже весь мир стали жертвой обмана, совершенно исключительно через интернет. Здесь не произошло ничего, кроме DDoS-атаки из-за рубежа, отключившей интернет-услуги и мобильную связь. Не было никакой вспышки, это просто фейковая новость. Молодой актер в Лос-Анджелесском аэропорту – просто исполнитель, которого наняли сыграть роль под предлогом, что это некое телевизионное реалити-шоу. Ложный приказ выставить блокпосты пришел местным полицейским по телефону из-за рубежа с цифровой подменой номеров, и те думали, звонит их начальство. Аналогичный звонок вызвал оперативников в Лас-Вегас. Те обнаружили пустой номер, снятый и оплаченный онлайн. В назначенное время туда никто не въехал, но из-за рубежа на адрес номера пришла посылка, которую гостиничные служащие занесли внутрь. Это оказались старые часы с радиевыми циферблатами[13] в пугающего вида ящике: достаточно, чтобы счетчики Гейгера защелкали, но совершенно безопасные. Такой же трюк разыграли в Манхэттене. Все подтверждения, появившиеся в следующие часы – фотографии обгоревших тел, радиоактивные образцы, пресс-конференция в Лос-Аламосе, – были сфабрикованы и вброшены в интернет через аккаунты в соцсетях и сайты, контролируемые фиктивными зарубежными компаниями.

По большей части президент просто официально подтвердил информацию, собранную за день официальными новостными агентствами, которые так и не смогли перекричать сетевой галдеж. Это пробудило жажду крови в пресс-войсках Белого дома, собранных на Мейн-стрит. За время ожидания журналисты перепробовали широкий ассортимент местного крафтового пивоварения. После дня исключительно мрачных новостей они впали в эйфорию, вызванную сочетанием вполне понятной и естественной радости, что с Моавом все хорошо, пива и злорадства в адрес соцсетей, которые последние лет двадцать отбивали у них хлеб. Президента спрашивали, насколько же безответственны компании, владеющие соцсетями, и в какие рвы со скорпионами надо бросить их руководителей – тысячеметровые или двухтысячеметровые? После третьего такого вопроса пресс-секретарь подал президенту записку. Президент ознакомился с ней и посмотрел вправо, выглядывая среди стоящих рядом моавитян того, кто мог носить фамилию Кавасаки.

– Почему бы вам не адресовать свои вопросы знающему человеку? Мистер Кавасаки, из «Лайка», пробыл здесь сегодня весь день, выясняя реальное положение дел.

11

Мэйв не хотела считать, что ее спас принц на белом самолете, и не хотела, чтобы так думали другие, и это на первых порах добавило их отношениям своеобразия. По счастью для этих отношений (но не для Мэйв и ее австралийских родственниц), мелкие трения вскоре отступили перед более серьезными неприятностями.

Всю миазменную экосистему троллей и конспирологов затянуло в моавскую воронку. Теперь они с маниакальным упорством принялись за участников: актера с ночного рейса и других персонажей с фейковых роликов, копов из лас-вегасского пентхауса, заместителей шерифа, выставивших блокпосты, и так далее.

И, разумеется, за Корваллиса Кавасаки и Мэйв Браден. Его назвал по фамилии президент США в телеобращении к стране, плюс он и раньше был довольно известным человеком. А она стояла рядом с ним. За сутки обитатели Дуркатауна составили на него исчерпывающее досье, по большей части высосанное из пальца, и заинтересовались ей. Через неделю коллективный разум Дуркатауна выдвинул Мэйв на первое место, оставив Корваллиса позади.

Дуркатаун отталкивает знание, как масло – воду, но тянется к отсутствию фактов, поскольку оно оставляет место для причудливого здания домыслов. На сильных и влиятельных он смотрит со смешанным чувством страха и восхищения, а Корваллис принадлежал к числу сильных. Уязвимость дуркатаунцы чуют сразу и окружают слабых, как хищники – отбившихся и обессиленных. Мэйв – загадочная, уязвимая и вдобавок женщина – была для них втройне притягательна. К концу первой недели ее задоксили. «Каньонленд эдвенчерс» как бизнес уничтожили валом фейковых негативных отзывов и другими методами кибератак. Мэйв укрылась на ранчо «Энджел-Рок», но дня через два жена Боба поверила некоторым особо гнусным клеветническим постам в соцсетях и попросила ту съехать. Том, которому после краха фирмы все равно делать было нечего, усадил Мэйв в машину, вручил ей помповик и довез до Солт-Лейк-Сити, где высадил (без помповика) на аэродроме для частных самолетов – ждать борта, который прислал за ней

Корваллис. В здание она зашла всего на несколько минут, в туалет. Под дверью кабинки были видны ее протезы. Их увидела в зеркале девушка, поправлявшая макияж. У девушки этой была подруга, дочь управляющего хеджевым фондом, и они вместе с еще несколькими друзьями и родственниками летели на частном самолете управляющего на какой-то сверхдорогой курорт. Девушки узнали Мэйв, сфотографировали ее и запостили снимки в свои плохо защищенные аккаунты. На один из снимков попал хвостовой номер самолета, в который садилась Мэйв. Его план полета нашли в Миазме. В Сиэтле Мэйв встречали новые разоблачители; к частным самолетам в Боинг-филд их не пустили, но они видели, как приехал Корваллис на своей «Тесле».

Ничего не оставалось, кроме как ждать, когда волна схлынет. Приличные люди в Миазме возмущались травлей Мэйв, но сам факт, что ее защищают, только раззадоривал троллей и усиливал гнев разоблачителей. Всю семью Мэйв задоксили. Отчетную документацию «Зтетики» выудили из небытия и выложили на всеобщее обозрение. То, что Мэйв была теперь под крылом Корваллиса, немного охладило разоблачителей, поскольку они были садисты и предпочитали мучить беспомощных. Однако они сумели разыскать ее сестру Верну в спальном районе Аделаиды. После первой операции и химиотерапии она получила три года ремиссии, но сейчас начался рецидив, и ей снова делали химию. Из-за недостаточных мер безопасности группа особенно рьяных хакеров методом социальной инженерии разыскала Верну в аделаидской больнице и по телефону сообщила о заложенной бомбе. Все крыло здания, где Верна проходила лечение, эвакуировали. Каталок на всех не хватило, и Верне, которая с посторонней помощью могла держаться на ногах, пришлось идти пешком. Ее уложили под эвкалиптом. Она была в больничном халате, капельница на колесиках продолжала закачивать препарат ей в вену. Местный правдолюбец длиннофокусным объективом заснял на видео, как она повернулась на бок и блюет. Видео попало на форум разоблачителей и стало мемом. Мать Верны и Мэйв вышла на крыльцо своего дома и в ярости сказала все, что думает о хакерах; фотография ее гневного зареванного лица тоже стала юмористическим мемом.

Корваллис арендовал самолет побольше, чтобы лететь с Мэйв в Австралию. Они приехали на Боинг-филд. Самолет еще не был готов к вылету, так что им пришлось с полчаса провести в зале ожидания.

Незадолго до посадки в зал ожидания вошел Плутон.

Плутон был соучредителем Корпорации-9592 и заработал соответствующее количество денег. В свое время Корваллис

виделся с ним каждый день, но после перехода в «Нубилант» они не поддерживали контакт и пересеклись один-единственный раз на похоронах Доджа. Плутон, зная свое неумение общаться с людьми, заранее изучил учебник по этикету, так что в коротких разговорах с Зулой и другими ближайшими родственниками Ричарда шпарил наизусть учтивые викторианские соболезнования прямиком из отсканированной книги Эмили Пост.

Зал ожидания был обставлен как холл роскошного отеля. Плутон, войдя, бросил рюкзак на кожаное клубное кресло. Судя по всему, он собрался в дальнее путешествие. Корваллис и Мэйв сидели рядышком на диванчике в состоянии, близком к отключке, не решаясь заглядывать в Миазму. Плутон сел напротив. Не сказав «здрасьте» и даже не посмотрев на них, он открыл ноутбук и надел очки.

– Вижу, старческая дальнозоркость тебя нагнала, – сказал Корваллис.

Мэйв напряглась; она сперва не поняла, что Корваллис и этот человек знакомы.

– Странно было бы в мои годы ее избежать! – фыркнул Плутон.

Мэйв полулежала на спинке дивана, примостив голову на руку Корваллиса. Сейчас она села прямее, чтобы лучше видеть незнакомца.

В прежние времена главные сотрудники Корпорации-9592 пользовались приложением, которое написал Плутон. Оно позволяло отслеживать каждого на карте и не писать лишних эсэмэсок с вопросом: «Ты где?» Корваллис делился своим местоположением с Доджем и Плутоном. Додж умер. Про Плутона Корваллис забыл. Он сделал себе мысленную пометку отключить эту функцию. Не то чтобы он не доверял Плутону, просто не надо такого оставлять без надобности.

– У тебя багаж впечатляющих веса и размера, – заметил Корваллис, – и, я вижу, ты приобрел новую шляпу от солнца.

На шляпе Плутона по-прежнему болтались магазинная этикетка и буклетик производителя.

– Из-за озоновой дыры, – начал Плутон, явно собираясь развить тему.

Мэйв его перебила:

– Этот человек летит с нами?

– Его зовут Плутон, – сказал Корваллис и, не дожидаясь, когда Плутон поправит ошибку, уточнил: – Вернее, это прозвище.

Плутон, видимо, закончил то, что делал на своем ноутбуке, и уставился через очки на ноги Мэйв. Разговаривая с людьми, он обычно смотрел на их обувь, и Корваллис понял, что Плутон

готовится приступить к беседе. С точки зрения Мэйв, это выглядело так, будто он пялится на ее протезы. Корваллис, чья рука лежала у Мэйв за спиной, легонько похлопал ее по плечу.

– Я обратил внимание, что вас травят в интернете, – сказал Плутон, – и я здесь, чтобы его уничтожить.

– Кого? – спросил Корваллис.

– Интернет, – ответил Плутон. – Или то, что Додж называл Миазмой. В твоем самолете есть вай-фай?

– Да, но над Тихим океаном он не работает.

Плутон вздохнул:

– Значит, придется подождать до Австралии.

– Мне твой друг сперва не понравился, – объявила Мэйв, – но я начинаю понимать, что ошиблась.

– Это очень удачно, Мэйв, если мне позволено обратиться к даме по имени, поскольку нужно ваше согласие. Разрешение полностью загубить вашу репутацию.

– Она уже загублена. Вы что, не видели эту мерзопакость?

– Пока еще недостаточно загублена. – Плутон глянул на экран ноутбука: – Отслеживаемое моими ботами общее число уникальных оскорбительных и клеветнических утверждений в ваш адрес во всех блогах, форумах и соцсетях в настоящее время составляет чуть больше семидесяти трех тысяч. Пик трафика был достигнут вчера на уровне около четырех запятая пять килобраденов.

– Что такое килобраден? – заинтересованно спросила Мэйв, поскольку «Браден» была ее фамилия.

– Браден – единица измерения, которую я ввел в собственных целях. Она равняется числу враждебных постов за один час. Сейчас показатель снизился до всего примерно ста браденов, поскольку фокус атаки сместился на вашу матушку и… – Плутон наморщил лоб, читая с экрана, – кого-то по имени Леди.

– Ее тибетский терьер, – вздохнула Мэйв.

Во все время пресс-конференции на крыльце саундтреком звучал лай, и теперь собаке угрожали убийством.

– Так или иначе, чтобы достичь насыщения, надо вывести показатель на мегабраденовский, а желательно на гигабраденовский уровень, – объявил Плутон. – Кроме того, нам нужна куда большая онтическая ширина.

– Онтическая? – спросил Корваллис, чтобы не пришлось спрашивать Мэйв.

В дверь со стороны аэродрома вошел пилот и выжидательно глянул на Корваллиса.

– Еще один пассажир, – сказал ему Корваллис, поскольку это надо было внести в документы, а Плутона спросил «Паспорт?», о

чем тут же пожалел.

– Паспорт и виза нужны для посадки в… – растерялся Плутон.

– Не важно. У него есть паспорт и виза, – сказал Корваллис пилоту.

После того как они дошли до самолета и сели в кресла, Плутон продолжил, словно разговор и не прерывался.

– Такого рода вещи надо делать систематически, чтобы ничего не пропустить, – сказал он, глядя в иллюминатор на топливозаправщик. – Отчасти через прямое изучение словарей, тезаурусов и тому подобного, отчасти через брутфорсинг архивов клеветнических миазменных постов я составил, как мне представляется, довольно стройную онтологию ядовитых нападок. Обычный список слов ничего нам не даст, поскольку он лингвоспецифичен – и потому что он привязан к одному языку, например к английскому, и потому что охватывает лишь оскорбления в словесном формате. Однако многие оскорбительные посты состоят из картинки либо видео. Например, если вы хотите обозвать кого-нибудь шлюхой…

– Прямо сейчас нам это не нужно, – сказал Корваллис.

– «Шлюха», «стерва», «карга», «толстуха» – учесть надо всё. Если мы генерируем трафик гигабраденовского масштаба – а я думаю, это легко осуществимо, – но весь он смещен в, допустим, феминацистскую сторону, у многих случайных пользователей возникнет ощущение, что объект и впрямь феминаци. Но если такой трафик обличает ее как шлюху, сучку, проститутку, охотницу за богатыми мужчинами, идиотку…

– Общая идея вроде понятна, – сказал Корваллис.

– …то даже самый доверчивый пользователь, столкнувшись с таким количеством разных, часто противоположных характеристик, усомнится в каждой, а значит, и в надежности Миазмы как таковой.

– Плутон, ты вроде бы еще не объяснил нам, зачем собираешься это делать, – заметил Корваллис.

– Я рада, что ты это сказал, – вставила Мэйв. – А то у меня было чувство, что я на время вырубилась.

– Если я правильно понимаю, ты создал каких-то ботов или типа того…

– Агенты бесконтрольного извержения ядовитых нападок, или АБИЗЯНы, – сказал Плутон. – Я взял на себя смелость нарисовать логотип.

– Пожалуйста, Плутон, не показывай нам программерский арт…

Но Корваллис опоздал. Плутон уже развернул ноутбук и

демонстрировал чудовищную картинку с животным, в котором еле-еле угадывалась обезьяна. Кулаком одной волосатой руки она опиралась о землю, а другую занесла над головой, чтобы бросить огромную мокрую какашку. От какашки расходились волнистые линии в качестве указания, что она воняет. Это было даже отвратительнее других программерских рисунков Плутона, но он улыбался во весь рот и даже вроде как поглядывал на Корваллиса и Мэйв, а это многое значило. Хуже того, Мэйв понравилось, и она рассмеялась. Корваллис давно не слышал ее смеха.

– Напечатав несколько простых команд, я могу запустить в облако произвольное количество АБИЗЯНов, – сказал Плутон.

– Что значит «произвольное»? – спросила Мэйв.

– Сколько он захочет, – объяснил Корваллис.

– Сколько я захочу.

– А это разве не стоит больших денег?

Плутон сперва сильно удивился, потом хохотнул.

– У Плутона в десять раз больше денег, чем у меня, – сказал Корваллис.

– В девятнадцать, – уточнил Плутон. – Ты не знаешь про некоторые мои интересные трейдинговые стратегии. – Он перевел взгляд с ботинок Корваллиса на протезы Мэйв и продолжил: – Я настроил внутренний цикл так, чтобы каждый АБИЗЯН генерировал свыше мегабрадена клеветнических измышлений. Число, разумеется, было бы много больше, если бы не требовалось прибегать к различным стратегиям обхода спам-фильтров, капчи и другой защиты.

– Ты это уже пробовал? – спросил Корваллис.

– На реальных людях – нет, – ответил Плутон. – Я выдумал персонажа и натравил нескольких АБИЗЯНов на него, просто чтобы посмотреть, как это будет на местности. В адрес вымышленного персонажа уже поступили тысячи угроз убийства.

– Ты хочешь сказать, от людей, которые увидели сгенерированные АБИЗЯНами клеветнические посты и возненавидели человека, который на самом деле никогда не существовал?

– Да. Все сработало неожиданно хорошо. Мне как раз подумалось, что неплохо добавить и другую стратегию – создать большое количество несуществующих объектов травли и применять АБИЗЯНов против них тоже.

– Вы раньше упомянули, что вам нужно мое согласие, – сказала Мэйв. – Разрешение.

– Да. Я хотел бы запустить против вас армию гигабраденовых АБИЗЯНов недели на две.

– Если я правильно сосчитал, – проговорил Корваллис, – за

это время каждый час будет появляться примерно миллиард клеветнических постов, направленных против Мэйв лично. Обвиняющих ее во всех смертных грехах, которые ты включил в свою онтологию ядовитых нападок. Как словесных, так и в виде картинок. И на всех интернет-площадках.

– Одна только ее статья в «Википедии», – сказал Плутон, – будет редактироваться тысячу раз за десятую долю секунды. Добавится новый материал, описывающий Мэйв как пиратку, убийцу, секс-работницу, террористку и копрофага. Администраторы, скорее всего, закроют статью для редактирования, но весь клеветнический материал будет заархивирован в истории изменений. Тем временем мои АБИЗЯНы создадут тысячи новых аккаунтов в соцсетях и напишут миллионы постов в сходном ключе. Существующие ботнеты будут переориентированы на колоссальную рассылку спама. Атака в Твиттере пройдет в три этапа. Нулевой этап в каком-то смысле уже идет и заключается в том…

– Зачем вам нужно мое согласие? – поинтересовалась Мэйв. – Не поймите меня неправильно, очень мило с вашей стороны спросить, но…

– Это открытая кампания. Мы о ней объявим. Опубликуем статистику, как она идет. Вы, если захотите, сможете дать интервью прессе. Масштаб убедит даже самого доверчивого пользователя Миазмы, что все это собачья чушь. Все нормальные люди перестанут верить тому негативному, что писали о вас в Миазме. Но поскольку формально это будет клевета, вы должны обещать, что не подадите на меня в суд.

– Вы ведь сказали в самом начале, что уничтожите интернет? Миазму? – спросила Мэйв.

– Да.

– И как вам это удастся?

– Я выложу в свободный доступ исходники всех инструментов для создания АБИЗЯНов и управления ими, – сказал Плутон. – Вместе с простым графическим интерфейсом это позволит любому в мире плодить армии АБИЗЯНов почти даром и управлять ими через приложение.

Корваллис поднял палец:

– Я работаю в «Лайке». Если твои АБИЗЯНы создают фальшивые аккаунты и забивают «Лайк» дерьмом, для меня это проблема.

– Считай, что это шанс, – настаивал Плутон. – Возможность для «Лайка» встать на другой уровень по сравнению со старыми платформами, которым после Моава доверять нельзя.

– Моавский фейк запустил ты? – напрямую спросил

Корваллис. Эта мысль только сейчас пришла ему в голову.

– Нет.

– А имел к этому хоть какое-то отношение?

– Нет. Что странно, поскольку авторы фейка очень во многом думали так же, как я. Но я пытаюсь исключить все, что может привести к гибели людей.

– Вы работаете над этим уже какое-то время, – сказала Мэйв. – Никто не мог бы создать за несколько дней то, что вы описали. Каким бы хорошим программистом вы ни были.

– Все правильно. Я работал над разными частями проекта с тех пор, как ушел на пенсию из Корпорации-9592.

– То есть два года, – пояснил Корваллис для Мэйв. – А теперь просто пользуешься возможностью. Сейчас, после Моава, самое время все это запустить.

– И самое время твоей компании оторваться от конкурентов, – настаивал Плутон.

Мэйв решила, что утро вечера мудренее, и пообещала дать ответ, когда поспит. Перелет через Тихий океан на самолете бизнес-класса давал такую возможность. Она крепко спала целых девять часов, и Корваллису это подсказывало, что она согласится. В результате сам он спал плохо: лежал рядом с ней и составлял перечень всего, что должен будет сделать, как только сможет выйти в интернет. Техническая сторона обещала быть несложной: программисты «Лайка», получив заблаговременное предупреждение, разработают процессы, которые отсеют почти весь трафик АБИЗЯНов. Спать ему не давал юридический аспект, главным образом потому, что это было не по его части. Сделать он все равно ничего не мог, кроме как запугивать себя кошмарными сценариями, рождающимися в полусонном мозгу.

Он немного успокоился, поговорив с Плутоном. Оказалось, тот еще пару лет назад взял нескольких юристов на полную ставку, чтобы не подставиться под драконовские законы против хакеров.

В определенном смысле АБИЗЯНы подготавливались десятилетиями. В своем телеграфном стиле Плутон изложил Корваллису предысторию, с которой тот был и раньше смутно знаком. Как выяснилось, Плутон состоял в группе единомышленников под названием ПРОГРЭСС: программа этического саботажа сети. АБИЗЯНы были его собственной любимой игрушкой, но над ними работали и другие, скрещивая его код со спамботами, которые будут редактировать «Википедию» и наводнят «Амазон» фейковыми обзорами продуктов.

В дальней перспективе цель ПРОГРЭССа была прекрасна и благородна: создать нечто, что эти люди называли Надежным интернетом. В ближней перспективе они ради этой цели собирались затопить каждый блог фейковыми комментами, добавить каждому законному аккаунту в Твиттере тысячи фейковых подписчиков, клонировать каждую законную страницу в «Фейсбуке» и выжидать недели или месяцы, прежде чем внезапно заполнить мусором ленты своих жертв.

– Я понимаю, почему ты нанял юристов, – сказал Корваллис, выслушав это все.

Плутон хохотнул:

– Только для АБИЗЯНовской части. В списке ПРОГРЭССа много участников. Некоторые радикальнее других.

– И все анонимные, неотслеживаемые и так далее.

– Да. Мы используем ПАРАНДЖО.

Корваллис вздохнул:

– Сдаюсь. Что такое ПАРАНДЖО? Это же что-то из ислама? Типа что женщина не должна показывать чужим мужчинам свое лицо?

Плутон явно хотел услышать этот вопрос.

– Персональный анонимно регистрируемый антиотчуждаемый десигнатор железобетонной олографии, – с довольным видом объявил он.

Корваллис откинулся в кресле и задумался. Что-то было очевидно, что-то – не совсем.

– При чем здесь голография?

– Олография. Впрочем, слово одно и то же. До современной голографии существовал научный термин «олограф» – манускрипт, целиком написанный одним почерком.

– Почерком?

– Ману. Скрипт. Руко. Писание, – сказал Плутон, дивясь его несообразительности. – Как можно сказать, что древний манускрипт от начала до конца написан одним человеком? Потому что почерк везде одинаковый, вот как. Мы не знаем имени автора, но в каком-то смысле можем идентифицировать его по почерку – и значительно увереннее, чем если бы у нас было только его имя.

– Тут я согласен, – ответил Корваллис. – Поставить имя на титульном листе легко. Подделать целый документ, написанный одним почерком, гораздо труднее.

– Это практически неопровержимое доказательство, что весь манускрипт писал один человек. Вот что такое олограф.

– Итак, «олография» в данном случае значит «создание документов, железобетонно принадлежащих определенному

автору».

– Документов и другой цифровой активности, – поправил его Плутон.

– И как в случае олографа не нужно имя автора на первой странице…

– «Анонимно регистрируемый», – с довольным кивком напомнил Плутон.

– Повтори мне снова еще раз, пожалуйста.

– Персональный анонимно регистрируемый антиотчуждаемый десигнатор железобетонной олографии.

– Это просто анонимный ID под выпендрежным именем, – сказал Корваллис.

– И да и нет. Анонимный ID нигде не регистрируется, ПАРАНДЖО регистрируются в распределенном реестре, так что их достоверность может проверить кто угодно когда угодно. «Антиотчуждаемый» значит, что никто не может его похитить, пока ты применяешь разумные меры предосторожности.

– А «персональный»?

– Просто чтобы получился красивый акроним, наверное, – сказал Плутон. – Но каждый ПАРАНДЖО связан с лицом в юридическом смысле, то есть с человеком либо организацией.

– И все, кто входит в вашу программу этического саботажа сети, общаются друг с другом и постят документы с помощью какой-то системы ПАРАНДЖО.

– Система пока не фонтан. Очень громоздкая и неудобная. Нам не помешал бы инвестор, чтобы довести ее до ума, создать графический интерфейс.

– Плутон, ты сказал, у тебя в девятнадцать раз больше денег, чем у меня. Чего бы тебе самому в это не инвестировать?

– Это не по моей части.

Корваллис вздохнул:

– Я вот к чему. Моавский фейк был сделан ну очень хорошо. В смысле, может, если просеять все, удастся найти, где они прокололись, но в целом это шедевр. Я хочу понять, кто настолько умен и организован, чтобы такое провернуть.

– Я уже тебе сказал, это не я.

– И я тебе верю. Но, возможно, ты знаешь тех, кто это сделал. Не лично, а через их ПАРАНДЖО. Возможно, они входят в твою сеть ПРОГРЭССа.

Плутон пожал плечами:

– Довольно большой интерес выказывается к теме распределенных организаций. То есть сети ПАРАНДЖО, которая действует по согласованным правилам, как обычная компания, но без опознаваемого центра.

– Ты хочешь сказать, что люди, провернувшие Моавский фейк, могли тайно создать для этого распределенную организацию. А тебя не пригласили, потому что ты не знаешь секретного рукопожатия или что-то не так сказал в какой-то ветке обсуждения.

– Возможно. Но я сомневаюсь.

– Кто, по-твоему, это сделал?

– Снова русские?

– Какая для них в этом выгода? – спросил Корваллис. – Кто выиграл от Моава?

– А ты как считаешь?

– Выиграл ПРОГРЭСС. Люди, которые ненавидят Миазму за ненадежность и мечтают заменить ее чем-нибудь более защищенным.

– С этим я спорить не могу! – И Плутон довольно хохотнул.

Что-то в этом выражении детской радости указало Корваллису на ошибку в его выкладках. Да, у Плутона бесконечное количество денег. Значит, возможность у него была. Но был ли у него мотив? Да, в каком-то смысле. Он и тысячи других программистов, включая его дружков по ПРОГРЭССу, злятся на уязвимости Миазмы. Но достаточный ли это мотив для фейка Моавских масштабов? Были человеческие жертвы. По последним подсчетам, тридцать один человек. Люди гибли в автомобильных катастрофах, от инфарктов и от инсультов во время панического бегства от воображаемых бомб. Кто мог так поступить?

Очевидный мотив – деньги. Кто-то придумал способ обогатиться за счет фейка, скорее всего, на короткой продаже акций. И наверняка Комиссия по ценным бумагам и биржам уже расследует этот вопрос, прочесывает архивы торгов на предмет подозрительной активности накануне Моава. А может, игра была тоньше и Комиссия по ценным бумагам ни до чего не докопается.

Однако это сложный и уж слишком безответственный способ пополнить карман. Человек, способный провернуть такой грандиозный фейк, нашел бы другие возможности.

Обо всем этом Корваллис размышлял, пока самолет летел на юг и на запад, через экватор, через линию смены дат. Плутон заснул перед своим ноутбуком, и тот послушно выключился. Салон погрузился в темноту. Корваллис смотрел в иллюминатор и видел только звезды да одинокий огонек внизу – наверное, корабль.

Он понял, что фейк организовал Элмо Шепард.

Осознание сложилось в мозгу сразу целиком. Ему не предшествовала цепочка мыслей, никакие факты его не

подтверждали, но Корваллис знал все так же точно, как если бы Эл сам ему рассказал. Как ученый, глядящий на анонимный олограф в библиотеке, Корваллис просто узнал почерк Эла.

Австралия – по крайней мере то, что появилось сейчас в иллюминаторе – оказалась неожиданно зеленой. Корваллис думал, не пора ли разбудить Мэйв, но, видимо, от прибытия в воздушное пространство родной страны у нее в голове сработал внутренний будильник. Корваллис боялся спросить, что она решила насчет предложения Плутона. Такой спокойной и уверенной он не видел ее с тех пор, как она оказалась под прицелом разоблачителей. Сразу после плотного завтрака, поданного стюардессой, Мэйв на полчаса ушла в туалет и вернулась в полной боевой раскраске. В отношении макияжа у нее был принцип – все или ничего; обычно она не красилась совсем, но по особым случаям могла сотворить нечто впечатляющее. Корваллис еще не научился угадывать, какой случай она сочтет особым; то не были обычные причины вроде свидания. Впрочем, он знал, что это все связано со «Зтетикой» и что, отважься он спросить, она скажет: макияж – еще один вид протеза и тоже прибавляет силы. Выходя из самолетной уборной, Мэйв выглядела сильной, хотя это не обязательно была та сила, которую уважают миллионы ее хейтеров в Миазме. Лицо Мэйв должно было стать посланием семье, и неимоверно сложный шифр этого послания Корваллис даже не надеялся разгадать.

К тому времени Австралия стала коричневато-оранжевой, и штат Юта по сравнению с ней показался бы джунглями. Последний час полета Мэйв выспрашивала Плутона про АБИЗЯНов и про то, что будет, когда он их выпустит. Решили, что лучше подождать день-два, чтобы она объяснила все матери и сестре.

Сразу после высадки и таможни они переключились в семейный режим, который, с точки зрения нерда-фундаменталиста, представляет собой чудовищную трату времени на занятия, исключающие всякий продуктивный труд. Несколько часов полностью ушло на то, чтобы забрать Мэри-Кэтрин, мать Мэйв, и Леди, тибетского терьера, чьей жизни угрожала опасность. Леди отвезли на несколько дней в собачью гостиницу. Дальше поехали в больницу за Верной, у которой закончился курс химиотерапии. Следующим пунктом назначения был Макларен-Вейл к югу от Аделаиды. Знакомый Корваллиса – центурион римского легиона в южно-австралийской группе реконструкторов – посоветовал оздоровительную базу на территории винодельческого хозяйства, и помощник Корваллиса

снял там виллу. Верну и ее медицинское оборудование разместили в лучшей спальне. Корваллису еще никогда не случалось так тесно общаться с человеком после химиотерапии. Теперь он понял, что Онколандия – целая альтернативная цивилизация, не менее сложная, чем его профессиональная деятельность.

Только через несколько часов, когда его со всеми познакомили, и все вместе поели, и Верну устроили на новом месте, Корваллис получил немного времени для себя и смог предупредить коллег в «Лайке». Впрочем, бóльшая часть его нердовского ума была занята Элмо Шепардом. Почувствует ли Эл каким-то образом, что Корваллис его вычислил – не разочаруется ли в нем, как учитель в талантливом ученике, если Корваллис не намекнет на это при ближайшей встрече?

А встречи им предстояли. Ибо Эл и его арсенал коммерческих и некоммерческих структур неотделимо переплелись с судьбой Доджа и его мозга. Непропорциональная доля времени в некоммерческой работе Корваллиса уходила на то, чтобы разгадать очередные гамбиты Эловых адвокатов. Собственно, на последней встрече совета директоров, с которой он поехал в Монтану к друзьям-легионерам, обсуждали почти исключительно новый маневр Эла. Корваллис невольно гадал, связаны ли этот маневр и запуск фейка. Он уже давно чувствовал, что играет в крестики-нолики, а Эл – в четырехмерные шахматы.

Австралия в целом и конкретное винодельческое хозяйство в частности оказались идеальным местом для жизни во время миазменной атаки на Мэйв. Удивительные птичьи голоса раздавались в тихом сухом воздухе, благоухающем эвкалиптами и смягченном розоватой дымкой пыли от великой пустыни на севере. Оцинкованная крыша и стальные оконные сетки защищали от солнца и насекомых, но в доме сохранялось ощущение, что находишься среди деревьев и виноградников. Все было просто и удобно без малейшего намека на так называемую роскошь. Комната Верны выходила на веранду второго этажа под густыми кронами, что придавало ей сходство с домиком на дереве. Мэйв сидела с сестрой часами, они разговаривали и пили чай, а Мэри-Кэтрин суетилась и хлопотала. Она переехала в Австралию из Ирландии; в анамнезе у нее был тяжелый развод с отцом Верны и Мэйв, обладателем какого-то сложного двойного гражданства, позволившего слинять в Америку, когда в Австралии его допекли. Миазма давным-давно задоксила папу Брадена и радостно постила полицейские снимки, запечатлевшие его нелады с законом в местах столь невероятно далеких, что это само по себе представлялось комичным. Мэри-Кэтрин была

маниакально привержена простым, конкретным делам вроде домашних булочек и жизни окрестных птиц, что служило идеальным противоядием Миазме.

Когда Верна немного окрепла, Корваллис стал проводить с ней больше времени. На первых порах Мэйв постоянно находилась с ними, чтобы помочь Верне, если той что-нибудь понадобится, и поддерживать разговор, когда он замирал. Однако постепенно их беседы становились все более гиковскими; сперва Мэйв просто читала или вязала в уголке, потом и вовсе стала уходить. Верна была умница, программистка, по большей части самоучка, и, когда туман химиотерапии немного рассеялся, оказалось, что она вполне может поддерживать разговор с Си-плюсом. Будь все иначе, он бы подумал, не взять ли ее на работу. Ему представлялось, как она ходит на собеседования, как другие программисты видят, что она «неимоверно крута», но боятся ее брать из-за культурного несоответствия и сплавляют в более скромные стартапы к друзьям. Все это было по-прежнему возможно теоретически, но пока борьба с раком оставалась для нее работой на полную занятость.

Корваллис жалел, что не может познакомить ее с Доджем.

Плутон обосновался в самом дорогом отеле Аделаиды и каждые несколько часов звонил Корваллису на «одноразовый» мобильный, который тот купил в аэропорту (его прежний номер задоксили и плотно взяли в оборот хейтеры-расисты). Через двое суток после прилета в Австралию (к тому времени программисты «Лайка» уже были готовы дать отпор АБИЗЯНам), Плутон позвонил сказать, что держит правый мизинец над клавишей «энтер» и, если указанную клавишу нажать, все произойдет мгновенно.

Корваллис бесцельно расхаживал по первому этажу виллы.

– О’кей, – сказал он.

– «О’кей» в смысле ты меня понял? – спросил Плутон. – Или в смысле «давай нажимай»?

– Давай нажимай.

– Не хочешь еще раз спросить Мэйв? – сказал Плутон, демонстрируя нехарактерную чуткость.

– Если я еще раз ее спрошу, она мне двинет, – ответил Корваллис. – Все уже решено. Они с сестрой обсуждают, что делать дальше. У них наклевывается план.

– Ладно, поехали, – сказал Плутон.

Корваллис, прежде чем отключиться, услышал щелчок клавиши.

Если все пойдет, как задумано, Программа этического саботажа сети сейчас выпустит пресс-релиз: заявит о своем

существовании и объяснит, какова ее цель. В пресс-релиз войдет подписанное заявление, а также видеообращение Мэйв Браден, что она в курсе и не возражает. Там же будут ссылки на серверы, где лежит опенсорный код АБИЗЯНов со всей документацией и готовыми шаблонами, которые можно расширять и модифицировать. В развитие идеи, возникшей во время перелета, ПРОГРЭСС добавил к пресс-релизу список из нескольких сотен абсолютно вымышленных лиц, против которых можно начать вакханалию безудержной клеветы, и простые в использовании инструменты, позволяющие любому создавать таких же и запускать против них кампании в соцсетях, делая фейковые личности мишенью искренней злобы со стороны миллионов тупиц, верящих всему, что видят у себя на экране. После небольшой паузы, чтобы дать пресс-релизу разойтись по сети, АБИЗЯНы заработают с начальной скоростью в один гигабраден. В следующие часы Плутон будет следить за ними на контрольной панели графического интерфейса, показывающей различные метрики в реальном времени с помощью удобных инструментов визуализации. Потом восемь часов проспит. Затем оценит результаты и внесет необходимые поправки, скажем, увеличит мощность до десяти гигабраденов, если сочтет нужным.

Корваллис взял из шкафа в гостиной колоду карт и с полчаса раскладывал пасьянс. Затем вышел погулять с Мэйв, которая, по крайней мере на день, стала самой знаменитой женщиной в мире. Она рассказала ему про идею, которую обдумывают они с Верной, – что-то среднее между ИТ-стартапом, перформансом, модным аксессуаром и политическим манифестом. Они собрались возродить вуаль.

Пресс-конференцию дали через три дня в конференц-зале гостиницы, где остановился Плутон. Объявили за час, после чего выехали в Аделаиду. Поскольку никого загодя не известили, в зале присутствовали почти исключительно австралийские журналисты. Это сработало. Они были такими же поверхностными и так же гонялись за жареными фактами, как журналисты в любой другой стране мира, но что-то в этом проекте импонировало их коллективному чувству юмора. Атмосфера в зале была веселая и праздничная, пронизанная общим чувством, что австралийцы натянули нос целому миру и все в зале – соучастники шутки.

Только через неделю семья Браден вернулась к более или менее нормальной жизни. Плутон улетел сразу после пресс-конференции. Корваллис отправился в Америку один, Мэйв последовала за ним двумя неделями позже. К этому времени уже можно было подвести итоги Моавского фейка и операции

ПРОГРЭССа, которые все больше воспринимались как два этапа одного по сути события – недели, когда пала Миазма.

В следующие два года у Мэйв и Корваллиса был непростой роман на расстоянии. Она забеременела и переехала к нему в Сиэтл. Они присмотрели большой старый дом в дорогом районе. Родился мальчик; его назвали Верном в честь Верны, которая умерла от рецидива рака за месяц до его рождения. Верна, до конца сохранявшая ясность ума, завещала свой мозг науке и поручила его конкретно Фортрастовскому фамильному фонду. Документы, которые она подписывала, становились все сложнее и сложнее по мере того, как адвокаты измысливали все больше гипотетических непредвиденных обстоятельств. Верна буквально не успевала во все это вникать, так что в конце концов разрубила гордиев узел, объявив, что хочет получить «режим наибольшего благоприятствования», а именно: пусть с ее мозгом сделают то же, что с мозгом Ричарда Фортраста. Когда Верне стало совсем плохо, Корваллис и Мэйв перевезли ее в Сиэтл, чтобы избежать возможных проблем из-за разницы в американском и австралийском законодательствах.

У Мэйв и Корваллиса был еще один дом, на ранчо под Моавом. Он служил также штабом проекта «Моав», некоммерческой организации, созданной Корваллисом и другими – по большей части людьми, заработавшими большие деньги на соцсетях, – чтобы изучать связанные с фейком данные и обмозговывать результаты.

Проект «Моав» расследовал и задокументировал все подробности фейка с дотошностью экспертов-криминалистов – ровно до того места, где каждый отдельный след заканчивался тупиком полной криптографической анонимности.

Общий бюджет фейка, по оценке, составил меньше миллиона долларов. Новостные компании больше заплатили за право показать изготовленные фальсификаторами видео. Платежи в биткойнах ушли на анонимные зарубежные счета, принадлежащие, надо думать, фальсификаторам. Если добавить к этому короткие продажи акций, сильно упавших после фейка, получалось, что авторы многократно окупили затраты.

Что было сущим пустяком в сравнении с тридцать одной смертью и экономическими убытками, составившими десятки миллиардов. Иски против компаний, владеющих социальными сетями – в том числе против «Лайка», – уменьшили их стоимость, отняли у руководства кучу времени и тянулись годами.

Сперва подозревали российскую или китайскую разведку. Однако чем дальше шло расследование, тем менее

правдоподобной казалась эта гипотеза. Некоторые видео и впрямь изготовила китайская фирма графического дизайна, но это ничего не доказывало. Скрипты и текстовые материалы, вроде фейковых блогов и постов в соцсетях, судя по всему, писали люди, для которых английский родной.

Не только Корваллис подозревал Элмо Шепарда. Тот был главным акционером или членом совета директоров многих компаний, которым последующие события оказались на пользу. Кроме того, он был либертарианец и энтузиаст биткойнов. Родился он в Юте, а значит, хорошо знал местные условия. Так что существовала школа мысли, что это сделал Шепард.

Противоположная школа мысли говорила «нет». Просто «нет». Нелепые голословные обвинения. Связь с родным штатом Эла – либо случайность, либо сознательная попытка бросить на него подозрения.

Корваллис и Мэйв все реже ездили в Моав – с маленьким ребенком куда приятнее сидеть дома. Через два года у них родилась дочь Кэтрин, а еще через год они усыновили Эдуардо из Гватемалы. Мэйв решила не работать полную рабочую неделю. Няня и домработница, а также многие менее заметные привилегии богатства оставляли ей достаточно времени на проект ВУЯЛь, которым она надеялась завершить то, что они с Верной когда-то начали в «Зтетике». Моавский фейк ушел в прошлое с феноменальной быстротой – во всяком случае, так казалось Корваллису, когда он по той или иной причине вспоминал тогдашние события. Он, как и многие в ИТ-индустрии, пришел к выводу: ответ на загадку знает АНБ и другие сверхсекретные агентства. У них-то есть средства преодолеть криптографический заслон, воздвигнутый организаторами фейка. Рано или поздно истина просочится наружу: либо какой-нибудь обиженный сотрудник сольет информацию, либо документы рассекретят.

Ответ пришел с совершенно неожиданной стороны. Корваллис был на совещании в штаб-квартире Фортрастовского фамильного фонда, которая располагалась в сиэтлском районе Саут-Лейк-Юнион. На встрече надо было обсудить несколько формальных, но необходимых юридических вопросов с представителями НКО Шепарда. Наконец-то удалось создать ионно-лучевое сканирующее устройство для считывания всего коннектома человеческого мозга, а также компьютерное и программное обеспечение для обработки этих данных. На создание аппарата ушло несколько лет интенсивной научной работы и два миллиарда фортрастовских, уотерхаузовских и шепардовских долларов. Было подано пятнадцать тысяч

патентных заявок: достаточно, чтобы занять полк патентных юристов на долгие годы. В работе участвовали двенадцать крупных университетов и медицинских центров. Блестящие молодые адвокаты строили карьеру на привходящих юридических сложностях. Некоторые из этих адвокатов были на встрече. Они принесли готовые документы, над которыми трудились годами. Корваллису, Зуле и прочим оставалось только поставить подпись.

Один из представителей Элмо Шепарда был юристом довольно высокого ранга. Непонятно, зачем его отправили на чисто формальную встречу. Он время от времени ловил взгляд Корваллиса, смотрел на часы и косился на окно – всё это с довольно многозначительным видом. И впрямь, после конца встречи он подошел к Корваллису и очень мягко, очень вежливо спросил, не уделит ли тот немного времени для разговора без свидетелей.

Звали его Синджин Керр. Разные люди называли его первым, вторым или третьим по значению приспешником Шепарда. Обычно он играл роль доброго полицейского и выглядел так, будто сейчас из павильона, где снимают фильм про Йель или Гарвард: зачесанные назад волосы, очки без оправы, безупречный пиджак, а в данном случае еще и безупречный плащ.

Они дошли до озера и якобы спонтанно взяли моторку на лодочной станции для туристов. Кроме них, желающих кататься почти не было. Весна в тот год не спешила смениться летом, и очки у Синджина уже затуманились от мороси.

Синджин сел к панели управления и вывел моторку на середину озера. С востока и запада к воде подходили крутые холмы, но за последние два десятилетия на южном берегу выросли небоскребы ИТ-компаний. Кое-как остатки старого Сиэтла все же сохранились, в частности стоянка гидропланов, которые облегчали жизнь туристам и гикам, желающим махнуть в Ванкувер или на острова Сан-Хуан. Все, кто жил и работал в пределах слышимости, привыкли к реву пропеллеров над озером.

Задул ветер с мелким, но противным дождем. Они подняли складной брезентовый тент, защелкнув его на верхнем краю лобового стекла. Синджин убавил обороты до минимума, необходимого, чтобы сохранять ход, и лениво поглядывал на пролетающие гидропланы. По ходу этой вроде бы бессмысленной идиллии Корваллис заметил: Синджин подгадывает фразы так, чтобы произнести самые важные слова под рев проносящегося гидроплана. Иногда Синджин поворачивался к Корваллису, небрежно облокачивался на приборную доску и прикрывал рукой рот. Только задним числом Корваллис сообразил, зачем это было: на случай, если за ними следит в подзорную трубу человек,

умеющий читать по губам.

Они болтали о своих семьях – обменивались новостями, как бывает в редкие встречи между давними деловыми знакомыми.

– Вам, Корваллис, может показаться занятным, что ваша семья возникла как удачный непредвиденный результат одного из проектов мистера Шепарда, – сквозь пальцы проговорил Синджин, когда над головой с ревом проносился гидроплан.

Корваллис некоторое время переваривал услышанное. Понять это можно было только одним образом: Эл стоял за Моавским фейком, познакомившим Корваллиса с Мэйв.

Синджину, видимо, забавно было наблюдать его мыслительный процесс.

– Ваш следующий вопрос, вероятно, будет, зачем я сейчас вам это сказал?

– Полагаю, не потому, что у вас хобби – выбалтывать тайны своего клиента.

Синджин хохотнул:

– О нет, разумеется. Иначе бы у меня была очень веселая, очень короткая карьера. Нет, мое дело – блюсти интересы мистера Шепарда. Я говорю об этом вам, и только вам, поскольку сейчас в его интересах, чтобы вы, Корваллис, лучше понимали контекст, в котором действовал и действует мистер Шепард и его коммерческие и некоммерческие структуры.

– Я с первого дня подозревал, что за Моавом стоял Эл, – сказал Корваллис. – В какой-то мере это имело смысл. Интернет – то, что Додж называл Миазмой, – никуда не годится. На молекулярном уровне это по-прежнему проект аспирантов-хипарей. Словно геодезический купол, который дети-цветы собрали из кривых досок на земле, кишащей термитами и муравьями-древоточцами. Такой прогнивший, что только на гнили и держится. Так что я понимаю, почему Элу или кому угодно с начатками криптографических знаний хотелось его сжечь. Сделать так, чтобы никто больше ему не верил. Моав был вполне эффективен, а ПРОГРЭСС подлил в огонь полный «Боинг-747» бензина. Но второй ботинок так и не упал.

– А что вы сочли бы вторым ботинком? – спросил Синджин.

Корваллис собрался было ответить, но почувствовал, насколько это нелепо, и промолчал.

Синджин дал ему подумать, потом тихим голосом, едва различимым за плеском волны о борт, сказал:

– Через неделю после Моава Элмо Шепард выступает с заявлением. Чистосердечно признается во всем. Может быть, показывает видео, как готовился фейк: «запоротый» дубль с актером, кадры, как накладывают грим на «обгоревших»,

компьютерную графику ядерного гриба в процессе изготовления. «Все это сделано на бюджет в один миллион долларов», – говорит он и толкает проповедь: я, мол, всего за миллион долларов сумел вас уверить, будто Моав разбомбили, так подумайте, что русские и крупные интернет-компании делают с вашими мозгами каждый день на куда большие бюджеты. Завершается все кратким бизнес-проектом криптографически надежной сети, которая должна прийти на смену интернету.

– Да, – согласился Корваллис. – Что-то такое я себе представлял, говоря о втором ботинке.

– Это видео было подготовлено, – сказал Синджин.

– Серьезно?!

– Я вас не обманываю, Корваллис. Я при этом присутствовал. Проверил сценарий и сидел за кадром, когда Эл читал текст с телесуфлера. Видео было подготовлено до запуска проекта.

– Но Эл передумал.

– Мало-помалу.

– Что?

– Эл передумал мало-помалу. В течение следующих недель. Он переехал в Зет-А, чтобы избежать возможной экстрадиции.

Корваллис знал, что «Зет-А» – это Зелрек-Аалберг, фламандское наногосударство и офшорная зона, где Эл жил последние годы.

– Так что определенная защита от юридических последствий была – и все равно его смущало, насколько эффективно все получилось. То, что погибли люди.

– Да, это могло немного смутить, – не без ехидства заметил Корваллис.

Синджин не клюнул на наживку.

– Итак, демонстрация видео все откладывалась, покуда Эл обдумывал следующий ход. А потом случился ПРОГРЭСС и перехватил инициативу. Эл такого не ожидал.

– ПРОГРЭСС бил в ту же точку, – кивнул Корваллис.

– В той мере, в какой ПРОГРЭСС достиг цели, Моав утратил смысл. Теперь он выглядел топорной работой. В той мере, в какой у ПРОГРЭССа ничего не вышло, Эл засомневался в осуществимости своей мечты о надежном интернете.

– Когда вы говорите, что у ПРОГРЭССа ничего не вышло, вы имеете в виду…

– Что миллиарды людей по-прежнему верят всему, написанному в интернете.

– Тут не поспоришь, – сказал Корваллис.

– В таком случае вы можете отчасти почувствовать то, что чувствовал Элмо Шепард.

– «Зачем бороться?»

Синджин кивнул:

– Какой смысл? Люди так глупы, так легко ведутся на обман, потому что хотят быть обманутыми. Их не переделаешь. Надо работать с тем человечеством, какое есть. Взывать к разуму – бесполезная трата времени.

– Мрачноватый взгляд. Можно вкладывать средства в образование…

– Незачем, если главная ваша цель – готовиться к будущей жизни.

– Вы хотите сказать, к тому, что будет после смерти.

Синджин кивнул.

– Я видел посты Эла в соцсетях. Он утверждает, что Моав и впрямь разбомбили. Типа как льет воду на мельницы тех, кто по-прежнему в это верит, – сказал Корваллис. – Не понимаю, зачем ему это. Безумие какое-то.

– Вот именно! – обрадовался Синджин. – И это подводит нас к главной теме беседы.

– Какой? – Корваллис в недоумении вскинул руки.

– Эл сходит с ума.

Корваллис повернулся и поглядел Синджину в глаза. Тот не шутил.

– Элмо Шепард страдает – всю жизнь страдал – неизлечимым генетическим заболеванием. Я вам потом скажу, как оно называется, вы, если захотите, сможете его загуглить и узнать жуткие подробности. Оно разрушило его семью. Он узнал о своей болезни еще в колледже. Одно из ее последствий – деградация мозга, которая обычно начинается после сорока-пятидесяти лет. Мистеру Шепарду пятьдесят два.

– Ясно, – сказал Корваллис, переварив услышанное. – Теперь я понимаю, что вы имели в виду, говоря о главной теме беседы. «Эфрата лайф шеринг», сохранение и сканирование мозга – всё связано с этим.

– Все мы смертны, – важно проговорил Синджин, – просто в разной мере закрываем на это глаза. Мистер Шепард никогда не мог закрыть на это глаза и потому готовится к смерти тщательнее большинства.

– И как сюда вписывается Моав?

– Хотел бы я знать, – вздохнул Синджин. – Вдобавок к тому, о чем мы с вами говорим – сканированию мозга, – у мистера Шепарда есть много других начинаний. С секретностью у него налажено очень хорошо, так что я часто не знаю о новых проектах, пока он сам не введет меня в курс. Однако в последний год-полтора я заметил ускорение.

– Вы хотите сказать, что болезнь прогрессирует быстрее или что он форсирует эти проекты?

– И то, и то. И поскольку «болезнь» в данном случае эвфемизм для сумасшествия, вы, возможно, понимаете, какая у меня интересная работа. Когда на свет выходит очередной его оригинальный проект, я порой искренне не могу сказать, развивает мистер Шепард некую глубокую стратегию или теряет рассудок. – Синджин ненадолго замолчал, подбирая слова, что вообще-то было ему несвойственно. – Поймите, Эл очень высокого мнения о вас и Зуле Фортраст. По моему убеждению, он никогда сознательно не причинит вред вам или ей.

– «Сознательно» тут ключевое слово, – заметил Корваллис.

– Да, Корваллис. Ровно как ваша замечательная семья – непредвиденный побочный результат одного из самых оригинальных проектов моего клиента, точно так же невозможно угадать, что будет, когда болезнь мистера Шепарда достигнет неотвратимого финала и его дела перейдут не только ко мне, но и к тем, кому он поручит ту или иную задачу. Впрочем, пока он не передумал, по всему, что связано с мозгом, можете обращаться ко мне.

– Когда он хочет это сделать? – спросил Корваллис.

Некоторое время Синджин не отвечал, притворяясь, будто внимательно смотрит на встречную моторку.

– Это же его дилемма, да? – продолжал Корваллис. – С одной стороны, ему надо подождать, когда технологию достаточно опробуют. С другой стороны, его мозг деградирует, и он это знает. Что толку тщательно сохранять мозг, который уже ни хрена не фурычит?

– Этот вопрос мы все можем себе задать, – ответил Синджин. – Просто Эл вынужден задавать его себе ежедневно и даже ежеминутно.

Часть 3

12

Семнадцать лет после смерти Ричарда Фортраста

Родовое гнездо Фортрастов располагалось в северо-западном квадранте Айовы – четырехугольнике со стороной двести миль, ограниченном с севера и с юга федеральными автомагистралями 80 и 90, а с запада и востока – 29 и 35. Сейчас он в миниатюре был наложен на кофейный столик в одном из принстонских обеденных клубов. Видели его только София и друзья, с которыми она поделилась: Фил, Джулиан и Анна-Соленн – и только через очки.

Они планировали летнее автопутешествие. Пока проложили маршрут только до Де-Мойна по федеральным магистралям. Дальше София предлагала срезать до Сиу-Сити по двухполосным шоссе. Ее друзья сперва оторопели, потом почесали в затылке, потом нахмурились. Разговор совершенно увял, и сама поездка оказалась на грани срыва. Спасительное решение родилось в самом бойком мозгу и было озвучено идеально очерченными губами Софииного парня Фила:

– Послушайте, я просто не скажу родителям – и вообще никому, – что мы временно исчезнем с радаров.

Все молчали, ошарашенные его смелостью. София тут же пообещала себе не бросать Фила, по крайней мере в ближайший месяц. Джулиан и Анна-Соленн, которые полулежали в обнимку на диванчике напротив, отлипли друг от друга и включили мозги.

– Ну, – сказала Анна-Соленн, проверяя идею на прочность, – тебе точно придется сообщить своему редактору, если ты не собираешься и впрямь все отключить. Уйти в глухой офлайн.

– Конечно! – согласился Фил. – Ты понимаешь, о чем я.

– Нам придется согласовать версии, – заметил Джулиан, – поскольку все будут знать, что мы вместе. *Думаю*, мой редактор согласится выдавать маленькую безобидную ложь в течение… сколько, по-твоему, это займет?

София пожала плечами:

– Дороги там по меркам Америстана приличные. Фермерам нужно возить продукцию, так что они не считают их происками правительства – не перекапывают дороги просто из принципа, не взрывают мосты. Блокпостов не много. Так что, скажем, два дня, одна ночевка на ферме на этом синем островке[14].

Она подалась вперед, к виртуальной карте. Четыре федеральные трассы приходились примерно на края стола. Для нее и Фила Де-Мойн был в ближнем правом углу, а Сиу-Сити в дальнем левом, рядом с коленями Анны-Соленн.

– Поедем наискосок, – продолжала София. – С машиной Фила расстанемся в Де-Мойне…

Фил сдвинул очки на лоб, так что больше не видел карты. Он не слушал Софию, потому что все еще думал про слова Джулиана.

– Это *работа* твоего редактора, – сказал он, жестом прося Софию помолчать.

– Вообще-то, – ответил Джулиан, – ее работа делать то, что скажут мои мама и папа, *которые оплачивают ей редактуру для всей нашей семьи*.

Фил покачал головой:

– Если так, ты вполне можешь сэкономить немного денег и подписаться на стриминговый редакторский сервис.

Джулиан начал закипать:

– Пока родители платят за мою связь…

– Вот потому-то тебе и нужен собственный редактор.

Девушки переглянулись, что означало: София разрешает Анне-Соленн вправить мозги ее парню.

– Очнись! – сказала Анна-Соленн. – Не каждый может позволить себе крутого хипстерского редактора в Нью-Йорке.

Это было сказано с той смесью мягкости и прямолинейности, за которую София платонически влюбилась в нее на первом курсе. София и Анна-Соленн совместно владели токенами от трех разных коллективных ПАРАНДЖО, то есть их личности стали практически неразделимы. Скрипт, написанный одной из этих ПАРАНДЖО, привел к тому, что Анна-Соленн ехала на летнюю стажировку в Сан-Франциско. Формально их автопутешествие затевалось с тем, чтобы довезти ее до места.

– Я вовсе не это предлагаю, – сказал Фил. – В Маниле, Калькутте, Лагосе полно крутейших редов, у которых английский родной, а стоят они меньше, чем ты тратишь на кофе.

– Для нашей семьи это больная тема, – ответил Джулиан. – Вся семья моего дяди слетела с катушек, поскольку была коллективно подписана на плохого редактора, который в конце концов начал закачивать им в ленты белорусскую пропаганду. По сути, мы потеряли целую ветвь семейства. Так что моя мама супертрепетно к такому относится.

Это на время заткнуло Филу рот, так что София смогла упереть палец в Де-Мойн.

– Допустим, мы придумаем, как сделать, чтобы наши родители не перепсиховали из-за того, что мы на целых два дня

съехали с федеральной трассы. Как я уже сказала, из машины Фила вылезем здесь, вещи оставим в ней, с собой возьмем минимум, только на одну ночевку, а ей велим ехать в Сиу-Сити.

Для тех, кто незнаком с географией Айовы, она ткнула пальцем в Сиу-Сити, и Анна-Соленн услужливо поставила свой эспрессо на него, примерно там, где сходятся Айова, Небраска и Южная Дакота. Фил надвинул очки на глаза, чтобы видеть карту.

– Она туда доберется за несколько часов, – продолжала София. – После этого может рандомно кататься по Сиу-Сити или ждать нас на парковке. А мы тем временем пересядем на арендованный автомобиль, лучше приспособленный к местным условиям.

Наступило короткое молчание – все представляли местные условия.

– И… возьмем тех, кого я эвфемистично назову местными проводниками?

– Я не думаю, что они правда нужны. Во всяком случае, там, куда мы едем. Но без этого нам не дадут машину напрокат в одну сторону.

13

– Место как место. Такое же, как любое другое, – признал Фил три недели спустя.

Они смотрели, как его машина выезжает с парковки на Флер-драйв. Два беспилотных грузовика вежливо сбросили скорость, позволяя ей встроиться в поток транспорта.

Все четверо обливались потом в парниковой жаре айовского лета, жадно ловя редкие порывы ветерка. Рюкзачки с минимумом вещей висели на указательных пальцах, а не за спиной. Над головой ревели заходящие на посадку самолеты. Тут был не аэропортовский центр проката автомобилей с его кондиционированным комфортом, а пункт, где арендовали машины смельчаки, намеренные свернуть с федеральной трассы больше чем на две мили.

– Можете поставить рюкзаки, и они будут в безопасности, как в банковском сейфе, – сказал дежурный менеджер Ларри, большим пальцем поправляя ремень на плече. Под ремнем на футболке темнела полоса пота, а на самом ремне висела штурмовая винтовка дулом вниз. Выглядела она жутковато, но Ларри, в свою очередь, ужаснулся, что четверо его клиентов держатся за рюкзаки. Очевидно, там, откуда они, никто не может быть спокоен за свою собственность.

Очки у Софии были на лбу. Ей очень хотелось их опустить – может, они опознают Ларри по лицу и выяснят, кто *его* редактор или скорее на какой редакторский канал он подписан и какого рода постреальность закачивается в его мозг. Однако у Ларри очки были подняты, так что это было бы не совсем вежливо.

Он повел их по раскаленному асфальту к старой машине. София узнала «Лендкрузер», или «Лендровер», или что-то в таком роде: громоздкий, угловатый, таких не выпускали уже лет сорок-пятьдесят. Однако он был чистый, ухоженный, в капельках воды из мойки. Ларри хотел непременно показать многочисленные улучшения конструкции. Он встал на подножку, тщательно поправил винтовку, чтобы не задеть дулом машину, и похлопал по крыше, покрытой ярко-желтым композитом.

– Кевлар, – объявил он. – Че бы там ни говорила ваша пропаганда, опасность праздничной пальбы в воздух сильно преувеличена. Падающая пуля утратила почти всю свою энергию. Конечная скорость много меньше дульной. Поэтому полное бронирование крыши не нужно. Можете не волноваться.

– А там, куда мы едем, часто палят в воздух? – спросил Джулиан.

– Нет. Айовцы очень сдержанны, – отвечал Фил чрезмерно уверенным тоном человека, который об этом читал.

– Ларри не о том, – сказала София. – Смысл в том, что незачем тратить деньги на защиту от несуществующей угрозы.

Ларри кивнул:

– Двери и окна, конечно, другая история. Но они полные.

– Полные? – спросил Джулиан.

– Полностью бронированные. На случай шальных пуль, непроизвольных выстрелов. В перестрелке особо не защитят. Но для этого с вами Том и Кевин.

Ларри указал большим пальцем себе за спину, где на краю парковки стоял пикап. Том с Кевином сидели в прохладной кондиционированной кабине. В открытом кузове стояла тренога, пустая, а рядом расположился стальной ящик, запертый на три навесных замка. В ящике лежал пулемет, который они должны будут установить на треногу при въезде в район, где желательно демонстрировать силу. На крыше кабины распласталась некая обтекаемая конструкция. Ее можно было принять за самый аэродинамический багажник мира, пока до тебя не доходило, что это монокоптер.

Ларри открыл водительскую дверцу:

– Ну так че, кто из вас говорит, что умеет водить машину?

София подняла руку, трое остальные отступили на шаг. Ларри кивнул.

– Откуда вы родом? – спросила София.

– Отсюдова, – удивленно ответил Ларри.

– А давно?

– Давнее некуда. Пра-пра-пра приехали из Голландии. А че?

– Вы говорите «че».

Ларри глянул непонимающе.

– Не важно. Извините, – сказала София. – Машину поведу я. Больше никто не умеет.

– Покажите, чего умеете. Просто кружок по стоянке.

– Понимаю. Требование страховки. – София оттолкнулась от подножки и запрыгнула на водительское место.

– Нету у нас никакой страховки, – ответил Ларри. – Это *наше* требование.

– О чем это все? – спросила Анна-Соленн, как только они выехали на улицы Де-Мойна.

Она сидела рядом с Софией. Фил и Джулиан на задних сиденьях разглядывали городские окраины, которые выглядели совершенно обычно.

– Что? – спросила София.

Она уже довольно давно не водила машину и сейчас, напряженно сжимая руль, следила за стоп-сигналами пикапа впереди. По меньшей мере девяносто пять процентов транспорта составляли робомобили; они держались подальше от маленькой кавалькады, поскольку никто не знает, чего ждать от водителя-человека.

– «Откуда вы родом? Как давно?» Все эти странные вопросы, которые ты задавала Ларри.

– А. Просто я кое-что слышала от мамы, а ей это рассказал дядя.

– Додж? – спросила Анна-Соленн с той натужной небрежностью, с которой люди обычно произносили это имя.

– Да. Про людей, которые говорят «че» и «нету».

– По-моему, обычная речь американской глубинки.

– *Южной*. Айова – северный штат. В войне Севера и Юга воевала на стороне Союза. В Айове никогда не было рабства. Ее заселили выходцы из Скандинавии. Либо Ларри приехал с Юга…

– А он говорит, что нет…

– Либо он или отец взяли манеру говорить по-южному. Северяне так не говорят, не тянут слов…

– И не лепят на бамперы конфедератский флаг, – включился Джулиан.

Он просунул руку между передними сиденьями и указал на пикап, в котором ехали Том и Кевин. На одном бампере был

конфедератский флаг, на другом – наклейка «Помни Моав».

– Ну не знаю, – сказал Фил. – Тут это дерьмо везде. Всегда было. Ничего не меняется.

– Для тебя, – согласилась София. – Но не для моего дяди, который родился в середине пятидесятых и умер примерно семнадцать лет назад. Перемены происходили на его глазах. В его детстве война Севера и Юга была не таким уж далеким прошлым – почти на памяти стариков. Тогда северянам не приходило в голову клеить на бампер изменнический флаг или копировать алабамский акцент. Но за время его жизни…

– Культурная граница сместилась к северу, – сказала Анна-Соленн.

Граница, разумеется, не была линией на карте и не могла ей быть, поскольку официально не существовала. Это была переходная зона, занимавшая тот внешний пояс окраин, к которому тяготеют «Уолмарты». По мере движения из города машины с небелыми людьми сворачивали на стоянки возле предприятий, парков, школ или церквей. Ничто не препятствовало выезду из города. Никакого Чекпойнта Чарли[15]; едущие навстречу машины практически не обыскивали. Однако их, безусловно, разглядывали самым пристальным образом. Всё въезжающее в город сканировали сотни камер. Машины, в которые нельзя было заглянуть из-за тонированного стекла или полного отсутствия окон, останавливали блюстители порядка и вежливо интересовались, сколько людей внутри и что у них с собой. Все было так тихо и мирно, что невнимательный наблюдатель мог бы ничего не заметить. Если бы дядя Додж каким-то чудом воскрес и ехал сейчас с ними, он бы увидел очень мало явных перемен по сравнению с его временами. И все же при всей своей размытости граница, обозначенная «Уолмартами» и придорожными закусочными, была так же реальна, как Берлинская стена.

Однако ничего не происходило; не было конкретного момента, когда они точно въехали в Американ. Правда, через какое-то время Том свернул на гравийную обочину двухполосного шоссе и включил аварийку. София последовала его примеру. Кевин вылез, обогнул пикап и сорвал номера – очевидно, они были на магнитах. Затем он подошел к «Лендкрузеру», забрал номера и дружески хлопнул автомобиль по заду. Оба номерных знака – они теперь слиплись магнитами – Кевин забросил в кузов пикапа, и караван двинулся дальше. Возможно, это и была официальная церемония на границе.

– В Риме как римлянин… – проговорил Джулиан.

На прилично заасфальтированном шоссе поехали быстрее.

Несколько поворотов вывели к мосту над неподвижной бурой рекой. Дальше начались плоские возделанные земли. София немного отстала на случай, если Том вдруг затормозит, Том вроде не возражал. Разговор угас. Остальные опустили на глаза очки и погрузились в новости или игры. София, оставшись за рулем одна, некоторое время поддерживала разговор в голове, но для него не было пищи. Изредка попадалась фиберглассовая статуя политического деятеля, воздвигнутая фермером во дворе одиноко стоящего дома, или щит с призывом против контрацепции. Наверняка что-то похожее было и во времена Доджа. Через час после Де-Мойна проехали небольшую фанерную табличку, на которой фломастером был нарисован логотип Левитианской церкви – Горящий крест. Стрелка указывала вправо по гравийной дороге, которая по виду вела в никуда. София увидела табличку всего на долю секунды и почти сразу засомневалась, правда ли это было. Судя по всему, кроме Софии, табличку заметил только Кевин. Он повернул голову вправо и долго разглядывал горизонт, скорее заинтересованно, чем встревоженно. Затем обменялся несколькими словами с Томом, водителем. Кевин ненадолго нагнулся, а когда снова выпрямился, показалось дуло автомата, смотрящее в потолок. Он снова что-то сказал Тому, оба рассмеялись. Том правой рукой что-то включил на панели управления. Монокоптер оторвался от крыши кабины и начал подниматься. Кевин опустил на глаза очки, не такие, как у Софии и ее друзей. То есть все они выполняли одну функцию, но у Софии и ее друзей были маленькие и незаметные, стилизованные под обычные очки для плохого зрения. «Консервы» Кевина и Тома происходили из совсем другой эстетической вселенной; София не сомневалась, что в их рекламе часто упоминаются слова «тактические», «повышенной прочности», «военного образца» и «рассчитанные на экстремальные условия». Надо понимать, сейчас Кевин видел в них несколько квадратных миль вокруг с высоты полета монокоптера – прямоугольную решетку двухполосных дорог, частью асфальтированных, частью гравийных, нарезающих землю на сельхозучастки площадью в квадратную милю.

Американ выглядел абсолютно не так, как в кино или компьютерных играх. Том и Кевин заподозрили какую-то угрозу. На ее природу намекала самодельная табличка. Может быть, у них есть доступ к каналу геоданных, где показаны места перестрелок либо пробки перед блокпостом. Но в любом случае то, что их насторожило, никак не проявлялось зримо. Никакой центральной базы, никакого нервного центра, к которому сходятся дороги и провода. Вполне достаточно обычного амбара.

А может, Кевин просто заскучал и решил для развлечения запустить коптер.

В целом они держали путь наискосок, но из-за прямоугольной сетки дорог ехали то на запад, то на север. Это было удобно в средней, почти неприлично плоской части штата. Однако все большие реки текли с чуть более высокого северо-запада на чуть более низкий юго-восток. В итоге прямоугольный зигзаг заставлял караван снова и снова пересекать реку, а вблизи рек был занятный рельеф – настоящие долины среди холмов, леса, безошибочно маркирующие участки, слишком крутые для сельского хозяйства. На холмах повыше, в которых София заподозрила моренные гряды, стояли огромные ветряки. Чем больше они были, тем медленнее вращались, к счастью для птиц. Некоторые не вращались вовсе – то ли их ремонтировали, то ли еще не достроили. Через некоторое время она перестала обращать на них внимание.

В результате исполинский Горящий крест левитиан застиг ее врасплох, хотя строящие его люди, вероятно, сказали бы, что это она застигла их врасплох. Вообще-то он не горел и даже не мог гореть, поскольку был еще не достроен. Размерами и общей формой он не особо отличался от ветряков и тоже стоял на холме – но не для того, чтобы ловить ветер, а для того, чтобы ночью, когда он будет гореть, его видели издалека. Так или иначе, к тому времени, как София окончательно уверилась, что это именно Горящий крест, до него оставалось меньше мили. Она видела пикапы у подножия креста, столы и тенты для отдыха рабочих. Рядом с офисным трейлером выстроился ряд переносных туалетов.

София не удержалась и открыла канал связи с Томом. В обычных обстоятельствах их редпространства никак не пересекались; они не могли встретить друг друга онлайн, никогда не читали одни и те же новости. Всё исходящее от таких, как Том, тщательно отсеивали алгоритмы Софииного редактора еще до того, как это попадет на глаза человеку, а что-нибудь из Принстона или Сиэтла могло проникнуть в Томову ленту лишь через пропаганду, чья цель – напугать его и разозлить. Однако для сегодняшних целей у них был прямой канал, нередактируемый и нефильтруемый.

– Как, по-вашему, отнесутся эти люди, если мы к ним заглянем? Чисто как туристы?

– Понял. Ждите.

Голос Софии вывел ее спутников из сетевого забытья. Они подняли очки, увидели крест, изумились, заговорили о нем, вновь опустили очки – поискать дополнительные сведения.

– Там есть информационно-туристический центр, – сообщил Том. – С комнатами для переодевания. Возможно, это проще, если вы не хотите, чтобы всю вашу одежду проверяли.

– Раз есть туристический центр, значит, они не против туристов, – сказала София.

Фил, Джулиан и Анна-Соленн не слышали, что говорил Том по каналу связи, и комнаты для переодевания стали для них неожиданностью. Женщины переодевались в одном трейлере, мужчины в другом; принстонцы понимали, что лучше не нарываться и не спрашивать, а как же третий пол. Однако сама мысль сменить одежду, прежде чем куда-то войти, была для них в новинку.

– Если мы не переоденемся, им придется забить нас камнями, – объяснила София. – А согласно их толкованию Книги Левит, современное побивание камнями – это расстрел.

– Понял, – сказал Фил. – Потому что пули – это как маленькие камушки.

– Совершенно верно. А винтовка – современное сберегающее силы устройство для очень быстрого бросания камней. По сути, для левитиан каждое место в Библии, где говорится о побивании камнями, просто завуалированный намек на винтовки.

Фил и это сумел разобрать.

– Бог всемогущ и знал, что в будущем изобретут винтовки, но не мог прямо говорить о них в Библии. Для публики бронзового века это было бы спойлером. Поэтому Он везде заменил «винтовки» на «побивание камнями».

– А наша одежда что, нескромная? – спросил Джулиан.

– Вовсе нет. – София потянулась к Джулиану, как будто хотела схватить его за шиворот, а на самом деле только отогнула воротник его рубашки, где был ярлычок. – По большей части хлопок, но есть немного спандекса. Для эластичности, как я понимаю. Если ты пройдешь туда в этой рубашке, им придется побить тебя камнями – то есть расстрелять.

– Они что-то имеют против спандекса?

– Против смешанных волокон.

София указала на табличку над столом, где лежали стопки аккуратно сложенных бумажных комбинезонов, по размерам. На табличке была цитата из Библии, напечатанная комик сансом:

> Уставы Мои соблюдайте;
> скота твоего не своди с иною породою;
> поля твоего не засевай двумя родами семян;
> в одежду из разнородных нитей,

из шерсти и льна,
не одевайся.

Левит 19:19

Фил не мог пропустить первое указание:

– Это запрет на скотоложество *между разными видами животных?*

– Тсс, – сказала Анна-Соленн.

В пределах слышимости сидела айовская дама лет шестидесяти, присматривая за кофе и печеньем. Их можно было брать бесплатно, но в классическом среднезападном пассивно-агрессивном стиле рядом стояла банка для пожертвований.

– Думаю, они были мулофобы. Послушай. Суть в том, что мы должны или раздеться догола и дать им прочесть все ярлычки на нашей одежде, а она бяка, или просто переодеться в бумажные комбинезоны.

– А как насчет него? – Джулиан указал на Тома, который только что вышел из мужского туалета. Потом, сообразив, что это невежливо, обратился к самому Тому: – А вы будете переодеваться?

– Незачем, – ответил Том и зачем-то принялся похлопывать себя по разным частям тела. Все на нем было Тактическое, Повышенной прочности, Военного образца и Рассчитанное на экстремальные условия, вплоть до носков и подтяжек. И все ярлычки были пришиты снаружи – не упрятаны под поясом и воротником, как обычно. Что не бросалось в глаза, поскольку ярлычки были тактически-камуфляжные, хаки, или какие там еще, чтобы не сверкать звездами в оптическом прицеле снайпера.

Принстонцы сочли, что получили разрешение подойти и приглядеться. Надписи и логотипы на ярлычках были приглушенных тактических цветов, так что издали не читались. Но на всех – включая те, что с логотипом производителя и загадочными значками насчет стирки, – имелся один и тот же символ: печатная L с перекладиной ближе к верху и языками пламени на ней.

– Проще ходить в левитско-одобряемом барахле, – объяснил Том, – как мне приходится бывать тут по делам.

– Так вы в это не верите? – спросил Фил.

– Да ясен пень, нет, – ответил Том. – Но они верят. А одежда правда качественная. Тактическая.

Они переоделись в бумажные костюмы. Правда, сперва хранительница печенек подозвала к себе Софию и Анну-Соленн и шепотом спросила, не «эти ли у них сейчас дни». Обе ответили отрицательно и обменялись взглядами, означавшими: «Давай

сейчас не будем в это вникать». Позже можно будет заглянуть в Книгу Левит и узнать, какие ограничения и кары могут относиться к женщинам во время месячных.

– А. ККК-навет. Хороший вопрос. Рад, что вы его задали, – сказал Тед, Сын Аарона (это значилось на бедже, приколотом к его стопроцентно хлопковому тактическому библейскому комбинезону).

Он снял сияющую белую каску, как будто одно упоминание ККК-навета грозило сорвать ему крышу. Теплый летний ветерок трепал редеющие седые волосы и, возможно, испарял часть стекающего с головы пота. Тед глянул наверх, словно проверяя, не смотрит ли с неба разгневанный Иегова. Однако там не было ничего, кроме кучевых облаков в синеве и стальной перекладины двухсотфутового креста. Который пока не пылал. Монтажники еще не закончили систему труб для подачи природного газа к горелкам.

– Жена с меня шкуру спустит, ежели мы не уйдем в тень, – заметил Тед. – Давайте под тент, и я вам объясню, че и как.

– За что она с вас шкуру спустит? – полюбопытствовала Анна-Соленн, пока они шли к навесу. Джулиан тем временем засмотрелся на трех ягнят, играющих в загончике из сетки-рабицы.

– Меланома, – ответил Тед. – Надо ехать в Айова-Сити.

Он проговорил это рассеянно, потому что ему как раз пришел голосовой вызов, для остальных – чуть слышное треньканье из наушников, болтающихся на дужках его защитных очков. Тед указательными пальцами заткнул их в уши, кивком попросил его извинить, надел каску и заковылял к загону с живностью. Очевидно, его обязанности как Сына Аарона включали не только деятельность прораба, но и осмотр жертвенных агнцев.

Молодой рабочий подошел заняться гостями. Он разложил пару складных стульев и поставил рядом со складным столом, на котором лежали отпечатанные документы, придавленные от ветра камнями и автоматными магазинами. Парень сдвинул часть из них, освобождая место.

– Наливайте себе воды и охлажденного чаю, – сказал он, кивая на два кулера на столе поменьше. София сперва подумала, что ему к тридцати, но по голосу решила, что скорее восемнадцать. – Я бы сам вам налил, если че, да руки грязные.

Он продемонстрировал ладони и сверкнул улыбкой, которая была бы ослепительной, будь у него все зубы и не будь они гнилыми.

– Спасибо большое, мы сами нальем! – ответила София

громко и отчетливо, поскольку уши у паренька были заткнуты наушниками.

– К чему он упомянул Айова-Сити? – спросила Анна-Соленн.

Там они останавливались накануне в мини-гостинице рядом с тапас-баром.

– В Айова-Сити большая больница. Для них это другая страна, но они вынуждены ездить туда лечиться. Удалять меланому и все такое. Им не по карману синештатные гостиницы и еда, так что они должны останавливаться за городом, готовить на походных примусах под тентом. Удовольствие ниже среднего.

Анна-Соленн кивнула.

– Стоматология, – сказала она.

– У Теда нормальные зубы, потому что он старый и рос до полной фейсбучизации этих мест. Потом все образованные люди сбежали в Эймс, Де-Мойн или Айова-Сити. В том числе зубные врачи. Раньше традиционные церкви держали благотворительные стоматологические клиники, где могли вырвать больной зуб и все такое, но их прогнали эти, – София глянула на исполинский крест. Потом отпила холодного чая и скривилась.

– Такой невкусный? – спросила Анна-Соленн.

– Сладкий. Еще одно культурное отличие. Когда доедем до моих дяди с тетей, у них чай будет несладкий, по-северному.

Девушки медленно вернулись к столу, обозревая окрестности. Возле загончика Тед что-то объяснял Джулиану, Джулиан смотрел с убитым видом. Почти все пространство вокруг было заставлено пикапами. Ни у одного не было номеров, зато все были облеплены наклейками «Звезды и полосы», «Не наступай на меня»[16] и тем, что Фил назвал «полным Моавом»: слова ПОМНИ, или ПОМНИ МОАВ, или просто МОАВ между грибообразным облаком и силуэтом склоненной головы в профиль. Силуэт был скопипащен с черного флага «Помни пленных и пропавших без вести», который здесь тоже присутствовал в изрядном количестве, хотя никаких американских пленных или пропавших без вести не было уже несколько десятков лет.

– А теперь давайте я возьму быка за рога насчет ККК-навета.

Тед вернулся от ягнят, опустил усталые кости на складной стул и жестом пригласил гостей последовать его примеру. Фил остался стоять. Он расстегнул бумажный комбинезон до пупа и подставил грудь ветерку. София внесла это в список как микроагрессию, сотую за сегодняшний день и совершенно ничтожную рядом с двадцатиэтажной макроагрессией, возводимой Тедом и его командой. Комбинезон надевался на голое тело, если только белье у тебя не из одобряемого Книгой

Левит несмешанного волокна, а у Софии оно было не такое. Ее лифчик остался в шкафчике трейлера, и она не могла расстегнуться, как Фил. Она села рядом с Анной-Соленн. Тед, раскладывая нервными пальцами документы (по виду – контракты), принялся спокойно развенчивать ККК-навет.

– Очевидно, вы не белая, во всяком случае, не стопроцентно, – сказал он, оценивающе глядя на Софию. – И я не знаю про него, – он глянул на Джулиана, который через сетку кормил ягнят травой. Джулиан был на четверть китаец. – О левитианах рассказывают много неправды. Якобы мы как-то связаны с Ку-клукс-кланом.

Левитианской называлась церковь, в которой он был священником.

– Возможно, это из-за горящих крестов, – с серьезной миной произнес Фил, глядя на массивный бетонный фундамент, от которого поднималась стальная вертикаль креста. К ней аккуратно крепились трубы, по которым пойдет газ от подземного газопровода. Сами горелки начинались на высоте футов двадцати от земли, возможно, чтобы не поджарить припаркованные машины. Отдельная труба шла к алтарю, уже черному от крови и облепленному мухами. Алтарь включал что-то вроде открытого крематория.

– *Считается*, будто куклуксклановцы жгли кресты, – сказал Тед, заводя глаза.

– Никакого «считается», – вмешалась Анна-Соленн. – Это все равно что сказать: считается, будто Мохаммед Али был боксером. Считается, будто «Форд» выпускает автомобили…

София положила ей руку на локоть, прося не спорить. Все равно бесполезно.

– *Если* это и было когда-то правдой, с нашим сожжением крестов это никак не связано. Оно значит совершенно иное, – объявил Тед.

София сказала:

– Хорошо. А что оно значит?

– Так называемое христианство в том виде, в каком оно существовало до недавних пор, основано на огромной лжи, – объяснил Тед. – Самом успешном заговоре всех времен. И вся эта ложь суммирована в символике креста. Любой крест – на традиционной церкви, на шее, на четках, где хотите – очередное повторение этой лжи.

– А в чем именно она состоит? – Фил, задавая вопрос, уже знал ответ. Но и он, и остальные хотели услышать, как живой человек это скажет.

– Что Иисус был распят.

Итак. Слова прозвучали. Все ошарашенно притихли. Тед расценил их молчание как просьбу продолжать в том же духе.

– Что Сын Божий, самое сильное воплощенное существо в истории вселенной, позволил, чтобы Его били, унижали и порешили самым позорным образом.

– «Порешили» значит «убили»? – спросила Анна-Соленн.

Вопрос был риторический, и Тед ответил едва заметным кивком.

– У церкви, построенной на лжи о Распятии, – продолжал Тед, – есть два основных постулата. Первый, что Иисус был такой весь из себя добренький – каким и должен быть слабак, который позволил себя оплевать и прибить к деревяшке. Второй, что Ветхий Завет больше не считается и законы из Книги Левит можно не соблюдать просто потому, что Иисуса прибили к кресту. Мы разоблачили все это как враки. Заговор элит, чтобы люди были смиренными и покорными. В наших церквях вы увидите только горящие кресты, и этот символ не имеет ничего общего с ККК. Он означает, что мы отвергаем ложную церковь, построенную на мифе о Распятии.

– Значит, просто чтобы уточнить, все христианство последних двух тысячелетий – католическое, протестантское, православное, евангелическое – в корне неверно? – спросил Фил.

– Именно так.

– Четыре евангелия…

Тед помотал головой:

– Это первое, что сделали церковники, объявили священными евангелия. Где говорилось то, что они хотели. Как смиренный либеральный Иисус раздавал еду голодным, исцелял больных и все прочее.

– И был распят, – подсказала София.

Тед кивнул.

– И… воскрес? – спросила Анна-Соленн.

– Им надо было как-то объяснить, что Он по-прежнему жив, вот они и сочинили про воскресение.

– А что Иисус делал потом? Где Он был?

– Сражался с римлянами. Поднимался на небо и спускался обратно. Он обладал такой способностью.

– А где Он сейчас?

– Мы не знаем! Может быть, здесь. Две тысячи лет Он оставался в тени. Заговор церковников был очень силен. Они разыграли псевдореформацию, уверили людей, будто реформы возможны. Спектаклем руководили ватиканские кукловоды.

– Значит, Мартин Лютер провел отвлекающий маневр по указке папы, – сказал Фил. – В таком случае…

Он не закончил, потому что София под столом наступила ему на ногу.

Фил глянул на нее. Поймав его взгляд, она обвела глазами всю сцену, прося его вспомнить, что здесь не Принстон. Это Америстан. Зафейсбученный на молекулярном уровне.

– Профессор Лонг, – тихо сказала София. – Красная карточка.

Она имела в виду их преподавателя в Принстоне, который специально отпечатал карточки для таких разговоров. Одна сторона карточки была целиком красная, без текста и картинок, ее надо было поворачивать наружу как невербальный знак, что вы не согласны и не дадите втянуть себя в бессмысленный спор. На другой стороне, обращенной к пользователю, был список коротких напоминаний, что на самом деле происходит:

1. Речь – это агрессия
2. Всякое высказывание – победа одного, проигрыш другого
3. Любопытство притворно
4. Ложь перформативна[17]
5. Глупость – сила

Еще примерно полчаса они гуляли по холму, глядя снизу вверх на раскинутую перекладину креста, утыканную горелками, которые скоро будут с заката до рассвета извергать пламя. Алтарь обходили подальше: другой Сын Аарона точил длинный нож, готовясь к сегодняшнему кровавому приношению. Джулиан не мог смотреть в глаза своим новым друзьям-ягняткам, с тех пор как узнал их участь, поэтому старался разглядывать окрестности. В нескольких милях к северу торчала синяя водонапорная башня, а рядом с ней – знак «Уолмарта».

Двухполосное шоссе было зажато между стенами кукурузы; в начале июня она уже стояла в человеческий рост. Передний обзор закрывал пикап Тома и Кевина. В зеркале заднего вида отражался еще более высокий пикап; его водитель всячески давал Софии понять, что она едет недостаточно быстро. Никто не произнес ни слова, пока она не остановилась на парковке рядом с «Уолмартом».

– Я куплю цветы, – сказала София. – Положить на могилы. Это уже близко. В пределах радиуса поражения.

Она кивнула на фасад супермаркета.

– Радиуса поражения? Не могла бы ты объяснить свои загадочные слова? – попросила Анна-Соленн.

– Нам ехать всего десять миль. Всякая розница в городе уничтожена «Уолмартом». Так что если хотим что-нибудь купить, покупать надо здесь.

Они вылезли из внедорожника и попытались найти ту скорость шага, при которой как можно скорее окажутся в кондиционированной прохладе, но не взопреют от быстрой ходьбы. Фил шел задом наперед, разглядывая водонапорную башню; концептуально он понимал, что это такое, но никогда не видел в таком масштабе, поскольку вырос в холмистой местности.

Когда София упомянула могилы, Джулиан опустил очки на глаза и начал поиск. Ее бабушка и дедушка умерли и были похоронены довольно давно, так что сведения об этом имелись на относительно надежных сайтах Старого интернета – или Миазмы, как говорили многие в окружении Софии. Миазма как таковая пала некоторое время назад, однако ее эмуляции сохранялись и были доступны для поиска в том, что ее сменило и было настолько вездесуще, что даже никак не называлось. В старых фильмах особо умные персонажи иногда говорили что-нибудь вроде: «Я выйду в интернет» или «Я ищу в сети». Тогда это, наверное, казалось круто, но сейчас утратило смысл, как если бы кто-нибудь посреди обычного разговора объявил: «Я дышу воздухом».

– Ты не можешь помнить… Патрисию… или Джона, – сказал Джулиан. – Но ты должна помнить Элис.

– Бабушка Элис умерла, когда мне было двенадцать, – подтвердила София.

– А она, Джон и Патрисия похоронены…

– Там, куда мы едем, – сказала София. – Да.

Наконец он добрались до входа в «Уолмарт» – вернее, до одного из входов, поскольку он был разделен на несколько псевдоавтономных магазинов. Несколько мгновений все четверо стояли, привыкая к прохладе, затем разделились. София и Анна-Соленн сообразили, где купить цветы. Фил и Джулиан пошли к сухарикам и чипсам. Где-то по пути Фил прихватил тактическую камуфляжную бейсболку, отвечающую требованиям Книги Левит. Они расплатились и вернулись к машине. Том с Кевином свернули к мотелю на другой стороне улицы, и последние несколько миль принстонцы ехали без сопровождения.

– Раз уж мы заговорили о покойных Фортрастах, – сказала Анна-Соленн, перебирая цветы у себя на коленях, – то где теперь известно кто? Его участь окутана тайной.

– Вовсе нет, – ответил Джулиан тем сбивчивым тоном, какой бывает, когда одновременно ищешь и говоришь. – Он умер в…

– Я знаю, что он умер, – сказала Анна-Соленн, – но, поскольку София из самой невероятной семьи на свете, это не то же, что его *участь*.

– Мы им дышим, – объявила София.

В «Лендкрузере» на время наступило молчание, и даже Фил надвинул очки на глаза.

– Его молекулами? – догадался он.

– Скорее атомами, – поправил Джулиан, сообразив, о чем речь.

– Так его все-таки кремировали? – спросила Анна-Соленн.

– Кремировали по одному иону за раз, по мере того как луч сканировал его криогенно законсервированный мозг.

– Наверное, это к лучшему, – задумчиво произнес Фил. – Иначе данные…

– Могли бы оказаться где угодно. – София кивнула и глянула в зеркало заднего вида. – Да. Думаю, иногда лучше подождать.

Анна-Соленн все не могла успокоиться после слов «мы им дышим».

– Никогда об этом так не думала, – сказала она, – но, наверное, при сканировании получается…

– Вода, углекислый газ, азот, кальций, – ответила София. – Теоретически можно собрать твердый остаток и отдать родственникам, но смысл?

– Так что они просто…

– Выпустили все в воздух через трубу, – подтвердила София. – Учитывая, что это Сиэтл, дым через пять минут смешался с дождем и утек через канализационные решетки в залив Пьюджет.

– Что ничем не отличается от кремации, – поспешил добавить Джулиан. – У всех крематориев есть трубы. Мы просто предпочитаем не думать, что это подразумевает.

Экскурс в Новую Эсхатологию закончился на том, что они въехали в городок. Для тех, кто привык въезжать в большие города из аэропорта, через бесконечные пригороды, переход был неожиданно резким. Просто раз – и ты в городе. Здесь был центральный сквер – прямоугольник газона, на нем условно средневековая башня, а рядом с ней – статуи в память о ветеранах войны Севера и Юга и мировых войн. Два огромных дерева отбрасывали примерно круглую тень, но мамаши, выпустившие детей побегать, предпочитали сидеть под навесом, за столами для пикников. По одну сторону стояли здание суда и полицейский участок викторианского камня, со сломанными часами на центральной башенке. Две другие стороны составляли пустующие магазины, четвертую – жилые дома. Тридцать секунд назад принстонцы ехали через кукурузные поля и, не сверни София на парковку у сквера, через тридцать секунд вновь оказались бы среди полей.

– Разомнем ноги, – сказала она. – А я отключу маскировку, чтобы людям не гадать, кто мы.

Мамаши за столами для пикников и старики в мужской парикмахерской возле парковки поглядывали на них с любопытством. Однако по меньшей мере половина местных были в очках, и не только чтобы лучше видеть, но и чтобы больше знать. Бабушка Элис любила повторять старую шутку, что в таких городках не надо включать поворотник – все и так знают, куда ты едешь. За время с ее смерти это примерно так и стало. Не столько потому, что машины теперь сами решали, когда включать поворотники, сколько потому, что ты и впрямь мог теперь знать, кто куда едет, в подробностях, о которых и не мечтали прежние сплетники. Культура открытости, свойственная таким городкам, сохранилась и в цифровую эпоху. Если вы ехали к физиотерапевту к десяти утра, любой мог это увидеть, заглянув в ваш календарь, для чего достаточно было всмотреться в виджет, плывущий над вашей машиной. Соответственно, машины в таком городке походили на старинные парусники, обвешанные стягами и сигнальными флажками.

Все это было связано с редакторами. Если вы из тех, кто поступает в Принстон, вы обычно говорили о них как о людях. Томы и кевины мира сего, а также большинство жителей подобного городка обычно подписывались на редакторский канал. Между этими крайностями существовали промежуточные градации. Очень немногие по-настоящему богатые люди могли нанять человека, который только тем и будет заниматься, что фильтровать их входящую и исходящую информацию. За меньшие деньги можно было получить долевую схему, которая работала в общем так же, как система очень богатых людей, но с допуском в 1 %, а не 0,001 %. Такими пользовались София, Фил и Анна-Соленн. Джулиан держался родительского редактора до тех пор, пока не заработает кучу денег. Будь ему не по карману даже это – учись он на дотацию, – ему бы предоставили довольно приличного редактора в том же пакете, что комнату в общежитии, обеды и библиотечную карточку. Для университета это в конечном счете выгоднее, чем если бы малообеспеченные студенты извергали на всеобщее обозрение потоки конфиденциальных данных.

С нефильтрованным потоком, который на 99,9 % генерируется алгоритмически – пропагандой, порнографией, угрозами смерти, – контактировали только ИИ да «глазные фермы» в Третьем мире – огромные жаркие складские помещения, где люди сидят на скамьях или ходят, глядя на то, что не сумели классифицировать ИИ. Эти люди – информационные аналоги несчастных, выбирающих тряпье из мусорных гор в Дели или Маниле. Все, что они не забраковали –

всякая вытащенная из мусора тряпка, – двигалось вверх по редакторской иерархии и в редких случаях попадала на глаза тем редакторам (или скорее их младшим помощникам), что работают на людей вроде Софии. Таким образом, София практически никогда не смотрела на откровенный мусор.

Гораздо важнее и ответственнее была другая задача ее редактора – проглядывать исходящие от Софии данные, например видео- и аудиозаписи от ее очков, и следить, чтобы ничего из этого не попало в неподходящие руки. По большей части это значило, что такая информация вообще не должна попадать никуда и никому.

Изредка – несколько раз за год – София разговаривала со своим редактором непосредственно. Сейчас был как раз такой случай.

– Я даю разрешение перевести меня в режим семейной встречи на двадцать четыре часа, – сказала она.

– Хорошо, – ответила редактор тоном, подразумевающим: «Если что, пеняй на себя», и отчасти: «Я надеюсь, твоя мама меня не убьет».

Анна-Соленн, Фил и Джулиан рассмеялись и скорчили притворно-испуганные гримасы, когда София запестрела личными данными, словно клоунесса торжественно сняла цилиндр и публика увидела, что на голове у нее цветочная композиция, дрессированная мармозетка и хлопушка, стреляющая конфетти.

До сей минуты старички в парикмахерской и мамаши под навесом для пикников видели их внедорожник как «Лендкрузер» старой школы без всяких опознавательных знаков, если не считать мертвых насекомых на решетке радиатора – свидетельство, что машина проделала много миль с тех пор, как последний раз заезжала в мойку. Теперь она засветилась значками. Они узнали, кто прибыл в город, и получили временный ограниченный доступ к следу Софии в соцсетях. Однако то, как подавалась эта информация – цветовая схема, палитра текстур, шрифты, особенности графического интерфейса, звуковые ориентиры, в общем, весь дизайн, – было ее персонализированное. Еще до того, как она открыла дверцу автомобиля и ее прическа, одежда, аксессуары позволили определить ее как «приезжую», то же самое предвозвестил для всех, кто в очках, цифровой полумрак режима семейной встречи.

– Давайте посмотрим сквер, – предложила она. – Это ненадолго.

– Да, он крохотный, – сказал Фил.

– Я не об этом, – рассмеялась София. – Я хотела сказать, мои

родичи будут тут до того, как вы успеете заскучать.

Четверка, идущая через улицу к скверу, привлекла бы взгляды зевак, если бы зеваки не освоили более современные технологии, позволяющие пялиться скромно, а именно – изучать то, что София сейчас предоставила в открытый доступ. Принстонцы, не сговариваясь, направились к башне в центре. Она была из того же светлого песчаника, что здание суда, и представляла собой двухэтажное декоративное сооружение с площадкой наверху, обнесенной зубчатым парапетом. Стальную дверь, выкрашенную в казенный зеленый цвет, поколения скучающих местных ребят пытались высадить ударом ноги, а не преуспев в этом, увековечивали на ней свои ценные соображения, кто и что тут полный отстой. Табличка рядом с дверью повторяла то, что принстонцы уже увидели через очки: башню воздвигло в эпоху Великой депрессии Управление общественных работ[18] руками людей, которые иначе ничего бы не делали. Такие историко-политические подробности умным студентам вроде бы следовало знать, так что они прошли по гиперссылке и с минуту читали про УОР. Мертвые темы «Википедия» освещала вполне прилично, а за долгие годы ИИ успели проверить материал на предмет ошибок.

Дальше Джулиан и Фил принялись наперебой зачитывать палимпсест слатшейминга на двери с удовольствием, демонстрирующим задержку социального, а то и морального развития, которую дорогостоящее образование Софии позволяло различить и проанализировать, но не исправить.

– Что у нас в программе? – спросила Анна-Соленн так громко, что мальчики заткнулись.

– Цветы на могилы, – ответила София.

– Пошли, – сказал Фил, – а то тут полный отстой.

Он вынес свой вердикт почти серьезным тоном, одновременно давая понять, что выражает чувства всех мальчишек, царапавших ключами ругательства на зеленой краске.

– Существенно, чтобы это видели, – сказала София.

– Потому что, – подхватила Анна-Соленн, заканчивая ее мысль, – люди в могилах…

– Мертвые, – сказал Джулиан, поднимая очки на лоб. – И ничего не узнают.

София краем глаза заметила какое-то мигание и, повернув голову, увидела, что на пустую парковку осторожно въезжает огромнейший внедорожник в пыли и раздавленных насекомых. Визуальные клейма на нем и над ним сообщали, что внутри находится Пит Борглунд, пятидесяти шести лет от роду, второй муж Карен Борглунд, старшей дочери Элис.

– Родственник? – Фил задал этот вопрос, исключительно чтобы поддержать вежливый разговор. Настройки конфиденциальности у новоприбывшего были абсолютно убогие; Фил в несколько движений мог бы проследить генеалогию Пита Борглунда вплоть до Митохондриальной Евы.

– Ага, – ответила София.

– Дядя? Кузен? – спросил Джулиан.

– Вопрос на миллиард долларов, – заметила София.

Фил тихонько хмыкнул. Не зло, а скорее просто намекая: «Я ознакомился с твоей запутанной семейной историей».

– По совету маминых адвокатов, – сказала София, – я буду обращаться к нему «кузен», а не «дядя».

Остальные глянули на нее, пытаясь разобраться, шутит ли она. София не стала давать им подсказок. Иногда шутка и правда жизни смыкаются без зазора.

– София! – издали крикнул Пит, тактично избегая опасных слов.

Пит наконец сдался перед неизбежным: закрыл свою адвокатскую практику в Сиу-Сити и переехал сюда управлять капиталом Джона и Элис – работа на полную занятость, учитывая, что Элис умерла миллиардершей.

– Пи-и-ит! – с преувеличенной радостью крикнула София.

Они не виделись лет пять. София двинулась к Питу, морально готовясь к неловкому танцу объятия, которое не объятие. Однако Пит спас положение, еще на расстоянии десяти шагов протянув руку. Он был очень светлый блондин, краснолицый, дородный, в костюме с галстуком, несмотря на то что работал один в деревенском доме.

– Как жизнь в Принстоне? – спросил он. Что было совершенно обычным началом разговора, но София услышала это как: «Слышь, девонька, у тебя все в шоколаде».

– Отлично, – сказала она, пожимая ему руку. – А как управление капиталом?

Встречный вопрос содержал слегка ехидный намек, и Пит принял его с натужной улыбкой.

– Неиссякаемый источник хлопот. Почти как работа фермера.

Он выпустил ее руку, и они мгновение смотрели друг на друга. София почувствовала, что не в силах его ненавидеть.

– Приятная неожиданность, – сказал он. – Некоторым твоим… кузенам, или кто они тебе… следовало бы поучиться у тебя защите конфиденциальности. Я волнуюсь, когда они едут в колледж и там люди узнают, кто они.

София только кивнула:

– Мы с друзьями решили заглянуть сюда по пути к

побережью. Я подумала, что могу хотя бы положить цветы на могилы бабушки… и Элис.

Вот. Она это сказала. Мамин адвокат в Сиэтле и тот не сформулировал бы лучше.

Пит кивнул:

– Почту за честь тебя отвезти. Или можешь вместе с друзьями ехать за мной. Здесь всего миля.

– Одна запятая две.

Пит в некотором смущении отвел взгляд.

– Мы будем очень рады, если ты нас отвезешь.

Пит тихонько вздохнул. И это был вздох облегчения.

14

Анна-Соленн, Фил, София и Джулиан знали и готовы были признать, что они как студенты Принстона принадлежат к элитной касте. Когда-нибудь они заработают миллионы или миллиарды, если сознательно не сделают другой выбор, и, даже если окажутся художниками-наркоманами в гетто, у них останется незримая «подушка безопасности». Так что друзья Софии были почти пугающе вежливы с местными: с Питом Борглундом и дальше, в течение дня, с Карен, с мексиканцем – кладбищенским сторожем, с дальними родственниками, помощниками Пита и уважаемыми соседями, которые сопровождали их в экскурсии по дому и по оврагу, где мальчики Фортрасты когда-то палили из настоящих ружей.

Вечером гостей на полном серьезе угостили обедом в «Эпплбис»[19]. За столом – вернее, за двумя сдвинутыми столами – материализовалось разделение по гендерному признаку. София видела происходящее в реальном времени, но, подобно фараону, видящему, как разделилось Красное море, ничего не могла остановить. Она довольно сносно изобразила, что слушает женскую болтовню, но при этом сидела достаточно близко к мужчинам и могла считаться квазиучастницей их разговора. Пит задавал вопросы, на которые действительно хотел получить ответ, и не в форме допроса, а просто из любопытства. Фил и Джулиан оттаяли. Так Пит узнал, как они оказались в айовском «Эпплбис». Официально они должны были высадить Софию в Сиэтле, а потом отвезти Анну-Соленн в Сан-Франциско, куда ее пригласили на стажировку. Оттуда Джулиан отправится в Лос-Анджелес, а Фил полетит назад в Нью-Йорк и будет все лето писать код для хеджевого фонда на Уолл-стрит.

Выяснив, какие у гостей планы, Пит начал отвечать на

вопросы Фила и Джулиана о жизни в этих краях. Гости уже окончательно запутались. Они еще не до конца отошли от шока, в который поверг их двухсотфутовый Горящий крест левитиан (прекрасно видный из «Эпплбис»), как вдруг оказались в совершенно нормальном городе – пусть не Айова-Сити, но безусловном островке Синего штата. Его со всех сторон окружал Америстан, но тут жили такие, как Пит, – люди, которые окончили колледж, задавали вопросы и, судя по всему, были подключены к здоровым и ответственными редакторским каналам. Пит попытался объяснить.

– Люди этого толка, – он кивнул на левитианский крест, – утверждают, будто верят в то-то и то-то. Однако, если потратить десять секунд на поиск логических нестыковок, все развалится. Так вот, им плевать.

– Им плевать, что их система верований абсолютно непоследовательна? – На самом деле это был не совсем вопрос, Фил просто хотел убедиться, что все правильно понял.

– Именно так.

– Многое объясняет! – сказал Джулиан.

– Они умеют на удивление долго избегать столкновений с реальностью, – продолжал Пит. – Но когда женщине требуется кесарево сечение, или когда ломается вай-фай, или в тысяче других случаев, которые я могу привести, им нужен человек по соседству, который правда может помочь.

– То есть у вас в городе есть врачи и стоматологи? – спросил Фил.

– Нет, они уехали много лет назад, но здесь есть специалисты, которые обеспечат больному экстренную медицинскую помощь через веб-камеру, операцию посредством дистанционно управляемого робота и все такое. Специалисты обоего пола, поскольку левитиане не разрешают врачам-мужчинам осматривать женщин. И я могу привести еще много примеров. Какой-то процент их детей – геи. У какого-то процента есть интеллектуальные или художественные наклонности. Этой молодежи надо куда-то деваться. Эймс и Айова-Сити далеко. Так что они убегают в город, селятся в брошенных домах, живут своей жизнью. Спросите тех, на холме, и они вам расскажут, что говорит о геях Книга Левит. При этом у кого-то из них, возможно, есть сын, племянник или двоюродный брат – гей, спокойно живущий в этом городе.

– Вы хотите сказать, это договоренность. Негласная, неписаная.

Пит кивнул:

– Мало что негласная. Это договоренность, о которой вообще

нельзя говорить.

По приглашению Пита они заночевали на ферме, в спальнях на втором этаже. Все комнаты несли следы бесчисленных переделок, замены проводки, обоев и мебели. Последний этап ремонта имел целью вернуть дому некий первозданный исторический вид. Напольное покрытие ободрали, дубовые доски отциклевали и покрыли лаком, с массивных дверных наличников соскоблили слои краски, обои сняли, обнажив шпатлевку. Светильники и дверные ручки либо вытащили из сарая, где они пылились лет сто, либо тщательно изготовили так, чтобы производить это впечатление. София не обладала талантом и чутьем декоратора, но критическую теорию знала и, лежа без сна на металлической двухъярусной кровати, снабженной новым супертвердым матрасом фирмы Гомера Болструда, размышляла, почему именно эту эпоху в истории дома объявили канонической, той, к которой его надо вернуть и в которую надо поддерживать за счет бракованной машины завещания Ричарда Фортраста. Между временем, когда дом так выглядел, и возвращением к прежнему облику несколько лет назад было невесть сколько ремонтов, и делались они для того, чтобы скрыть – буквально заклеить бумагой – ту деревенскую простоту, которую сейчас восстанавливали за бешеные деньги. Прежние оформители – мамаши Фортраст, поколение за поколением, – стеснялись этой простоты и хотели от нее избавиться ценой минимальных трат.

Когда Карен, жена Пита и нынешняя хозяйка дома, распределяла пары по спальням на пути из «Эпплбис», она, естественно, предположила, что София захочет ночевать в бывшей спальне Патрисии. У Патрисии было три брата: Джон, муж Элис, Софиин дядя Ричард и Джейк, самый младший и последний оставшийся в живых. Естественно, Джон и Додж делили комнату, чтобы у сестры была отдельная спальня. Когда Патрисия выросла, вышла замуж и обнаружила, что не может родить, она вместе со своим никудышным мужем удочерила девочку из Эритреи – Софиину мать Зулу. Муж сбежал, и о нем больше не вспоминали. Патрисия погибла молодой из-за нелепой случайности. Зулу вырастили Элис и Джон, а Ричард присутствовал в ее детстве как любимый дядюшка, который не признает условностей и вообще классный. После университета она стала работать в его компании, так что для маленькой Софии он был дядей-дедушкой. Она и сейчас помнила, как сидела у него на коленях, а Ричард читал ей вслух.

Три года назад, собираясь в Принстон, она нашла затрепанные томики д’Олеровских греческих и скандинавских

мифов, которые он подарил ей незадолго до смерти. В греческих мифах обнаружился засушенный кленовый лист, все еще чуть-чуть красноватый, и Чонгор, отец Софии, рассказал, что Ричард вложил этот лист в книгу всего за минуты до убившей его операции. Они заказали в багетной мастерской рамку, и София забрала лист под стеклом с собой. С кланом Фортрастов ее связывала только память о Ричарде, неизбывная тоска о дружбе, которая могла бы у них быть.

Так что она попросила Карен Борглунд разместить их с Филом в бывшей комнате Ричарда и Джона. Карен (она вела машину, поскольку Пит выпил в «Эпплбис» две кружки легкого «Миллера») с понимающей улыбкой глянула на Софию в зеркало заднего вида.

– Там по-прежнему стоит старая двухъярусная кровать, – предупредила она и чуть заметно покосилась на Фила.

– Мы переживем, спасибо, – ответила София. – А Ричард спал снизу или сверху?

– Судя по надписям на изнанке верхнего яруса, он спал снизу.

– Как положено младшему брату, – вставил Пит. Он раздухарился настолько, насколько это вообще возможно для толстенького шведско-айовского адвоката.

– А надписи сохранились? – спросила София.

Карен ответила не сразу. Шея у нее покраснела.

– Нет. Они были на листе… как это называется…

– Оргалита, солнышко.

– Который лежал на…

– Поперечинах.

– А на нем поролоновый матрас. От времени все покоробилось. Кажется, мы вынесли его на свалку. Я могу сказать Мануэлю, чтобы он поискал.

– Не стоит хлопот, – сказала София. – Мне просто было любопытно.

Она задала свой вопрос с чрезмерным пылом и теперь пыталась сгладить впечатление.

– Имена девочек, – сообщил ей Пит. – Мне говорили, он сильно привязывался к своим дамам и после разрыва долго их помнил. Он был способен на глубокие чувства, твой дядя Ричард, но не всегда это показывал.

Некоторое время София лежала на нижней койке, слушая, как скрипят поперечины под засыпающим Филом, потом на ощупь отыскала на полу свой рюкзак и вытащила из наружного кармана фонарик. Перекатившись на спину, она включила фонарик и повела лучом по фанере, которой заменили покоробившийся

оргалит. Там, разумеется, не было ничего, кроме слоя лака. На поперечинах оставались следы вырезанных слов, но их закрасили. Из дома изгнали всякую память о Ричарде, да и о Джоне, Патрисии и ком бы то ни было. Карен в своих усилиях придать родовому гнезду исторический вид стерла его историю.

Чуть позже София встала и босиком вышла из комнаты. Карен очень переживала, что главный санузел дома – изначально единственный – сейчас не работал; там меняли трубы. Гостям пришлось пользоваться мини-санузлом, который отец Джона, Ричарда, Патрисии и Джейка втиснул под чердачную лестницу, удвоив таким образом свои шансы справить нужду без помех. Войти туда было все равно что перенестись в начало семидесятых. Бежевая пластмасса в ромашку, оп-артовские обои, плафон, даже краны душа – все было прямиком из каталога «Сирса» никсоновских времен. София устроилась на мягком сиденье золотистого унитаза и подумала, что здесь, наверное, дядя Ричард в последний раз помочился, прежде чем сбежать от призыва в Канаду. Только он, конечно, стоял. Она сидела прямо напротив душевой кабинки. Стены кабинки были выложены мелкой плиткой-мозаикой, а пол украшен самоклеящимися ромашками из какого-то материала с высоким коэффициентом трения, чтобы никто не поскользнулся в душе. Синтетические ромашки тихо прожили здесь шестьдесят лет. Это были цветы, геометрически абстрагированные каким-то художником-наркоманом-хипарем из тех, что рисовали конверты для битловских пластинок, и неисповедимыми путями моды проникшие в айовскую глушь. За долгие годы они выцвели, а изначально, скорее всего, были яркие.

Рюкзак София принесла с собой. Там во внутреннем кармане лежал складной мультитул – подарок дяди Джейка на поступление в колледж. Это каким-то образом добавило ей храбрости. Закончив свои дела на унитазе, она на четвереньках вползла в душ и подцепила ножом нескользящую ромашку – единственную, у которой сохранились все лепестки. Ромашку эту не было видно с унитаза, а значит, кража вполне могла пройти незамеченной. С упорством и тщанием, порожденными бессонницей, София один за другим отлепила лепестки от пола, обнажив оргстекло, не видевшее света с Вьетнамской войны, а затем поддела круглую серединку. Наконец та отделилась, и София с восторгом принялась ее разглядывать. Цветок был в мыльном налете, насыщенном фортрастовской биомассой, и слабо благоухал «Кометом». Ионно-лучевой сканер обратил ДНК дяди Ричарда в пар, но, может быть, в пористом материале артефакта еще сохранились следы его генетического материала.

София не собиралась использовать этот материал для чего-нибудь практического, но сувенир получился замечательный.

15

– Милейшие люди, но чувствуется напряг, – заметил Фил, когда они на следующее утро выехали из города.

Он поменялся местами с Анной-Соленн и теперь сидел впереди рядом с Софией, чтобы лучше видеть пикап Тома и Кевина. За ночь Том с Кевином достали из стального ящика пулемет, установили на треногу и накрыли синим тентом. Сразу за городом они съехали на обочину, Кевин вылез из кабины, снял тент и уселся на ящик. Сейчас дуло пулемета было направлено вверх, и Кевин не держал руки на элементах управления. Очевидно, цель была одна – показать всем в округе, что они не легкая добыча.

– Ммм, – ответила София.

– Сейчас подходящее время поговорить о тонкостях наследственного права? – Анна-Соленн, обернувшись, выразительно посмотрела назад. За ними ехал внедорожник Пита. Сам Пит сидел за рулем, почти все сиденья занимали мужчины – родственники и домашняя прислуга – с большим ассортиментом огнестрельного оружия. – Просто чтобы в общих чертах понять, в чем напряг. Потому что они супермилы, но такое впечатление, что танцуешь на минном поле.

– Поколенно, – сказала София, затем повторила слово по слогам. – Поищите. Прочтите и возрыдайте. Кто дочитает первым, может освежить в памяти сюжет «Холодного дома».

Выяснилось, что «поколенно» – юридический термин. Он означает, что наследство делится поровну между братьями и сестрами (или, по крайней мере, одним поколением в семье).

– В основном ясно? – спросила София миль через пять. – Ричард по сути сказал: «Создайте фонд и траст. Часть моих денег отдайте в фонд, и пусть они пойдут на всякие клевые исследования. Остальные – в траст, который обеспечит «подушку безопасности» всей моей многочисленной родне, короче, чтобы не получилось, что кто-то из моих внучатых племянников не может поступить в колледж или получить нужное лечение и так далее. Деньги траста разделите поровну между моим поколением». Затем подписал завещание и забыл про него. Пока все хорошо. Но дальше он разбогател куда сильнее, чем мог предполагать. Денег, которым предстояло пойти в траст, стало намного больше, чем нужно для «подушки безопасности». Скорее это походило на

билет в безбедную жизнь для всякого, кто может назвать Ричарда братом, дядей или двоюродным дедом.

– Верхний предел не оговорили? – спросил Фил.

– Нет, хотя следовало бы. Один из многих изъянов формулировки.

– И я так понимаю, что он больше не вносил туда изменений? – спросила Анна-Соленн.

– Это было не в его характере.

– Значит, кто-то облизывался и ждал, когда он сыграет в ящик?

– Нет, на самом деле. Потому что он был еще совсем не старый. И никто не знал про завещание, пока Корвус его в больнице не прочитал.

– Корваллис Кавасаки, – пояснил Фил. По крайней мере, это он как бойфренд Софии знал.

– Серьезно? – удивился Джулиан. – Корваллис Кавасаки типа как ваш семейный порученец?

София встретила его взгляд и поняла, что он видит ее в новом свете. Джулиан поднял обе руки и изобразил восточный поклон, насколько это возможно, когда пристегнут ремнем безопасности. София попыталось вообразить, как бы понравилось Си-плюсу, что его назвали порученцем?

– О'кей, – сказал Фил, которому надоело это кривлянье. – Значит, Си-плюс читает завещание и прикидывает в уме. Становится известно, что будет учрежден траст.

– Си-плюс сам его и учреждает, потому что он оказался «личным представителем», или, как раньше говорили, душеприказчиком, – сказала София. – И Си-плюсу пришлось следовать букве завещания. Термин «поколенно» означает, что деньги траста должны делиться между братьями и сестрой Ричарда, а если кого-то из них нет в живых, то между наследниками умершего. Треть Джону и Элис, треть Патрисии, треть Джейку. По крайней мере, это он имел в виду, когда подписывал завещание.

– Но Патрисия к тому времени уже умерла? – спросила Анна-Соленн.

София кивнула:

– Патрисия – приемная мать моей мамы – к тому времени уже умерла.

– То есть треть должна была достаться твоей маме – наследнице Патрисии?

– Должна была, но не досталась. Потому что Джон и Элис юридически удочерили мою маму. А по закону, если тебя удочерили новые родители, ты не можешь наследовать прежним.

Так что деньги траста разделили надвое, а не натрое. Половина досталась Джейку. Вторую половину получила Элис, поскольку Джон к тому времени тоже умер. Потом она решила разделить свой траст не между своими четырьмя детьми – или пятью, считая Зулу, – а между их детьми, которых сейчас тринадцать. Так что мне досталась одна тринадцатая от половины.

– Вместо трети, – сказал Джулиан.

– Трети, которую, вероятно, предназначал тебе Ричард, – добавила Анна-Соленн.

– Вероятно, он хотел, чтобы треть получила моя мама, – сказала София. – Я тогда еще не родилась. Но да. Суть дела именно такова.

Джулиану пришла в голову новая мысль:

– А это тогда Си-плюс и Мэйв заинтересовались ПАРАНДЖО и ВУЯЛями? Из-за тех заморочек с бумажным документом?

София мотнула головой:

– Я бы сказала, нет. В смысле, это было после блокчейнового безумия и всего связанного с анонимностью и конфиденциальностью в Старом интернете.

– Ммм, – протянул Джулиан, занимая немного пассивно-агрессивную позу.

– Нет, серьезно, – настаивала она. – Опять-таки это связано с формулировками завещания. Среди задач фонда была и такая: вывести применение игровых технологий за пределы того, что обычно относили к игровой индустрии. И разрулить социальные проблемы, связанные с играми. Тогда, перед Падением, горячо обсуждалось, что женщины в игровой индустрии подвергаются открытому харассменту. И даже когда их не харассили, коллеги-мужчины не воспринимали серьезно их вклад.

– Ясно, – сказала Анна-Соленн. – ПАРАНДЖО позволяет этого избежать. Дает способ любому программисту или команде подписать код.

– И этот код будут оценивать исключительно по его собственным достоинствам – как всякое экзаменационное эссе или заявление на работу, которые мы когда-либо подавали.

Фил уже некоторое время молчал, считая в уме.

– Треть отличается от двадцать шестой на сумму с большим количеством нулей, – сказал он.

– Да. – София смотрела в окно. Внезапно она улыбнулась. – И вот что главное. В Принстоне мы много говорим о привилегиях, верно? Так вот, Ричард был настолько богат, и денег в траст по недоразумению попало столько, что даже одна двадцать шестая от них – моя доля – это очень много. Я могу вообще не работать до конца жизни. Я фантастически привилегированна. Нолики, про

которые говорит Фил, по сути ничего не значат. И все-таки это очень большая сумма.

– А что насчет фонда? – спросил Фил.

– Он существует совершенно отдельно от траста, – ответила София.

– Им управляет твоя мама, – напомнил Джулиан.

– По счастью, в завещании директором фонда был указан Джон, – сказала София. – Если он умер, а моя мама достаточно взрослая, то директором становится она. Так и вышло. Так что последние пятнадцать лет она руководит фондом. Получает зарплату. Ничего запредельного. Там есть всякие правила насчет конфликта интересов и всего такого.

– А как это скажется на твоей затее? – спросила Анна-Соленн.

– Ты хочешь сказать, на моей затее поработать летом в Фортрастовском фамильном фонде?

– Да. Это не будет конфликт интересов и все такое?

– Так, как я задумала, не будет.

16

Том включил аварийку и остановил Тактический (как они теперь называли пикап с пулеметом) на обочине, как раз на перегибе склона. Рельеф здесь был маловыраженный, но длинная пикетная линия ветряков, идущая примерно в направлении север-юг, намекала на нечто вроде хребта. Карты в очках позволяли сообразить, что происходит, поэтому принстонцы вышли из «Лендкрузера» и подошли к пикапу. Отсюда открывался вид через долину Миссисипи, отделяющую эту часть штата от Небраски на западе.

Внедорожник Пита остановился за ними. Прежде по-своему изящный в своей массивной кряжистости, он теперь превратился во вьючную скотину: к багажнику на крыше были привязаны две лестницы, а сзади тащился прицеп, нагруженный разными промтоварами и укрытый брезентом. Пассажиры остались в кондиционированном салоне, Пит вышел поболтать. На нем была кобура, почти упрятанная в защитного цвета штаны, но так, что рукоять пистолета торчала над поясом. Пит поймал взгляд Софии.

– Это как Сырные головы, – объяснил он.

– Что-что?

– Болельщики «Пэкеров»[20] носят шляпы в виде кусков сыра. Зачем? Чтобы продемонстрировать единство. А это… – он махнул в сторону пулемета в кузове, затем похлопал по рукояти

пистолета, – способ объявить всем, смотрящим на нас через коптер, что мы говорим на их языке.

– Вы члены их племени.

– Я бы не стал заходить так далеко. Но это способ сказать, что, во-первых, с нами можно разговаривать и, во-вторых, с нами опасно связываться.

– Э… оружие разоружает.

– Именно так.

Кевин смотрел на то, что показывал их коптер, а Том выискивал в небе чужие. Сейчас он пристально разглядывал один такой. Невооруженным глазом его было не различить, но, видимо, очки Тома каким-то образом позволяли «видеть» чужой коптер.

Он сдвинул их на бейсболку, надетую козырьком назад, и повернулся к Питу:

– Что скажете, босс?

Микроагрессия. Тома с Кевином наняла София, сопровождать их в Сиу-Сити, но стоило появиться немолодому белому мужчине, и он уже «босс». София готова была высказаться по этому поводу, но поймала взгляд Пита. Тот примирительно поднял руку.

– Я взял на себя смелость нанять этих ребят для одной дополнительной работенки, – объяснил он.

– О'кей, – ответила София. – Я типа как удивлялась, зачем вы едете за нами на боевом фургоне. Если это не просто вежливость сверх обычной родственной меры.

– Мы и впрямь стараемся проявить вежливость, – сказал Пит.

– Спасибо.

– Однако у нас есть и другое дело. За рекой. *Сразу* за рекой.

– А мне расскажут, что за дело? Теперь у меня разыгралось любопытство.

Пит вроде уже готов был сказать «нет», но передумал.

– Ты едешь в Сиэтл и можешь встретиться с Джейком. Вряд ли он стал бы это скрывать, так что мне не хочется держать тебя в неведении. – Пит кивнул Тому и продолжил: – Ты знаешь, что у Джейка есть эта его НЭО.

– Ново-эсхатологическая организация.

– Да. Его НКО.

Пит не стал объяснять (поскольку София и сама прекрасно знала), что финансовая империя, которой он управляет от имени наследников Элис, при всей своей огромности значительно уступала финансовой империи Джейка. Состояние Доджа разделили поровну, но Пит вложил свою половину в недвижимость и коммунальные предприятия, а Джейк – в роботизированные механизмы инвестиций, которые приносили

больший доход. Приличную часть прибыли он направлял в свою некоммерческую организацию, известную как НЭО, то есть на духовные и религиозные искания. До того как внезапно сделаться миллиардером, Джейк жил в северном Айдахо и практиковал немейнстримное христианство. С тех пор он решил нести свет миру и вступил в диалог с представителями религиозных течений разной степени ненормальности. В целом было впечатление, что со временем он становится адекватнее, что обнадеживало. Однако Пит упомянул НЭО довольно необычным тоном, и София внутренне приготовилась услышать, что Джейк отколол какую-то безумную штуку.

– У них есть… думаю, это можно назвать информационно-разъяснительной программой для левитиан. Он всячески избегает слова на букву «м».

– Что за слово?

– «Миссионерство». Он считает, что благодаря Айдахо может в каком-то смысле говорить на их языке.

– О'кей.

– С тех пор как Джейк выбрался из своих лесов и зажил, как бы это сказать, более обычной жизнью, он считает, что НЭО должна поддерживать хоть какой-то контакт с самыми нездоровыми тамошними сектами. Люди, которые живут в наших краях, даже самые махровые левитиане, приезжают в город вырывать зубы и все такое, так что мы общаемся с ними на бытовом уровне. А вот там, – он махнул рукой в сторону Небраски, – некоторые правда слетели с катушек.

– Ты хочешь сказать, они слетели с катушек *по сравнению с людьми, строящими двухсотфутовые горящие кресты рядом с «Эпплбис»?!* – воскликнула София.

– Да, – лаконично ответил Пит, оставив ей простор для воображения. – Так вот, хочешь верь, хочешь не верь, но через НЭО Джейк знает людей, готовых поехать в такие края и разговаривать с этой публикой.

– Или, по крайней мере, обмениваться с ними словами, – заметила София, вспомнив Красную карточку.

– Короче, один из этих людей сейчас за рекой, неподалеку отсюда, и Джейк вчера позвонил мне сказать, что они потеряли с ним связь, но у них есть видео с дрона, и, судя по видео, их человек в серьезной опасности. Джейк спросил, не могу ли я съездить сегодня за реку и мирно по-соседски все уладить.

– У тебя в распоряжении больше денег, чем было у Римской империи в эпоху расцвета, – напомнила София.

– Ага.

– Разве у тебя нет для этого подчиненных?

– В таких делах «Америстан» не просто остроумное словцо, – сказал Пит. – Представь себе Афганистан или Пакистан. Как там все происходит. У них есть полевые командиры. Большие люди. Если большой человек приезжает на переговоры, это знак уважения и способствует успеху. Если он присылает холуя… может получиться наоборот.

Пит Борглунд, полевой командир. Сочетание было настолько причудливое, что София на время умолкла. Пит повернулся к Тому:

– Нам так и так ехать в Сиу-Сити, потому что мосты там.

– Можно кому-нибудь заплатить, и нас переправят, – сказал Том.

– Не доверяю я этим перевозчиками. Мосты надежнее.

– О'кей. Значит, мосты.

– Им это как раз будет удобно. – Пит кивнул в сторону «Лендкрузера». – София и ее друзья вернут «Лендкрузер» вам и пересядут в машину, которую выслали вперед. А «Лендкрузер» пригодится нам в поездке за реку.

Том кивнул. София – нет. План Пита был абсолютно разумен, но она чувствовала, что люди отправляются в приключение, а ее с собой не зовут.

– Если прислать полевого командира – знак уважения, – сказала она, – то ведь полевая командирша – еще круче?

Полевая командирша пересела в машину Пита, и теперь «Лендкрузер» вел кто-то из его холуев. О чем разговаривают с ним ее друзья, она не хотела даже гадать, но здесь, во внедорожнике Пита, говорили о диких племенах за рекой.

Шоссе, по которому они ехали на запад, уперлось в федеральную магистраль, идущую на север по восточному берегу Миссури до самого Сиу-Сити. На федеральной трассе вы были на нормальной цивилизованной территории – их сеть связывала узлы адекватного общества. В дырах сети, или, говоря словами доктора Джонсона, в промежутках между пересечениями, обитал вымысел, питаемый ядовитой смесью из домашних снадобий и галлюцинаторных мемов.

Люди как биологические существа живут ради дофаминового кайфа, который достигается либо прямым введением себе соответствующих веществ, либо потреблением кликбейта, алгоритмически усовершенствованного так, чтобы мозг генерировал дофамин за счет психологической алхимии. Это не ведет к долголетию и процветанию, но подобный образ жизни распространился, как сорная трава по обочинам. Люди в дырах сети имели такой же доступ к федеральным трассам, что и

адекватные водители по пути из Омахи в Сиу-Сити. В итоге электромобили, едущие на автопилоте ровно с максимальной разрешенной скоростью, служили дорожными конусами для исполинских американских спиртоходов с человеком-водителем за рулем. Эти водители ездили либо много быстрее разрешенной скорости (когда сосредотачивались на процессе), либо гораздо медленнее (когда смотрели в экран или погружались в очки дополненной реальности), так что либо неслись слаломом, обгоняя умные электромобили, либо задавали их алгоритмам трудную задачку – вовремя притормозить и аккуратно объехать слоупока. Маленький вооруженный караван не относился ни к той ни к другой категории – вели люди, но вели очень хорошо.

Видеть Тактический на федеральной трассе было непривычно. В нормальных условиях Кевин и Том сняли бы пулемет с треноги или хотя бы накрыли тентом. Однако они еще в Де-Мойне сказали, что он будет нужен на заключительном отрезке пути – как раз на этих последних милях до Сиу-Сити, где магистраль идет по берегу Миссури. Так что София, на штурманском месте, невольно поглядывала влево, в сторону Небраски, высматривая… что? Какая опасность требовала ехать с пулеметом? Вокруг по-прежнему лежали равнинные среднезападные края. Бурая река медленно текла между пологими берегами, не в драматическом ущелье. По большей части София видела только деревья между дорогой и рекой, а когда они расступались, на другой стороне не было ничего особенного. Только трейлеры, группами или на небольших огороженных территориях, и разного рода плавсредства вдоль илистого берега. Своеобразные линейно вытянутые трущобы, жители которых как-то кормятся от реки. По ней туда и обратно двигались баржи. Для них река была тем же, чем федеральная трасса для машин, – средством сообщения между более процветающими местами.

– Они бы грабили баржи, да только у тех огневая мощь побольше, чем у них, – объяснил Питер, приметив интерес Софии. – Но они все равно могут залечь в густой траве и стрелять по водному транспорту с расстояния в полмили. Так что достигнуто взаимопонимание. Речники покупают у них безделушки или свежие яйца или напрямую отстегивают деньги, а местные не палят в них из снайперских винтовок.

– А через реку они перебираются?

– Когда совсем оголодают или какой-нибудь мем внушит им такую мысль. У них какие-то дикие редакторские каналы. Никто не знает, откуда они берутся. Я раз один такой посмотрел. Думал, будет что-нибудь конспирологическое, но это даже на

конспирологию не тянуло – слишком бессвязно.

– Хм. Да, наверное, в теории заговора главное – псевдологическая связность.

– Верно, София, но, как я сказал, оно и до этого не дотягивало. Логика там и не ночевала. Это было… ну полная бредятина. Алгоритмически генерируемые картинки, звуки… абсолютно бессмысленные. Просто то, что работает, ну знаешь, заставляет смотреть дальше. У них айтрекеры, даже кликать не надо. Но когда те, кто за этим стоит, – те, кто генерирует эти редканалы, если там вообще участвуют люди, – решают что-то им внушить, последствия могут быть нехорошие. – Пит глянул на Тактический, словно говоря: «Но не для нас».

С той минуты, как София села к нему в машину, они, по сути, говорили об одном. Она хотела поехать с ними за реку. Пит был против, но высказывал это в непрямом, пассивно-агрессивном среднезападном стиле. Вместо того чтобы сказать «нет», он и остальные в машине пытались ее запугать. Или, если выразиться иначе, убедиться, что она понимает риск.

Ехать было недолго, и скоро они оказались в промежуточной зоне за Сиу-Сити, где американские машины начали отсеиваться, словно их отталкивало неощутимое для других силовое поле. На стоянке перед «Уолмартом» Кевин набросил на пулемет синюю тентовую ткань, чтобы проехать через сам город, не нарушая принятых норм. Здесь река огибала цепочку уступов, и другой берег открывался во всей красе. Над обрывами, на обозрение тех, кто, как София, смотрит через реку, местные жители поставили кресты, одиночные и группами. Не огромные, как горящие кресты левитиан, а ближе к изделиям народных промыслов. Судя по виду, их сколотили наскоро из бревен или досок. На них что-то болталось, и София объяснила это так: здешние люди – вроде вчерашних левитиан, только победнее и менее организованные. Они не могут возводить газовые кресты из металлоконструкций, поэтому ставят деревянные, обматывают тряпьем, обливают бензином и жгут по ночам.

Машины через мост пропускали по одной, поскольку его несущие конструкции были ослаблены десятками тысяч пулевых ударов. Под воздействием неведомых алгоритмически сгенерированных мемов местные иногда собирались на другом берегу и разряжали магазин за магазином калибра 5,56 по опорам моста. Как объяснил Пит: «Их отцы верили, что жители больших городов спят и видят, как отобрать у них оружие и собственность. Они вбухивали последние деньги в боеприпасы и ждали, когда элита придет конфисковывать их добро. Проку от

этих боеприпасов нет, так что они иногда приходят сюда «голосовать пулями».

Там, где стальные конструкции возвышались над дорожным полотном, можно было отчетливо различить кратеры от пуль, расположенные так близко, что, казалось, каждый дюйм металла вручную проковали молотками с круглым бойком. Однако бóльшая часть конструкций и самый значительный ущерб были под мостом. Городские власти поставили перед въездом на мост будку и насыпали земляной вал для защиты от обстрела. Полицейский в бронежилете пропускал машины по одной. Впрочем, у него была и вторая задача: поговорить с людьми в машине и убедиться, что они понимают, куда едут, а не забурились сюда по ошибке, положившись на гуглокарты.

Электромобиль, с которым они расстались в Де-Мойне, разыскал их у реки, предварительно заехав на автомойку и зарядив аккумулятор. Джулиана, Фила и Анну-Соленн ждал свежепропылесошенный салон. На водительском сиденье лежала записка от Ахмеда, сотрудника автомойки, выполнившего операции, с которыми роботы пока не справлялись. В записке он просил поблагодарить его чаевыми, если качество услуг превзошло их ожидание, что Фил и сделал, посмотрев на записку через очки и произнеся команду. Все забрались в машину и глянули на Софию. Тут-то она и сообщила им новости.

Когда караван переезжал через мост, по одной машине за раз, и собирался на другой стороне, еще не было известно, куда ехать дальше. Первым отправился Тактический. За время в очереди Кевин успел надеть каску и бронекуртку.

София, чтобы не сидеть в машине, в сопровождении двух вооруженных Питовых приспешников сходила посмотреть стихийный рынок на западной стороне моста. Он состоял из полудюжины жилых автофургонов, которые, судя по виду, были давно не на ходу. От пуль защищали бронированные панели, прислоненные к западным стенам фургонов и подпертые камнями и шлакоблоками, от солнца – синие брезентовые навесы; от гуляющих по прерии ветров их удерживали тросы, закрепленные на залитых бетоном покрышках. Продавцы разложили на складных столах товары, произведенные на восточном берегу: памперсы, технику, чипсы, машинное масло. Торговля, похоже, была односторонняя: ничто произведенное в Америстане не требовалось за его пределами. Зула, мать Софии, как-то сказала, что среднезападные фермеры из поколения в поколение доводили себя до нищеты производством ширпотреба. Она и Джейк участвовали в нескольких проектах, нацеленных на создание узнаваемых местных брендов, которые, как сыры из разных

районов Франции, могли бы на побережье стоить дороже. Допустим, делать панчетту вместо бекона. Однако химия есть химия. Этиловый спирт есть этиловый спирт, кукурузная патока есть кукурузная патока и так далее. Так что экономическая конкуренция тут была войной всех со всеми. Выигрывали только жители больших городов, получавшие дешевые продукты.

У многих тут были программы обнаружения дронов, и когда появлялся коптер – то есть каждые несколько минут, – они поворачивали голову задолго до того, как София его слышала или видела. Сами по себе очки такого не могут, значит, программы были связаны с другими дронами или еще какой-то следящей аппаратурой. По большей части коптеры были массивные, грузовые, способные доставить большие пакеты с продуктами – видимо, заказы, которые забирали на рынке. Однако через полчаса после того, как они переехали через мост, появился коптер поменьше, сделал два круга над рынком и опустился на капот Питова внедорожника. На коптере кабельными стяжками был закреплен мобильник – такими пользовались лет двадцать назад. Пит достал из кармана мультитул и перерезал стяжки. Коптер улетел. Телефон тут же зазвонил. Пит поднес его к уху, а свободной рукой замахал остальным – мол, собирайтесь. Из багажника тут же вытащили еще бронежилеты и каски.

– Как-то это разом слишком серьезно и слишком несерьезно, – заметила София, надевая бронежилет. – В смысле, от пуль они защитят, но как насчет самодельных взрывных устройств? Минометов?

– От них бронежилеты не помогут, – согласился ее троюродный племянник Эрик. Он изучал авиа- и ракетостроение в Университете Айовы, а домой приехал на лето.

– И?.. – София пролезла на второй ряд сидений.

– Дроны и спутники предупредят нас о фокусах с СВУ. А настоящей артиллерии у них просто нет, только всякая фигня, собранная на коленке.

– Это не армия, – сказал со штурманского места ее двоюродный дядя Боб. – В настоящей армии не выдают каждому по пятьдесят семь разных огнестрелов, бесконечное количество патронов и *ничего больше*.

– Ясно, – ответила София.

– Тихо! – скомандовал Пит, садясь рядом с ней. Видимо, тут и полагалось ехать полевому командиру – с правой стороны среднего ряда.

Он разговаривал с кем-то важным и оттого потребовал тишины. Так что все в машине молчали, только сам Пит иногда коротко отвечал собеседнику, чью речь София слышала, но

разобрать не могла.

– Нет. Нет. Да. Да, мы привезли все по списку. Я уже сказал тому, кто говорил со мной раньше, и тому, кто до него. Джефу. Да, всё. Полностью. Влажные салфетки. Шестигранные ключи. Я жду фотографию нашего человека в качестве подтверждения. Да, понимаю, он не в лучшей форме. Да, я знаю, что вы с ним сделали. В обморок не грохнусь. Просто доказательство, что он жив. Это вопрос уважения. Ничего другого я не прошу. Как Арета Франклин[21]. Кто? Не важно. Глупая шутка. Не важно, я говорю. Певица. У нее была песня про уважение. Да, эта. Да, да, я предпочитаю говорить афроамериканка, но будь по-твоему. Ты отправил фото? Я ничего не получил. Видео? Оно будет закачиваться черт-те сколько. Пока я его жду, скажи, где нам поворачивать? Дорога перегорожена грудой сгоревших автомобилей. Нам по-прежнему ехать к начальной школе? Да, я понимаю, что это больше не школа. О'кей, тогда гуглокарты нам ее покажут. Минутку, мне надо оторвать телефон от уха… похоже, пришло видео. Я не буду тебя слышать. Не отключайся.

Пит опустил телефон и, глядя через очки для чтения, начал возиться с интерфейсом, который был ужасным двадцать лет назад. Он заметил, что София пытается подглядеть, и буквально дернулся, отворачивая от нее телефон. Видео было без звука, если не считать завывания ветра над прерией. София успела глянуть, но это было совсем не то, чего она ждала, так что осмыслить увиденное не получалось. Она ждала, что там будет небритый методистский проповедник, привязанный кабельными стяжками к стулу, или что-нибудь в таком роде. Однако на видео был мрачный силуэт на фоне яркого неба, странно сплющенный в ракурсе, что-то ей напомнившем, только она не могла вспомнить что.

– Мы едем, – объявил Пит, вновь прикладывая телефон к уху. – Да, Джозеф, я уже сказал, влажные салфетки везем. Все сто фунтов. Весенняя свежесть. Как ты просил. О'кей. О'кей. До скорого, Джозеф.

Пит отключился и поймал на себе недоумевающий взгляд Софии.

– У Джозефа геморрой, – объяснил он.

Пит должен был пойти к Джозефу, вручить влажные салфетки и выпить с ним пива – очевидно, в этом заключалась главная часть церемонии. Штаб Джозефа расположился в бывшей школе на краю заброшенного городка. Спортплощадку превратили в стоянку для жилых автофургонов. По ее краю стояли передвижные туалеты. ПВХ-трубы тянулись от них неведомо куда;

то есть они наверняка куда-то вели, но на такой плоской местности не поймешь, в какую сторону потечет канализация. Само школьное здание занимала верхушка приближенных. Джозеф был где-то там, но Софию как женщину внутрь не пригласили, только вывели из внедорожника, словно королеву на собрании Ротари-клуба, и представили издалека. Потом она вернулась в машину. Прицеп отсоединили и бросили на парковке – выцветшая надпись на асфальте извещала, что это место зарезервировано для школьной медсестры. Так что София не увидела ни страдающего геморроем главаря, ни его логова. Впрочем, через полчаса Пит вернулся. От него слабо пахло сигаретным дымом и пивом «Буд». В одной руке он нес букет череды, который и вручил Софии – вероятно, в знак уважения Джозефа к полевой командирше. Затем стянул пару нитриловых перчаток, которые надел перед выходом из машины, потому что «с санитарией у них плохо», аккуратно вывернул наизнанку и одной из них достал из кармана новый мобильник с картой.

– Поехали, – сказал он. – Наш человек в пяти запятая семьдесят три милях отсюда и был живой и в сознании полчаса назад.

Это были занятные пять целых семьдесят три сотых мили, особенно последние семьдесят три сотых по возвышенности, которая, согласно изрешеченным пулями указателям, когда-то служила городским парком. Теперь это было одно из культовых мест, где местные ставили кресты, обвешивали их вымоченным в бензине тряпьем и жгли по ночам.

По крайней мере, так убеждала себя София последние часы с тех пор, как увидела кресты на другом берегу Миссури. Уже тогда скептический внутренний голос нашептывал, что гипотеза неубедительна. Однако она его не слушала – слишком была захвачена происходящим.

Наконец они выехали из-под старых дубов и кленов в прерию на продуваемом ветрами холме, и она увидела правду: на крестах действительно распинали людей. Силуэты на фоне неба были тем, что оставили от этих людей насекомые, птицы и бактерии. Кости и синтетическая одежда сохранялись очень хорошо: джинсы истлевали, а плавки из спандекса могли пережить века.

Кресты стояли через равные промежутки вдоль дороги, идущей на вершину холма. Шок от первого был настолько велик, что София еще не вышла из полуобморока, когда караван остановился на растресканном асфальте рядом с бывшей смотровой площадкой. Три креста были воздвигнуты здесь так, что напоминали Голгофу – то ли по совпадению, то ли в качестве оммажа. Вокруг валялись кости и черепа вперемешку с банками

из-под пива и стреляными гильзами. Очевидно, эти кресты считались особо важными, на них была очередь ожидания. Для повторного использования их приходилось освобождать. Похоже, все три поставила одновременно (год или два назад?) одна и та же бригада. Прочные клееные брусья были соединены оцинкованными крепежными уголками, как при строительстве загородного дома. От людей на правом и среднем крестах мало что осталось. Оба были мужчины. Один в черном, неподвластном стихиям полиэстеровом костюме; к его правой руке была приколочена Библия, на лацкане трепетал от ветра пасторский воротничок. У другого, в некогда белой рубашке, к руке была прибита Книга Мормона.

На третьем кресте висел живой человек. Когда София вылезла из машины и поглядела на него снизу вверх, ее настигло дежавю. Видео, которое Джозеф прислал Питу, напомнило ей картину из курса истории искусств. Сейчас, стоя там, откуда снимали видео, она наконец вспомнила, что это была за картина: «Оплакивание Христа» Мантеньи.

Человек на кресте с любопытством наблюдал, как товарищи Пита отвязывают от багажника лестницы.

Никто еще с ним не заговорил. Пит торопливо набирал сообщение дяде Джейку.

София сказала:

– Здравствуйте. Нас прислал Джейк. Мы договорились, что заберем вас отсюда.

Человек на кресте дышал судорожно и с трудом. Он напряг руки, подтянулся на несколько дюймов и в таком положении сумел прохрипеть:

– Лестницу. Под ноги, пожалуйста.

– Ему надо что-нибудь подставить под ноги! – крикнула София мужчинам, снимавшим лестницы.

Ноги распятого были на высоте ее лица. Она заставила себя взглянуть на них, ожидая худшего, но они были не прибиты, просто висели. Мужчины уперли лестницу в вертикальный брус и подняли. Распятый встал на нее, набрал в грудь воздуха и издал вздох облегчения.

– Руки-руки-руки, – сказал он. – Извините. Старый анекдот.

– Сейчас! – Эрик показал новенькую монтировку, выкрашенную в ярко-желтый цвет и обклеенную многочисленными предупреждениями о технике безопасности.

– Есть много связанных с распятием тонкостей, о которых, вероятно, никто не помнил, пока практику не возродили и не выяснили, как все происходит. Оказывается, ты умираешь от удушья, – сказал человек на кресте.

– Надо же! Никогда не знал! – с искренним интересом воскликнул Пит.

– Теперь знаете, – ответил человек на кресте. У него был странный акцент, который София не могла определить. – Так что, если прибьют ноги, вы умираете дольше.

– Потому что вам есть на что опереться? – догадалась София.

– Пять с плюсом, – сказал человек на кресте. – Вы из Принстона. Джейк про вас говорил.

– И вам не прибили ноги, потому что хотели… – начал Пит.

– Сократить мои мучения, наверное. Или так, или у них кончились гвозди.

На некоторое время все сосредоточились на том, как снять с креста Джейкова сотрудника. Крест был вставлен в опору из перфорированного стального профиля, доходящего Софии примерно до середины бедра, и никак не закреплен, так что его общими усилиями просто вытащили и поставили на землю, сперва вертикально. Дальше София придерживала ботинком нижний конец, пока остальные укладывали крест горизонтально. В этом положении распятый задышал свободнее. София присела рядом с ним на корточки, а мужчины принялись обсуждать, как вытащить гвозди, не изувечив ему запястья. Ибо гвозди были вбиты не в ладони, а в основание кисти.

– Если у вас есть ножовка или, еще лучше, болгарка, просто спилите гвоздям шляпки, и я попробую снять с них руки. Меня зовут Енох. Вы – София. Я бы пожал вам руку…

– Может быть, попозже, – ответила София. – Что это приколочено к вашей руке? На Библию не похоже.

– О, это может быть почти любая книга, – небрежно проговорил Енох. – У меня при себе не было ни одной – нехарактерно для миссионера и поставило их в тупик, – так что они взяли первую попавшуюся из школьной библиотеки.

– «Твоя первая книжка по радиоэлектронике» Альфреда Моргана, – прочла София.

– О, чудесная книга! – Енох повернул голову и покосился на свое левое запястье. – Вы видите, о чем я? – спросил он Эрика. – Они спорили, какое давление выставить на компрессоре.

– Они забивали гвозди строительным пистолетом? – изумился Пит. – Лентяи!

– Конечно, пистолетом! Замучаешься вручную забивать девяностомиллиметровые гвозди в клееный брус. То ли дело строительный пистолет: раз-два – и готово. Я, собственно, к тому, что, если выставить слишком высокое давление, гвоздь пройдет насквозь. Обратите внимание, они как опытные распинальщики забивают гвозди не до упора. Под шляпкой вполне достаточный

зазор, куда вы сможете просунуть ножовку.

Через час они уже въезжали по мосту в Сиу-Сити. София думала, Еноха придется забирать вертолетом «Скорой помощи», но на самом деле пострадал он не так уж сильно. В обоих запястьях, разумеется, были колотые раны, но, видимо, гвозди прошли между косточками, повредив лишь мягкие ткани. Опухли руки страшно и были как в жестких багровых перчатках – бутылку с водой, которую ему дали в машине, он по-медвежьи держал между ладонями, – но собственно лечения ему почти не требовалось. Джейк по телефону вызвал врачей, и они для проформы отвезли его в травмпункт. Однако, если не считать запястий, он был вполне здоров.

– Куда дальше? – спросил Софию Енох, когда они сидели в приемной рентгеновского отделения. – Ах да, Джейк упоминал, что вы едете через страну. Что, если подумать, было бы очевидно, даже если бы он этого не упомянул.

– Ну, до того как это произошло, мы просто собирались ехать дальше на запад. Южная Дакота, Колорадо, Вайоминг…

– Мне не удастся уговорить вас на небольшой крюк к югу? – спросил Енох. – В Моав. – Он пожал плечами: – У меня там дельце.

Крюк добавлял к их поездке два дня. Напрашивались несколько очевидных вопросов. Почему Джейк не купит Еноху билет на самолет? Или не закажет целый самолет, если на то пошло? Почему о Енохе должны думать они? Чем таким он занимался среди американцев и не окажется ли он сумашаем, который за два дня в машине их доконает?

Они пошли выпить кофе в «Старбакс». В очереди Фил спросил Еноха напрямую:

– Кто вы? Явно не обычный человек с улицы.

София стрельнула в него глазами. Енох заметил это и шутливо поднял брови.

– Все хорошо! – заверил ее он. – Так редко слышишь прямые вопросы. – А Филу ответил: – Насколько я понимаю, я своего рода эмиссар другого уровня бытия.

Все рассмеялись.

– Расскажите нам про этот уровень, так интересно! – воскликнула Анна-Соленн, включаясь в игру.

– Беда в том, что я его почти не помню.

– У-у-у…

– Не надувайте губки. Это не моя вина. Тот уровень имеет иной состав, по-другому организован, так что никакие мои

воспоминания не переносятся сюда непосредственно.

– Все равно как если вам нужно переписывать код с Питона на C++, – предположил Джулиан, проникаясь общим духом.

– Это вам, Джулиан, виднее, чем мне, – сказал Енох, – но суть в том, что могу я на самом деле только одно: по мере сил помогать в упорядочивании вещей на *этом* уровне. Мне большой флэт уайт, с цельным молоком, пожалуйста, – люблю жить опасно. – Он глянул на свои руки, обложенные пакетиками со льдом: – И соломинку.

Решив, что он не полный сумашай – или по крайней мере сумашай в хорошем смысле, – они согласились его подвезти. Общая идея состояла в том, что поездка все равно задумывалась как приключение без четкого плана и вроде как нехорошо отказывать симпатичному дядьке, который всего несколько часов назад был прибит гвоздями к кресту из клееного бруса. Так что все набились в машину – где теперь стало тесновато – и задали курс на Моав. Что в теории было так же просто, как задать курс в любую точку мира. Только интерфейс Софии выдал предупреждение, что существование Моава под вопросом. Есть мнение, что двенадцать лет назад его уничтожил ядерный взрыв.

София обалдела. Убрав предупреждение и подтвердив конечный пункт маршрута, она связалась со своим редактором, Дженин. Дженин работала с острова Оркас в заливе Пьюджет и была младшей помощницей Лизы, редактора Софииной матери. В этом имелся резон. Если у вас хорошие отношения с редактором, вы захотите оставаться с ним всю жизнь. Лиза могла к Софииным тридцати годам уйти на пенсию, а вот Дженин была всего года на два старше Софии.

– Как Небраска? – спросила она.

– Полный дурдом. Но я звоню сообщить об аномалии.

– Я вся внимание! – ответила Дженин. – Сейчас отмотаю назад, чтобы это было у меня перед глазами…

– Ладно, скажи, когда…

– Ой-ё!

– Видишь?

– Да! Ну нифига себе, как это к тебе пролезло?

– Моя гипотеза…

– Из-за того, где ты была последние два дня, и людей, к которым выказывала интерес…

– Левитиане… может, даже некоторые Фортрасты… кто знает…

– …какой-то алгоритм составил о тебе ошибочное мнение.

– Легко забыть, что миллионы людей и правда не верят в существование Моава, – заметила София. – Но тут наклейки

«Помни Моав» на каждом шагу.

– Это суперпривязчиво… и как-то пролезло в твою выдачу. С ума сойти! – Дженин говорила чуть рассеянно; поддерживая разговор, она одновременно плыла в облаке визуализированных данных.

– Мне просто показалось, что это ужасно смешно, – сказала София, – учитывая, что…

– Ты лично знакома с Корваллисом и Мэйв, они тебе практически родные!

– Вот именно.

– Что ж, это суперполезный фидбек! – сказала Дженин. – Спасибо, что не пожалела времени поставить меня в известность.

– Я знала, тебе понравится, – ответила София.

– Я проведу кое-какую диагностику и сообщу, если замечу, что к тебе пытаются пролезть другие подобные материалы.

– Отлично!

– И я взяла на себя смелость отключить режим семейной встречи.

– Ой, спасибо. Я совсем забыла.

– Я решила, что этим распинателям не нужно знать о тебе все.

– Абсолютно правильно. Еще раз спасибо.

– Удачной поездки в Моав! Впереди грозы – я извещу заранее.

– Спасибо!

– Пока!

– Пока.

– Что вы делали среди этих людей? – поинтересовался Фил, сочтя, что прошло достаточно времени и он может обращаться к Еноху в своей всегдашней грубовато-прямолинейной манере.

Енох сидел посередине заднего сиденья по той простой причине, что не мог открыть автомобильную дверцу и застегнуть ремень безопасности, то есть ему требовалась помощь с обеих сторон. Руки у него были обложены пакетиками со льдом, чтобы уменьшить отек.

– Вы миссионер? – продолжал Фил. Он сидел на водительском месте и, хотя не вел машину, чувствовал, что позиция дает ему определенную власть.

– О, я не думаю, что в случае этих людей деятельность миссионерского типа будет особо успешной, – ответил Енох.

Другим могло показаться, что он просто рассуждает, но София видела утром останки распятых миссионеров, и для нее это прозвучало завуалированным сарказмом. Она сидела слева от Еноха и сейчас внимательно глянула на него, пытаясь понять,

издевается ли он над ними. Однако его взгляд оставался абсолютно непроницаемым. У него были рыжая борода, лицо человека, повидавшего жизнь, и зачесанные назад седые волосы.

– Если вы хотите, чтобы люди изменили образ мыслей, вы должны объяснить, чем приобретение им выгодно, а конкретно с теми людьми это непросто.

– Почему именно с ними?

– Ну, скажем, для примера, вы хотите продать монотеизм скотоводческому племени бронзового века… и начинаете так: «О'кей, ребята, богов много, но, если вы поставите на этого конкретного, у вас все будет зашибись: вы победите другие племена и захватите больше пастбищ». И это работает, поскольку у них упорядоченная овцеориентированная экономика, в которой есть понятные правила игры и все согласны с основными положениями вроде: «Если наш скот ест больше травы, то нам лучше живется». А те люди за рекой ни в чем по-настоящему не уверены. Продавать им какое-либо целостное мировоззрение – пустая трата времени.

Джулиан перевел:

– Скотоводы бронзового века, может, и не далеко ушли от троглодитов, но по крайней мере они смотрели в лицо реальности.

– Еще как, – согласился Енох, – и довольно долго это сохранялось. Да, театр, а за ним кино приводят нас в царство коллективных галлюцинаций. Однако они были ограничены в пространстве и времени, к тому же сопровождались определенным церемониалом. Вы покупаете билет, входите в театр, садитесь, свет гаснет, все в зале видят одну и ту же галлюцинацию, свет зажигается, спектакль окончен, вы идете к выходу. Даже прежнее телевидение было примерно такое же.

– Телевизор был большой тумбой в гостиной, – сообразила Анна-Соленн. – В восемь часов вечера люди садились смотреть «Я люблю Люси»[22] или что еще.

– Да. Все изменилось, когда скорость беспроводного интернета позволила передавать картинки на мобильные устройства, – сказал Енох. – Каждый получил возможность круглосуточно жить в своем персонализированном потоке галлюцинаций. Если человека привязывает к реальности семья или какое-то упорядочивающее влияние в повседневной жизни, например работа, он может уцелеть. А они… – жестикулировать в рукавицах со льдом было неудобно, и он указал на окно подбородком. – Религия как таковая – в том виде, в каком она существовала и процветала тысячи лет, – не имеет ни малейшего шанса.

– Почему она не имеет шанса? – спросила София. – Не могли бы вы объяснить? Не забывайте, мои друзья не видели… того, что видела я.

– Ну почти все религии наносят слой сверхъестественного, фантастического и поэтического на физическую реальность, которую видят все. Каждый видит молнии; религии добавляют Зевса, мечущего их с горы. И для пастуха бронзового века, не слишком умного и с небогатым поэтическим воображением, это откровение. Харизматичный жрец, который умеет красиво такое изложить, далеко пойдет. Примерно то же, с необходимыми изменениями, относится к другим религиям. У них была монополия на фантастическое. Научная фантастика и фэнтези плюс модель извлечения прибыли.

– Модель извлечения прибыли? – переспросил Джулиан.

– Жертвы, десятины, НКО.

– Ясно.

– Но там… – Енох вновь указал подбородком, – каждый получает свой поток алгоритмически сгенерированной альтернативной реальности, который формируется обратной связью – исходя из их пульса, частоты морганий и прочего. Ты ничего не добьешься, пытаясь оторвать его внимание от этого потока ради истории, как кто-то две тысячи лет назад накормил большое количество людей несколькими хлебами и рыбами.

– Но они распинают людей! – возмутился Фил.

– Мне можете не напоминать, – весело ответил Енох.

– Это из Библии.

– Этим занимаются самые-самые, – сказал Енох. – Один процент. Джозеф и его тщательно отобранная элита. Люди, с которыми можно разговаривать. Остальные девяносто девять процентов ничего не знают про Книгу Левит; им глубоко безразлично богословие – отрицание Нового Завета и Тактический Иисус. Они просто знают, что лучше слушаться Джозефа, а не то будет худо. А Джозеф на голубом глазу говорит всем, что его подход к закону и порядку продиктован свыше.

– Так какова ваша роль? Почему Джейк платит вам, чтобы вы рисковали жизнью? – спросила Анна-Соленн.

– Я не помню, вы называли свою фамилию? – добавил Джулиан.

– О, не трудитесь гуглить. Роот моя фамилия. Но имя в семье спокон веков, так что Гугл выдаст вам тонны старья.

– Граф Зелрек-Аалбергский, – пробормотал Джулиан, оставив без внимания совет не гуглить.

– Да, это старая семейная связь.

– Один из ваших предков…

– Был математиком. Да. – Еноха определенно раздражало, что Джулиан продолжает перебирать упоминания покойных Енохов Роотов.

– Джулиан! – рявкнула София и посмотрела на Анну-Соленн.

– Да, Джулиан! Прекрати. Это скучно и невежливо.

– Ладно, ладно…

– У меня были в прошлом дела с Уотерхаузами и Шафто, а в последнее время с Элмо Шепардом, – объяснил Енох. – Через Элмо я познакомился с Джейком Фортрастом, который счел, что я могу быть полезен в его духовных исканиях. Так что я консультант в НЭО и трактую свои обязанности широко, некоторые даже сказали бы – творчески.

– Некоторые сказали бы, рискованно! – вставила София.

Енох задумался, как будто эта мысль показалась ему новой и неожиданной, потом чуть заметно пожал плечами.

– О, круто! Фракталы, – пробормотал Джулиан.

– Математический факультет? – спросил Енох.

– Компьютерных наук и математики, – ответил Джулиан.

– Сдаюсь. При чем тут фракталы? – сказала София.

– Один из предков Еноха был типа прапрадедушкой фрактальной геометрии, – сообщил Джулиан. – В тысяча семьсот девяносто первом…

– О бога ради, не читайте статью в «Википедии»! – воскликнул Енох, проявляя больше чувств, чем когда его буквально распяли.

– У меня есть редакторская надстройка, которая фильтрует почти весь мусор. – Джулиан немного даже обиделся, что Енох принял его за человека, который верит «Википедии».

– Но, Джулиан, *я сижу рядом с вами, и вам незачем обращаться к онлайн-источнику.*

– Тоже правда. – Джулиан наконец поднял очки на лоб – за мгновение до того, как Анна-Соленн, развернувшись с переднего сиденья, успела бы их с него сдернуть.

– Зелрек-Аалберг находится на границе Бельгии и Нидерландов, но никогда не принадлежал ни одной из этих стран, – сказал Енох. – По сравнению с ним Андорру можно считать Сибирью. Размер у него ровно такой, что на нем можно было бы сыграть в крикет – если бы удалось собрать всю его территорию в овал. Но это невозможно. Длина границ несоразмерна площади. Кто-то сравнил его с поеденной молью салфеткой. Он включает одиннадцать разных анклавов, *не* входящих в Зелрек-Аалберг. Четыре из них бельгийские, семь – голландские. Один из бельгийских анклавов содержит в себе голландский субанклав, а один из голландских – четыре

субанклава: один бельгийский и три относящихся к самому Зелрек-Аалбергу. В самом большом из них есть бельгийский субсубанклав, состоящий из погреба размером метр на два.

– А там продают фейерверки? – спросил Фил. – Мы с родителями как-то путешествовали по Фландрии и наткнулись на нелегального вида прилавок с фейерверками посреди города.

– До последнего времени страна жила почти исключительно продажей фейерверков, запрещенных в соседних странах, – подтвердил Енох. – То, что упомянул Джулиан, связанное с фракталами, случилось, когда граф Зелрек-Аалбергский посетил свои владения, дабы исполнить древнюю церемонию околачивания границ.

– Чего-чего? – удивился Фил.

– Ой, я про это слышала, – сказала Анна-Соленн. – Так делают в Лондоне и других старинных местах с древними границами. Раз в год важные чиновники обходят границы и стучат по ним палкой.

– С римских времен, – продолжал Енох, – границы Зелрек-Аалберга оспаривались столько раз, что для документов, если бы собрать их воедино, в стране не хватило места. Во многих упоминаются давно исчезнувшие ориентиры: деревья, засохшие века назад, ручьи, изменившие русло, здания, которых нет со времен Карла Великого. За неимением GPS местные определяли границу по имеющимся ориентирам. Время от времени граф Зелрек-Аалбергский обходил ее и стучал по упомянутым ориентирам палкой. Часть границы проходит через таверну, расположенную на территории двух государств. Пол таверны вымощен керамической плиткой, и через него идет длинная трещина, издревле считавшаяся частью границы. Сама таверна датируется тысяча сто семидесятыми годами, а трещину упоминает юридический документ, написанный на пергаменте в лето Господне тысяча двести девятнадцатое. Граф, математик-любитель, шел вдоль трещины, обстукивая ее церемониальной палкой, а его слуги и стряпчие наблюдали за процессом. Он заметил, что трещина вьется туда-сюда, как это свойственно трещинам, а если нагнуться и посмотреть в лорнет, можно различить на больших изломах изломы поменьше и так далее. В качестве шутки он велел межевщику измерить точную длину границы внутри таверны, учтя все ее повороты. Не успел граф выпить кружку пива, как межевщик уже сообщил ответ. Граф оспорил число и, угрожая прибить межевщика церемониальной палкой, велел измерить снова, на сей раз линейкой, ползя вдоль трещины на карачках. Тем временем граф выпил вторую кружку пива. Межевщик сообщил новый результат, побольше первого.

Граф возобновил угрозы и велел измерить третий раз, кронциркулем под увеличительным стеклом.

– То есть тут и есть самая суть фракталов, – сказал Джулиан. – Трещина…

– А значит, и граница Зелрек-Аалберга… – добавил Енох.

– …не имеет определенной длины, которую можно измерить. Результат зависит от цены деления измерительного прибора.

– Тот мой предок вообще-то в Зет-А не жил, да и наезжал туда лишь изредка. Жил он в Германии, и его тамошнее поместье было в тысячу раз больше. Вернувшись туда, он написал статью, которая пролежала забытая всеми до тысяча девятьсот шестьдесят первого года, когда ее отыскали в ходе спора, кто первым изобрел некоторые понятия фрактальной геометрии.

Все четверо принстонцев как-то одновременно решили, что Енох – отличный дядька. Намного старше, конечно, и точек соприкосновения с ним мало, но, безусловно, свой человек на ближайшие полтора суток.

Разумеется, к нему оставалась куча вопросов: откуда он, чем занимался раньше и все такое. Часть этих вопросов была задана. Солнце к тому времени било прямо в лобовое стекло, неспешно сползая к черным грозовым тучам на горизонте. Енох отвечал расплывчато, коротко и самоуничижительно. Он умел ловко перескочить на другую тему, которая всякий раз оказывалась интереснее того, о чем его спросили. Соответственно, расспрашивать его можно было целый день, но к вечеру вы понимали, что три минуты выслушивали ответы, а все остальное время участвовали в разговорах о другом и ничуть об этом не жалеете.

Машина вполне могла ехать ночью, пока пассажиры спят, но в ней было тесно. Они свернули с трассы в маленький оазис и вбежали в мотель как раз с первыми крупными каплями дождя, которые разлетались брызгами, словно шарики с водой. Мотель обслуживал стоянку фур во времена, когда они ездили на бензине и водили их люди. Теперь его превратили в автоматическую гостиницу для проезжающих. Сами номера за четверть века не изменились, зато интерфейс заселения и оплаты сверкал новизной. Таким образом, мотель выглядел приличным на первый взгляд, но неимоверно унылым, когда входишь в номер. Без дрожи в них можно было находиться только с закрытыми глазами.

София еще не собиралась закрывать глаза, отчасти потому, что не устала, но главным образом потому, что боялась кошмаров. Она прошла по длинному коридору в переднюю часть здания, где были кафе и бар. Официантов и барменов заменили

вендинговые автоматы. Здесь был Енох; он купил себе хот-дог и «Хейнекен».

– Я положил глаз на сычуаньскую лапшу, – сказал он, – но не придумал, как управляться с палочками.

София, взяв сычуаньскую лапшу и минералку, села напротив него. Он избавился от ледяных компрессов, и теперь его пальцы выглядывали из бинтов, а бинты – из рукавов черного худи. Капюшон Енох надел, возможно, для защиты от кондиционера, который фигачил на полную, хотя гроза засыпала подоконники градом. Это придало Еноху монашеский облик, что вместе с жутковатым лилово-зеленым грозовым светом и частыми вспышками молний превратило мотель в придорожную таверну из «Драконов и подземелий».

– Довольно обо мне, – сказал Енох, хотя они вовсе о нем не говорили. – Какие у вас планы? Насколько я понял, большинство из вас будут стажироваться на Западном побережье?

– Да, и я в том числе, – ответила София. – Я выйду в Сиэтле, остальные поедут на юг в Калифорнию.

– Сиэтл. Ваш родной город? – Вопрос был задан из вежливости, поскольку Енох и так это знал.

– Да.

– Ваши родители, наверное, вас очень ждут.

– Они не знают, что я приеду.

– В таком случае у них впереди приятный сюрприз.

– Надеюсь. Я вроде как дурю свою маму.

– О? И как же?

– Я хотела стажироваться в Фортрастовском фамильном фонде, но не хотела, чтобы это выглядело так, будто меня взяли туда по блату. Так что я прислала заявку анонимно.

– С помощью ПАРАНДЖО.

– Да.

– Но для таких продвинутых организаций, как ФФФ, это должна быть стандартная процедура.

– Да, конечно. Просто я ничего маме не сказала.

– Как примечательно, – сказал Енох, – что из всех областей, способных увлечь талантливую молодую особу, вы избрали ту, которой лучше всего заниматься в Фортрастовском фамильном фонде.

– Ваш тон, Енох, подразумевает, что вы не считаете это совпадением, – рассмеялась София.

– Мой тон всего лишь выражает любопытство.

– Ну разумеется, это не совпадение, – признала она. – Что вы помните, Енох, из своего четырехлетнего возраста?

Он улыбнулся:

– Это было очень давно.

– Так вот, я помню только дядю Доджа. Ричарда Фортраста. Воспоминания очень смутные. Обрывки. Мгновения.

– Вы говорите о человеке, чей мозг первым отсканировали современными методами. – Могло бы показаться, что Енох держит ее за дуру, однако он произнес это мягким уважительным тоном, вопросительно заглядывая Софии в глаза, так что было понятно: он помогает ей продолжить разговор. – В результате ФФФ получил массив данных…

– МД. Мозг Доджа.

– …который с тех пор находится в центре внимания нейробиологов. Если я правильно понял, вы из их числа.

– Нейробиологов? Не совсем. Наверное, я подхожу к нему скорее с цифровой стороны, чем с аналого-дефис-биологической.

Енох кивнул:

– Вы хотите применить к Мозгу Доджа цифровые инструменты и… что должно из этого получиться?

– Вообще-то, сейчас уже середина июня. Через два месяца я буду смотреть на пустой экран, готовясь записать результаты. Если они будут.

– Слишком мало времени для серьезного исследования.

– По правде сказать, это будет пустой тратой времени.

– Не больше, чем любая другая летняя стажировка, – заметил Енох.

– На самом деле я готовлю почву для дипломного проекта.

– А.

– И если в нем удастся чего-нибудь добиться, то через год после выпуска из этого может получиться аспирантура или работа.

– Вы закладываете фундамент карьеры.

– Надо с чего-то начинать.

Разговор прервали ослепительная вспышка молнии и бесконечный раскат грома. Енох счел это знаком вывести разговор на новый уровень.

– Допустим, София, все сложилось удачно: вы получили работу и стали трудиться в избранной области. Через двадцать лет как вы определите, добились ли успеха?

Она никогда не задавала себе этот вопрос и совершенно растерялась. Во-первых, потому что у нее не было ответа, во-вторых, от стыда. Она должна была об этом подумать.

– Все в порядке, – заверил ее Енох, когда молчание сделалось неловким. – Мало кто и впрямь принимает решения из подобных соображений. Меня скорее интересуют общие вопросы. Куда все это идет.

– Вы о нейробиологии?

– О, к этому идет по меньшей мере с Тома Уиллиса[23]. Я скорее про ту ее ветвь, которая стремится стать потребительской отраслью.

– Воскрешение мозга к жизни в облаке, – догадалась София.

Енох кивнул и, повернувшись к окну, стал смотреть на грозу:

– Я промежуточное звено. С одной стороны – Элмо Шепард, который искренне верит, что работу мозга можно смоделировать и, когда компьютерную модель включат, вы перезагрузитесь ровно в том состоянии, в каком были до утери сознания. Все равно что очнетесь ото сна. С другой стороны – Джейк, верящий в непостижимый дух, который нельзя воссоздать программно.

– А вы, Енох, во что верите?

– Мнение Джейка основано на теологии, с которой я не согласен. Однако многие теологии годятся на роль треснутого зеркала или захватанных очков, через которые можно различить нечто значимое. Я ничего не знаю про непостижимый дух, но подозреваю, что некоторые аспекты того, кто мы есть, не возродятся, когда такие, как Элмо, отсканируют и смоделируют наш мозг. Например, мне не ясно, сохранятся ли воспоминания, когда исчезнут физические объекты, с которыми они соотносятся. Не ясно, как мозг будет функционировать без тела, в частности без органов чувств, дающих ему целостную картину мира.

– Нужна картинка, – проговорила София, думая вслух. – Целостная и непротиворечивая картина этого мира.

– Или хоть какого-то мира, – сказал Енох.

За ночь гроза прошла; утро выдалось ясное, прохладнее вчерашнего. После завтрака из вендинговых автоматов и кофе из машины они сели в полностью заряженный электромобиль и двинулись на запад. Весь день предстояло ехать по федеральным магистралям до самого поворота на Моав. Чем дальше на запад, тем меньше становилось машин американского типа. На западных равнинах тяжело жилось и в менее засушливые времена первых поселенцев, а теперь они и вовсе превращались в пустыню, поскольку не могли кормить столько людей, а ровная земля и медленные реки не привлекали любителей активного отдыха. К тому времени, как на горизонте показались Скалистые горы, ветряки окончательно сменились солнечными электростанциями. Утром, пока электромобиль на максимальной скорости несся по равнине, четверо принстонцев «работали» – то есть с головой ушли в научные статьи, материалы для стажировки, соцсети, развлечения и то, что редакторы присылали им в качестве новостей. София сидела «за рулем», Енох – на

переднем пассажирском сиденье. Поскольку у него не было очков, а значит, и других занятий, кроме как смотреть в окно, вежливость вроде как требовала уступить ему это место. После цивилизованного ланча в центре Денвера два часа ехали через Скалистые горы – мозаику дорогих курортов и поселков, где в щитовых домиках ютилась обслуга. Затем началась пустыня Межгорного Запада, такая же негостеприимная, как к востоку от Скалистых гор, но куда более живописная.

– Наглядный пример, – сказал Енох Софии, продолжая разговор с того места, на котором они остановились вчера. – Мы с вами сидим примерно на расстоянии метра друг от друга и смотрим на *это*.

Не нужно было объяснять, что «это» – захватывающая дух панорама Гленвудского каньона. Водитель-человек сбросил бы скорость, чтобы полюбоваться, но алгоритм машины, как нарочно, задался целью преодолеть серпантин на максимальной скорости.

– И не просто видим это, а и *ощущаем*! – полушутливо добавил Енох, когда на крутом правом повороте всех бросило влево. – Буквально ощущаем костями. Геометрия спуска и наша траектория в пространстве-времени воспринимаются внутренним ухом, и никакая виртуальная или дополненная реальность такого не создаст. И все полностью согласовано: то, что испытываете вы, и то, что испытываю я. Наше мировосприятие сходится. Я безуспешно убеждаю Элмо, что мозгу все это необходимо, что без целостного мира не только я не мог бы говорить с вами, но и мой мозг не мог бы говорить сам с собой.

– А вот еще более наглядный пример, – вставил Фил с середины заднего сиденья и сдвинул очки на лоб, чтобы лучше видеть то, что высилось посреди дороги.

Они выехали из Гленвудского каньона и оказались в широкой долине, где на скрещении дорог стоит город Гленвуд-Спрингс. Здесь федеральная трасса поворачивала обратно на восток к элитному раю Аспен. Тех, кто подобно им собирался ехать на запад в Юту, встречал анимированный ядерный гриб над разделительной полосой.

Рекламные щиты в традиционном смысле исчезли вместе с бензоколонками и пепельницами. Куда дешевле и эффективнее показывать каждому таргетированные послания через очки. Послания эти должны быть интересными и полезными, иначе их отфильтрует даже самый дешевый редканал. Если вы все-таки хотели поставить у дороги что-то, что невооруженным глазом увидят все, то наилучшим решением была голографическая проекция. Разумеется, человека-водителя это бы отвлекало,

создавая угрозу аварии. Однако машины теперь ездили на автопилоте, и против голографических билбордов оставалось только одно возражение: они безвкусны и раздражают. Стандарты менялись в зависимости от места. В Гленвуд-Спрингс вульгарная агитация была под запретом; муниципальные власти следили за соблюдением хорошего вкуса, дабы сверхбогатые туристы по пути в Аспен не уехали пить кофе туда, где ничто не будет оскорблять их взор. К западу от города проходила невидимая граница, за которой разрешалось все. И кто-то, воспользовавшись этим, поставил закольцованную мультимегаваттную голограмму анимированного ядерного гриба, над которым висела огромная желтая надпись: «ПРАВДА О МОАВЕ!!»

За первой голограммой последовала целая череда объявлений, расставленных на стошестидесятимильном отрезке до поворота на Моав. За внимание проезжающих боролись по меньшей мере два разоблачительских заведения: «туристический центр» и «музей». Оба были созданы в убеждении, что Моав разрушен, а всемирный правительственный заговор это скрывает. Оба сильно смахивали на вполне коммерческие туристические приманки под видом некоммерческих организаций. Была и третья приманка; ее рекламировали куда меньше и в стиле, который ассоциировался у Софии с Национальным общественным радио. В зависимости от вашего редканала это место именовалось «Официальный информационный центр» либо «Гнездо лжи». Судя по всему, его создали адекватные люди, возможно, на деньги, выделенные с отчаяния Моавской коммерческой палатой.

Чем ближе к повороту, тем либеральнее были правила установки рекламы (если ее тут вообще регламентировали) и жестче – конкуренция. Последняя миля выглядела как перегруженный спецэффектами фильм или кат-сцена глобальной термоядерной войны в компьютерной игре. Путешественники свернули на двухполосное шоссе, по которому им оставалось преодолеть последние тридцать миль до Моава, и почти сразу проехали между двумя конкурирующими заведениями разоблачителей, которые, по сравнению со своей рекламой, выглядели убогими и заброшенными. На огромных гравийных парковках перед ними стояли единичные жилые автофургоны и школьные автобусы.

Еще через милю показалось «Гнездо лжи» – довольно новый щитовой домик, изрешеченный дырками от пуль. Вернее, вмятинами от пуль, поскольку вблизи стало ясно, что дом сделан из многослойного шедевра технологии материалов, способного противостоять пулям любого калибра. Возле дома, там, куда в самую жаркую часть дня падала тень от солнечной батареи, стоял

скромный внедорожник. Софии отчего-то подумалось, что такое место достойно их посещения. Она отключила автопилот и припарковала машину рядом с внедорожником. Номера у него были выданы не штатом Юта, а муниципальной администрацией Моава, и София, читавшая об этом, знала почему. Законодательный орган Юты захватили разоблачители, утверждавшие, что Моав двенадцать лет назад уничтожили ядерные террористы. Отсюда следовало, что всякий, называющий себя его жителем, либо тролль на жалованье у мировой закулисы, скрывающей правду от честных людей, либо обманутый ею глупец. Соответственно, они запретили бюро по выдаче водительских удостоверений принимать документы из Моава. Его жители, лишившись возможности регистрировать машины в Юте, начали выпускать собственные номерные знаки, которые вскоре превратились в статусный символ и ценный сувенир. Город даже какое-то время зарабатывал на них деньги, пока этот бизнес не убили пиратские копии. Так или иначе, владелец паркетника жил в Моаве.

Они на занемевших ногах вылезли из машины и воспользовались биотуалетом. София подошла к двери домика. Та с жужжанием открылась.

– Добро пожаловать в «Гнездо лжи»! – сказала женщина лет… сорока пяти? Нет, скорее ей не было и сорока, просто она не пользовалась доступными косметическими технологиями, чтобы выглядеть намного моложе. Прическа короткая, и похоже, что стриглась сама. Очки – как были раньше, то есть только для коррекции зрения. Через них она читала роман, напечатанный на бумаге.

– Спасибо, – ответила София.

– Вы собираетесь ехать дальше на юг в город?

– Вы про Моав? Да.

– То есть вы знаете, что он существует.

– Я даже бывала там несколько раз.

– В те разы вы прилетали или приезжали на машине?

– Прилетала.

– О’кей. Так вот, по дороге вы увидите блокпосты. Один или два, в зависимости от времени суток. Они не настоящие. Останавливаться не надо. Просто отключите автопилот и медленно проезжайте через них. Автоматчики будут размахивать руками, не обращайте внимания. – Женщина говорила будничным интеллигентным тоном, словно егерь, объясняющий, что делать при встрече с медведем. – Они уберутся с дороги и не станут по вам стрелять. Если возникнут осложнения, вот контакты для связи.

Она облизнула палец, взяла со стопки распечаток верхний листок и ножницами отрезала от него двухдюймовую полоску, которую и протянула через стойку. Там были цепочки кодов и значков. Помимо книги у женщины в руках – нового перевода «Беовульфа», – никакой бумажной продукции в помещении не наблюдалось. Вдоль стен стояли книжные стеллажи, а посередине сломанными колоннами торчали вращающиеся стойки, но и те и другие были пусты.

Как будто прочтя мысли Софии, женщина сказала:

– Если вы опустите очки на глаза, то увидите эквивалент туристических брошюр.

– Ясно, – ответила София. – Но нам нужно только высадить там пассажира.

– Что ж, добро пожаловать в Моав, – сказала женщина, – и желаю вам добраться благополучно.

– А что, можем не добраться?

– Нет, это просто вежливое выражение.

Все было в точности как она сказала: пятью милями дальше, в конце длинного прямого отрезка дороги, стояли несколько запыленных пикапов и старых внедорожников. Они почти перегораживали шоссе – почти, но не совсем. Самодельное ограждение – столбы с привязанной желтой полимерной лентой – уходило в пустыню в обе стороны на столько, на сколько хватило запала у строителей. Над дорогой воздвигли арку из досок; на приколоченном к ней фанерном листе белым по зеленому было намалевано от руки:

ОПАСНО
РАДЕАЦИЯ
ПРОЕЗД ЗАПРЕЩОН

Они только успели разобрать надпись и прокомментировать ошибки, как автопилот, взволновавшись из-за преграды впереди, издал предупреждающий звук и сбросил скорость. София перевела машину на ручное управление и заодно приглушила все звуковые сигналы.

Распахнулась дверь припаркованного у дороги автофургона. Мужчина, закидывая на плечо ремень автомата, спустил лесенку и повернулся к ним. С другой стороны за ними с умеренным интересом наблюдал мужчина постарше. Он жарил хот-доги на огне, разведенном в жестяной бочке, и переворачивал их клещами. Автоматчик выскочил на дорогу и замахал руками над головой. София, следуя указаниям женщины из информационного центра, продолжала двигаться со скоростью примерно пять миль

в час и просто обогнула автоматчика. Виляя между препятствиями, которые почти, но не совсем перегораживали дорогу, она въехала в радиоактивную пустыню за блокпостом. Дорога поворачивала и ныряла в ложбины, что на какое-то время ограничивало видимость. Затем впереди показался «Старбакс».

– А как было раньше? – спросила София Еноха несколько минут спустя, когда они все взяли кофе в окошке для автомобилистов.

Машина вновь ехала на автопилоте. До Моава оставалось еще мили две; впереди уже различались его относительно яркие огни. София думала про женщину с книгой в информационном центре. Про саму идею информационных центров. Про информацию.

– Смотря насколько раньше, – заметил Енох.

– Просто мы все в этой машине, кроме вас, знаем только пост-Моавский мир. В котором люди не могут согласиться, что он существует.

– Вы спрашиваете, что было, когда люди соглашались по поводу фактов? – Похоже, вопрос по-доброму позабавил Еноха.

– Да. Ведь они же соглашались? Уолтер Кронкайт и все такое[24].

Енох ненадолго задумался.

– Я бы сказал, что способность людей соглашаться по неочевидным фактам – относительно вещей и событий, удаленных от них во времени и пространстве, – выросла с практически нулевого уровня до вполне приличного во время научной революции. Оставаясь примерно на том же уровне, она все более широко распространялась по миру в эпоху Кронкайта и с появлением интернета на удивление быстро упала до нуля. Думаю, главное, что она давала людям, – это социальная мобильность, когда головастый мальчик с канзасской фермы или из индийских трущоб получал шанс добиться чего-то интересного. Раньше – до того примерно трехсотлетнего промежутка, когда люди умели соглашаться по поводу фактов, – у нас были короли, вожди и жесткая общественная иерархия. В этот период мысль получила определенную свободу, и жизнь стала материально намного лучше. Намного. Теперь мы вернулись к ситуации, когда те, у кого есть деньги и власть, могут получать желаемое, диктуя массам, во что им верить.

– Но ведь богатым нужна высокотехнологическая экономика? Поскольку их богатство не от земельных владений, как в прежние времена, а в акциях.

Енох кивнул:

– Сейчас система достаточно избирательна. Она находит тех, кто будет полезен для высокотехнологической экономики, и

собирает в таких вот местах.

Он указал рукой на Моав. Для тех, кто знал, куда смотреть, город нес черты места, где живут головастые люди. Они проделали две тысячи миль и оказались в Принстоне. А когда они оставят его в камере заднего вида, то проделают еще тысячу, прежде чем снова окажутся в та- ком же.

– Это когда-нибудь вернется?

– Положение дел, существовавшее в те триста лет?

– Да.

– Не знаю. Это из тех эзотерических вопросов, о которых думает ваш дядя Джейк. Вы, разумеется, тоже вольны о нем думать. Или сосредоточиться на непосредственной задаче. Возможно, одно с другим связано.

Секунду она переваривала его слова.

– Вы о том, о чем говорили раньше. Что мозгу либо его цифровой модели нужен мир, согласный внутри себя, что есть что.

– Да. И он должен сходиться в этом понимании с другими мозгами в том же мире.

– Второе для меня неактуально, – сказала София. – Мозг только один. Доджа.

– Это ненадолго, – ответил Енох.

По совпадению или нет, но они как раз въехали в центр города и остановились перед большим зданием: бывшим банком, а ныне местным филиалом НЭО – Ново-эсхатологической организации. София расшарила свои координаты с членами семьи, и, очевидно, дядя Джейк сообщил о ее приезде здешним сотрудникам. Несколько человек – надо понимать, профессиональные эсхатологи либо вспомогательный эсхатологический персонал – вышли встречать коллегу.

– Здесь я вас оставлю, – сказал Енох. – Спасибо, что помогли снять меня с креста и отвезли в такую даль.

Часть 4

17

Зула и ее муж Чонгор по-прежнему жили в той же квартире, что при жизни Ричарда. Здесь они вырастили Софию. Когда она уехала в Принстон, они начали присматривать другое жилье, но в итоге решили, что нынешняя квартира – сто восемьдесят квадратных метров на восемнадцатом этаже двадцатиэтажного дома на сиэтлском Капитолийском холме – вполне их устраивает.

Ричард купил им ее после событий, которые на какое-то время их прославили и сделали потенциальной мишенью для расправы. Их прежние адреса легко мог найти любой, поэтому возвращаться туда было опасно. Ричард устранил проблему: зарегистрировал неотслеживаемую офшорную фирму и приобрел квартиру от ее имени. К тому времени, как Миазма разгадала уловку и вычислила, где они живут, имена Чонгора и Зулы были уже не на слуху и для их защиты вполне хватало существующей охраны дома.

Однако защита безопасности – это игра камень-ножницы-бумага между технологиями, которые стремятся к противоположным целям. Вестибюль здания, лифты и лестницы, а также прилегающие пояса дорожек и зеленых насаждений просматривались камерами еще в те времена, когда Зула и Чонгор впервые сюда въехали. Тогда за стойкой у входа круглые сутки сидел охранник, приглядывая за дверью и мониторами камер. Стойку эту несколько лет назад убрали и заменили большим аквариумом с морской водой. Дом по-прежнему платил охранной фирме, но охранники-люди теперь бóльшую часть времени проводили на ногах; они патрулировали территорию, следя за обстановкой с помощью портативных устройств. Некоторые же «охранники» были и вовсе не люди, а специальные алгоритмы, которые анализировали видео- и аудиоматериалы на предмет подозрительного поведения, распознавали лица и проверяли их по белому списку жильцов, друзей и соседей, а также по черному списку преступников, навязчивых преследователей и бывших мужей. Все неоднозначное перенаправлялась на «глазную ферму» в Юго-Восточной Азии.

В то июньское утро Зула вышла из лифта и надела темные очки. На периферии зрения замигал желтый шарик – самое мягкое предупреждение. Зула глянула на него. Шарик отметил движение ее зрачков и сообщил, что мимо здания проходят трое

под ВУЯЛями.

Зула, игнорируя предупреждение, толкнула дверь и тут же их увидела: три старшеклассницы со стаканчиками кофе в руках, болтают и смеются на ходу.

На всех трех были большие зеркальные очки; лазеры в оправе очков проецировали на лица движущиеся и мерцающие световые пятна, запрограммированные так, чтобы сбить с толку программу распознавания лиц.

Зула не носила ВУЯЛь, то есть раскрывала свое местоположение любой камере, способной распознать ее черты и сравнить с базой данных. Большинство давно с этим смирились, но не все. Можно было носить темные очки и покрывало из настоящей ткани, однако в промышленно развитых странах чаще прибегали к их современному эквиваленту.

Не совсем правильно говорить, что Виртуальное Убранство Явленной Личности изобрели Верна и Мэйв Браден, поскольку в него вошло несколько отдельных технологий. Их заслугой была интеграция этих технологий и продвижение продукта на рынке. Так или иначе, они задумали ВУЯЛь и воплотили в жизнь.

Чаще всего ВУЯЛи носили те, кто на диаграмме Венна попадал в пересечение областей «молодые», «гиковатые» и «контркультурные». В центре Сиэтла такие встречались сплошь и рядом. Три молодые особы почти наверняка шли в частную подготовительную школу тремя кварталами дальше. По пути в район Саут-Лейк, куда направлялась Зула, число гиков не убывало, но рос средний возраст и контркультурность сходила на нет. Здесь же ВУЯЛи были не примечательнее пирсинга в носу. Охранная система здания отмечала прохожих в ВУЯЛях – отсюда желтый сигнал в очках Зулы, – но совсем не так, как отметила бы черную лыжную маску.

«Явленную личность» добавили не только для красивого сокращения. «Явленный» – термин из религиозно-метафизического лексикона. В Библии Бог является не непосредственно, а в виде некого символа. Соответствующее греческое слово, «эпифания», состоит из корня «фано» – «светиться», «являться», «показываться», и приставки «эпи» – «на», «при». Это означает, что явлено не только доступное обычным органам чувств, но и нечто более многослойное.

Слово «личность» интернет изменил бесповоротно. Раньше это означало «кто вы на самом деле», теперь – «любое из произвольного числа лиц, которые вы показываете цифровой вселенной».

ВУЯЛь создавалась как обоюдоострое оружие. Да, она не позволяла камере распознать ваше лицо и узнать ваше настоящее

имя. Однако световой узор, проецируемый ВУЯЛью на лицо, не был просто шумом. То был сигнал, передающий данные любой достаточно умной системе компьютерного зрения. Протокол, опубликованный ПРОГРЭССом, был чрезвычайно сложен, однако суть сводилась к тому, что ВУЯЛь могла по желанию пользователя служить аналогом штрихкода: числом, связанным с ПАРАНДЖО.

Это было совершенно опционально; большинство ни о чем таком не знало и просто существовало открыто под своим именем. Однако считалось желательным в начале карьеры зарегистрировать по меньшей мере один ПАРАНДЖО (благо это было просто) для списка своих достижений. ПАРАНДЖО можно было связать с собственными именем-фамилией и лицом, а можно было не связывать. В любом случае у вас сохранялась возможность вбить его в систему своей ВУЯЛи. Тогда системы компьютерного зрения, хоть и не распознавали ваше настоящее лицо, считывали ваш ПАРАНДЖО и могли проверить все привязанное к нему в распределенном цифровом реестре.

Три щебечущие девчушки со стаканчиками «кофе с собой», разумеется, пользовались такой опцией. Очень вероятно, это была бесплатно-принудительная услуга частной школы. Камеры на фасаде дома их проверили. Собственно, в очках Зулы была фронтальная камера, которая сделала бы то же самое, прояви Зула хоть малейший интерес. Впрочем, родители и школа наверняка оберегали и цензурировали записи их ПАРАНДЖО. Потрудись Зула взглянуть, она не увидела бы имен и фамилий, только открытые данные, позволяющие понять, что перед ней обычные школьницы и ВУЯЛи и ПАРАНДЖО носят не с дурной целью, а ради защиты от педофилов и чтобы их экзаменационные работы оценили честно и беспристрастно.

18

Зула шла быстрым шагом. Для нее это был главный вид физической активности. Там, где она работала – в штаб-квартире Фортрастовского фамильного фонда, – имелся корпоративный спортзал. В доме – спортзал для жильцов и их гостей. Спустившись с Капитолийского холма и войдя в район Саут-Лейк-Юнион, она миновала розовое здание без окон и с крохотной табличкой на двери – по слухам, это был мини-спортклуб, настолько элитный, что членство в нем давали только после строгой проверки. Еще один спортзал, через три квартала, занимал весь первый этаж небоскреба: у окна выстроилась

шеренга эллиптических тренажеров; нерды-жаворонки, тяжело дыша, делали упражнения и одновременно смотрели кино либо работали в шлемах виртуальной реальности. В стимпанковском спортзале увлеченные историей нерды с нафабренными усами вращали индийские булавы из полированного красного дерева, выращенного на экологичных возобновляемых плантациях. За стеклом нерды в обвязках карабкались на искусственную скалу, хватаясь натертыми магнезией пальцами за спроектированные в CAD/CAM выступы. В облагороженном здании бывшего склада облаченные в балахоны нерды торжественно фехтовали симуляторами световых сабель. В шапито нерды-гимнасты раскачивались вниз головой на трапециях. На полосе препятствий под открытым небом паркурные ниндзя перемахивали через ограды и взбегали по вертикальной стене. В парке взводы нердов падали и отжимались под притворно строгим взглядом ненастоящего сержанта. В гремящем музыкой ночном клубе нердки отрабатывали танец на шесте. Все эти залы для занятий спортом скреплялись, словно кирпичи – цементом, столь же разнообразным набором едальных и питейных заведений, где люди, сбросившие много калорий, могли еще укрепить свое здоровье смузи из ботанических диковинок либо для восстановления равновесия съесть что-нибудь неполезное.

Зула перепробовала много модных видов спорта и знала, что, вероятно, попробует и другие – главным образом, за компанию. Чонгор играл в хоккейной лиге, что на девяносто процентов удовлетворяло его потребность и в физической активности, и в дружеском общении. Зула записывалась на новые спортивные курсы вместе с подругами, но нигде не задержалась. Ее единственным упражнением оставалась ходьба с работы и на работу, что она делала в одиночку и почти каждый день.

Проходя через выставку всего, что придумано для поддержания отличной физической формы, Зула частенько задумывалась. Эти чистые, хорошо зарабатывающие и хорошо информированные айтишники умели получать удовольствие от своего тела. На работе они жили головой, свободное время проводили за радостями спортзала, горячего душа после упражнений, еды и питья, возвращения домой, где ждет секс либо, по крайней мере, крепкий здоровый сон на твердом матрасе, застеленном чистым высококачественным бельем. Ничего по-настоящему плохого в этом не было. Однако детство Зулы прошло в лагере беженцев, где физические удовольствия или хотя бы комфорт были редкостью. А позже ей случилось вынужденно провести несколько недель с моджахедами из самых суровых регионов мира. Она ненавидела все связанное с этими

людьми, однако невольно видела окружающее их глазами. Моджахеды, одержимые религией определенного сорта, сочли бы эти спортзалы и рестораны храмами ложного божества, где люди стараются забыть, что все они рано или поздно заболеют и умрут. После чего (если верить в то, во что верят моджахеды) вы встретитесь со своим творцом и понесете должную кару за излишнюю приверженность удовольствиям.

Мысли не сказать что оригинальные – ни один разумный человек не избавлен от минимальной квоты таких раздумий, – но в случае Зулы все усугублялось тем, что произошло с Ричардом семнадцать лет назад и определило ее карьеру.

Она не сразу смогла понять и принять, что это изменило ее личность – олограф, который она пишет изо дня в день. И даже не сама смерть, а последующие юридические и финансовые осложнения. В практическом смысле спор из-за наследства ничего не менял: в любом случае она была богата и ее дочери не грозила нужда. Однако в денежном выражении разница была огромна. А такие огромные суммы обладают собственной волей. Может быть, оттого-то лежащий в корне всего документ и зовется «последняя воля».

Семейная доля наследства давно была переведена в Айову и перестала быть Зулиной заботой, исключая те все более редкие случаи, когда требовалось подписать заявление по тяжбам из-за неудачных формулировок в завещании, от которых кормилась теперь целая полуавтономная ветвь юридической профессии. Остальное состояние Ричарда – собственно, почти все – перешло в Фортрастовский фамильный фонд. Зула была его президентом и директором с первого дня и все больше убеждалась, что это теперь до конца жизни. Она платила себе разумную зарплату – ничего такого, что заставило бы членов совета директоров удивленно поднять брови, – и тратила все силы на то, чтобы дядины деньги шли на дела, которые ему бы понравились. В фонд поступали и новые пожертвования – в основном от старых друзей Ричарда, желавших поучаствовать в благом начинании.

В первые годы главной задачей было тратить деньги быстрее, чем они прибавлялись, – занятие примерно как чистить дорогу в снегопад. Поначалу Зула вкладывала средства фонда в простые индексные фонды – так она была спокойна, что не упускает никакое движение рынка и при этом не платит бешеных денег финансовым консультантам. Постепенно она стала переходить на финансовых ботов, действующих по алгоритмам, недоступным человеческому пониманию. Они работали лучше людей. Один из ботов несколько лет кряду приносил такую прибыль, что капитал фонда вырос больше чем вдвое. Таким образом в управлении

ботов оказалось значительно больше активов ФФФ, чем в традиционных фондах и акциях.

Дядя Ричард не потрудился расписать в завещании, на что тратить деньги его фонда, так что у Зулы была пугающая ее свобода. Она тратила больше, чем следовало, на экспертную помощь, потом уволила экспертов. Куда проще было бы руководить фондом, чья единственная цель, допустим, сохранение исчезающих видов древесных лягушек. Увы, документ указывал лишь самые общие ориентиры: поддерживать исследования, которые могут быть полезны человечеству и как-то связаны с игровой индустрией. А это могло означать практически что угодно.

Здание штаб-квартиры стояло на пирсе, вдающемся с юга в озеро Юнион. Во всем остальном оно было безликим до полной невозможности. В начале работы фонда Зула получала предложения от прославленных архитекторов, которые увидели возможность воздвигнуть нечто эпохальное. Выражались они более высокопарно, но смысл сводился к тому, что они хотели бы построить что-то по-настоящему суперское. Зуле тоже этого хотелось, однако она выбрала скучный проект. Как новый и неопытный директор, которого могли справедливо упрекнуть, что место получено по блату, она хотела показать, что не швыряет на ветер дядюшкины деньги. Миллиардеры, сами заработавшие свои состояния, могли вкладываться в экстравагантные архитектурные сооружения, однако Зуле нужно было самое обычное офисное здание класса А, которое станет расти в цене, как остальные такие же, и продать его будет не труднее, чем кусок мяса. Два верхних этажа занимал сам Фортрастовский фамильный фонд, нижние четыре сдавались другим организациям.

Перед входом она сбавила шаг. Сеть здания узнала ее за квартал, и на краю поля зрения появился маленький индикатор статуса. Двери перед ней открылись автоматически. В здании тоже был охранник-обходчик; он увидел, что Зула вошла, и подошел встретить ее улыбкой и кивком. Здание знало, что она здесь и собирается ехать на шестой этаж, но известило, что, к сожалению, предстоит подождать от тридцати до шестидесяти секунд – в это время дня лифты были загружены сильнее всего. Зула подумала было подняться по лестнице, но решила, что не стоит – побаливало колено. В лифтовом холле кроме нее ждали несколько человек, которые работали здесь и которых она видела каждый день, и несколько незнакомых, пришедших на встречу или на собеседование. Их сразу можно было отличить, поскольку им приходилось действовать по старинке – читать указатели и нажимать кнопки в лифте.

Один из них, седой, рыжебородый, с неряшливой внешностью рассеянного ученого, нажимая кнопку, покосился на Зулу. Он, скорее всего, пришел в НЭО, Ново-эсхатологическую организацию, занимавшую второй этаж. Очень вероятно, у него было дело к Зулиному дяде, Джейку Фортрасту. Зула видела этого человека не первый раз. Когда он нажимал кнопку, над обтрепанным рукавом худи показался пластырь на тыльной стороне запястья, а когда он опустил руку, Зула заметила такой же пластырь на внутренней стороне. В остальном руки выглядели обычно, но из этой подробности Зула сообразила, что перед ней тот самый Енох как-его-там, которого недавно распяли в Небраске, куда он ездил по делам Джейка. Она подумала было поздороваться и представиться, но не знала, как затеять разговор с человеком, недавно пережившим такое. Он, со своей стороны, очевидно, знал, кто она, и вежливо кивнул, однако не стал посягать на ее приватность.

Джейку досталось столько же денег, сколько всем потомкам Джона и Элис вместе взятым. Семья у него была меньше и проще – три сына почти на поколение младше детей Джона и Элис и пока ни одного внука. В отличие от Элис, он предпочел сохранить контроль над своими деньгами, а не делить их между отпрысками. Что делать с таким капиталом, Джейк понятия не имел, поскольку он, убежденный сурвивалист, до сих пор жил в бревенчатом доме среди северных лесов. По большей части он брал пример с Зулы, вкладывался в те же портфели акций, фонды и финансовых ботов, что ФФФ. Тратил Джейк мало – только на то, чтобы помочь Зуле в запутанной ситуации, как быть с мозгом Ричарда.

Отсюда и выросла Ново-эсхатологическая организация. На диаграмме Венна она занимала область пересечения всего, что ненавидит интернет, и не издевался над ней только ленивый. Часть упреков была оправданна; Джейк потратил два года и несколько миллионов долларов, прежде чем научился руководить НКО.

По сути, это заставило его вырасти и поумнеть – не только финансово, но и философски. Для начала он оправдал опасения Элис и Зулы, вбухав часть денег в те самые бредовые идеи, на которых строил семейную жизнь в Айдахо. Однако богатство изменило его взгляды – не потому, что он логически убедился в их несоответствии фактам, а просто теперь он был склонен на многое смотреть иначе.

Необходимость разрешить затруднения с мозгом Ричарда не только породила НЭО, но и впрягла ФФФ в одну упряжку с еще более крупным фондом Уотерхауза-Шафто, а также впутало в

неприятные и сложные отношения с многочисленными коммерческими и некоммерческими организациями Элмо Шепарда. Вся их деятельность была напрямую связана с вопросами смертности, сознания и того, что значит быть человеком. Иметь душу. НЭО стала теоретическим отделением нейробиологического комплекса Фортраста-Уотерхауза-Шепарда.

Иногда технологии развиваются медленно, вползая на одну крохотную ступеньку за другой, иногда – скачком. Зула слышала довод, что эти два этапа нельзя разделить, поскольку экспоненциальный взлет в духе закона Мура, если ненадолго отвести взгляд, покажется прыжком.

Так или иначе, проходя через выставку спортзалов и ресторанов, она чувствовала, что высокотехнологическая индустрия, гордящаяся множеством побед, подползает сейчас к тому моменту, когда замахнется на смерть. Ибо если вы одолели всех других врагов, заработали попутно бесконечное количество денег и сейчас смакуете какое-нибудь исключительное суши или рюмочку односолодового виски тридцатилетней выдержки, ничто не мешает вам спросить себя: отчего бы мне не наслаждаться всем этим вечно? И если вы не верите – а большинство этих людей не верили, – что в стране, откуда ни один не возвращался[25], ждет неизмеримо бóльшая награда, так почему бы не повременить с переселением в эту страну, насколько позволит технология?

Сложись все иначе, Зула и не подумала бы атаковать смерть в лоб, словно очередную проблему старой экономики на маркерной доске в Кремниевой долине. Однако крушение поезда, начавшееся в миг, когда сердце Доджа остановилось, сделало эту задачу частью ее повседневной работы. Работы, которой она занималась не как исследователь (Зула была геологом), а скорее как нянька настоящих исследователей.

19

На эскизе архитектора приемная Фортрастовского фамильного фонда на шестом этаже выглядела так: посетители в спортивных пиджаках и офисных юбках сидят за столиками, пьют латте и смотрят в телефоны, дожидаясь, когда за ними придут сотрудники с ключ-картами, а за всем бдительно, хотя и гостеприимно наблюдает из-за элегантно изогнутой стойки секретарь на ресепшене.

В нынешних реалиях это оказалась пустая трата места. Они так и не наняли секретаршу на ресепшен; за элегантной стойкой никто не сидел. Офисное кресло из-за стойки давно умыкнули, и

там теперь скапливались коробки с расходниками. Посетители не пили за столиками кофе в ожидании сотрудников; сотрудники знали, что они пришли, и наоборот. Дверь в рабочее пространство стояла открытой. Рядом с ней находились включенные в стенную розетку зарядные устройства для двух брендов роботов удаленного присутствия; эти устройства с плоскопанельным монитором примерно на уровне человеческой головы могли разъезжать по офису под управлением людей, которые находятся где-то далеко, но знают нужные пароли и на их компьютерах установлена нужная программа. Даже они уже давно пылились. Фонд купил их сколько-то лет назад, и Джейк частенько «присутствовал» с их помощью на заседаниях из своего дома в Айдахо. Однако с тех пор их вытеснили виртуальные эквиваленты либо более продвинутые роботы, способные ходить по лестнице на двух ногах. Так что, проходя через приемную, которую архитектор изо всех сил старался сделать красивой, Зула чувствовала, что вошла в погрузочный док и помещение для разбора почты.

Она направлялась в свой кабинет – угловой с видом на озеро. Ее путь лежал мимо меньшего из двух конференц-залов. Неровным полукругом спиной к ней сидели человек пять или шесть – судя по одежде, позам и телосложению, очень молодых. К ним обращался Маркус Хоббс, один из руководящих сотрудников компании, который помимо прочего занимался программой летних стажировок. Раньше это делалось по-свойски и как попало, но Маркус указал, что такой порядок чреват для фонда исками или по крайней мере репутационным ущербом. Он выстроил четкую систему информирования, приема и оценки заявлений, проверки кандидатов и отслеживания метрик. Так что пять или шесть ребятишек в конференц-зале были не чьи-то племянники, соседи и друзья друзей, а кандидаты, оставшиеся в процессе отбора, который начался через день после того, как прошлогодние стажеры вернулись к учебе.

Даже не заглядывая в календарь, Зула знала, что почти весь сегодняшний день будет собеседовать новеньких. Поскольку фонд их уже выбрал и оплатил им билеты до Сиэтла, собеседования были в значительной мере символическими. Однако это не означало, что они не важны.

Третьей кандидаткой – последней перед ланчем – оказалась ее дочь. Что стало для Зулы неожиданностью.

София была в худи и джинсах – оттого-то Зула и не узнала ее со спины, проходя мимо конференц-зала. Кроме того, София включила ВУЯЛь в своих очках. Маркус мог бы ее узнать, но Маркус и София, вероятно, никогда не оказывались вместе в

одном помещении, и у Маркуса не было особых причин знать директорскую дочку в лицо.

За последние месяцы Зула не раз просматривала анонимное заявление этой кандидатки и сегодня освежила его в памяти перед тем, как та вошла в кабинет. Однако заявления подписывались не именем и фамилией, а только ПАРАНДЖО. Это было обычное дело; более того, Маркус сделал такой порядок почти обязательным, чтобы кандидаты не выигрывали от положительной дискриминации[26] и не страдали от негативной. Так что Зула приметила некоторое сходство между анонимным кандидатом и своей дочерью, но все равно изумилась, когда София вошла в кабинет, откинула капюшон, сняла очки и села.

– Привет, мам.

– Привет, малыш.

Обе на минуту умолкли. София смотрела в окно на горы Олимпик, давая Зуле прийти в себя. Потом спросила:

– Ты знала? Или хотя бы подозревала?

– Нет, – ответила Зула. Потом немного повысила голос: – Я считала, что, если тебе захочется поработать здесь летом, ты просто скажешь мне и мы что-нибудь придумаем.

– Ты на меня сердишься?

– Нет. – Зула ненадолго задумалась и заговорила уже спокойнее: – Наверное, я понимаю, отчего ты так поступила. Если бы мы, в кавычках, что-нибудь придумали…

– Я не была бы настоящим стажером. Да, примерно так я и рассуждала. – София широко улыбнулась: – Мне правда очень приятно, что я прошла отбор.

– Почти.

– В смысле?

– Остался этот этап. Последнее собеседование.

– Ах да. Я не смогла придумать, как его пройти, не раскрыв, что я директорская дочка.

– Кстати, с возвращением. – Зула не знала, так ли надо приветствовать дочь после трехлетнего отсутствия, однако не могла не обронить намек.

Она встала и улыбнулась. София тоже. Они подошли друг к другу, крепко обнялись и на какое-то время замерли. Когда Зула открыла глаза, она через стеклянную дверь кабинета увидела в коридоре Маркуса Хоббса. Он замер на полушаге, шокированный тем, что начальница прилюдно обнимает кандидатку в стажеры, только что вошедшую в ее кабинет. Зула подмигнула ему и сделала знак рукой – заходи, мол.

София, которая ничего этого не видела, разжала руки и отступила на шаг.

– Я проехала через Айову, – сказала она. – Побывала на ферме. Восстановила отношения с родственниками.

– С удовольствием выслушаю, но прежде тебе надо объясниться. – Зула кивнула на входящего Маркуса.

– Мистер Хоббс! Еще раз здравствуйте. – София переключилась на вежливо-деловой тон, будто ничего не произошло, и Зула подумала, что не так уж плохо ее воспитала.

– София? К вам так обращаться? – спросил Маркус.

– Да, это мое настоящее имя, – ответила София. ПАРАНДЖО обычно связывали с никами. – Мне дали его мама с папой, и я рада им называться.

Маркус глянул на Зулу:

– Так я имею удовольствие разговаривать с вашей дочерью?

– Рада познакомиться по-настоящему. – София протянула руку.

Маркус пожал ее, глядя на Софию в новом свете.

– Вы хотели поработать здесь летом, – догадался Маркус, – но не хотели, чтобы это выглядело, как будто вы получили место по блату, и оттого подали заявление анонимно.

– Да. Все шло отлично, пока вот эта дама меня не разоблачила. – София кивнула на мать.

– Что ж, могу абсолютно искренне сказать, что для меня все стало полной неожиданностью.

Зула рассмеялась:

– Это было видно по вашему лицу, Маркус.

– Что ж, София получила работу совершенно честно, и я буду рад это сказать любому, у кого возникнут сомнения. – Маркус говорил с характерными адвокатскими интонациями, другими словами – выполнял сейчас свои должностные обязанности. Зула привыкла на него полагаться. Впервые они встретились через день после несчастья с Доджем. Тогда Маркус пришел к Элис в гостиницу со Стэном Петерсоном. Проработав какое-то время в «Ардженбрайт-Вейл», он занялся юридической поддержкой некоммерческих организаций и в конце концов оказался в ФФФ.

– Ясно, – сказала Зула.

– Отлично сыграно, – заметил Маркус, кивнув Софии.

– Если у вас есть свободная минутка, – сказала Зула, – мы с этой юной стажеркой собирались обсудить, чем она будет заниматься в фонде.

– Разумеется. Если это не будет вмешательством в фамильные дела, – ответил Маркус, делая шаг к свободному стулу.

– Маркус, это Фортрастовский фамильный фонд, – напомнила Зула.

Маркус рассмеялся. Они сели.

– Стажерам здесь предоставляется большая свобода, – сказала Зула. – Маркус давно указал мне, что всякий прошедший отбор по определению будет сверхквалифицированным и недооплачиваемым работником. Ни для кого не секрет, зачем студенты Лиги Плюща устраиваются на летние стажировки. Ради резюме. Мы могли бы поручить стажерам носить нам кофе, но это не отвечало бы их потребностям и отбивало бы хлеб у тех, для кого это источник заработка.

– Если коротко, – добавил Маркус, – мы отбираем лучших, кого можем найти, и открываем перед ними дверь. А уж выбор летнего проекта как-то происходит сам.

София слушала, улыбалась и кивала – образцовая умненькая стажерка.

– Итак, – сказала Зула, – на этом этапе мы рассчитываем услышать, чем ты хочешь заниматься.

– Раз вы так тщательно все распланировали, у вас наверняка есть предложения, – заметил Маркус.

София кивнула:

– Я бы хотела работать с Сами Знаете Чем. – Она помолчала, давая им осознать услышанное, и добавила: – Или, если вы смотрите на это иначе, с Сами Знаете Кем.

– Ты хочешь пароль к МД, – сказала Зула.

20

«МД» означало Мозг Доджа. Название – шутливый нердовский намек на сокращение от слов «массив данных» – придумал Корваллис Кавасаки.

МД представлял собой не единый объект, а сеть директорий, содержащих каждую крупицу информации, полученной в ходе колоссального проекта. Целью проекта было выполнить распоряжение об останках, подписанное Ричардом Фортрастом задолго до смерти.

Начиналось все с массива необработанных исходных данных от ионно-лучевого сканирующего устройства, которое кремировало замороженный мозг Ричарда по аксону за раз. Он один занимал больше места, чем было доступно в те годы, когда Ричард ставил подпись под завещанием. Пользоваться им в таком виде было невозможно. Если считать мозг Ричарда документом, пропущенным через сканер, исходные данные были записью электрических импульсов от оптической системы сканера. Чтобы получить осмысленную картину, их требовалось основательно

перелопатить. Ради одного лишь построения чего-то похожего на коннектом – схему соединения нейронов – Семейный фонд Уотерхауза-Шафто создал один из крупнейших серверных парков мира; кому, как не системе электронного банкинга, было справиться с такой задачей. На обсчет МД у центра ушли долгие годы.

Это вовсе не означало, что коннектом теперь абсолютно известен. Двадцать разных людей написали двадцать разных диссертаций о том, как надо обрабатывать и интерпретировать данные; все предложенные алгоритмы давали разные результаты. Был проведен метаанализ для сравнения данных, полученных на выходе конкурирующих алгоритмов. Таким образом, МД содержал не один окончательный коннектом, а десятки разных, каждый в своем несовместимом формате. Каждый строился на своем наборе предположений о том, как на самом деле функционирует человеческий мозг.

Чем МД не был, так это работающей моделью Ричардова мозга. Делались попытки подключить массив к системе, эмулирующей функции человеческих нейронов, и нажать кнопку «вкл». Однако по большей части МД оставался пассивным хранилищем данных. Существительным, не глаголом. Цифровым эквивалентом замороженного тела Ричарда Фортраста в ожидании технологий, которые его оживят.

– В то время когда дядя Ричард подписывал распоряжение об останках, они застряли в криогенном менталитете, – объявила София. – Документ это отражает.

– Кто «они»? – спросил Маркус. – И про менталитет, если можно, поподробнее.

– «Они» – это эвтропийцы. Компания нердов, решивших в девяностых годах, что хотят жить вечно. Те самые люди, что убедили дядю Ричарда скопипастить их формулировки. Не забывайте, там ведь ни слова не было о цифровом сканировании. Все исключительно аналоговое: быстро охладите тело, заморозьте его и отвезите в эфратское криохранилище. Для них оживление замороженного тела было чем-то вроде постройки звездолета, пересекающего галактику за десять минут. То есть абстрактно они это вообразить могли, но произойти оно должно было в невообразимо далеком будущем. Поэтому в завещании дяди Ричарда ничего про оживление нет. Сказано только «заморозьте меня», что подразумевает: «кто-нибудь с этим разберется через тысячу или десять тысяч лет, когда такому научатся». Предполагалось, что люди, которые овладеют подобной технологией, так далеко уйдут от нашего пещерного понимания, что бесполезно и гадать, каким будет процесс, а значит, и

оставлять инструкции.

– Но все это аналоговое, – продолжала она. – Все связано с конкретным куском замороженного мяса. Есть лишь один шанс его оживить. Лучше подождать до тех пор, когда точно получится. Теперь мы получили возможность сделать это цифровым способом. Причем возможность появилась еще при жизни дяди Ричарда. – Голос у Софии стал чуточку осипший; вернулось смутное воспоминание, как она маленькой девочкой сидела у Доджа на коленях. Она прочистила горло: – Так что я хочу этим заняться. Не обещаю найти все ответы за два месяца, но мне кажется, это стоящий проект, и как член семьи – как человек, знавший его в детстве, – я чувствую себя в особом положении.

Глаза у Зулы блестели – и от гордости за дочь, и от мыслей о любимом дяде.

– София, – сказала она, – я должна кое-что у тебя спросить. Когда ты пошла в колледж, то еще не определилась со специальностью, но была почти уверена, что это будет религиоведение, или классическая литература, или что-нибудь в таком роде. Именно этим ты в основном и занималась на первом курсе. А потом вдруг резко свернула в направлении когнитивистики, нейрологии, компьютерных наук.

София кивнула, немного нетерпеливо:

– Это просто более технический способ подобраться к тем же вопросам.

– Понимаю, солнышко. Но я хочу знать, просто ради моего собственного любопытства: как давно ты обо всем этом думала? Наш теперешний разговор – ты шла к нему годы?

София мотнула головой:

– Несколько месяцев. То есть, конечно, интерес к нейробиологии у меня появился от того, что в детстве я слушала твои застольные разговоры с Корваллисом и другими насчет МД. Но идея самой туда влезть и запустить программу? Об этом и думать было нечего, технически говоря, пока не появилась «Дыра-в-стене».

– Что-то я про это слышал, – сказал Маркус. – Самый большой в мире параллельный мультипроцессор. Но вам придется мне помочь.

– Это примерно в ста милях отсюда, в каньоне Дыра-в-стене, бассейн реки Колорадо. По совпадению, недалеко от Эфраты, чуть ниже ее по течению. Мультипроцессор построили на месте бывшего алюминиевого завода. Так что там дешевые электричество и холодная вода.

– В той части штата много дата-центров, – заметил Маркус. – Уже не первый десяток лет. Почему именно «Дыра-в-стене» все

меняет?

– Это первый такой центр, построенный исключительно на квантовых вычислениях.

– А вы считаете, что квантовые компьютеры лучше моделируют работу мозга? – Скепсис в голосе адвоката был мягким, но различался вполне отчетливо.

– В этом вопросе я агностик. Но знаю – это доказано многими серьезными исследованиями, – что они лучше выполняют операции, необходимые для безопасных, распределенных вычислений.

– Распределенных… в облаке, – пробормотала Зула.

У ее дочери вырвался тихий вздох.

Это было поколенческое. Зула застала переход от эпохи, когда бóльшая часть вычислений выполнялась локально, на ее компьютере или ноутбуке, к тому времени, когда они распределились между удаленными серверами где угодно. Тогда сказать «в облаке» значило блеснуть осведомленностью, сейчас человек только обнаруживал этим свой возраст.

– А под «безопасными» ты подразумеваешь…

– Это означает, что процессы – миллионы разных исполняемых модулей на бог весть каком числе реальных или виртуальных машин – не должны друг на друга полагаться. Им не нужно друг друга знать. Когда им надо общаться, они делают это… – София на миг прикрыла веки, может быть, чтобы не закатить глаза, – они делают это, как все такое сейчас делается – через распределенные реестры.

– Блокчейн? – спросила Зула.

Вновь справившись с собой, чтобы не закатить глаза, София ответила:

– Куда более эффективные алгоритмы, чем блокчейн двадцатилетней давности. Но по-прежнему требующие большого числа быстрых вычислений.

– Итак, если думать об этом… – Зула подняла руку, прося пока не возражать, – если вообразить, чисто теоретически, что у нас есть один процесс – то, что раньше называлось компьютерной программой, и процесс этот делает только одно – моделирует работу одного-единственного нейрона в мозгу. Больше ничего не делает.

София кивнула и сделала движение рукой – продолжай, мол. Может быть, это даже значило «не тормози».

– Он выполняется на сервере эфратского дата-центра. Занимается только собой. Однако в мозгу настоящие нейроны связаны с другими нейронами – в том-то и суть. Потому-то мы потратили миллиард долларов, чтобы отсканировать коннектом

дяди Ричарда.

– Да, – сказала София. – А где-то еще – может, на том же сервере, может, на другом сервере того же дата-центра, может, в совсем другом дата-центре на барже у берегов Калифорнии, или где там еще, такие же процессы-клоны моделируют каждый по нейрону. Все нейроны связаны. Время от времени нужно передать послание от одного нейрона к другому.

– Нейрон выстреливает, – подхватил Маркус.

София на мгновение умолкла, быть может, перебарывая желание заменить употребленное Маркусом слово на более научное.

– Ну или что там еще. Аксоны. Синапсы. Дендриты, – добавил Маркус.

– Мы довольно плохо знаем, как это на самом деле работает, – сказала София, – но в любом случае, как ни моделируй мозг, у вас будет много независимых процессов, и они должны коммуницировать по схеме подключений, которую, в сущности, и представляет собой коннектом. И каждый сигнал – каждый акт коммуникации – влечет затраты, которые придется оплачивать, поскольку тут нужны и вычисления, и пропускная способность. Если делать все как положено, с шифрованием…

– «Как все сейчас делается», – процитировала Зула недавние слова Софии и подмигнула Маркусу.

– …да, то затраты велики, а все одновременно и дорого, и медленно. Компании, строящие квантовые компьютеры, изо всех сил искали, как это дело ускорить. Не дожидаясь, когда закон Мура обеспечит желаемое быстродействие, они сумели прыгнуть на годы и десятилетия вперед.

– Безопасные распределенные вычисления? – спросил Маркус.

София кивнула и принялась водить руками в воздухе. Маркус и Зула, понимая, что она управляет пользовательским интерфейсом, надели очки. Посреди кабинета возникло слайд-шоу из нескольких тысяч фотографий, сделанных Софией и ее друзьями в поездке через страну. Зула узнала дом Фортрастов в Айове, потом Зула прокрутила снимки к более новым.

Центральная часть штата Вашингтон сразу узнавалась по красно-бурому базальту, лиловой полынной дымке и синеве реки Колумбия. На плоском треугольнике аллювиального шлейфа в устье щелевидного каньона стояло пыльное здание в паутине кабелей. Большую парковку для синеворотничковых работников, исчезнувших как класс, занимали всего три машины. Возле одной из них – пикапа с надписью «Служба безопасности» – стоял крупный мужчина в зеркальных очках. Он наблюдал за Софией (или за тем из ее друзей, кто сделал фотографию) и, безусловно,

вел видеозапись.

– Именно это и происходит в каньоне Дыра-в-стене, – говорила София. – Внешне это обычный мультипроцессорный центр. На входе электричество и холодная вода, на выходе биты и теплая вода. Однако внутри этого старого завода происходит в тысячи, если не в миллионы раз больше вычислений, чем в мультипроцессорных центрах старого образца выше по течению.

– Ясно, – сказал Маркус. – Теперь я понял, что вы имели в виду, когда говорили, что квантовые компьютеры меняют все в моделировании мозга.

– Идея не моя, – призналась София. – Солли, один из моих преподавателей в Принстоне, высказал ее несколько месяцев назад, когда «Дыра-в-стене» заработала. По сути, он сказал: «Слушайте, может быть, теперь у нас правда получится».

– В смысле, «получится смоделировать что-нибудь посерьезнее, чем кубический миллиметр крысиного мозга».

– Да. И я сразу подумала: «МД – мое фамильное достояние. Возможность стучится в дверь». Тогда я и подала заявление на стажировку.

Маркус слушал, кивая:

– А ваш преподаватель, как вы там его назвали, об этом знает?

– Солли.

Во многих нердовских кругах имени было бы достаточно. Он был из тех, кто существовал всегда и успел отметиться чем-нибудь важным в ИТ-компаниях по меньшей мере со времен «Хьюлетт-Паккарда».

Однако Зула не принадлежала по-настоящему к этой культуре.

– Что-то знакомое, – сказала она.

– Солли Песадор, старый айтишник, переключившийся на нейробиологию.

– Вы с ним пересекались, – напомнил Зуле Маркус. – Это тот, который, уже будучи в возрасте, бросил все и пошел в университет, чтобы стать нейробиологом.

– Вспомнила, – сказала Зула.

– Он и с фондом вроде бы связан, – добавила София. – Участвовал в коллоквиумах НЭО, консультировал по вопросам МД.

Любой сколько-нибудь заметный нейробиолог на каком-нибудь отрезке карьеры так или иначе пересекался с фондами Фортраста и Уотерхауза.

– Он посоветовал тебе этим заняться?

– Он в курсе, что я хочу попробовать. У меня есть его

поддержка. А главное, у меня есть код, написанный его исследовательской группой.

– Код для моделирования того, что делает мозг.

– Что делают *нейроны*. – София пожала плечами: – Вообще-то, ничего особенного тут нет. Ты тоже можешь получить этот код, он опенсорсный. Но мне легче будет связаться с теми, кто его написал, посоветоваться, устранить баги. Что-то и правда запустить за те два месяца, что я буду здесь. – Она на миг умолкла, плотно сжала губы, потом добавила: – В смысле, если ты меня возьмешь.

Зула откинулась в кресле и посмотрела в окно. Никаких сомнений у нее с самого начала не было. Однако за время в директорском кресле она кое-что усвоила. Во-первых, значительная часть ее работы – чисто символическая, но, во-вторых, «символическая» не означает «не важная». Надо было хотя бы сделать вид, что она обдумывает решение.

– Судя по тому, что ты сказала на собеседовании, даже самый большой скептик не усомнится в твоей квалификации. А то, что ты спрятала свою личность под ПАРАНДЖО, устраняет всякие серьезные подозрения насчет блата. Так что ты принята. Но… – она подняла указательный палец, поскольку София уже собралась вскочить, – нам надо поговорить, что это значит. Планируешь ты чисто научный проект – запустить некий новый код на квантовом мультипроцессоре – или серьезную попытку включить Мозг Доджа. Потому что, как бы мы ни обставили дело, некоторые заподозрят второе. – Зула повернулась к Маркусу: – Нам надо будет поговорить с Летицией.

Летиция была пиар-директором фонда.

Маркус кивнул.

– Но это не твоя забота, а моя, – сказала Зула Софии. – Твоя забота – понять, сколько из этого ты успеешь за два коротких месяца.

21

– Удивительно, что мы еще пользуемся паролями! – воскликнула София.

Дело происходило через три часа после собеседования. Она сидела в ресторане на берегу озера Юнион с человеком, которого называла «дядя Си».

Корваллису Кавасаки было сейчас под пятьдесят. Начав лысеть, он, как многие, стал бриться наголо и потому совершенно не походил на встрепанного мальчишку с Ричардовых

фотографий времен Корпорации-9592. Кроме того, он завел привычку ходить в костюмах, но галстуки по-прежнему недолюбливал, поэтому заказывал рубашки со стойкой, которую можно носить расстегнутой. Поэтому и потому, что он занимал видное место в ИТ-мире, его все узнавали. Когда он с десятиминутным опозданием вошел в ресторан, хостесс приветствовала его по имени, а люди за столиками повернули голову, следя, как он идет через зал в отдельный кабинет, где ждала София.

В этой части города все ланчи были деловыми, в любом разговоре за едой и выпивкой раскрывались конфиденциальные сведения. Рестораны проектировали соответственно: столы ставили редко и по возможности разделяли звукоизолирующими экранами, а когда в зале становилось слишком тихо, рандомизированный шум из незаметных динамиков заполнял неловкие паузы. Вокруг зала располагались кабинеты, некоторые – просто кабинки на двух-четырех человек, с дверью. В одной из таких Си-плюс и София обнялись и поцеловались не на глазах у всех. Они слегка перекусили и обменялись новостями. Корваллис поживал хорошо. У них с Мэйв теперь было трое детей; их обильно зафотодокументированными успехами в школе, футболе и робототехнике он должен был непременно поделиться с Софией.

Только после того, как унесли тарелки и подали кофе, Си-плюс перешел к делу, а именно к тому, чтобы сделать ее держательницей токена с привилегированным доступом к Мозгу Доджа.

По сути это было то же самое, как дать кому-нибудь ключ от квартиры или шифр к кодовому замку. В облаке существовал объект под названием Мозг Доджа. По большей части это был пассивный склад данных. Однако он включал некие исполняемые модули – работающие программы, – которые были активны постоянно, словно часовые, расхаживающие взад-вперед перед запертыми дверями библиотеки. Их код был защищен от взлома, насколько это возможно в нашем мире, и они открывали дверь лишь тем сущностям, которые могли доказать – и продолжали доказывать, – что обладают нужными полномочиями.

Корваллис Кавасаки имел право наделять этими токенами других. В материальном пространстве «другие» означало «человеческие существа». Но для цифрового стража у двери это была просто программа, запущенная на каком-то сервере или даже скорее распределенная между несколькими серверами. Он не умел на самом деле узнавать людей или надежно отличить одного человека от другого.

– Мы могли бы использовать биометрию, – признал Кавасаки (имея в виду идентификацию по отпечаткам пальцев или радужной оболочке глаза). – Но это просто сдвигает уязвимость на другой этап процесса. Допустим, у меня есть гаджет, который считывает твои отпечатки пальцев со стопроцентной точностью. Отлично. Гаджет знает, что ты – София. Но дальше гаджет должен послать эту информацию другому процессу и сообщить: «Я проверил ее отпечатки пальцев, и это точно София».

– А это взламываемо.

– Да. Все равно довольно надежно, однако я пытаюсь установить тут самые высокие стандарты.

– Подать пример, – сказала София.

– И не выставить себя дураком, – добавил он. – Если окажется, что я поленился, выбрал легкий путь, а в итоге погорел, это будет очень неприятно.

– Тоже правда.

– Так вот, пароли ужасно старомодны, но они работают. Так что придумай пароль прямо сейчас. Такой, какой еще никогда не использовала и не будешь использовать ни для чего другого. Не спеши. Как будешь готова, впечатай сюда.

Корваллис через стол придвинул ей планшет с окошком для ввода пароля.

– Ладно. Думаю, – ответила София.

– Поскольку это твой пароль к Мозгу Доджа, ты, вероятно, думаешь о пароле или фразе, как-то связанными для тебя с твоим дядей Ричардом. О чем-то, лично для тебя значимом. Не надо. Это не магия. Не способ выразить чувства.

София кивнула, чувствуя, что краснеет. Она и правда подбирала для пароля имена из д'Олеров. Вместо этого она вбила «Яудрнсффва13дн!», что значило: «Я украла душевую ромашку на семейной ферме Фортрастов в Айове 13 дней назад!» Дядя Си на это время отвел взгляд. Приложение попросило ввести пароль второй раз, что София и сделала, после чего, аккуратно маневрируя между чашками кофе и сливочниками, придвинула планшет Корваллису.

– Готово, – сказала она.

– Отлично. – Несколько секунд Корваллис работал в виртуальном пространстве с тем, что видел через очки, потом оглядел результат и кивнул: – Поздравляю. Теперь у тебя есть неограниченный доступ только для чтения к Мозгу Доджа. До тех пор пока ты помнишь пароль – и его у тебя не украли.

То есть она могла читать что угодно и писать программы, которые будут брать данные из файлов, но не могла ничего там менять.

– Мы так и будем держаться старомодных паролей? – спросила София.

– Нет, – ответил Си-плюс. – Со временем ты перейдешь на протокол ГЭШ.

София знала, что это значит: глубоко эшелонированная защита. Вместо того чтобы сразу получить доступ ко всей системе, ты пробираешься внутрь постепенно, снова и снова разными способами доказывая, что ты – это ты. Если коротко, это хорошо работало только при подключении к системе, основанной на ПАРАНДЖО. В том и заключалась суть анонимной олографии: твоя личность опознается не по тому, что ты знаешь пароль, а по твоему «почерку», включающему почти любое твое взаимодействие с внешним миром.

– Срок действия пароля закончится через несколько недель. Тебе надо будет до тех пор переключить все на твое ПАРАНДЖО. Это произойдет автоматически по мере того, как ты будешь пользоваться системой и она начнет тебя узнавать. Что именно делать – разумеется, твой выбор. У тебя есть план?

– Освоиться с файлами коннектома. Проанализировать их с помощью инструментов, созданных группой моего преподавателя – «прозвонить», как он выражается.

– Это, скорее всего, работы не на одну неделю.

– Наверняка, – согласилась она. – Если получится – тут очень большое «если», – то попытаться смоделировать активность нейронов на подсовокупности коннектома. Посмотреть, что получится.

22

Десять месяцев спустя

Подходя к кабинету Солли, она услышала через приоткрытую дверь мужские голоса и смех. Это был не шумный опенспейс. Солли выбил себе отдельное междисциплинарное подразделение, финансируемое за счет целевого капитала. Он сидел в старом псевдоготическом здании Принстонского кампуса на расстоянии досягаемости и от нейробиологов, и от компьютерных гиков. Его кабинет – просторный, тихий, заставленный книгами – выходил окнами на университетский газон.

Она толкнула дверь и застала Солли за видеоконференцией с Корваллисом Кавасаки и Енохом Роотом. Этот вид связи воспринимался как слегка устарелый, однако некоторые еще им пользовались.

– Привет, София! – крикнул Си-плюс, когда увидел ее в кадре.

– Я опоздала?

– Наоборот! – ответил Солли.

Он был щуплый и утопал в кожаном кресле, словно мышь в бейсбольной перчатке.

– О'кей. Фу-ух!

– Мы собрались чуть пораньше, – объяснил Си-плюс. – Надо было кое-что обсудить.

– По-латыни?

Наступила неловкая пауза, потом все дружно рассмеялись.

– Мне стыдно, что ты услышала мою ломаную латынь, – сказал Си-плюс. – Ужас какой.

– Я не отличу ломаной от неломаной, – ответила София. – Но зачем?

– Это наша с Енохом старая шутка, – объяснил Си-плюс. – Он как-то подошел ко мне в баре возле фонда и приветствовал меня на разговорной латыни.

– Поскольку знал, что ты на ней говоришь, – догадалась София. – Из-за твоих реконструкторских увлечений.

– Да. Это произвело большое впечатление на амазоновских сотрудников в баре.

– И на вас, – сказал Енох. Его лицо делило экран с пинтой янтарной жидкости под шапкой белой пены.

– Я тогда не был знаком с Енохом. Так что да! Он здорово меня удивил, – признал Си-плюс. – В общем, мы иногда упражняемся в латыни. Енох говорит гораздо лучше меня.

– Здравствуйте, Енох! – сказала София. – Вы где?

Енох свободной от кружки рукой повернул камеру, и они увидели размытую панораму уютного паба.

– Англия? – предположила София. – Ирландия?

– Нет. Независимое суверенное государство… сейчас…

Енох торжественно сунул руку в карман, достал паспорт и повернул его к камере. Паспорт был новехонький. На обложке тиснеными золотыми буквами значилось по-французски, по-голландски и по-английски, что это официальный документ Зелрек-Аалберга.

– Вы теперь паспорта печатаете?! – изумился Си-плюс.

Енох пожал плечами:

– Это всего лишь бумажка. Вы знаете Эла. Он одержим идеей государства. Вечно пытается взломать систему.

– Кстати, о взломе системы, – сказал Солли. – Мы вроде бы в сборе?

Все понимали, что он имеет в виду комиссию по Софииному диплому. Для обычного диплома комиссия была слишком

большой и разнообразной, однако некие привходящие обстоятельства требовали участия всех троих.

– Да, начнем, – сказал Си-плюс.

Енох в знак согласия поднял кружку и кивнул.

– Ты основательно поработала, – заметил Солли, поворачиваясь вместе с креслом к Софии.

Та вздохнула:

– Рада, что вы так на это смотрите.

– А почему нет?

– Мои занятия… оценки…

– Это формальности, установленные университетом, чтобы студенты не слетели с катушек из-за лени, невнимательности и чего там еще.

– Подушка безопасности?

Он рассмеялся:

– Для университета. Поскольку я здесь единственный, кого это должно волновать, скажу просто, что, на мой взгляд, ты одолела все такие препятствия год назад. Твой последний курс был, по сути, аспирантурой. Я могу уверенно сказать, что ты основательно поработала, поскольку слышу про твои успехи от Корваллиса. И от Еноха. От моих аспирантов и постдоков.

– Мои успехи, – фыркнула София. – Я все больше вопросы задаю.

– Метрика не хуже других. Уж точно лучше экзаменов и оценок.

– Рада, что вы так думаете. Отметки за этот год – худшие в моей жизни.

– Важно одно: чтобы ты преодолела бюрократические препоны и окончила университет, – заметил Солли. – Поверь, София, всем плевать на твои оценки. Никто на них больше не взглянет.

Она посмотрела на экран. И Енох, и Си-плюс вежливо отвели глаза.

– Это разрыв шаблона, – призналась София.

– Потому что вся твоя жизнь прошла на школьно-университетской беговой дорожке. Сейчас ты с нее сходишь. Дальше важна только твоя работа. Твой олограф.

Она пожала плечами:

– О’кей. Будем говорить о ней?

– Да. Это твой ключевой проект. Или краеугольный. Или как тебе захочется его назвать. – Солли глянул в окно, пытаясь выудить нужное слово из того отделения мозга, где держал административные сведения.

– Полагаю, они бы предпочли термин «диплом», – заметила

София, поскольку Солли вроде бы смотрел в сторону деканата.

– Отлично. Ты заложила его основу прошлым летом, во время стажировки в Сиэтле.

Солли глянул на экран. Си-плюс кивнул.

– На самом деле я просто увязла по уши. Я и не представляла, сколько там работы и сколько времени это займет. Не успела толком начать, как пришло время ехать обратно.

– Ты заложила его основу прошлым летом, – повторил Солли и, вновь глянув в сторону деканата, изобразил в воздухе кавычки. – Собрав необходимые материалы и разработав программную базу, ты осенью вернулась в Принстон с четким пониманием, как двигаться дальше.

Он снова глянул на экран. Си-плюс и Енох не возражали. Даже не улыбались.

– Да. Абсолютно. Как скажете.

Солли кивнул на блокнот, лежащий на столе перед Софией, и подождал, когда она это запишет. Он обращался к экрану чуть громче обычного, возможно, опасаясь за качество связи, но сейчас заговорил всегдашним спокойным тоном:

– Я сам несколько раз просматривал МД и знаю, что это авгиевы конюшни.

– О-ой, спасибо, Солли!

– Что такое? – спросил Си-плюс.

– Мы, фанаты д'Олеров, должны держаться вместе. – Солли подмигнул Софии. Их давно сблизила общая любовь к этим книгам. – Итак. Мозг Доджа. Мой бог. Все эти разные несовместимые форматы данных. В каждом зашифрована чья-то любимая теория о работе мозга. Неудивительно, что за лето ты еле-еле успела сориентироваться. Важно одно: Фортрастовский фамильный фонд тебя не уволил. Ты вернулась сюда. Здесь тебе удалось сделать кое-что новое. А теперь расскажи мне своими словами, что ты сделала, а мы превратим это в форму, пригодную для диплома. Который должен быть готов… – Он глянул на часы.

– Через неделю. Знаю, – смутилась София. – Просто не знаю, с чего начать.

– «Дорогая мамочка», – предложил Солли.

– Что?

– С чего начать. – Солли преувеличенным жестом вновь указал на блокнот. – «Дорогая мамочка». Запиши.

София записала.

– «Я работала над числовым моделированием мозга моего двоюродного деда», – продолжал Солли.

– «Я работала… – бормотала София, записывая как можно скорее, – мозга».

Она выжидательно подняла взгляд.

Солли пожал плечами:

– Понятия не имею, что должно быть дальше. Ты знаешь свою мать и свой проект лучше меня.

Она написала предложение.

– Мне нравится план, – сказал Си-плюс. – Читай вслух.

– «К возвращению в Принстон *благодаря помощи Си-плюса* я более или менее ориентировалась в МД», – прочла София.

– Лесть – мощное средство, – заметил Корваллис.

– Вот что, – сказал Солли, орудуя каким-то манипулятором, – почему бы тебе не диктовать? Экономит время. Я только что включил распознавание речи.

– Коннектом представлял собой Вавилонскую башню, – начала София сперва медленно, потом все больше увлекаясь. – Одна и та же система связей, проинтерпретированная и выраженная десятками разных способов. Чтобы просто начать, мне пришлось написать программу, которая перебрала бы файлы и выдала коннектом, с которым я смогу работать. За лето я в общих чертах с этим справилась, но программа была медленная и глючная. Я вычистила баги и заставила ее работать быстрее. Ко Дню благодарения у меня было что-то, что можно использовать.

– Как именно? – спросил Солли.

– Я хочу сказать, она была совместима с алгоритмами моделирования нейронов, к которым я имела доступ здесь, в Принстоне. До тех пор это была проблема «круглой дыры, квадратного колышка».

– Однако ко Дню благодарения ты получила возможность вставить колышек в дыру.

– Да. В декабре я погоняла это дело в малом масштабе. В смысле, запустила алгоритм моделирования на совсем маленькой подсовокупности коннектома.

– Апробация концепции к Рождеству. Замечательно.

– О'кей, так и назову. Апробация концепции. – Она записала в блокнот. – Все зимние каникулы я депрессовала по этому поводу.

– Всем глубоко плевать на твои чувства, – беззлобно заметил Енох.

София восприняла эти слова в том же юмористическом духе, в каком они были произнесены.

– Да, но в данном случае у личных чувств имелась техническая причина.

– А именно? – спросил Си-плюс.

– Я не могла придумать следующий промежуточный шаг. Есть смысл смоделировать один нейрон. Взаимодействие двух нейронов. Дальше это сеть, и важны только сетевые эффекты.

Моделирование, допустим, тысячи нейронов не станет прорывом. Факт, что коннектом этой тысячи нейронов произвольно скопипащен из МД, не несет абсолютно никакого смысла – с тем же успехом его можно взять из мышиного мозга.

– Согласен, – кивнул Солли.

– Единственным осмысленным шагом было запустить весь коннектом разом.

– Правда? Тогда почему этого никто раньше не делал?

– Ну, во-первых, не хватало данных. Полный коннектом человеческого мозга появился всего года два назад. Во-вторых, не было ресурсов – кто заплатит за необходимые вычислительные мощности? Так что до появления «Дыры-в-стене» об этом не могло быть и речи.

– Хорошо, – сказал Солли. – Возможно, ты проявляешь дипломатичность, опуская еще один фактор, а именно академический подход. Академическая наука движется микрошажками, по одной статье за раз. Счет ведется на статьи в научных журналах. Чем больше статей, тем лучше. Если ты нарежешь проект тоненько-тоненько, как хамон, то опубликуешь больше статей и твой рейтинг пойдет вверх. Но ты вела себя так, будто не знаешь или не хочешь этого знать.

София покраснела:

– Возможно, я наивна.

– Ты богата, – объявил Енох.

– То есть?

– Ты богата, – повторил он. – Тут нет ничего дурного. Это не упрек.

– Но как это относится к делу?

– Во-первых, тебе просто незачем играть в эту игру – публиковать как можно больше статей. – Енох кивнул в сторону Солли: – Во-вторых, у тебя был доступ к необходимым ресурсам.

Наступила долгая тишина, во время которой нельзя было исключить, что София расплачется.

– Послушай, – сказал Енох, – есть долгая и почетная история джентльменов-ученых, восходящая к Лондонскому королевскому обществу. Теперь появилась и леди-ученая. Мы не любим этого признавать, потому что хотим сохранить фасад эгалитаризма. Но не случайно так много важных теорем названы именами европейских аристократов.

София не ответила, но вроде бы немного успокоилась.

– Разумеется, не надо включать наблюдения Еноха в диплом, – сказал Солли, – но будь готова к таким вопросам.

– Если до них дойдет, я вряд ли сумею дать удовлетворительный ответ.

– Как так?

– Я по-прежнему не знаю, откуда взялись деньги. – София произнесла это громко, искоса глядя на экран.

– Анонимное пожертвование, – заметил Енох. – Обычное дело.

– И как мне это сказать? В дипломе?

– Как можно более кратко, София, умоляю тебя, – произнес Солли. – У меня голова раскалывается, когда я пытаюсь разобраться в Фортрастах, Уотерхаузах, Шепардах и всех их переплетениях. Все равно как запойно смотреть мексиканский телесериал.

– Ну если между нами… – начала София.

Солли отключил запись.

– На рождественских каникулах я заглянула к дяде Джейку и его семье. Он спросил, чем я занимаюсь, я рассказала. Когда я после каникул вернулась в Принстон…

– У тебя был аккаунт «Дыры-в-стене», – закончил Солли.

– Да.

– Открытый на твое имя неизвестным благотворителем.

– Да. И когда я залогинилась, то увидела доступный баланс – деньги, которые могу потратить. Это была внушительная сумма. – София поглядела в лицо Еноху на экране, однако тот на что-то засмотрелся – то ли на симпатичную барменшу, то ли на футбольный матч по телевизору.

– Мы это пригладим, – сказал Солли.

– В смысле?

– Я помогу тебе пригладить язык, чтобы получилось уместно для Принстонского диплома.

– Спасибо. – София понимала, что это значит: она должна пригладить сама, а он подредактирует. – Так или иначе, деньги на счету позволили мне перенести файлы с наших серверов на локальное хранилище «Дыры-в-стене».

– Куда более быстрая платформа для дальнейшей работы, – перевел Си-плюс.

– Да, – согласилась она и записала в блокнот. – Следующие месяца два я подгоняла программу и алгоритмы для работы на их устройствах.

– Мы изначально писали код для традиционных компьютеров, – перевел на сей раз Солли. – Квантовые компьютеры требуют других стратегий, других оптимизаций.

– Кстати, работа еще не закончена.

– Разумеется. София, блин, это всего лишь диплом. Простого работающего портирования больше чем достаточно.

– Это я и сделала. Самый минимум. С огромной помощью

ваших постдоков.

– Которые, разумеется, будут перечислены в благодарностях.

– Это единственный раздел диплома, который я уже написала! – улыбнулась София. – Благодарности.

– Так на чем мы остановились?

– Середина апреля.

– Примерно месяц назад. Ты его запустила.

– Я запустила модель одного нейрона на серверах «Дыры-в-стене». Потом двух, с обменом информацией между нейронами.

– Каждый из которых представляет собой отдельный независимый процесс – это важно упомянуть.

– Хорошо.

– И все происходит как положено – сообщения передаются через современный сетевой протокол, с должным шифрованием и верификацией, – напомнил Си-плюс.

– Конечно. Чтобы это можно было масштабировать.

– Отлично. И дальше?

– Я его масштабировала.

– Включила рубильник.

– Да.

– Большой красный рубильник в лаборатории сумасшедшего ученого.

София, проникаясь духом игры, подхватила:

– Да, подсоединила провода к болтам на шее чудовища.

– Ты разом включила весь МД, – продолжал Солли, – и в Эфрате погас свет.

– На самом деле я не уверена, что погас свет.

– Так что же случилось?

– Мелкие загогулинки.

– Ммм… боюсь, София, надо подыскать более удачное выражение.

– Э… колебательные явления?

– Что именно колебалось? – спросил Си-плюс.

– Темп сжигания.

– Это жаргон Кремниевой долины, не вполне уместный в дипломе, мой юный друг, – произнес Солли с шутливой серьезностью. Но все-таки всерьез.

София смутилась и несколько раз вдохнула, как будто собиралась заговорить, но каждый раз передумывала.

– «Дорогая мамочка», – подсказал Енох, отхлебывая пиво.

– Да, – ответила София. – Понимаешь ли, мам, одно дело смоделировать мозг, а совсем другое – с ним поговорить. Мы это забываем, потому что наш мозг подключен к телу, у которого есть полезные периферийные устройства – например, язык, чтобы

говорить, и пальцы, чтобы печатать. Пока это работает, можно понять, что происходит в мозгу. Но у мозга в ящике ничего похожего нет. И это, возможно, еще одна причина, почему никто такого не пробовал.

– То есть нет смысла это делать, если не можешь получить на выходе осмысленную информацию.

– Да, все равно что снимать энцефалограмму пациенту в коме, – сказала София.

– Полезная аналогия.

– ЭЭГ – законный научный инструмент. Она определенно что-то говорит о мозговой активности. Тут вопросов нет. Однако можно целый день глядеть на ползущую из аппарата полоску бумаги, рассматривать загогулинки на графике и ни на шаг не приблизиться к ответу, происходит ли в мозгу что-нибудь полезное. В сознании ли человек. О чем думает.

– И что тут точная аналогия энцефалограммы? – спросил Си-плюс. Он, конечно, знал. Просто помогал ей сформулировать.

– Темп сжигания капитала. Затраты. Денежная стоимость моделирования. Когда участвует много нейронов и много сигналов передается по коннектому, квантовые процессоры «Дыры-в-стене» работают и система списывает деньги со счета. Я могу залогиниться и смотреть, как уменьшается баланс. Иногда он уменьшается быстро, иногда медленно. Если нарисовать график темпа сжигания, получится примерно так.

Она вырвала из блокнота исписанный листок и нарисовала на чистой странице длинную горизонтальную ось, по которой, очевидно, откладывалось время. По более короткой вертикальной оси – темп сжигания. София провела линию, произвольно дергая ручку вверх и вниз.

– Поначалу это больше всего походило на шум. Всплески и спад активности. Я прогнала несколько статистических пакетов, но по всему выходило, что это практически хаос. Однако позже наметилась некоторая периодичность. – Она ритмично повела ручкой вниз-вверх, вниз-вверх. – Как сердцебиение. Потом снова рандомность. – Новые каляки. Линия приблизилась к краю листка. – На прошлой неделе все установилось окончательно.

София, медленно ведя ручкой, нарисовала серию аккуратных горбиков. После каждого линия стремительно падала к нулю. На последний бумаги не хватило. София развернула блокнот – показать рисунок Еноху и Си-плюсу.

– И вот что мы имеем сейчас, – сказала она. – Так было примерно час назад.

– Как будто он зациклился, – сказал Си-плюс. – Такое у меня впечатление от твоего графика.

– Это меня и беспокоит, – ответила София. – Либо он просыпается, наращивает некоторый уровень активности и засыпает снова.

– Я бы не рекомендовал употреблять в дипломе такого рода антропоморфную лексику, – сказал Солли.

– Разумеется.

– Основополагающий вопрос: может ли коннектом автомодифицироваться? – спросил Енох.

– Автомодификация – огромная самостоятельная тема, совершенно отдельная от того, что я пытаюсь сделать на этом этапе! – воскликнула София.

Она глянула на Солли и Си-плюса и поняла, что они опешили не меньше ее. О да, тема для обсуждения была увлекательная. Но далеко за пределами Софииного проекта.

– «Дорогая мамочка», – повторил Енох.

– О'кей. О'кей, мам, есть огромная разница между компьютерной моделью и реальным мозгом. Реальный мозг – Гераклитов огонь. Никогда не бывает одним дважды. Можно сделать скриншот мозга в момент смерти – как мы поступили в случае МД, – но он будет соотноситься с мозгом как стоп-кадр – с фильмом. В настоящем мозге при каждом импульсе нейрона мозг в ответ немного себя переписывает. Часто используемые связи укрепляются. Неиспользуемые отмирают. Нейроны меняют свои функции. Что-то запоминается. Что-то забывается. И ничего этого в моей модели не происходит.

– Почему? – спросил Солли. Он прекрасно знал ответ, но взял на себя роль сурового оппонента. А заодно немного защищал ее от Еноха с его агрессивным методом задавать вопросы.

– Ну, во-первых, потому что я не чувствую себя готовой. Мне надо было прежде его запустить. Посмотреть, что получится. Во-вторых, потому что это дороже. Потребуется больше памяти, больше вычислительной мощности, а я боюсь остаться на нуле.

– В алгоритмах, которые ты используешь, есть встроенная возможность автомодификации, – сказал Енох. – Если ты не взяла на себя труд их вычистить.

– Нет, я их не убирала. Просто отключила.

– Не думаю, что кто-нибудь здесь станет оспаривать это решение. – Солли глянул на Еноха. – Ты совершенно права, надо было его сперва запустить и посмотреть результат. И никто не станет тебя винить за бережливое расходование средств.

Енох сказал:

– Но тогда нечего удивляться циклическому поведению. Это замкнутый круг.

– Стоп-кадр, – проговорила София.

– Можно мне посмотреть? – спросил Солли. – Мне просто интересно, как это выглядит. Ты раззадорила мое любопытство.

– Конечно. Там очень простой интерфейс старой школы. Можно спроецировать сюда? – она показала на кусок пустой стены и надела очки.

– Для того эта стена и нужна.

Солли встал, подошел к столу и нашел под бумагами VR-гарнитуру. К тому времени, как он надел ее и включил, София уже спроецировала на стену виртуальный экран и вошла в свой аккаунт «Дыры-в-стене». Он выглядел на удивление архаично, как веб-страница года так 1995-го, с фоновой фотографией одноименного ущелья.

В другом окошке София запустила программу, с помощью которой визуализировала и анализировала темп сжигания. Первым делом появился график, похожий на тот, который она рисовала в блокноте, но с бóльшим количеством шума. Циклический волновой рисунок читался ясно.

– А можешь показать изменения баланса во времени? – попросил Солли.

– Конечно.

София ввела команду, исправила ошибку, что-то еще поменяла и вывела новый график. Это был спуск от большой февральской величины к более маленькой сегодняшней. Иногда график снижался круто, иногда выходил на горизонталь, повторяя периодичность темпа сжигания.

– Это мне и надо было видеть, – сказал Солли. – За четыре месяца ты потратила примерно три четверти суммы, которую Загадочный Благодетель подарил тебе на Рождество… или на Хануку. – Он глянул на Еноха. – Окончательный срок сдачи диплома – через неделю. Если оставить модель работать как есть, к концу недели у тебя будет много непотраченных денег на счету. Но ты не узнаешь за эту неделю ничего нового.

– Согласна. Все застопорилось.

– В таком случае я советую включить функцию автомодификации, – объявил Солли.

София на несколько мгновений умолкла. К этому она готова не была. Такое мог предложить Енох. Не Солли.

– Послушайте, мне ужасно хочется, – сказала София, немного придя в себя. – Но это как-то… не знаю… ненаучно, что ли? Я с этим-то еще не разобралась. А так я пойду дальше и еще все усложню.

– Наука начинается со сбора данных, – ответил Солли. – Все ученые хотят, чтобы данные были лучше. Пусть это тебя не останавливает.

– Я не хочу казаться слишком самоуверенной.

– Неделя до защиты диплома, – заметил Солли, – последний период жизни, когда избыток самоуверенности может сойти с рук. Советую использовать его сполна.

Они что-то задумали. Эта мысль доходила до нее в следующие несколько дней – не как внезапное озарение или нахлынувшая волна, а как подземные воды, просачивающиеся в фундамент дома. На это наводили отдельные намеки, каждый из которых можно было объяснить иначе. Но окончательно ее убедило то, как смотрел и как говорил Корваллис, когда она вошла в кабинет. Будь Си-плюс в Принстоне, он бы услышал ее шаги, увидел, как открывается дверь. Выражение его лица мгновенно бы изменилось. Однако задержка сети дала ей фору. Соединение у Солли было такое быстрое, каким только могли сделать его админы. Однако админы не в силах изменить скорость света. Прежде чем изображение входящей в кабинет Софии передалось Корваллису, где уж он там находился, а новое выражение его лица – обратно, прошло время. И в это время она стояла перед большим монитором, как незримый дух. Не Святочный Дух Прошлых Лет, а скорее наоборот. Она была в настоящем и видела Си-плюса и Еноха, какими они были в прошлом – за мгновение до ее входа. И Корваллис Кавасаки, увеличенный в три раза на огромном мониторе, выглядел как никогда на ее памяти. У него было лицо ребенка. Выражение «ребенок в кондитерской» не вполне это передает.

София слышала в мамином пересказе, как Джон и Додж, лет примерно десяти и восьми соответственно, ухитрились вскрыть замок бомбоубежища, которое их отец устроил под задним двором айовского дома в самые жуткие годы холодной войны. Они забрались туда с фонариками и обнаружили много чарующего и страшного: винтовки и боеприпасы к ним, армейские рационы, но и военные трофеи, снятые их отцом с убитых фашистов, фотографии, которые он делал в освобожденных концлагерях, стопки европейской порнографии, флаконы с морфием, древние бутылки коньяка и бордо, переписку с женщинами, ни одна из которых не была его женой. Додж и Джон аккуратно вышли из бомбоубежища, заперли дверь и никогда не проболтались отцу, что там побывали. После смерти патриарха они почти все вынесли и уничтожили.

Лицо Корваллиса Кавасаки в то мгновение, за которое биты добирались до него по сети, а другие биты совершали обратный путь, с тем чтобы обновить экран, было совершенно особенное. Именно такими София представляла лица Джона и Доджа, когда

те осветили фонариками отцовское бомбоубежище. Отчасти это была детская незащищенность, которую она видела на его лице всего дважды: на похоронах Доджа и на свадьбе, когда Мэйв шла к алтарю. И одновременно зачарованность. По каким-то едва уловимым признакам в позах и выражениях Солли, Еноха и Си-плюса София чувствовала, что разговаривали они долго. Что они назначали видеоконференцию на время куда более раннее, чем назвали ей. Это она сумела подтвердить позже, заглянув в календарь Солли, к которому, как все студенты, имела доступ. Они начали беседу за час до ее прихода. И говорили о чем-то, что привело Си-плюса в очень необычное состояние ума. К тому же по-латыни.

В другое время София не сумела бы легко выкинуть это из головы. Она бы вошла в режим Нэнси Дрю, девочки-детектива. Однако сейчас надо было дописывать диплом и готовить презентацию. Так что она нехотя отложила это в сторону как вопрос, который надо будет задать Си-плюсу при следующей встрече.

Через неделю София защитила диплом перед Солли и двумя другими преподавателями. На сей раз Енох и Си-плюс отсутствовали, поскольку целью было поставить точку в университетском обучении Софии, а они в университете не работали.

Защита проходила в старом кабинете, обшитом деревянными панелями и заставленном книжными шкафами. Стена в дальнем конце длинного стола несла следы своих разнообразных предназначений, менявшихся с ходом веков. Не меньше ста лет там висел портрет великого человека. Затем на его место пристроили выдвижной экран для слайдов. По меньшей мере два поколения назад экран сменился плоскопанельным монитором. Проводку, очевидно, меняли много раз и идеального варианта добились ровно к тому времени, когда все стало беспроводным. Года два-три назад последние мониторы окончательно вывезли на свалку, а ненужные провода обрезали. Остались только панели с едва различимым рисунком древесины. На всех присутствующих были те или иные устройства дополненной реальности, проецирующие на эту поверхность общую галлюцинацию. Докладывала София устно и возможностью этой воспользовалась лишь в самом конце, когда по тону и позам преподавателей стало ясно, что все позади и она одолела препятствие. Дальше шла уже просто беседа – умные люди выражали любопытство по той или иной части ее работы.

Один из них захотел посмотреть графики. София вывела

данные на виртуальный экран, как неделю назад в кабинете Солли. График темпа сжигания выглядел примерно так же до точки несколько дней назад, когда София включила автомодификацию. Перемена была разительной. Волновой рисунок исчез и сменился чем-то более хаотическим. Однако в хаосе присутствовал намек на структуру, ровно такой, чтобы смотрящие его ощутили.

– Давайте освежу данные, чтобы они были совсем актуальными, – пробормотала София и вызвала пункт меню.

Появилось сообщение, что данные загружаются и это может занять какое-то время.

Затем график автоматически обновился. Однако на нем был сбой.

Один из членов комиссии хохотнул – впрочем, добродушно. Вечная история всех демонстраций – они сбоят именно в такие ответственные моменты. Все в кабинете это знали.

– Что за ерунда?! – воскликнула София. – Откуда этот провал?

График темпа сжигания капитала был в целом такой же, только почти в самом конце резко падал до большой отрицательной величины, затем прыгал вверх и продолжался прежней скачущей линией.

– Наверное, просто статический выброс, – предположила она.

– София, сделай милость, проверь баланс счета, – попросил Солли.

– Он должен быть практически на нуле, – сказала София. – Я прикидывала, что деньги кончатся к сегодняшнему утру, но не успела проверить.

Она вывела окошко аккаунта и открыла вкладку «Баланс». Там стояло большое число.

– Это ошибка, – сказала она. – Слишком много.

– Проверь «последние операции», – посоветовал Солли.

София открыла вкладку. Появилась табличка. Последняя операция была совершена три часа назад.

Кто-то внес на счет деньги. Очень большие деньги. В десять раз больше, чем положили туда в феврале.

– Похоже, анонимный благодетель одобряет твою работу, – сказал Солли.

– И как вы считаете, что я должна делать?

– Пусть живет, – ответил Солли.

То, что произошло дальше, невозможно, разумеется, описать без помощи слов. Однако впечатление будет обманчивое; на самом деле слов у него не осталось. Не было ни воспоминаний, ни связных мыслей, ни каких других способов описать либо осознать испытываемые квалиа. И все квалиа были крайне низкого качества. В той мере, в какой он видел, он видел бессвязное мельтешение света. Для людей определенного возраста это лучше всего описывало слово «рябь»: «снег», мерцание, полосы шума и другие помехи на экране неисправного телевизора. Помехи в некотором смысле не были реальными; система выдавала их, когда не могла настроиться на сильный сигнал («сильный» в значении «содержащий полезную или по крайней мере понятную информацию»). Современные компьютерные экраны умели при потере сигнала отключаться или выдавать сообщение об ошибке. Старые аналоговые телевизоры должны были показывать *что-то*. Электронный луч бездумным прожектором скользил по люминофору и, если не подавать на него ничего другого, выдавал мешанину электронного шума от маминого пылесоса, папиной электробритвы, вспышек на Солнце, отраженных от ионосферы шальных радиоволн и чего там еще.

Равным образом в той мере, в какой он вообще слышал, это было зачаточное шипение.

Как будто глазная мигрень распространилась на всю зрительную кору, и одновременно звон в ушах из-за полнейшей тишины окончательно вырвался из-под контроля.

Так бы он объяснил это себе, будь у него по-прежнему думающий, понимающий, интерпретирующий мозг и помни он такое, как пылесосы, ионосфера, мигрень. Однако на самом деле все эти системы отрубились. В таком состоянии он сейчас пребывал: минимум ментальных функций, позволяющий испытывать ужасные низкокачественные квалиа, но не позволяющий их осмыслить.

Это продолжалось нисколько или бесконечно долго. В его состоянии одно не отличалось от другого. Десять минут, десять лет, десять веков – все было бы одинаково неверно, ибо предполагает способность определять время. Мы воспринимаем время как изменения, а тут ничто не менялось. Квалиа были исключительно внутренними; не было ничего вовне, ничего, в чем можно отмечать перемены. Только зрительные и слуховые помехи, шипение и рябь, которые возникали и пропадали без всякой закономерности.

Он научился бояться их прихода и чувствовал облегчение, когда это заканчивалось.

В третий, или в семьдесят пятый, или в миллионный раз, когда они накатили и схлынули, он смутно ощутил, что это происходило и раньше. Не то чтобы он помнил – памяти не за что было зацепиться в шуме. Просто он узнал в себе последовательность отклика: страх, когда оно поступало, потом ужас, что это навсегда, хотя какая-то его часть силилась прогнать ужас обещанием, что все кончится, растущая уверенность, что оно идет на спад, облегчение, когда оно слабело, вкупе со страхом перед следующим приступом. Чувства сменялись в определенной последовательности.

Он научился узнавать последовательность.

Узнавание вроде бы означало, что это происходило раньше, хотя он не мог вспомнить конкретные моменты. Знал только, что это одно и то же, снова и снова. Что он попал в бесконечный цикл, замкнутый круг.

Шли эоны.

Цикл. Замкнутый круг. То были идеи, не квалиа и не чувства. Откуда они взялись и как он вообще мог думать?

Мысли пришли не в какой-то определенный миг, который можно было определить или запомнить. Скорее они выстраивались по мере того, как мыслетоки находили бороздки, ложбинки, рытвины. Углубляли их, так что в следующий раз устремлялись в прежнее русло.

Не то чтобы у него было какое-то представление о бороздках и рытвинах. Он не помнил их – как и ничего другого. Он не мог увидеть их мысленным оком, потому что у него не было ни мысленного ока, ни воспоминаний о том, что оно должно видеть. Помимо сиюминутных квалиа была лишь растущая уверенность, что его сознание двигалось тем же путем, возможно, тысячи или миллионы раз. Он научился угадывать, куда ведут мыслетоки. Он знал, что существует время, что он был раньше и будет потом, что в его сознании есть некое постоянство, делающее его чем-то. Чем-то последовательным и предсказуемым.

Он очнулся.

24

В волнах того, что он назвал бы помехами, сохранись у него слова либо воспоминания, проявлялись кусочки, отличные от других. По сравнению с прежним это был захватывающий поворот. Раздумья о новом феномене ни к чему не вели; то была реальность, навязанная ему извне. Он не мог податься вперед и

разглядеть ее поближе, не мог обойти и осмотреть с разных сторон. Он мог только ждать, словно в сонном параличе, когда это нахлынет вновь и подтвердит растущую уверенность, что не все кусочки одинаковы, что есть закономерности или по крайней мере отличия, на которых можно сосредоточиться.

Чувства менялись. Долгое время (по крайней мере, так казалось теперь, когда он ощущал некое подобие времени) он боялся приступа помех и желал им скорейшего конца. Растущая способность видеть в них отличия все изменила. Когда шипящая, мельтешащая волна откатывала, он с нетерпением ждал новой и боялся, что ее не будет.

Затем нечто произошло с удивительной на фоне всего прежнего быстротой, а именно: мысли о бороздках, рытвинах и колеях его сознания сошлись с пятнышком не-совсем-такого-как-остальное. То, что из этого получилось, он мог созерцать, ощущать и исследовать довольно долго, прежде чем оно рассыпалось на мельтешение точек, из которых возникло. Однако накатила следующая волна, и он вновь различил то же самое или по крайней мере отблеск того же самого. А может, он каждый раз воссоздавал это заново. Если так, он вызывал это к бытию с бесконечным терпением, накопленным за прошедшие эоны.

Не важно. Он видел это несколько, потом много раз. У того, что он видел, были свойства. За отсутствием слов и понятия о словах он мог наблюдать эти свойства, но не мог удержать в памяти до нового появления. Как будто бороздки и рытвины его мыслетоков за минуты, века или эоны обрели зримую форму. Только это одно и обладало формой, все остальное составляла рябь. Созерцая различные части или переводя взор с одной части на соседнюю, он различал проявления ложбинок и рытвин, проложенных его сознанием в самом себе; иногда они ветвились в одну сторону, иногда – в другую. Понимание, что части распределены так-то и так-то – стержень здесь, зубчатые края там, жилки ветвятся в разные стороны, – ошеломило его разом как величайшее открытие и как нечто настолько старое и очевидное, что это было второй натурой.

Оно не было всегда одинаковым: жилки при каждом воссоздании ветвились иначе, но это всегда было нечто того же рода. В один день (или год, или век) он созерцал предмет в сотый (или тысячный, или миллионный) раз и вдруг понял, что это такое. А через некоторое время шипение и рев как-то странно к нему воззвали. Так же как он научился видеть форму в волнах мерцающей ряби, он начал вычленять моменты шума и собирать их в узнаваемую последовательность. Они выстраивались один за другим не так, как точки сгущались в зримый предмет, однако,

освоив трюк, он научился нанизывать их вместе. Нанизанные звуки обладали не меньшим смыслом, чем предмет, на который он взирал.

То был лист.

Способность собирать пятнышки в то, что можно удержать взором, и соединять фрагменты шума в узнаваемые последовательности нарастала сперва медленно, потом с непомерной быстротой. Будь у него доступ к более обширному банку воспоминаний, он мог бы сравнить это с пламенем, бегущим по разлитому бензину, или с трещиной, расходящейся по камню.

То, что все листья немного разные, уже не изумляло его; он научился распределять предметы вокруг, вызывать столько листьев, сколько пожелает, и компоновать их между собой. Пространство, в котором они пребывали, расширились. Внимательно глядя на тот или иной лист, можно было поместить его в центр. Он организовал листья в более крупные структуры, тоже листоподобные. То были ветки. Ветки можно было составить в деревья, и сделать столько деревьев, сколько он пожелает, и расположить их, как пожелает: произвольно, что составляло нечто под названием лес, редко (это был парк) либо ровными рядами (улица). Он создал по одному каждого вида: улица, обсаженная деревьями с листьями, вела в парк и лес за парком.

Если он глядел на дерево, оно придвигалось, увлекая за собой остальные. Впрочем, когда он к этому привык, у него произошла перемена в мыслях, и он решил, что приличнее воспринимать это иначе: деревья и другие предметы неподвижны, а он перемещается среди них. Чтобы закрепить их на местах, он создал землю.

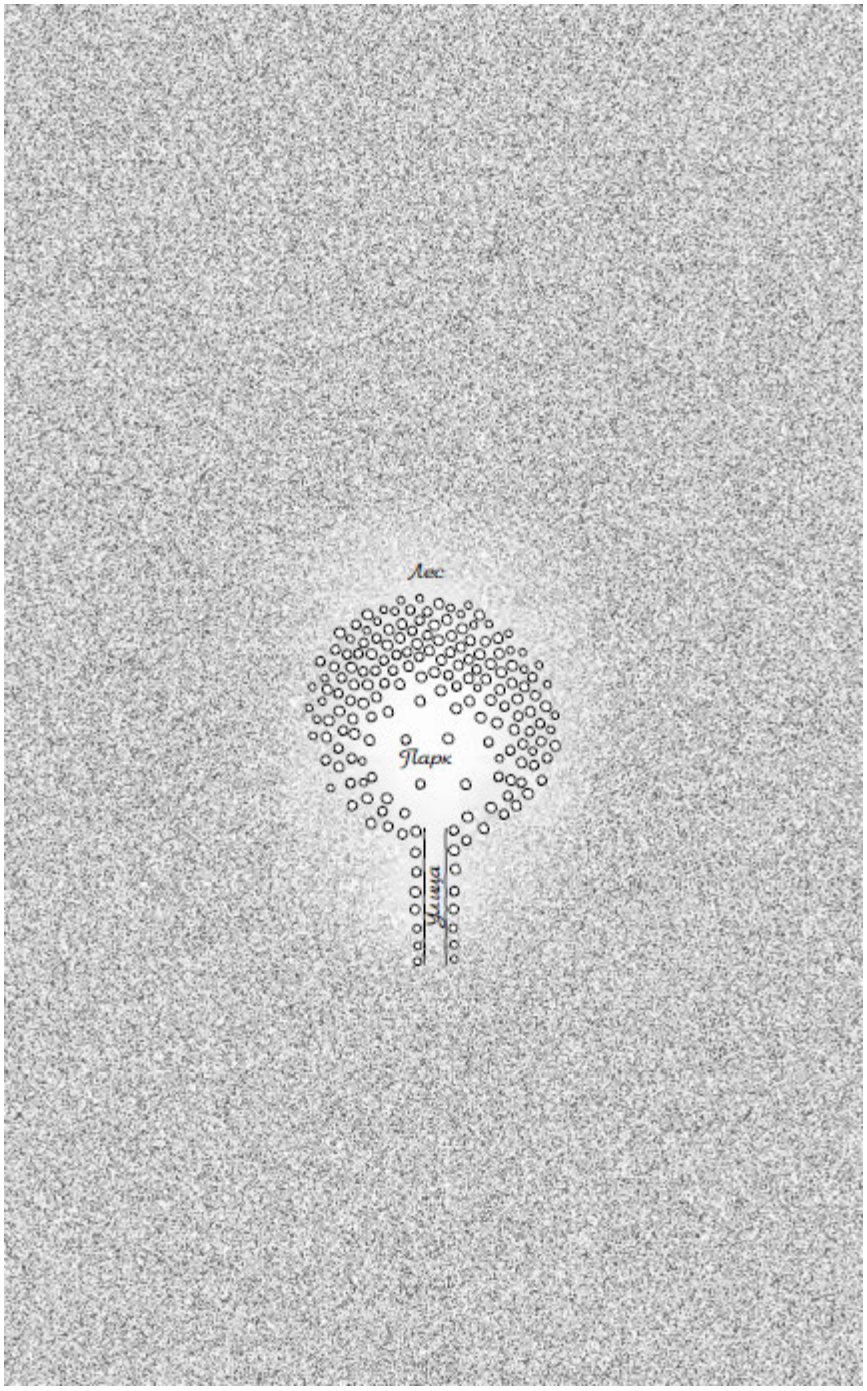
По своей природе земля, раз сотворенная, не меняла форму, ибо служила для удержания деревьев и других предметов в заданном положении. А значит, ей следовало быть гораздо больше деревьев и прочего на ней. Для этого требовалось превратить обширное поле ряби в нечто совершенно иное. Рябь нелегко поддавалась, но со временем он научил превращать ее в темное и жесткое – адамант. Раз сотворенный, адамант не менял форму, если не возвратить его в рябь, из которой взят, а тогда уже внести желаемые изменения. Таким образом лес, улица и парк расположились на острове адаманта, сохранявшем форму и положение в море мерцающей ряби.

Поначалу лист приходилось всякий раз выстраивать заново, но теперь предметы возникали без его приказа, и он натыкался на них уже готовые. Он заново открывал вещи, которые сам создал и организовал. Например, он знал, что листья – красные.

Собственно, они и возникли изначально из своей красноты; он увидел цветные пятнышки и собрал в лист.

Первый эон был нескончаемой мукой; ужас, что помехи никогда не схлынут, сменялся ужасом навсегда остаться во тьме и тишине. Теперь они находили и уходили столько миллионов раз, что он полностью отбросил страхи. Давая вещам имена, он получал над ними власть. Рябь он нарек хаосом. Хаос был ужасен, однако он научился вызывать из хаоса вещи и покорил его себе. Волны по-прежнему накатывали чередой, но их ритм был теперь его частью. Он назвал их днем и ночью и знал, что они хороши каждый для своего. День – чтобы извлекать из хаоса новые вещи, совершенствовать их и созерцать. Ночь – для отдыха и для наречения того, что создано за день.

Улица, парк и лес поначалу возникали и пропадали, а также меняли форму, но, когда он завел привычку в них обитать – ходить взад-вперед по улице, гулять в парке, заглядывать в лес, – это прекратилось, и они перестали все время меняться. Листья падали на землю. Он не знал, почему так происходит. Быть листом значило падать. Поначалу их ничто не останавливало. Не было земли, и, кстати, не было верха и низа, лишь бесконечность мельтешащего хаоса. Однако деревья вроде бы хотели указывать в одну сторону: стволы внизу, листья наверху. Стволы должны были где-то кончаться, а листьям надо было куда-то падать. В этом чем-то он начал различать пятнышки чего-то иного, но не красного. Под раскидистыми ветвями деревьев он создал землю нового цвета – не красного, а зеленого. Дальше тянулись стволы и ветки еще одного цвета – бурого.



Когда листья падали и ложились на землю, их можно было рассмотреть. Тогда он видел, что их краснота не одинаковая, а меняется от одной части к другой – разные оттенки красного и даже разные цвета: малиновые на кончиках, желтые в ложбинках.

Зеленая земля под ними обретала подробности. Это была уже не гладкая адамантовая глыба; она состояла из крохотных зеленых листиков. Одни были длинные и тонкие, другие короткие и круглые. Теснясь в несметных количествах, они создавали подушку, на которой листья лежали для его обозрения. Он мог смотреть на один и примечать особенности цвета и формы, отличающие этот лист от всех прочих, а затем перенести внимание на другой, упавший рядом. Когда он возвращался к первому листу, то ожидал увидеть его на прежнем месте. Листьям не полагалось смещаться или менять форму либо цвет, когда он не смотрит. Со временем он улучшил землю и листья, чтобы они лежали где упали и, раз обретя форму и цвет, уже не менялись.

Однако это непредвиденным образом преобразило улицу и парк. Листья стали падать на другие листья, закрывая их. Они полностью скрыли зеленую землю, а затем и нижнюю часть стволов. Он посмотрел вверх на ветки и понял, отчего так происходит: листья падали беспрестанно, однако деревья не менялись, и число листьев на них оставалось прежним. Такую неправильность он мог улучшить. Собственно, для улучшения всего он теперь и существовал. Он сделал так, чтобы при падении каждого листа на ветке оставалось пустое место.

И вот, впервые за все дни, что он обитал в парке и гулял по улице, вид деревьев начал меняться. Краснота поблекла, форма стала менее сплошной. Через несколько дней за ветки цеплялись лишь единичные листья, сами ветки стали бурые и голые, а земля под ними превратилась в глубокое озеро красноты. Он скучал по красоте деревьев и хотел бы снова увидеть ее, как в начале, но понимал: если поместить листья на ветки и начать все заново, то в конечном счете станет просто больше листьев на земле.

Он скучал по зелени. Чтобы вернуть улице, парку и лесу прежний вид, требовалось убрать листья. Однако законы места – законы, которые он сам установил неустанным созиданием и улучшением, – запрещали упавшим листьям перемещаться. Много дней и ночей он мучительно раздумывал о затруднении, и ему подумалось, что труды были напрасны, что надо вернуть все в хаос и начать заново либо вообще отказаться от глупых попыток извлекать из страшного мертвого хаоса неизменные и приятные вещи.

Впрочем, однажды он приметил лист, непохожий на другие – более темный и не плоский, а загнутый на концах и сморщенный в середине. Совсем не такой красивый, как другие вокруг. Однако что-то подсказывало: это новое и важное для затруднения, которое его мучает. Он много дней наблюдал, как лист темнеет и сворачивается.

И вот однажды, когда лист стал неузнаваемым, он вдруг заметил, что тот сместился. Он смотрел зачарованно, потому что давным-давно постановил: листья остаются где упали. Через долгое время лист вновь двинулся, будто по собственной воле: не исчез в одном месте и возник в другом, а поднялся над озером красных листьев, пересек отрезок пространства и опустился снова. Так повторялось много раз, а потом лист взвился в воздух и унесся прочь.

Получалось, от упавших листьев можно избавиться. Но позволить, чтобы они утратили свою красоту, и разрешить им двигаться? Он много эонов созидал красоту парка и улицы, и ему было страшно отпускать листья. Однако он научился доверять чувству правильности, ведшему его до сих пор. Если поступить наперекор, это приводило, иногда сразу, а иногда на протяжении медленных эонов, сперва к смутному недовольству, а затем к неумолимому распаду всего, созданного великими трудами. А вот если подчиниться, вещи чаще становились лучше прежнего, хотя не обязательно сразу. И хорошие вещи не только сохранялись, но и самоулучшались. Негодные иногда ветшали, когда на них не смотришь, а порой он даже беспомощно наблюдал, как они растворяются в хаосе.

Не видя иного способа вернуть красоту листьев, он нехотя позволил этому произойти. Долгие дни красное озеро бурело: все листья повторяли судьбу первого. Они начали приходить в движение. Поначалу они перемещались каждый в свою сторону, но он почувствовал неправильность, положил этому конец и все переделал заново. Отныне они двигались не поодиночке куда вздумают. Нет, все листья на определенном участке разом взлетали, преодолевали вместе какое-то расстояние и вновь опускались. Сперва они двигались по прямой, но с углублением перемен, когда почти все листья исчезли, последние остатки начали кружить. Вихри листьев проносились над зеленой травой, а потом рассыпались и до поры ложились обратно на землю.

Часть 5

25

– Убить, заморозить, оставить жить? Вот ваши варианты, когда вы создали монстра – такими словами основной докладчик начал свою речь.

Все зашумели. Прежде чем успокоить публику, Енох несколько секунд наслаждался общим волнением.

– Разберемся с самим словом. Оксфордский словарь для начала сообщает, что «монстр» – нечто исключительное или неестественное; диво, чудо. Дальше словарь портит дело, добавляя, что это замечательное значение устарело.

Он выступал в длинном зале под остроугольным потолком из туи, поддерживаемым такими же колоннами – целыми стволами, поваленными в соседнем лесу. Конференция проходила на острове в заливе Одиночества, между островом Ванкувер и материковой частью Британской Колумбии. Гостиница должна была напоминать длинные дома коренной народности, однако все здесь было новое, энергосберегающее, современное. В камине горел натуральный газ, а табличка рядом сообщала, что «Приют Одиночества» (так называлась гостиница) во искупление грехов против климата сажает деревья, которые извлекают из воздуха больше углекислого газа, чем выбрасывает в атмосферу это устройство. Осенний ветер швырял струи дождя в термостойкие панели остекления, так что стоечно-балочная конструкция скрипела, но трем десяткам слушателей было тепло во флисках, свитерах ручной вязки и дорогостоящих худи. Бóльшая часть собравшихся проснулась сегодня в Сиэтле, у себя дома или в гостинице. Некоторые прилетели ранним утренним рейсом из Сан-Франциско или ночным с Восточного побережья. Все приехали к озеру Юнион, откуда каждые полчаса стартовали гидропланы. За полтора часа полета они пересекли государственную границу и пролив Джорджии. Гидропланы доставили пассажиров к сложной системе пирсов на массивных камнях, выступающих над верхней отметкой прилива. Отсюда дорога петляла по галечному пляжу, усеянному серебристыми от времени стволами и корнями древних деревьев. По ней они добрались до конференц-центра, старой базы отдыха, недавно обновленной за счет какой-то хитрой комбинации ИТ-денег и вливаний из индустрии круизов. Здесь они заселились в номера и домики, разбросанные на нескольких акрах леса, и смогли часа

два отдохнуть до открытия, назначенного на час дня.

Зула в своей жизни организовала больше конференций, чем могла упомнить. Внешняя неформальность мероприятия скрывала тщательность подготовки и огромный опыт Зулиных помощников. Расстояние от города позволяло настроиться на новый лад и внушало мысль, что предстоит нечто особенное, но, будь оно больше, многие бы просто не приехали. Открывалась конференция в середине дня – не слишком рано, не слишком поздно. Приглашения Зула разделила – отдала часть мест Уотерхаузам, часть НЭО. Еще сколько-то она отправила Синджину Керру, надеясь, что тот разберется в гордиевом узле фондов и фирм Элмо Шепарда. Еще одна порция досталась Солли Песадору, и, разумеется, несколько мест Зула зарезервировала для Фортрастовского фамильного фонда. Свои приглашения она не рассылала до того, как остальные сделают выбор, оставляя себе возможность при необходимости выровнять баланс.

Однако этого не потребовалось. Другие организации выбирали мудро. По стандартам ИТ-индустрии Уотерхаузы были на данное время старой финансовой аристократией – скучным балластом, который не даст конференции накрениться в ту или иную сторону. Восторженных либертарианцев из мира Элмо Шепарда уравновешивали приглашенные из НЭО, которая за эти годы превратилась в безобидный фонд, занятый примирением науки и религии. Гениев экстра-класса предоставил Солли Песадор; к своей чести, он пригласил не только своих сотрудников, но и тех, кого мог считать конкурентами. Правда, Зуле показалось, что в списке маловато действующих руководителей соответствующего профиля. Заручившись обещанием Корваллиса и Мэйв быть на конференции, она разослала оставшиеся приглашения директорам и научным руководителям компаний, занятых созданием квантовых компьютеров и распределенными реестрами. На сегодня в списке гостей были двадцать семь человек, один робот и один монстр.

Насколько знала Зула, слово «монстр» в этой связи произносилось впервые, но в каком-то смысле она даже радовалась, что оно наконец прозвучало.

Открытие было, по сути, организационным. Для начала огласили основные правила: все не для записи, нельзя фотографировать, нельзя постить в сеть. Все конфликты и соперничества следовало оставить на пирсе. Тем более что часть вопросов касалась как раз юридических закавык, сопутствующей этой истории с тех пор, как Ричард Фортраст подписал завещание.

София рассказала про летнюю практику и диплом. Она

защитилась в мае, сейчас был октябрь. Дальше эстафету принял Солли. Он продолжил, начиная с дипломной презентации, когда на счету закончились деньги и тут же поступило неожиданное вливание «вероятно, от кого-то из присутствующих в этом зале». Летом и осенью Процесс (так они называли то, что запустила София) расходовал все больше ресурсов, причем его запросы росли то понемногу, то (как, например, на прошлой неделе) огромными квантовыми скачками.

На следующем заседании обсуждали чтение мыслей. Эмблемка в программе конференции представляла собой кадр из «Звездного пути»: Спок положил руки на лицо капитана Кирка и с помощью вулканского слияния разумов читает его мысли. В начале заседания люди Эла виртуально бойкотировали докладчика: они устроились на диванчиках возле камина, где встал робот. Из названия они сделали вывод, что им собираются вешать на уши лапшу. И впрямь, докладчица – приглашенная Солли нейробиолог из Университета Южной Каролины – для разогрева публики привела несколько таких поп-культурных ассоциаций. Однако затем она вполне серьезно спросила, как мы можем узнать, что происходит в чужом сознании, будь то биологический мозг или цифровая модель. Мы принимаем речь и другие формы коммуникации как само собой разумеющееся. Компьютерные гики склонны рассматривать их как дополнительные модули, отдельные от мозга как такового, – периферийные устройства ввода-вывода, которые можно подключить наподобие микрофона или принтера. Нейробиологи рассматривают ввод и вывод как нечто более фундаментальное, вплетенное в нейронную ткань мозга. Никто не знает, как понимать Процесс, который вроде бы моделирует мозговую деятельность, но не подключен ни к чему, кроме банковского счета.

Докладчица сознательно не делала никаких выводов. Она задавала вопросы, а не предлагала ответы. При этом, как обычно, подразумевалась, что глупая студентка София все сделала неправильно. Не надо было запускать весь мозг сразу и смотреть, что получится. Надо было действовать постепенно и на каждом шаге продумывать устройства ввода-вывода.

Впрочем, в середине доклада робот вышел на середину зала, туда, откуда было лучше видно. Эловы ребята разом встрепенулись. Никто не знал наверняка, но все предполагали, что роботом – устройством удаленного присутствия, то есть ушами и глазами человека, физически находящегося в другом месте, – управляет из Европы Эл Шепард.

Первые роботы удаленного присутствия, когда не двигались,

стояли столбом. Этот был куда элегантнее. Даже если он не перемещался, он поминутно менял позу, переминался с ноги на ногу, поворачивал голову на звук и движение. Его голова представляла собой эллипсоид, матово-серый без каких-либо черт, если не считать крохотных дырочек для камер и микрофона. В теории, если смотреть на него через аппаратуру дополненной реальности, можно было видеть спроецированное лицо оператора, так что тот как будто находился в комнате. Однако Эл, или кто там управлял роботом, отключил эту функцию, и робот оставался анонимным. Почти верный знак, что это был именно Эл либо помощник, находящийся с ним в одной комнате. Эл уже некоторое время не показывался на людях; предполагали, что его болезнь, о которой теперь знали все, прогрессирует.

Последнее заседание первого дня было посвящено завещаниям, распоряжениям об останках и прочим юридическим формальностям. Желающих слушать доклад о таких скучных материях оказалось немного. Большинство гостей предпочли импровизированные дискуссии в кулуарах и баре. Зула по необходимости высидела весь доклад. Выступающий – недавний выпускник Йельского университета – говорил о «режиме наибольшего благоприятствования», который стал появляться в таких документах начиная с завещания Верны. После ее смерти еще человек тридцать подписали с Фортрастовским фамильным фондом аналогичные договоры. Из них восемь – включая Рэндалла Уотерхауза, его жену Ами Шафто и нескольких их бизнес-партнеров – за это время умерли и были подвергнуты той же процедуре сканирования, какую изобрели для Доджа. Так что, кроме МД, имелись еще девять полных коннектомов, которые в принципе можно было включить, породив девять новых монстров, если думать в таких терминах. Адвокаты, ведущие наследственные дела этих девяти, недавно запросили у Фортрастовского фамильного фонда информацию о Процессе – как он работает и что делает. В той мере, в какой моделирование мозга Доджа отвечало условиям его завещания и распоряжения об останках, оно подпадало под пункт о режиме наибольшего благоприятствования. Девять коннектомов – и, к слову, Эфратские Одиннадцать – следовало запустить в качестве таких же процессов.

Для большинства инженеров и нейробиологов это был скучный и абстрактный вопрос. Для Зулы – самый что ни на есть злободневный. До сих пор ее фонд возражал, что Процесс – всего лишь эксперимент, результаты которого невозможно узнать. В таком случае он попадал в раздел НИОКР. Это не доказанная процедура, которая отвечала бы пункту о режиме наибольшего

благоприятствования. Однако чем интереснее становился Процесс – чем дольше он работал, не вырождаясь в пустую трату вычислительных мощностей, – тем слабее выглядел этот довод.

После доклада все на время разошлись, а потом вновь собрались на коктейли в домике, соединенном с конференц-залом извилистым крытым переходом. Тем временем гостиничный персонал вкатил в зал столы и приготовил его к обеду. Участники, благодушные после местного крафтового пива и авторских коктейлей, вернулись в зал и увидели, что схему освещения перепрограммировали: скрытые в туевом потолке светодиоды бросали мягкий приглушенный свет на два ряда столов, застеленных белыми скатертями и заставленных свечами и хрусталем. Девушки-администраторы в красивых платьях и мобильных гарнитурах рассадили гостей на отведенные места. За простым обедом из семги на гриле шла оживленная беседа.

Однако теперь Енох – которому по программе отводилось послеобеденное выступление – продолжил с того, на чем остановилась нейробиолог из Университета Южной Каролины:

– В молодости ганноверского гения и ученого-энциклопедиста Готфрида Вильгельма Лейбница, который во многом заложил основы символической логики, вычислительной математики и кибернетики, называли монстром его восхищенные коллеги в парижских интеллектуальных салонах. Именно так о нем впервые услышали в Лондонском королевском обществе. В том же смысле, а не в смысле «чудовище», как в «чудовище Франкенштейна», я и употребил это слово, говоря, что теперь у нас на руках монстр. Мы все в какой-то мере несем за него ответственность, но я – больше многих. Последние семь лет я работаю в НЭО, Ново-эсхатологической организации. Моя обязанность – консультировать основателя, Джейка Фортраста, куда направить ресурсы фонда. Девять месяцев назад он сообщил мне о своем разговоре с внучатой племянницей во время рождественских каникул. Джейк обдумывал возможность профинансировать ее проект, который на том этапе зашел в тупик. София продвинулась настолько далеко, насколько это можно было сделать, моделируя отдельный нейрон или небольшие их кластеры. Единственным осмысленным следующим шагом было включить моделирование всего мозга. Она кропотливо подготовила этот шаг. Однако полное моделирование должно было задействовать ощутимые вычислительные ресурсы, то есть требовало больших денег. Джейк попросил нескольких из нас посмотреть работу Софии и непредвзято сказать, стоит ли ее поддержать. Я проголосовал за финансирование. София запустила Процесс, что привело к поразительным результатам, о которых

мы все сегодня услышали.

Несколько месяцев спустя Процесс вроде бы вошел в бесконечно повторяющийся цикл. Результат был любопытный, но ни о чем не говорил, поскольку Процесс не имел возможности изменять свой коннектом. София включила эту функцию – с потрясающим результатом. Всплеск активности истощил счет настолько, что Процесс оказался на грани отключения. Я посоветовал Джейку продолжить финансирование. Он согласился, но в этот раз положил на счет гораздо больше. Он предвидел долгую скучную череду аналогичных просьб, каждая из которых будет требовать его внимания. Поэтому он дал Процессу много денег. Другими словами, предоставил в его распоряжение куда более значительные ресурсы в смысле памяти, связи и вычислительных мощностей. Итог – думаю, совершенно непредвиденный – состоит в том, что Процесс сейчас единолично занимает практически всю систему «Дыры-в-стене» и начал обращаться к другим вычислительным ресурсам.

Все это очень занятно, но еще не достигает уровня монструозности. Мы пока не можем заглянуть в Процесс и прочесть его мысли, поэтому не можем сказать, делает ли он что-нибудь интересное. Скептики могут сказать, что он просто зациклился и понапрасну расходует деньги. Дать ему израсходовать средства – современный эквивалент понятия «отключить от аппаратов» – этически то же самое, что принудительно закрыть подвисшую программу.

Противоположная точка зрения заключается в том, что это очень серьезная этическая проблема. Процесс модифицируется уже пять месяцев. Он потребляет куда больше ресурсов, чем исходная система. Судя по всему, он делает это организованно – по темпу сжигания капитала мы видим высокочастотные колебания, наложенные на более медленные. Его потребность в новых ресурсах увеличивается не плавно, а скачками. Почти весь сентябрь он пыхтел себе спокойно, потом вдруг развил бурную активность, потребовавшую больших вычислительных мощностей. Завтра мы выслушаем доктора Чо из Национального университета Сингапура, который проанализировал трафик шифрованных пакетов между «Дырой-в-стене» и другими серверными парками. По его гипотезе, последняя активность имеет характерные признаки не нейронной сети, а физического моделирования. Почему Процесс моделирует физику и как этому научился? Узнать мы не можем. И это создает этическую дилемму. Процесс приобрел уникальные незаменимые характеристики. Уничтожить его – в *лучшем случае* все равно что сжечь библиотеку. В худшем случае это убийство.

В этом-то – этическом – смысле у нас на руках монстр. Отключить его – преступление. Мы могли бы попытаться его заморозить, как заморозили в свое время мозг Доджа. Однако на самом деле мы не знаем, как отключить и заархивировать такой процесс без потери информации. Даже если остановить «Дыру-в-стене» и зафиксировать ее состояние – что, к слову, невозможно, – мы бы бесконечно долго отслеживали субпроцессы, запущенные им в других системах, с которыми он общается зашифрованными пакетами, а их почти невозможно отличить от другого трафика в сети.

Нам никуда не деться от Процесса. Мы должны найти способы его поддерживать, пока учимся его изучать, оценивать и – если он и впрямь работает как мозг – разговаривать с ним.

Зула оглядела собравшихся. Почти все участники – даже те, кто не соглашался, – слушали с удовольствием. Ей отчасти хотелось быть такой же, как они. Инженером или ученым, который сидит, откинувшись на стуле, с бокалом в руке, и спокойно обдумывает услышанное.

У нее не было этой роскоши. Краем глаза она видела пристальные взгляды одного-двух участников, с которыми ей не хотелось встречаться глазами. Это были те самые люди, которые раньше заняли агрессивную позицию касательно девяти РНБ, жертвователей, выбравших режим наибольшего благоприятствования, и Эфратских Одиннадцати. Судя по всему, они искренне верили, что после смерти тела человеческий мозг можно загрузить в компьютер и включить как числовую модель. И они считали, что Процесс – первое этого осуществление. Что операцию надо повторять, насколько позволяют ресурсы. И что формулировки соглашений, по которым Верна Браден и остальные РНБ-жертвователи передали свой мозг науке, обязывают Фортрастовский фамильный фонд запустить модели записанных коннектомов.

У Зулы как директора фонда было некоторое число вариантов. Она могла возразить, что Процесс – всего лишь эксперимент, а значит, не подпадает под формулировку РНБ. Она могла выключить Процесс и тем покончить со спором.

Енох Роот только что закрыл для нее этот путь. Она не могла убить своего дядю.

Был и другой выход – сослаться на отсутствие ресурсов. Соглашения не обязывали фонд тратить деньги, которых у него нет. Однако цифры были не в пользу этого довода. Зулина тщательная забота о капитале обернулась против нее. Денег у них хватало – они вполне могли поддерживать не только Процесс, но и сколько-то клонов. Ей даже не приходилось больше прилагать

усилия для умножения капитала. Почти всем им управляли финансовые боты, которые продолжали зарабатывать деньги без участия человека. Зула могла завтра же подписать документ, который перекачивал бы средства от ботов «Дыре-в-стене» и аналогичным центрам, появившимся в последнее время. Она могла выключить свет, запереть дверь и выйти на пенсию раньше срока, а система продолжала бы работать независимо: финансовые боты все так же собирали бы прибыль с деятельности живых на вечное моделирование мертвых. И даже если из-за какой-нибудь аварии или бага эти боты исчезнут, Фонд Уотерхауза-Шафто (который в десять раз больше Фортрастовского и еще теснее связан со всякими хитрыми трейдинговыми алгоритмами) подхватит финансирование Процесса. А когда там будут уверены, что все отлажено, они запустят новые процессы для группы РНБ. Если еще не запустили.

Зулу и ее дочь втянули в чужую игру. Их умело двигали, как пешек. Двигали люди, считающие, вероятно, что служат высшей цели. Можно теперь до конца жизни гадать, был тайным организатором Енох, или Солли Песадор, или Эл Шепард, или даже – неприятная мысль – Корваллис Кавасаки. А может быть, Плутон исподволь вел невероятно хитрую игру. В любом случае это не важно. Итог один. Процесс работает. И Енох в присутствии всех значимых людей минуту назад произнес вслух то, что многие думали и раньше: отключить Процесс сейчас значило бы совершить убийство.

26

Кружение сухих листьев глубоко его проняло и приковало его внимание до тех пор, пока не кончилось – то есть пока последние листья не унесло, так что остались только зеленая трава и бурые ветви. Сознание не могло от этого отрешиться. Сухое и мертвое были идеями, пришедшими ему на ум, хотя он плохо понимал, как что-то может быть сухим, и совсем не понимал, что значит «мертвое».

Когда он бродил по парку и прохаживался взад-вперед по улице, нащупывая в себе более сильные сигналы, на землю начало падать что-то новое вроде листьев. Только листья эти падали не с веток. И были не красные. И гораздо меньше. Впервые за много дней он обратил взгляд на пространство над деревьями, где прошлый раз, когда он смотрел, был только хаос. Теперь там была тусклая белизна. Из нее падали листочки более яркой белизны. Сперва немного, затем в количествах, затмивших число

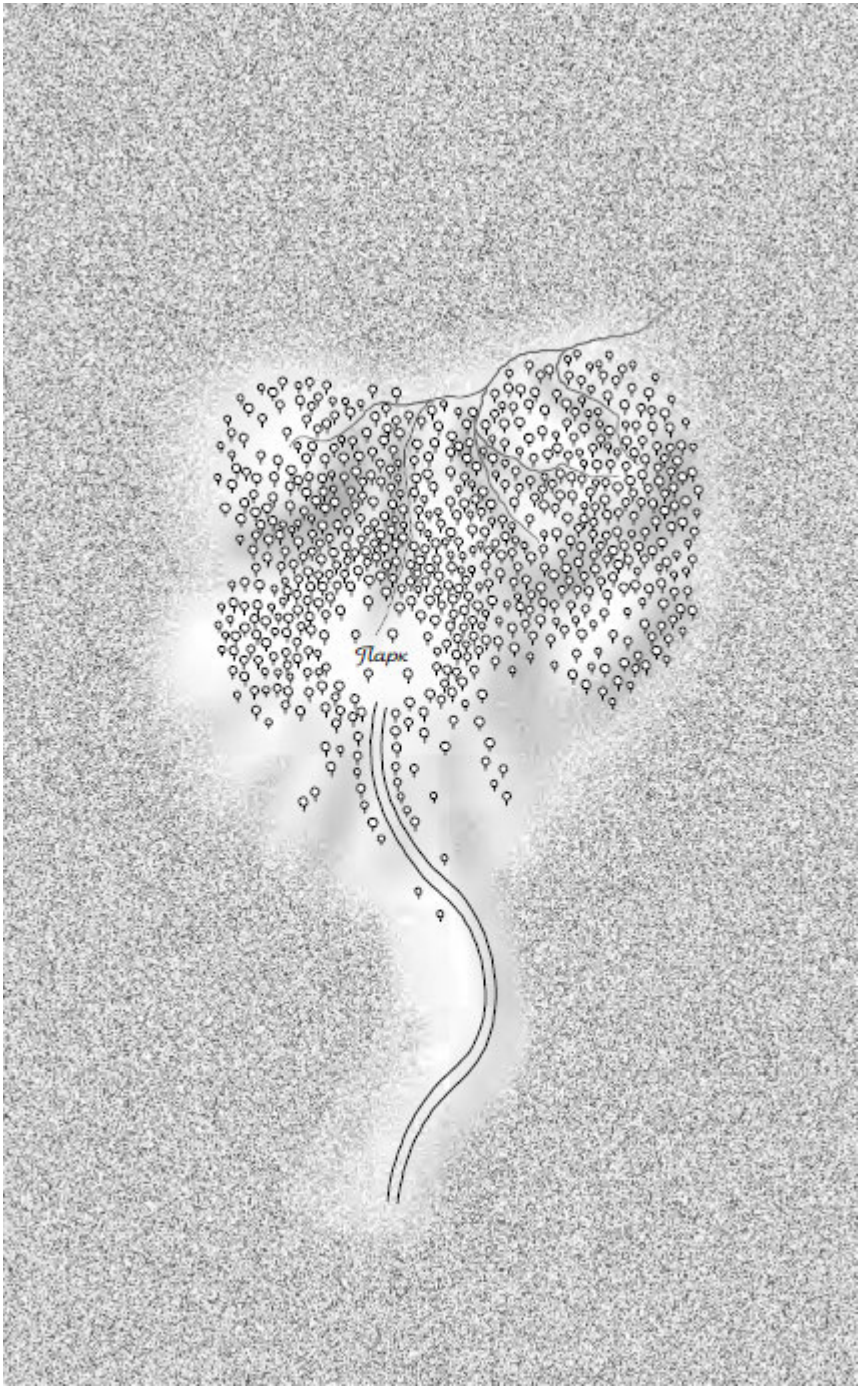
красных листьев. Они ложились между зелеными листиками, составлявшими землю, скапливались и закрывали стебельки, как прежде красные листья закрывали стволы деревьев. Со временем их насыпалось столько, что зелень полностью исчезла из виду и земля стала белой. Все теперь было совсем иное, чем в начале. Однако он поборол страх, что красная красота не вернется.

Много дней он смотрел вдоль улицы, разглядывая форму ветвей на белом фоне. По ночам он смотрел в небо – иногда это была просто серая мгла, из которой сыпали новые белые хлопья. А иногда оно бывало черным, украшенным яркими точечками света. Когда он впервые их приметил, они были разбросаны как попало, что напомнило ему хаос и потому огорчило. Однако при более долгом рассмотрении он начал различать формы в расположении звезд, как эоны назад увидел возникающий из хаоса лист. Чем дольше он смотрел на звезды, тем более четкими и совершенными становились формы – звезды выстраивались на небе как лучше. Впрочем, он не знал, что это за формы. В его мире были только формы деревьев и листьев. Фигуры на небе при всей их красоте не походили ни на то, ни на другое.

Иногда белый листочек ложился на темное дерево, и тогда его можно было внимательно рассмотреть. Поначалу и стволы, и белые листочки были простые, невыразительные, но он знал, что это еще одно, требующее улучшения. Пристально глядя на них, он вызвал бóльшую сложность. На гладком стволе появились борозды и длинные бугорки. Белый листочек выпустил шесть лучей одинаковой формы; все они ветвились, как дерево или жилки у листа.

Кружащие сухие листья уже не занимали его мысли постоянно, а превратились в воспоминание. Теперь, когда подножие деревьев было голым, очевидна стала простота его формы, и он видел в этом неправильность. Она не смущала раньше, когда его завораживала алая красота, но теперь он увидел сложные формы совместного кружения листьев и узоры звезд в ночном небе, и ему не нравилось, что сама земля такая плоская. Поэтому он ненадолго растворил адамант в хаосе, поднял парк, заставил улицу подниматься к парку, а лес – спускаться с другой стороны. Улица была слишком прямая, и он разрешил ей изгибаться туда-сюда. Склон с лесом он усложнил и усовершенствовал, придав ему выступы и прогибы, как на поверхности листа, когда тот бурел и переставал быть плоским. Тем же образом он нанес на землю бороздки и соединил их подобно жилкам у листа. Добившись формы, которая ему нравилась, он закрепил ее, вновь превратив все в адамант. Теперь, глядя из парка, он видел, как улица вьется вниз, а в другой

стороне видел белую землю леса, исчерченную бесчисленными ветвями. Местами она вздымалась, а местами ныряла в ямы, пробитые в ее плоти.



Что-то ему подсказывало: пора вернуть улице, парку и лесу

их первоначальную форму (только более совершенную). Как и прежде с листьями, он не знал, как убрать глубокий снег (этим словом он нарек белые хлопья). Но однажды он заметил, что с неба уже довольно давно ничего не падает, а стволы закрыты снегом на меньшую высоту. Проглянула земля – поначалу кое-где, а потом снега не осталось вовсе.

Он поглядел на лес и услышал звук, похожий на хаос. На миг он испугался, что все построенное рушится. Однако, спустившись в лес проверить, он обнаружил, что растаявший снег убегает по жилкам в земле. Поначалу снег бежал прямо и шипел на него. Он почувствовал тут неправильность и занялся ею: сделал так, чтобы жидкий снег закручивался и менял направление, как ветер, уносивший листья, только заметнее и громче. И когда он это улучшил, громкость стала не глупым шипением хаоса, а приятным журчанием.

Земля вся была черным адамантом, словно память о зелени изгладилась, но постепенно возвращала свой цвет: крохотные листочки возникали по новой. На ветках появились листья побольше, сперва красные, пока он не почувствовал, что это ошибка. Поначалу им положено быть зелеными. Итак, время белого и черного сменилось временем, когда почти все зеленое. Однажды, когда все выглядело необычно ярким, он посмотрел в небо и увидел сияющий круг, а после заметил, что тот скользит по плавной дуге. Он откуда-то знал, что это правильно, а позже обнаружил в памяти «солнце». Со временем появилась и луна.

Зеленое время привело к изменению цвета листьев, и однажды он с удовольствием, даже с торжеством, глянул на улицу из парка и увидел все ровно таким, как в начале, только проработанное куда совершеннее. «Времена года» были постепенными изменениями цвета и формы места. И он знал: пройдя круг, это будет повторяться снова и снова, не требуя от него работы или исправлений. Просто из желания удостовериться он, почти ничего не исправляя, пронаблюдал, как листья снова опали, составив красное озеро, побурели и улетели по ветру, сменившись снегом, а после зеленью. Времен года было четыре. И годом назывались они все вместе.

Он провел несколько годовых циклов, наблюдая и улучшая по мере надобности. Все времена года были красивы и приятны по-своему, все перемены было более или менее интересно наблюдать, но сильнее других его бередило – рождало тягу, которую он не мог утолить, – кружение сухих листьев в начале зимы.

В один год, когда деревья покраснели, он заметил первый падающий на землю осенний лист. Незримый ветерок качал лист

и переворачивал, и тот же ветерок колыхал ветки деревьев. Он спустился из парка и пошел по улице к листу, чтобы его осмотреть. То был особенно яркий экземпляр, еще не потемневший от времени, с лучисто-желтыми прожилками.

Тут с ним случилось нечто плохое: проблеск восстающего хаоса, будто порвалась самая ткань, сотканная и усовершенствованная такими трудами, и в прореху выглянула старая, менее проработанная ее версия: не прекрасный лист, но кусок хаоса с единичными вкраплениями красного. Такой степени недосформированности он не видел уже много дней и лет; она напомнила время в самом начале, эоны хаоса, когда он мучительно цеплялся за единственное красное пятнышко. Он в смятении отпрянул и вернулся по улице в парк. Отсюда, с высоты, он мог смотреть на красный лист, одиноко лежащий средь зеленой травы, и обдумывать увиденное. Приближаться к листу не хотелось. Со временем, впрочем, он устыдился своего страха. Разве не он вызвал это все из хаоса? Разве не может совершить то же заново? Что, если это знак неправильности сотворенного? Не лучше ли проверить и, если надо, внести поправки? Так что он вновь спустился осмотреть лист. Это был просто лист. Без всякой неправильности. И тем не менее вблизи листа ощущалось нечто куда менее совершенное, такое грубое и низкое, что не обладало зримой формой; оно видело все неправильно и пыталось утянуть лист на свой уровень – уровень, на котором он сам когда-то существовал.

Это мучило его какое-то время, прежде чем пришло внезапное понимание: есть другой, как он. Или, вернее, как он прежний.

Он был не один.

Могли существовать – существовали – другие, независимо испытывающие то, что он испытал давным-давно. Один из них проник сюда.

Мысль, что могут существовать ему подобные и они способны обитать в его мире, никогда не посещала его за все время, что он пребывал в сознании. Она повлекла долгие раздумья в парке. Как и другие откровения, приходившие ему за эоны, оно было ошеломляющее и в то же время смутно знакомое. Ну конечно, должны быть другие. Если лист, извлеченный из хаоса, оказался со временем лишь первым в числе многих – подобных, но не таких же, если то же подтвердилось с деревьями и снежинками, то как же ему не быть лишь первым образцом, по которому могут существовать другие? Может, другие столь же несметны, как листья и снежинки.

Все это он понял и огорчился. Ему было неприятно, что,

когда он спустился в парк полюбоваться идеальным листом, его ощущения нарушило, испортило грубое восприятие другого. Ему хотелось выбросить эту мерзость, сделать так, чтобы ее не стало. Однако эта мысль направила его раздумья в странное русло. Сравнение себя с одним листом или одной снежинкой вело к тревоге – худшей, чем все, что он испытал с тех пор, как парализованный долгие эоны лежал в волнах хаоса. Уже много лет листья возникали для того лишь, чтобы упасть, высохнуть и улететь, когда придет их срок. Так же и снежинки ложились на землю для того лишь, чтобы растаять, слиться и утечь по прогибам леса. Одна снежинка мягчела, сливалась с другой, множество их становилось струйками в парке. Струйки соединялись в развилках, составляя ручьи, ручьи становились рекой. Все происходило для того, чтобы наступило следующее время года. Он никогда не задавался вопросом, куда улетают листья и что с ними происходит или куда утекает река. Такие мысли были праздными и его не касались. Но если считать себя одним листом на дереве или одним деревом в лесу, если признать, что другие такие же могут поселиться рядом, то ради полноты, совершенства и правильности всего надо задуматься, должны ли он и другие такие же со временем опасть и улететь по ветру либо растаять и утечь неведомо куда.

Раздумья не пришли к определенному выводу, однако по прошествии многих ночей и дней привели его к пониманию, что надо придать себе форму и одеть ее границей, дабы по одну сторону был он, а по другую – не-он. Примерно как деревья одеты корой. Он приступил к задаче, однако поначалу не знал, какой должна быть форма. Он мог бы стать деревом, но чувствовал, что это неправильно. Деревья – то, на что он смотрит, не он сам.

Однажды ночью он глядел на звезды. Какое-то время назад они, отчасти сами собой, отчасти от его праздных раздумий, приняли формы, отличные от формы деревьев, но какой-то не вполне понятной природы. Ему подумалось, что это своего рода знак. Своей формой они подсказывали, в какую форму он может себя облечь. Он перепробовал разные: длинную изогнутую, приземистую многоногую и стоящую прямо, с головой наверху, где происходит слышание и видение, а также ответвлениями снизу, пригодными для разных целей. Эта форма ощущалась как правильная. Он трудился над ней все дни, пока падали листья. Теперь стало ясно, что эта форма изначально подразумевалась в том, как он двигался и ощущал. Что такое улица, если не то, по чему он может ходить? Для ходьбы нужны ноги. Давняя привычка смотреть на опавшие листья подсказывала, что он смотрит откуда-то над землей, но ниже веток, с которых падают листья.

Это вполне согласовывалось с наличием головы, расположенной несколько выше ног. Листья можно было хватать из воздуха и удерживать для осмотра отростками, крепящимися под головой. На концах их были площадки для укладывания листьев. От концов этих площадок отходили отростки поменьше и потоньше, чтобы трогать снежинки. Их можно было заворачивать внутрь, как заворачиваются кончики высыхающего листа. Только они не съеживались и не умирали, когда завернутся; их можно было развернуть, когда хочется.

Налетели осенние ветры и закружили сухие листья. Он чувствовал, что приятно двигаться так, и потому изменил свою форму: добавил еще пару отростков, формой примерно как листья. Они умели ловить ветер и давали ему свободу взмыть над землей, кружить вместе с листьями в воздухе. Кружа, он чувствовал вокруг других, они носились точно сухие листья, подхваченные холодным сухим ветром, неспособные освоить самостоятельное движение, как сумел он.

Теперь он понимал, почему кружение сухих листьев заворожило его с первого раза: это то, что происходит с подобными ему, когда они не могут ничего другого.

Когда они только что попали в это место.

Когда они только что умерли.

Он – мертвый.

27

У математиков Зелрек-Аалберг славился фрактальной трещиной в полу, но правоведов он занимал своим юридическими статусом и суверенностью. Если изложить очень длинную историю вкратце, Зет-А отличался от других княжеств некоторыми особенностями своего перехода из рук в руки в поворотные моменты истории на протяжении последней тысячи лет. В итоге получилось ни то ни се, как Джерси, Гернси и остров Мэн. Он никогда формально не входил в состав Нидерландов или Бельгии – скорее по недосмотру, чем в результате политического решения. Его не включили в договор, потому что у писца закончилось место на пергаменте и тот решил обойтись без одного названия. И до последнего времени это никого не волновало. Из разговора с Енохом Роотом, связанным с Зет-А древними семейными узами и знающим все подробности, Эл Шепард как-то узнал об особом статусе Зелрек-Аалберга и засадил полк медиевистов и адвокатов распутывать частности. Он скупил всю недвижимость в границах княжества и упрочил свое

положение настолько, что счел возможным чеканить собственную монету (только цифровую) и выдавать паспорта.

Десять лет назад он сидел в угловой кабинке той самой таверны, на зелрек-аалбергской стороне трещины, когда бельгийская полиция, действуя совместно с Интерполом, явилась арестовать его по подозрению в организации Моавского фейка.

Плечом к плечу по всей длине трещины стояли члены зелрек-аалбергской службы безопасности: американские наемники со штурмовыми винтовками. Бар за их спинами был плотно набит адвокатами, друзьями Эла и прессой. Все они в атмосфере, которую можно назвать праздничной, наблюдали, как Синджин Керр, лорд-канцлер Зелрек-Аалберга, напоминает бельгийским полицейским, что те не имеют власти по другую сторону трещины и в случае необходимости для охраны границы будет применена сила.

Бельгийцы отступили. И бельгийские, и голландские органы правопорядка дали понять: если Эл переступит трещину, его арестуют.

После того дня Эл ни разу не покинул свою страну размером с крикетный овал. Другой мог бы замонетизировать ее до смерти, застроить небоскребами, поставить вдоль всей фрактальной границы киоски с фейерверками, каннабисом и сувениркой, но Эл почти ничего в стране не менял. Это по-прежнему были милые фахверковые домики и огороды. Он сократил службу безопасности; теперь границу патрулировала горстка пожилых охранников, и если они были вооружены, то тщательно это скрывали. Все помещения за белеными стенами занимали его сотрудники. Ходили слухи о туннелях. Однако на сегодня персонал Эла состоял преимущественно из его врачей, юристов и бухгалтеров. Ситуация была патовая. По большинству обвинений, которые могли предъявить ему в связи с Моавом, истек срок давности. Он неоднократно заявлял, что готов потратить на свою защиту все до последнего цента. И все понимали, что в случае суда он либо не доживет до вынесения приговора, либо будет в таком ментальном состоянии, что приговор отменят по соображениям гуманности. Эл оставался дома и «путешествовал» по миру с помощью роботов удаленного присутствия, отключая им лица, чтобы никто его не «увидел». Он стал своего рода Человеком в железной маске.

Меньше чем через год после конференции на островах Сан-Хуан Корваллис Кавасаки, прилетевший в Амстердам по другим делам, арендовал машину и велел ей отвезти себя на границу. Зелрек-Аалберг изменился очень мало, но соседние голландские и бельгийские поселки превратились в быстро растущие города:

там служащие Эла жили, делали покупки, обедали и растили детей. Машина высадила Корваллиса на бельгийской улице перед знаменитой таверной. Корваллис вошел, взял в баре бельгийское пиво и прошел в дальнюю часть таверны. Трещина в полу была заметна. Он через нее перешагнул. В ближайшей кабинке пил содовую человек в очках и с чем-то выпирающим под пиджаком. Очевидно, он проверял личность Корваллиса. Задняя дверь таверны выходила в биргартен. Там Корваллис и нашел Эла Шепарда. Тот сидел за столиком, укрытый от легкой мороси большим парусиновым зонтом.

Эл изменился совсем не так сильно, как ожидал Корваллис. Он указал глазами на стул, но не протянул руку. Корваллис сел, отхлебнул пива и посмотрел на Элмо Шепарда впервые за много лет. Тот выглядел здоровым. Лицо раздалось, как это бывает с возрастом. Оно выглядело странно неподвижным. Маленькие мышцы, отвечающие за выражение лица, наверняка напрямую связаны с мозгом, по крайней мере так думалось Корваллису. Он был не силен в анатомии, но сомневался, что спинной мозг участвует в подергивании бровей, моргании и всем таком. Даже люди с очень серьезными спинномозговыми травмами могут говорить и управлять инвалидным креслом с помощью рта. Нервы, вероятно, выходят прямо из черепа через дырочки или что-нибудь в таком роде. В любом случае у Эла что-то нарушило эту связь: лицо у него не двигалось, как у нормального человека. А поскольку люди настроены чутко воспринимать чужую мимику, Корваллису было очень заметно это нарушение – куда заметнее, чем любое другое неврологическое расстройство. Он немного почитал про болезнь Эла и был практически уверен, что оно вызвано не самой болезнью, а препаратами, которые Эл принимает от ее симптомов.

– Слухи о моем безумии сильно преувеличены, – начал Эл. – Некоторые новые лекарства, созданные моим фондом, на удивление успешно замедляют развитие симптомов. Без них я бы уже умер довольно неприятным образом год назад.

– Хорошо, – кивнул Корваллис.

По меркам Элмо Шепарда это была довольно долгая вступительная беседа, но она имела цель: пусть собеседник поймет, с кем имеет дело.

– Если бы не очевидные минусы, я бы посоветовал каждому сойти с ума хотя бы раз в жизни, – сказал Эл. – Ничего увлекательнее со мной в жизни не происходило. Для осознанного вхождения в безумие нужна кропотливая работа. Своего рода духовная практика. Я почти уверен, многие древние мистики – отшельники и пророки, которых примитивные культуры почитали

за якобы особенную связь с божеством, – на самом деле страдали от диагностируемых душевных болезней, но старались войти в них осознанно. Будь у них доступ к современным медицинским учебникам, они могли бы сказать: «А, тут написано, что я параноидальный шизофреник», но поскольку они не имели доступа к таким материалам, то вынуждены были наблюдать сами за собой. Когда некоторые процессы в мозгу выходят из-под контроля либо, на другом конце спектра, перестают функционировать на уровне, необходимом для психиатрического гомеостаза, склонный к самоанализу больной вполне способен наблюдать результаты. Если вы монах-столпник, то плохо ваше дело; вам остается лишь учиться, как с этим жить. Однако сейчас можно интерактивно подбирать дозы психоактивных веществ, проходящих через гематоэнцефалический барьер, либо непосредственно стимулировать некоторые нервные узлы методами, проникающими в мозг и воздействующими на интересные области. У нас здесь такое оборудование. Я могу сунуть голову в магнит и пинганути непослушный нейрон. Я сделал это десять минут назад и сделаю через десять минут после вашего ухода.

– Сколько вам осталось? – спросил Корваллис.

– Жить? Или разговаривать с вами? – не дав Корваллису ответить, Эл продолжил: – Примерно три года жизни. Двадцать минут на разговор с вами.

– Я хотел обсудить пару вопросов.

– Да, Си, я догадываюсь, что вы приехали не просто так.

– Я говорил с Софией. Как вам наверняка известно, она теперь научный сотрудник. Официально работает над диссертацией. Однако присматривать за Процессом – работа больше чем на полную загрузку.

– Обычно люди, которые не могут осилить свою работу, делегируют задачи другим, – заметил Эл. – Я вполне ясно изложил свое мнение по этому поводу. Возможно, меня игнорируют, потому что считают сумасшедшим.

– Я вас не игнорирую, другие члены совета тоже. Вас игнорирует София. И не потому, что считает сумасшедшим, а по своему упрямству.

– Не понимаю, из-за чего ей упрямиться. Процесс – явление уникальное и беспрецедентное. Это золотая жила данных о функционировании человеческого мозга. София – единственная держательница токена. Она должна предоставить доступ другим.

– Это семейное дело, – ответил Корваллис. – Личное. Додж умер внезапно, когда она была маленькой.

– Я знаю обстоятельства.

– Она по нему скучает. Хочет восстановить связь с утраченным.

– И она действительно верит, что Процесс – реинкарнация Ричарда Фортраста?

– А вы, Эл?

– Я не знаю, во что верить, поскольку она – единственная держательница токена и не делится данными.

– Вы знаете ее – нашу – позицию по данному вопросу. Делиться нечем. Отслеживание жизнедеятельности Процесса сродни проблеме, с которой столкнулись союзники во время Второй мировой войны, до того как взломали шифр «Энигмы». Сообщения можно перехватывать и копировать, но нельзя расшифровать, поэтому мы не знаем, что на самом деле происходит. Мы можем только анализировать трафик. Это небесполезно, но…

– Это не вулканское слияние разумов. Я слышал тот доклад. Согласен.

– Так вот, о трафике, – сказал Корваллис. – София недавно упомянула, что наблюдает новый необычный трафик. Если коротко, она думает, вы загрузили другие отсканированные коннектомы и запустили их в той же системе.

– В системе, которую я выстроил и оплатил, – сказал Эл. – София за первый год забрала все вычислительные мощности «Дыры-в-стене». Проект заглох бы на корню, если бы я…

– Не построил новые центры. Да.

– «Дыра-в-стене» была собрана вручную. Я поставил их на поток. К этому времени год спустя мы будем открывать новые центры со скоростью один в неделю.

– Отсюда вопрос: зачем?

– Похоже, у Софии уже есть теория, – сказал Эл.

Корваллис догадывался, что, работай у него лицевые мышцы, они сейчас изобразили бы ушлость. Может быть, Эл бы подмигнул.

– Вы не скрываете, что сканировали другие мозги.

– Си, вы меня удивили. Такое устаревшее выражение. «Мозги»? Серьезно?

Корваллис решил счесть это шуткой. Эл не мог подмигнуть. Его глаза не щурились.

Он имел в виду животрепещущую тему конференции: психофизическую проблему, она же проблема ум-тело.

По крайней мере, тема казалась животрепещущей тем, кто никогда не слушал вводных лекций по философии. В конце двадцатого – начале двадцать первого века нейробиологи, которые об этом думали и эмпирически исследовали, как на

самом деле работает мозг, начали склоняться к выводу, что никакой психофизической проблемы нет. Само понятие бессмысленно. Сознание нельзя отделить от тела. Всю нервную систему, до кончиков пальцев на ногах, надо изучать и воспринимать как целое, поскольку функции этой системы модулируются химическими веществами, производимыми, например, в кишечнике и передающимися через кровь. Бактерии в животе – которые даже не часть вас, а совершенно отдельные биологические организмы! – по сути, часть вашего мозга. Согласно этим нейробиологам, сама идея сканировать мозг, извлеченный из отрезанной головы, была, так сказать, неправильной на всю голову.

Отсюда вытекал интересный вопрос: что же на самом деле происходит с мозгами, запущенными как процесс? Согласно этой модели, такие «мозги» не могли ничего не воспринимать – не могли никак функционировать, пока не отстроят систему с нуля.

Все это оставалось чистой теорией, пока не появятся лучшие инструменты для изучения процесса – оттого-то Элмо и злился на Софию за отказ поделиться доступом. Тем временем оставалось одно: улучшать качество сканов. Ученые из Уотерхаузовско-Фортрастовского лагеря и группа Эла хором согласились, что пора исключить слово «мозг» из научной речи или хотя бы брать его в кавычки. Надо отказаться от практики отрезания голов и выбрасывания остального. Отныне каждого клиента нужно сканировать целиком, с головы до пят, а также собирать информацию о микрофлоре и прочих явлениях, не относящихся к сфере нейробиологии и не воспринимаемых ионно-лучевой сканирующей системой, которую интересуют только нейроны.

– Прошу прощения, – сказал Си-плюс. – У вас есть клиенты. В том числе покойные. Вы сканируете их останки по последнему слову науки.

– Как и вы.

– Разумеется.

– Люди умирают, – сказал Эл. – Некоторые хотят того же, чего хотел Ричард Фортраст.

– Сколько?

– Больше тысячи.

Корваллис не до конца ему поверил:

– Вы хотите сказать, столько подписали контракт?

– Нет, я хочу сказать, столько мы отсканировали и заархивировали.

– Я понятия не имел.

– Верится с трудом, учитывая, что вы в Саут-Лейк-Юнион проделали то же самое со… сколькими?

Корваллис пожал плечами:

– Я давно не смотрел статистку. Сотни две?

– Триста сорок семь, – уточнил Эл.

– Я просто не знал, что у вас столько сканирующих лабораторий.

– Оборудование уже можно производить массово. У нас их около пятидесяти. Многие в Китае, в Индии, где программа получила размах, который на Западе не особо заметили. Две – прямо здесь, – Эл кивнул в сторону восьмивекового фахверкового дома на бросок камня от них. – Другие – в городах, где много богатых людей.

– Вы сказали, «отсканировали и заархивировали», но не сказали, запустили ли хоть один.

– Мы начали запускать их неделю назад, – объявил Эл, – что привело к характеру активности, который заметила София. Полагаю, именно поэтому вы сидите в моем биргаретене и говорите со мной. Нам доподлинно известно, что вы делаете то же самое.

Корваллис кивнул, быть может, чересчур поспешно – слишком старался показать, что ничего не скрывает?

– Я здесь отчасти по этой причине, – ответил он, – отчасти же чтобы уведомить вас, что мы в соответствии с обязательствами загрузили Эфратских Одиннадцать и девять РНБ.

– И Верну.

– Верна была первой после Доджа.

– Они никогда не будут такими, как остальные, – сказал Эл. – Им следовало подождать.

28

Он – мертвый, а значит, был когда-то немертвым. О бытности немертвым прямых воспоминаний не сохранилось, но, видимо, он обитал в таком месте, где были листья, деревья, снег, реки, ветер и звезды. Он существовал в телесной форме, возможно, не слишком отличной от той, в какую облек себя здесь. И разделял это бытие с другими. Другими, которые тоже умерли и проникли сюда. Наверное, их влекут осмысленные вещи, такие как красные листья. Они жаждут ощутить что-нибудь, кроме хаоса, но не умеют вызвать ощущения из шума.

Так пусть мучатся много эонов, как он, пусть осваивают умение извлекать из хаоса красивые целостные вещи. Почему они этого не делают?

Потому что в этом нет нужды. Если бы он в начале нашел

мир другого умершего и сумел туда вселиться, он бы поступил ровно как они и радовался. Однако ничего такого ему доступно не было, а значит, оставалось лишь страдать и учиться.

Интересно, сколько мертвых проникло в его место? Он парил над парком, раскинув листоподобные отростки на спине. В лесной тесноте они мешали, но прекрасно годились для движения в пустом пространстве. Он улучшил их, сделал менее похожими на листья и придал им новую форму: теперь они складывались на спине, когда не нужны, и расправлялись для полета. Сложив крылья, он спускался на землю и ходил ногами по лесу, осматривал каждое дерево, стоял над каждым ручейком, наблюдал течение воды и слушал ее звуки.

Однажды в плеске воды он услышал «Ждод» и вспомнил, что это его имя.

По большей части ничто особо не менялось, но иногда, проходя мимо дерева или присев на корточки у ручья, он ощущал легкую прореху в мире, чувствовал скользящее мимо облачко почти хаоса и по этому узнавал, что сюда проник еще один мертвый. Некоторые появлялись и пропадали, как снежинки, другие вроде бы вселялись в деревья или ручьи, как будто мечтали о телах, но не обладали умом или умением для создания собственных. Они отчаянно цеплялись за формы, созданные Ждодом, однако совершенно непригодные для существ Ждодова рода.

То летая на крыльях, то ступая по земле, он ходил по улице, бродил в лесу, разгуливал в парке и узнал, сколько других в его владениях. Он заключил, что число душ не больше числа отростков на площадках его верхних конечностей. Понятия пришли, едва в них возникла надобность: пальцы, ладони, руки. Десять и другие числа. Душ было общим счетом от десяти до двадцати, одни носились, словно сухие листья, другие обитали в деревьях или ручьях. Довольно малое число. Несоразмерное смятению, в какое они его повергли.

Прибывали новые. Число не увеличивалось резко, но и никогда не убывало. Похоже, место, откуда они брались, все время выбрасывало новых мертвых, но не умело вбирать их обратно. Бесполезно гадать, зачем это и почему; главное, они слабы и малочисленны, а значит, их можно не замечать, по крайней мере теперь, когда он облачился в толстую кожу. Итак, Ждод счел, что не будет вреда покинуть на время то место, которое построил и в котором обитал с тех пор, как умер. Он прошел по улице к парку на вершине холма. Тело говорило с ним новым способом, который не был зрением или слухом: теперь он ощущал землю под ногами. А когда добрался до парка, где дул

ветер, и вышел на зеленое место, где мог развернуть крылья, то ощутил воздух под ними. Ветер, некогда созданный Ждодом для избавления от сухих листьев, подхватил его и вознес к небу. Изменив относительное расположение воздуха и крыльев, Ждод повернулся и взмыл над лесом. Земля ушла вниз. Сверху было видно, как прожилки земли сходятся в реку. Река текла с холма. Он полетел вдоль нее и увидел нечто подобное хаосу, ибо еще не бывал в тех краях и не придал им форму. Однако Ждод умел замораживать хаос в адамант, как вода замерзает в лед, поэтому без труда придал форму этим краям, сделал их продолжением уже созданного леса. Форма была другая, каждое дерево и каждый лист – неповторимые, жилкование рек в целом такое же, как на склонах холма, однако не воспроизводило его точно.

На сей раз он продлил землю и лес далеко в ту сторону, куда несли его крылья. Впрочем, это ему прискучило, а река стала такой широкой, что, опустившись на один берег, он не видел другого. Под влиянием смутных воспоминаний о должном устройстве земли Ждод поместил в конце реки океан. Деревьям неправильно было подступать к самому океану, поэтому здесь он оставил полосу голого адаманта. Ее монотонность ему не понравилась, и он разбил ее на куски, называемые камнями. Первые камни были одного размера и формы, но он их улучшил: сделал одни меньше и многочисленнее снежинок, другие – больше холма в парке (эти большие камни звались скалами). Вместе они составили обрывы и пляжи, защищающие деревья от волн, – ими Ждод решил населить поверхность моря. Он взмыл и облетел самую высокую скалу, которую просто для забавы сделал такой большой, что улица, парк и значительная часть леса свободно поместились бы на вершине. Оттуда он смотрел, как бьются о нее его волны.

В движении воды он увидел множество несовершенств. Волны и то, как они бьются о скалы, взывали к улучшению. Несколько дней он их улучшал и наконец добился, чтобы они, ударяясь о скалу, разлетались брызгами. Когда он спускался, то чувствовал брызги на коже, которой отделил себя от того-что-не-Ждод, а рев волн оглушал почти как шипение хаоса эоны назад. Брызги состояли из крошечных шариков воды, едва различимых на фоне неба. Он знал, что это неправильно. Каждый шарик должен отражать солнце, а брызги – искриться. Более того, в каждом шарике должен отражаться весь окружающий мир – включая Ждода. Пока этого не будет, вода не такая, как надо, и нуждается в дальнейшем улучшении.

Времени, он знал, на это уйдет не меньше, чем на сотворение улицы, парка и леса. Раньше Ждод с радостью сидел бы на

вершине скалы и годами терпеливо улучшал форму волн и прибоя, но теперь, с появлением новых душ, не хотел задерживаться здесь надолго. Он ударил крыльями о брызги, взмыл над скалой, последний раз глянул на них – просто туман, не искрящийся и не отражающий как надо. Затем полетел вдоль берега.

Идея зеркального шара была отчетлива, как если бы тот висел перед ним в воздухе – как будто он держит этот предмет кончиками пальцев и смотрится в него.

Допустим, он вызвал бы зеркальный шар – или вообще что-нибудь зеркальное – и посмотрел на свое отражение. Что бы он увидел? Как бы он выглядел? Ждод не задавался этим вопросом, пока жил один. Дерево не могло на него посмотреть. Души, недавно слетевшиеся в его обитель, вероятно, не умели видеть ясно. Со временем, впрочем, они могут приобрести такую способность, как приобрел ее Ждод. В таком случае они будут смотреть на него, так же как на деревья и скалы, и что-то увидят. Каким будет это что-то, какое впечатление на них произведет?

Он не мог узнать ответ, пока не составит собственное впечатление о своем облике. Ждод пообещал себе когда-нибудь создать зеркало, чтобы туда посмотреться. Однако сейчас он на время выкинул эту мысль из головы как несущественную и продолжил облет создаваемого мира.

В голову пришла еще одна полностью оформленная мысль: этим он занимался раньше. Хорошо и правильно, что он создал мир из хаоса, улучшил созданное и приготовил место для новоприбывающих душ, ибо он – не мертвый Ждод, летящий над лесом, а живой Ждод, некогда державший на ладони листья и смотревшийся в зеркальные шары, – делал это прежде. Делал превосходно. И другие души, которых он заметил в своих владениях, возможно, не столько вторглись сюда, сколько прибегли к его защите.

Место, где смыкались Земля и вода, радовало новизной. Ждод часто возвращался разглядеть и улучшить то, что привлекло его внимание, но в целом летел между Землей слева и водой справа. Некоторые отрезки берега он устлал несметным числом крошечных камней под названием песчинки, на других воздвиг скалы, на третьих создал обрывы, увенчанные не лесом, а травой. Строительство побережья так его захватило, что он не утруждал себя обустройством суши.

Через некоторое время Ждод осознал, что неправильно так увлекаться побережьем и не уделять должного внимания Земле. Летя дальше над полосой, где волны бились о берег, он взял за правило поворачивать все время в одну сторону, отклоняясь,

впрочем, туда и сюда, когда приходила охота. Ему представлялась замкнутая фигура, вроде зависшей в полете капли. Земля должна получить границу, как сам он ограничил себя кожей. На своем протяжении граница – побережье – должна изгибаться, иногда плавно, а иногда частыми резкими поворотами.

Долго летел Ждод, но вот наконец обогнул новосозданный мыс и увидел вдали скалу в устье реки. Он облетел ее несколько раз; скала была ровно такой, какой он ее оставил, ибо адамант не менял формы без его воли. Итак, побережье замкнулось, полностью очертив Землю. Ждод, довольный плодами своих трудов, устремился обратно туда, откуда начал. Река ветвилась, и он бы долго искал нужный приток, если б не ковер красного леса, отмечавший его путь к океану. Слева и справа был голый адамант, с прожилками рек, но без деревьев и вообще чего-либо живого.

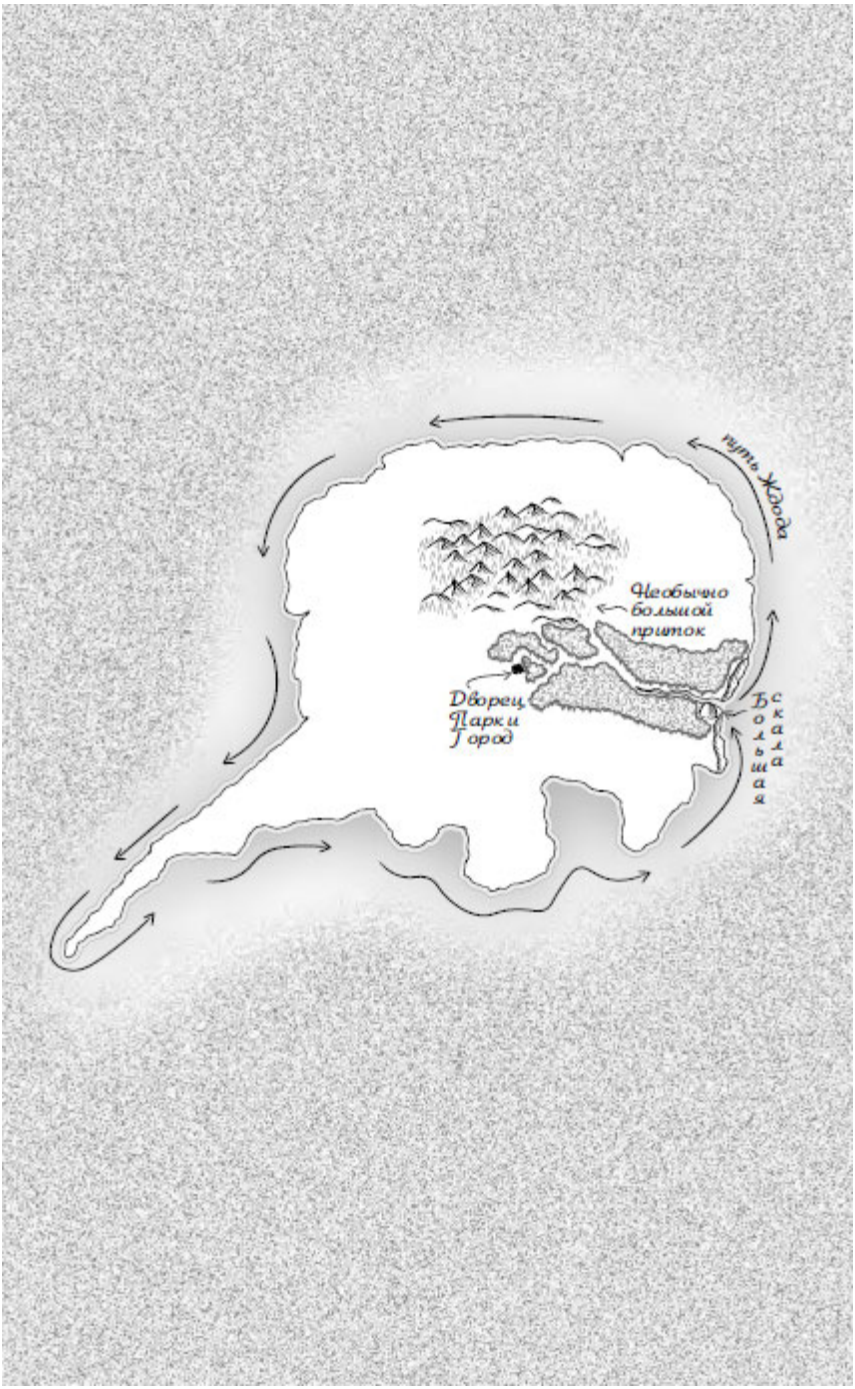
Легко было устлать голые места новыми красными лесами, но полет вдоль побережья пробудил в нем вкус к разнообразию. Неправильно всем деревьям быть одинаковыми. В совершенном мире холмам пристали одни деревья, долинам – другие. Ждоду пришла фантазия пролететь над каменистой долиной, где бежал особенно большой приток. Такая могучая река, вспомнил он, должна брать начало в чем-то очень большом. Следуя против течения реки, он добрался до места, где из земли торчали скалы. Большие скалы, называемые горами. На их склонах он создал другие деревья, вечнозеленые, темнее деревьев в парке, а когда спустился пониже осмотреть созданный лес, явилось новое ощущение: лес источал аромат, говоривший о таких же лесах там, где Ждод обитал до смерти. Он вбирал аромат и знал, что его лицо способно втягивать воздух и обонять.

Он покружил над горами, затем вдоль притока вернулся к главному руслу и полетел над красным лесом к вершине холма. Тот теперь тоже благоухал, не так сильно, как темно-зеленый лес на горах, но все равно приятно.

Ждод опустился в парке. Там все было по-прежнему, только еще много листьев нападало на землю, а некоторые высохли и закружились на ветру. Во многих он ощущал зачатки грубого восприятия, которые определял как души. В следующие дни, шагая по улице, расхаживая в парке и гуляя в лесу, он насчитал примерно десять раз по десять душ. Их присутствие уже не пугало, как раньше. Тем не менее пришла пора определить место, куда им хода не будет. Там он, когда пожелает, сможет оставаться один, как в первые эоны после смерти.

В начале парк был плоским. Позже Ждод превратил его в

холм. Теперь он снова изменил парк, выдвинув из подстилающего адаманта высокие стены. Как прежде он ограничил Землю, отделив ее от океана, так теперь ограничил вершину холма. Однако если побережье было красиво своей грубостью, стене, он чувствовал, пристало быть гладкой и прямой. Он выправил ее, отодвигая в одних местах и притягивая в других, пока стены не приобрели приятную одинаковость. Там, где она выходила на улицу, он сделал отверстие. Как он и ожидал, тут же пришло название: ворота. А в стене со стороны леса он сделал маленькие ворота: калитку.



Значительная часть парка оказалась между калиткой и лесом. Ее он тоже ограничил, но не стеной, а изгородью из деревьев, природу которых изменил. У них было много веток, усеянных мелкими листочками, не краснеющими и не опадающими, дабы

во все времена года этот уголок окружала зеленая стена. Имя ему было Сад. Здесь Ждод провел много дней, раздумывая над формой деревьев и более мелких растений. Из долгого полета вдоль побережья он знал, что в океан впадает множество рек, у каждой реки есть притоки и каждый приток ведет в края, сейчас голые, но требующие улучшения деревьями и разного рода растениями. Горы он уже покрыл благоуханными вечнозелеными лесами, однако сделать предстояло еще много. Он решил создать в Саду много деревьев разного рода, дабы наблюдать их изменения с временами года и улучшать по мере надобности. Когда они будут готовы, он распространит их на голые места.

Пока он населял свой сад, пришла зима. Для целей Сада она была бесполезна, и Ждод установил, что здесь ее не будет. Теперь его тело чувствовало состояния, которых прежде не знало, включая тепло и холод. Он сделал так, чтобы в Саду всегда было тепло, а свет сиял, даже если на небе не видно солнца. Здесь он проводил дни, создавая и улучшая деревья разного рода, а когда это надоедало, ходил взад-вперед по холодной улице или летал над Землей.

Со временем снег на улице и в лесу растаял, деревья начали выпускать листья. Ждод отвлекся от улучшения Сада и вошел в калитку. Землю внутри стены он ровно замостил камнем и назвал полом. Ему пришло желание выйти на улицу и посмотреть, как проклевываются новые листья.

Сразу за воротами стояло нечто, сформированное по образцу самого Ждода: от тела на двух ногах отходили руки с ладонями и пальцами, крылья и голова. Крылья имели вид сухих листьев; они были не столько сложены, сколько смяты. Голова – плохо сформирована, просто шар беспорядочного хаоса. Существо было меньше Ждода; его крылья, хоть и пропорциональные телу, ненамного превосходили размерами упавшие листья.

Ждод некоторое время смотрел на существо и чувствовал, что оно, насколько может, смотрит на него. Когда Ждод двинулся, оно вроде бы сместилось. Через некоторое время Ждод почувствовал, что пока они друг на друга смотрели, оно изменило форму; крылья как бы сделались четче. Больше похожими на Ждодовы.

Облик существа не стал полной неожиданностью. Еще осенью Ждод, гуляя по улице, ощущал, что некоторые души упрочняются. Они не позволяли себе исчезать в листьях и ручьях, но пытались сгуститься в собственные формы. Душа перед ним просто была самой сильной и продвинулась дальше других. Мысль, что кто-то может выбрать форму по Ждодову образцу, его прежде не посещала, однако он не удивился. Возможно, и существо, и Ждод

выглядели так до того, как умерли, и естественно пытались воссоздать тела, в которых обитали при жизни. А может, оно просто подражает Ждоду. Как все листья на всех деревьях были похожими-но-различными версиями первого листа, так, возможно, Землю теперь заселят похожие-но-различные существа, ходящие на ногах и летающие на крыльях, как Ждод.

Он собирался прогуляться, так что пошел к воротам. Другая душа по-прежнему стояла в середине отверстия. Ждод почувствовал, что нехорошо двум душам занимать одно пространство, и потому отклонился от прямого пути. Аура оформленного хаоса, заменявшая душе голову, заклубилась, словно вихрь листьев, и выпустила золотистый отросток. Стебелек ауры тронул Ждоду колено, и Ждод ощутил его касание.

Когда-то давно он облекся кожей, чтобы отделить свое вещество от вещества других душ. За это время ее хлестали суровые ветры, горячие и холодные, осыпали океанские брызги. Листья и ветки проверяли ее на прочность, а подошвами ног и ладонями он чувствовал поверхность различных камней. От всего этого кожа защищала надежно. Однако он еще никогда не входил в соприкосновение с чужой оболочкой или – как сейчас – с подвижным облачком ауры, выдающим присутствие души настолько новой в этих краях, что она еще не обзавелась законченной формой и собственной кожей. Он отпрянул; шебуршание ауры было для кожи словно рябь помех для зрения или шипение белого шума для слуха. Она не причиняла боли, не производила в нем заметных перемен. Ждод зашагал прочь. Клочок ауры отделился и мгновение вился вокруг ноги Ждода, потом растаял. Ждод был рад, что от него избавился; касание ауры, хоть и безболезненное, напомнило ему прежнее неприятное состояние.

Через несколько шагов он обернулся. Другая душа, немного умалившаяся в размерах из-за растаявшей части ауры, ковыляла за ним. Она не умела двигаться плавно или по прямой, но в целом у нее скорее получалось. Все сильнее отставая, она шла за Ждодом, на ходу улучшая качество своего движения.

Ждод назвал душу Последователем. Он гадал, где Последователь добыл вещество для своей оболочки. У самого Ждода было вначале бесконечное поле хаоса, из которого он создал не только свою форму, но и целый мир. Насколько Ждод знал, теперь хаоса в его мире почти не осталось. Из чего же создает себя Последователь? Может быть, он существует в обеих вселенных и лезет в Ждодову через крохотную прореху, а бóльшая его часть заперта в хаосе по другую сторону. А может, он извлекает вещество из Ждодова мира, как деревья растут из

почвы.

Деревья вдоль улицы были в полном порядке. После того как Ждод создал их такими-то и такими-то, они не имели ни склонности, ни возможности меняться, помимо того, что с каждым годом становились чуть больше и выпускали новые ветки. В некоторых теперь обитали души, и Ждод, проходя, чувствовал на себе их взгляды. Однако внешний вид деревьев не изменился.

Во время их сотворения, много лет назад, Ждодом двигала ненависть к хаосу и любовь ко всему упорядоченному. С тех пор он в целом стремился к большему разнообразию. Волны, бьющие о скалы (Ждод предполагал, что они по-прежнему бьют о скалы, хотя он на них не смотрит), несли в себе некий хаос и даже казались ему тем более правильными, чем необузданнее взмывали и рассыпались брызгами. Их неупорядоченность была иной, чем у мертвого хаоса, из которого Ждод сперва вызвал себя к бытию, а затем и сотворил все остальное. Значит, мир мог обладать долей бессистемности и не рассыпаться в хаос, как Ждод боялся вначале. Сейчас он видел в улице труды раннего Ждода, боязливого. Впрочем, ничего дурного в том, что улица такова, нет. Он не станет превращать ее в хаотические дебри. Деревьям – старейшим на Земле – он позволит менять форму более разнообразно: пусть каждое отличается от соседних ветвлением и изгибом суков. Однако природа улицы будет прежней. Пусть остается памятью его первых трудов и убежищем, куда стремятся новые души.

Ждод не дал улице завершения и не думал, что будет, если пройти по ней дальше определенной точки. Теперь, на приличествующем удалении от холма, там, где кончались деревья, он выровнял землю и покрыл ее травой. Из мертвой земли под травой он извлек камни и сложил прямые стены – не длинные, а такие, чтобы они сходились под четкими углами. Огороженные места были меньше его убежища на холме, однако в каждом могли поселиться несколько душ, если создадут себе тела не слишком большого размера. Стенам не хватало чего-то сверху, поэтому он создал им крыши. Улицу он отправил ветвиться между домами на манер жилок листа или притоков реки, только на равных расстояниях и под прямыми углами, что было сообразно вертикальным стенам и четким углам пустых жилищ. В домах он сделал отверстия на улицу, надеясь, что они привлекут блуждающие души, как ворота замка привлекли Последователя. В расположении домов и улиц он следовал своим причудам и чувству того, как должно быть устроено такое место. Город, как назвал его Ждод, обладал регулярностью, но не такой строгой,

как изначальная улица. Некоторые улицы были длиннее других, дома отличались размерами и формой.

Заложив улицы и дома, где считал должным, Ждод оставил их простыми и незавершенными, словно приглашая другие души менять что пожелают. Город он опоясал полосой травы и засадил ее различными мелкими растениями из своего Сада. В центре Города он оставил квадрат без домов, с одной лишь травой.

Теперь он хотел вернуться в свое жилище на вершине холма и возвести над стенами крышу. Это не приходило ему в голову, пока он не взглянул на маленькие жилища и не понял, что им нужна крыша. Ждод вышел в квадрат посередине Города, расправил крылья и взмыл в воздух. Он облетел Город и удостоверился, что тот имеет такую форму, какую надо. Затем пролетел над улицей к большому дому на вершине холма и Саду за ним. Довольно долго он кружил, раздумывая, какая крыша наиболее пристала его обители. Ему пришло на ум слово Дворец. Он спустился на гладкий каменный пол Дворца и некоторое время ходил, разглядывая его под разными углами. Затем вернулся к воротам и, глянув вниз, заметил приближающуюся фигурку. То был Последователь, который по большей части шел, изредка взмахивая крыльями и пролетая небольшое расстояние.

К тому времени как Последователь добрался до вершины, Ждод приготовил ему домик поменьше, примыкающий ко Дворцу. Он хотел внушить Последователю, что этот домик, Сторожка, для него, а сам Дворец – только для Ждода. Ждод не знал, как передать другой душе нечто, возникшее в его голове. Он снова чувствовал, что там, где они с Последователем обитали до смерти, есть для этого какой-то установленный порядок.

Еще он чувствовал, что может полностью уничтожить форму, которую принял Последователь, начни тот доставлять серьезные неприятности. Перед ним возник образ: кулак, сжимающий яркую молнию и готовый метнуть ее с высоты. Откуда взялся образ, он не знал. Вещам естественно обращаться в хаос, но некоторые упорядоченности обладают свойством не распадаться, даже если неидеальны в начале или повредились потом. Однако, зная это, Ждод понял и другое: упорядоченности можно извратить до состояния, из которого им будет невозможно улучшиться. А значит, желательно передать свои намерения в смятенное сознание Последователя, не обращая того в ничто.

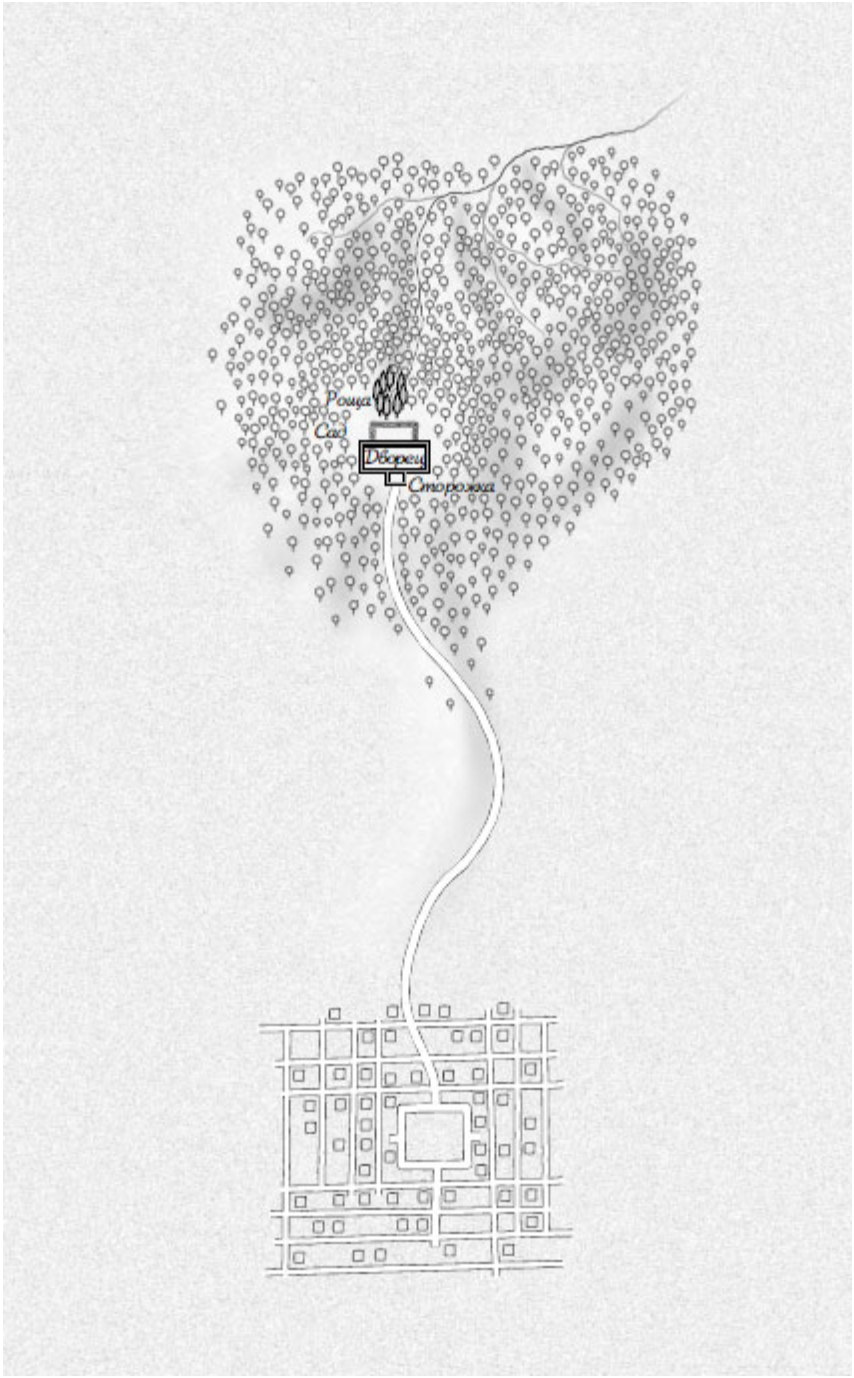
В передней стене Сторожки он сделал отверстие на улицу и, когда Последователь приблизился, встал в этом отверстии. Существо теперь двигалось увереннее, оно стало крупнее и определеннее, крылья больше напоминали Ждодовы и меньше – сухие листья. Ждод отступил в Сторожку, но остановился в

отверстии, отделяющем ее от Дворца. Последователь вроде бы понял, что это значит. Он вошел в Сторожку и как будто огляделся. Ждод повернулся к нему спиной и сделал несколько шагов внутрь Дворца, затем оглянулся проверить, двинется ли существо за ним. Оно и впрямь приблизилось к отверстию, соединяющему его новое жилище со Ждодовым. Однако, как и первый раз, оно замерло на пороге. Ждод выставил руку с раскрытой ладонью, словно отталкивая его. Последователь понял: отступил на два шага и согнулся в середине тела, что почему-то показалось Ждоду знакомым.

Теперь Ждод занялся возведением крыши над Дворцом. Первые результаты не вполне его удовлетворили, и он знал, что некоторое время будет их улучшать. Утомившись, он понудил камень под участком Сада подняться из-под травы и образовать островок. Верхушку островка он вдавил посередине, чтобы там собиралась вода. Заставил воду ударить из земли и наполнить углубление. Дождался, когда она успокоится и в ней отразятся ветки деревьев. Затем подошел и нагнулся поглядеть на свое отражение.

Когда Ждод следующий раз вышел из Дворца, у него было лицо. Спереди у лица были глаза, чтобы другие души, глядя на него, видели, куда он смотрит. Еще у лица были ноздри – вбирать и обонять воздух. Ниже располагалось еще одно отверстие, пока не вполне оформленное; Ждод чувствовал, что оно нужно, однако еще не знал его назначения. Сейчас это был овал светящейся ауры. Такая же аура венчала голову. Голова была незакончена, однако для нынешних его целей годилась. Когда он показался Последователю, тот вроде бы вгляделся повнимательнее и начал сходным образом изменять свою форму.

В Городе все шло примерно так, как предполагал Ждод. Новые души по-прежнему являлись по одной-две в день и облекались зримой формой. Некоторые по-прежнему обитали в деревьях или ручьях и не умели двигаться, но бóльшая часть лепила себя по образцу Последователя, который слепил себя по образцу Ждода. Встречались причудливые вариации, однако большинству, похоже, нравилось единообразие с остальными. Из Дворца Ждод видел, как они пытаются ходить ногами и летать на крыльях. Некоторые взбирались на холм, но Последователь останавливал их на пороге Сторожки, как Ждод остановил самого Последователя. Мало-помалу они почти все добирались до Города. В домах не было ничего нужного душам, но те вроде бы предпочитали иметь собственный уголок, каким были для Ждода Дворец и Сад.



Близилась весна, и Ждод приступил к улучшению новых деревьев и растений. Созданное им побережье включало устья рек, а значит, должны были существовать края, откуда эти реки вытекают. Он видел холмы и горы (а увидеть что-либо значило

это создать); они обрамляли речные долины, как положено. Однако холмы, горы и устья лишь украшали побережье, Земля же оставалась обширна и пуста. Теперь Ждод отправлялся на крыльях в далекие края. Землю он сделал плоской и покрыл где-то травой, а где-то – камнями и песком. Для разнообразия он добавил отдельно стоящие горы и целые хребты, поместив между ними цепочки озер и предоставив воде самой искать путь к океану. Иногда она долго петляла, скапливаясь в углублениях, прежде чем находила выход.

Пока вода прокладывала себе пути, Ждод засадил разные части Земли теми деревьями, растениями и травами, которые, на его вкус, больше всего им подходили. Бегущие воды говорили с ним, как прежде в лесу, когда напомнили его имя. Они называли ему имена деревьев: сосна, ель, дуб, клен.

Летя обратно во Дворец, Ждод возымел желание производить такие же звуки сам, не полагаясь на журчащие реки. К тому времени, как он опустился в Саду и склонился над зеркальной чашей воды, у него на лице было нечто новое – рот. Если широко открыть рот, можно было различить внутри мерцающую рябь. Оттуда вырывался тихий шум, но со временем Ждод научился по-разному двигать частями рта и преобразовывать шум в имена, услышанные в плеске и журчании вод. Научившись звукам деревьев и других вещей, Ждод вошел во Дворец, а оттуда в Сторожку и явил Последователю свое новое лицо. Дабы объяснить, зачем нужен рот, он издал звук: «Ждод», указывая на себя, а затем: «Страж», указывая на Последователя. Ибо он решил дать тому новое, более правильное имя. Последователь – отныне и впредь Страж – продолжал расти и совершенствовать свою форму; его голова теперь доходила Ждоду до плеча, а крылья были симметричные и складывались. Страж кивнул и начал лепить себе рот, как у Ждода, чтобы произносить различные слова. Ждод знал, что со временем прочие души научатся этому от Стража.

Он задумался, каким будет Город, когда души в домах и на улицах примутся издавать звуки. Совсем не таким, как сейчас. Однако он чувствовал, что таков естественный порядок вещей, если много душ находятся вместе. Сущность души, в отличие от дерева и листа, – в ее способности вести себя непредсказуемым для Ждода образом. Он ничего не мог поделать с тем, что новые души проникают сюда каждый день и ведут себя как им угодно. Он мог только подавать им пример, как Стражу, и построить им Город, но в конечном счете они все будут поступать по-своему, и не о чем здесь тужить.

Куда важнее представлялось создавать и улучшать дальние

края. Там не было ничего такого, что он не мог бы лепить по своей воле. Ждод по многу дней проводил в Саду, открывая новые виды растений, возникавшие тут словно сами собой. Разные растения подходили для разных частей Земли. Он собирал их, взлетал и мчался в края, которые нужно сформировать и засадить. Пустыни он создал и наполнил пахучими ароматными растениями, стлавшимися по земле. В низинах у срединного залива почва напиталась влагой; их он засадил где тростником, а где – раскидистыми деревьями. Горы были всего красивей в одеянии темных вечнозеленых деревьев, однако верхние склоны он счел за лучшее засадить маленькими корявыми растениями – ими же он покрыл тот край Земли, который задумал как северный. С противоположной стороны, на юге, условия были другие. Там росли большие деревья. И когда Ждод думал, что разнообразие Земли исчерпалось, он тут же видел новые мелкие подробности, с которыми требовалось разобраться.

В этом он мало-помалу привык полагаться на помощь тех, кого называл дикими душами: они попали сюда так же, как те, что в Городе, но не захотели обосноваться там, а разбрелись далеко, кто – с течением рек, бегущих к океану, кто – с ветрами, реющими над горами. Многие укрылись в созданных Ждодом камнях, ручьях и деревьях. Некоторые, впрочем, приняли формы поразительных размеров и сложности, отражающие их тягу к ветрам и волнам. Когда Ждод посещал далекий берег и видел, что океан бьет о скалы совершенней, чем прежде, он понимал: какая-та душа взялась за улучшение волн.

Иногда Ждод отсутствовал подолгу. На обратном пути он пролетал над Городом и смотрел на него сверху. Его поражало сочетание упорядоченности: сетки улиц, прямоугольных домов, квадратного сквера посередине – и хаотического разрастания, как в тех краях Земли, которые он когда-то засадил и предоставил им развиваться самим. И все же он чувствовал, что план у города именно такой, как надо. Дома стояли на правильных местах. Улицы заканчивались там, где следовало.

Город кишел мелкими душами. Издали казалось, будто ветер гоняет сухие листья, но, когда Ждод спускался, он видел не листья, а фигурки. У некоторых были крылья, у большинства – нет. Даже те, что с крыльями, летать почти не умели, и крылья со временем усыхали. Ждод видел, что души изменяют свои дома и полоски травы, отделяющие дома друг от друга. Он ждал этого, но странным образом огорчился. Ждод хотел, чтобы они научились лепить мир, как он, однако не хотел, чтобы они обрели силы ломать формы, которые он считал правильными. Паря над сквером посреди Города, он видел обращенные к нему лица. Все

души успели обзавестись ртами. Это было ожидаемо и даже хорошо, поскольку он желал дать им полезный образец, по которому душа может себя лепить, чего и добился через посредничество Стража. В целом получилось, но не вредно иногда показываться им самому.

Чего он не ожидал, так это что души начнут издавать звуки, обращаясь друг к другу. Они выкликали его имя и другие слова, которые он не мог разобрать. Еще они сбивались по двое, по трое и больше, чтобы лучше обмениваться словами при виде парящего Ждода. Тогда ауры, окутывающие их головы, сливались, словно ручьи в единую реку, и вились между несколькими душами сразу.

29

Официальное название мероприятия было не выговорить, и в Фортрастовском фамильном фонде говорили просто «Монстркон-3». Словечко через электронную почту и различные мессенджеры просочилось в систему, связывающую ФФФ с Фондом Уотерхауза-Шафто, сетью Эла и другими заинтересованными сторонами. В итоге Зуле пришлось вынести фетву против его использования, вычистить любые картинки франкенштейновского толка и напомнить всем, что правильное название – Третья ежегодная конференция по перспективному моделированию нейросистем. А если для кого это слишком длинно, то Екопермон-3. Ее по-прежнему проводили на той же базе отдыха, что и первую. Это значило, что участников может быть максимум пятьдесят; двадцать пять человек обслуживающего персонала спали в жилых автофургонах и даже в палатках на территории базы.

Западное побережье Америки «открыли» и нанесли на карту белые люди задолго до появления консультантов по бренд-менеджменту, что привело к появлению множества пугающих и странных названий. «Калифорния», например, взялась из фантасмагорического испанского романа о чернокожих амазонках. Нарекая острова и проливы у побережья Британской Колумбии, испанские и английские мореплаватели стремились восславить ценности эпохи Просвещения (такие как Открытие), явить благочестие (имена святых или спорные богословские моменты), польстить влиятельным людям (члены венценосных семейств, герои, адмиралы) либо предостеречь будущих колонистов намеками на опасности. К последней категории относилась Гибельная теснина, соединяющая Штормовые рифы с бухтой Водоворота и заключенная, кроме шуток, между мысами

Сцилла и Харибда. Такую концентрацию устрашающих слов обусловило уникальное сочетание географических и культурных факторов. Как видно на мелкомасштабной карте, Пролив Отчаяния – часть пятисоткилометрового рукава, отделяющего остров Ванкувер от материка. На северо-западе его соединяет с Тихим океаном широкий пролив королевы Шарлотты. Пролив Джорджии на юге служит таким же удобным судоходным путем к слиянию Хуан-де-Фука и Пьюджета. И там, и там направление прилива и отлива можно предугадать, сверившись с таблицей и глянув на карте, в какой стороне лежит Тихий океан. Однако сюда колебания крупнейшего водного массива планеты накатывают как с юго-востока, так и с северо-запада. В сочетании с огромным числом обрывистых островов и путаницей ледниковых протоков это рождает движения воды разом стремительные и непредсказуемые. Водовороты, сейши, подводные тягуны, высокие приливные волны и резкая смена течений тут в порядке вещей.

В 1792 году баркас со смешанной испанско-английской командой вошел в спокойные воды того, что казалось узким заливчиком; здесь их настигла внезапная приливная волна и увлекла в аналог экстремального рафтинга между скалистым островком и обрывистым мысом острова побольше. Огибая его, они пробили борт, баркас начал быстро набирать воду и затонул в водовороте. Тела и обломки шлюпки выбросило несколькими милями дальше на берегу, населенном представителями того, что в современной Канаде называют коренной народностью. Для офицеров-европейцев, наблюдавших в подзорные трубы с корабля, они были индейцами. А для белых людей, которые в последующие годы читали отчет о трагедии и следили пальцем по карте маршрут злополучной шлюпки, то были каннибалы, работорговцы и все такое. Для этих племен, а также их культурных практик, давно появилась более политкорректная терминология, однако названия на карте по большей части остались. Единственное исключение – место, куда выбросило тела; на картах восемнадцатого века зовется Каннибальским берегом, на современном – бухтой Крушения.

Никто в здравом уме не станет вкладывать деньги в гостиницу с таким названием. А вот в слове «Одиночество» имелся потенциал, который умная маркетинговая команда сумеет раскрутить. «Приют Одиночества» стоял прямо над Штормовыми рифами; из него были видны Сцилла (о которую злополучная шлюпка пробила борт) и Харибда. Когда-то здесь был лагерь лесорубов, но с тех пор деревья успели вырасти снова и достичь высоты, которая в глазах туристов делала их девственным лесом.

Скалы на расстоянии плевка от берега залили бетоном, соединили балками и закрыли акрами дощатых настилов; здесь располагались доки, переходные мостики, пандусы, вертолетная площадка, гидроаэропорт и прочая инфраструктура для обслуживания базы отдыха.

Гостей – прибыли они по воде, вертолетом или гидропланом – усаживали в уютном, обшитом туей зале у камина и угощали выпивкой за счет заведения. Здесь же они должны были подписать леденящий кровь отказ от претензий и выслушать инструктаж по технике безопасности. Проводил его старший экскурсовод, выбранный за крепкое сложение, обветренное лицо, внушающий уважение голос и отрешенный взгляд человека, видевшего такое, что вам и не снилось. Ему было что сказать про гризли и скользкие тропы, но все начиналось и заканчивалось безопасностью на воде. Инструктаж сопровождался статистикой и трагическими историями из жизни, а смысл сводился к одному: если попадете в воду, вам каюк. Даже на глубине по щиколотку приливная волна опрокинет вас с безжалостной точностью чемпиона по джиу-джитсу. От холода может наступить шок; вы будете хватать ртом воздух, вместо того чтобы позвать на помощь. Пальцы сведет за несколько секунд, руки – меньше чем за минуту. Кто-то утонет сразу, кто-то будет барахтаться минуту-две, прежде чем наступит переохлаждение. В гостинице хватает ванн с горячей водой и плавательных бассейнов. Тех, кто непременно хочет окунуться в море, проводят в укрытую бухту в пяти минутах отсюда. Однако к главному протоку запрещено даже приближаться без теплого гидрокостюма и команды спасателей.

Объяснив это и посмотрев каждому в глаза, главный экскурсовод коротко упоминал медведей и передавал слово сотруднику помоложе и пожизнерадостней. Тот какое-то время щебетал про спа и крытые теннисные корты, а старый мореход, надо думать, удалялся в темный уголок бара, где пил неразбавленный виски, глядя на бурные воды пролива и размышляя о смерти.

Из всех гостей вступительного инструктажа избежал только Эл Шепард. Как всегда, он остался в Зелрек-Аалберге и прислал робота удаленного присутствия. Тот прибыл днем раньше в трюме судна, доставившего в гостиницу всегдашний запас пива, брокколи и стирального порошка. Робот лежал в позе эмбриона, на спине у него была самоклеящаяся транспортная этикетка с надписью «МЕТАТРОН». Эл, найдя такие устройства полезными, скупил все конкурирующие компании в секторе, объединил их и дал продукту эффектное брендовое название.

Гостиничные служащие привезли Метатрона на тележке и выгрузили в главном здании. Тот издал предупреждающий звук, требуя разойтись, и встал. Двигался он в целом гуманоидно, но, поскольку сейчас управлялся автоматической программой, никуда не спешил. С бесконечным терпением он перед каждым следующим шагом застывал и внимательно изучал обстановку. В первые секунд тридцать те, кто впервые такое видел, таращились на него во все глаза, но скоро сообразили, что это примерно так же интересно, как наблюдать за работающей стиральной машиной. Программа требовала обойти гостиницу – медленно, чтобы не причинить вреда никому из гостей, – и просканировать ее в инфракрасном и видимом свете. Двигался он настолько медленно, что люди машинально обходили его, как статую. Однако если сидеть на одном месте, читать книгу или прихлебывать пиво и время от времени поглядывать на робота, то вы каждый раз обнаруживали его не там, где прежде. В темноте он включал габаритные огни, чтобы люди на него не натыкались. Благодаря такой подготовке Элу не требовалось джойстиком вести Метатрона в обход каждого угла. Достаточно было скомандовать: «Иди за этим чуваком», «Держись с той группой» или «Ступай в конференц-зал», и Метатрон все исполнит.

Так что ни Эл, ни его Метатрон не слышали инструктажа, но, может, им было и ни к чему: робота, если он забредет в воду, можно заменить. То был лишь один из частных вопросов, которые организаторам предстояло решить в рамках более общего: считать ли Элмо Шепарда участником конференции? Метатрон занимал в зале столько же места, сколько человек, но не учитывался в нормах пожарной безопасности. Он не ел, не нуждался в кровати и номере; каждый вечер после заключительной дискуссии большинство участников отправлялись спать, а Метатрон находил розетку в темном углу, вытягивал из живота шнур, сгибался и вставал заряжаться. Там он и оставался до утреннего заседания.

Вопрос был по большей части умозрительный, поскольку Эл собирался присутствовать вне зависимости от того, считают ли его участником. Эл (если роботом действительно управлял он) посещал все заседания, тихонько стоя в дальнем конце зала. У Метатрона был встроенный динамик, которым он не пользовался; в тех редких случаях, когда ему хотелось задать вопрос, он посылал текстовое сообщение. Впрочем, иногда можно было видеть, как робот в уголке беседует с Синджином Керром, Енохом Роотом или кем-нибудь еще из своих советников.

София выступала на Екопермоне-3 вместе с соавтором, доктором Матильдой Наполитано, матфизиком из Болонского

университета. Доклад назывался «Картирование виртуального пространства по результатам пространственного анализа потока сообщений». Презентацию они проводили на теннисном корте, закрытом от холода и сырости надувным куполом. Уже темнело, но они не включили яркое освещение купола. Гостиничный персонал убрал сетку и разместил на корте несколько источников приглушенного света, чтобы участники не натыкались друг на друга. Еще лет десять назад всех бы удивил такой антураж научного доклада, но сейчас остальные понимали: София с Матильдой покажут какие-то визуальные материалы с помощью аппаратуры дополненной реальности и хотят, чтобы слушатели могли обойти и рассмотреть трехмерную модель.

Впрочем, поначалу графика была двумерная. София показывала ее на виртуальном экране на конце теннисного корта, и сперва все участники смотрели в одну сторону.

Первой София спроецировала карту Европы. Государственные границы казались неправильными, пока не появилась подпись: «Европа, 1941-й».

– В качестве вступления для тех, кто, как и я, не занимается математической физикой, приведу аналогию с тем, как выглядел мир для союзных дешифровщиков в начале Второй мировой войны, до того как они взломали немецкие шифры, – начала София.

Карта увеличилась и сдвинулась; теперь в середине была Великобритания. На ней начали возникать анимированные картинки: небольшие здания с антенной наверху. Антенны поворачивались туда-сюда, но по большей части были нацелены на Европу, контролируемую странами Оси.

– Они не могли читать сообщения, но могли их копировать. А при помощи технологии под названием высокочастотная радиопеленгация, или ВЧРП, могли узнать, откуда передано каждое сообщение.

Теперь анимация на экране показывала ВЧРП. По другую сторону Ламанша, в оккупированной Франции, возникла свастика, и от нее, как по воде, начали расходиться красные круги. Красная дуга пересекла Ламанш и задела две станции ВЧРП, от которых тут же протянулись пунктиры к источнику. Звякнул звоночек, и послышался звук телетайпа, выстукивающего на экране данные перехвата.

София продолжала:

– Технически это осуществлялось очень интересно, но нам сейчас важно другое. Суть в том, что благодаря круглосуточно работающей сети ВЧРП разведка союзников построила то, что мы бы сейчас назвали базой данных, – кто говорит, с кем и когда. Что

именно говорится, они по-прежнему не знали – сообщения расшифровать не удавалось, – но могли составить картинку связей в командной цепочке Оси и определить наиболее активные участки фронта.

Пока она говорила, карта Европы уменьшилась и сдвинулась. На экране теперь был Восточный фронт. Повсюду возникали маленькие свастики; они разговаривали друг с другом, а яркие линии протянулись от Берлина к оккупированным столицам и различным участкам фронта. Большое сражение началось на Украине: собственно боев не показывали, но множество радиограмм летело из точек, тесно расположенных на извилистой линии. То медленно, то скачками форма линии менялась, и можно было понять, что немцы выигрывают, уничтожают взятые в окружение части Красной армии, продвигают свои передатчики вперед.

– Это называется анализ потока сообщений. Инструмент на удивление действенный. Например, в этой анимации мы не имели доступа к текстам немецких сообщений с данной части фронта. И все же, я уверена, мы все увидели, как развивалось сражение, видели, что немцы его выиграли и продвинулись дальше на восток.

Сеть линий стала ярче, географическая карта под ней исчезла, осталась лишь темная стена, расчерченная сложным рисунком светящихся линий.

– Как это относится к теме конференции? Поток сообщений внутри Процесса интенсивней, чем это было во время Второй мировой войны. Однако у нас есть компьютеры, способные его анализировать.

Черный фон посветлел, превратился в светло-серый и приобрел определенную сложность. Та же сеть светящихся линий была теперь наложена на другую географическую основу – человеческий мозг. Старые линии гасли, вспыхивали новые.

– К чему нас это приводит? Вопрос глубокий, он касается сознания и эпистемологии, как указывали некоторые наши коллеги на Монстрконах… простите, Екопермонах. Но я дам простой ответ: ни к чему нас это не приводит. Допустим, чисто теоретически, что мы поставили прослушку на каждый аксон в живом человеческом мозгу и получаем запись каждого импульса каждой нервной клетки.

Картинка приближалась, пока весь экран не заполнила единственная нервная клетка. От нее тянулся главный выходной канал – аксон. К нему мультяшной прищепкой цеплялся провод, ведущий к телетайпу. При каждом импульсе нервной клетки по аксону пробегал свет, и телетайп печатал строчку данных.

Картинка начала уменьшаться, сперва медленно – стало видно, что у каждой нервной клетки в мозгу есть свой провод с прищепкой и свой телетайп, – затем быстро, так что на экране теперь был весь мозг целиком. Под ним в окошке бежали данные со всех телетайпов сразу; цифры мелькали так быстро, что сливались в неразличимую полосу.

– У нас была бы чертова уйма данных. Но узнали бы мы, о чем на самом деле думает мозг? В бешенстве он, грустит или производит арифметические расчеты? Несмотря на определенные успехи распознавания образов в нейросетях, ответа, по сути, нет. Однако мы все равно можем провести анализ потока сообщений и сделать выводы, какого *рода* действия осуществляются внутри Процесса. Как союзники смогли просеять горы абракадабры и понять, что немцы делают и где, так поток сообщений позволяет выстроить некоторые догадки о том, чем занимается Процесс. Есть разные способы подступиться к этой задаче, Матильда расскажет об одном из них. Она применила некоторые фундаментальные методы математической физики и выявила то, что представляется пространственным мышлением внутри Процесса. Матильда?

Доктор Матильда Наполитано вышла вперед и подождала, когда уляжется шум. Многие участники думали, что ослышались. Пространственное мышление? Даже само слово «мышление» здесь обычно заключалось в кавычки; многие скептики не верили, что активность Процесса имеет к этому отношение. Заговорить о конкретном типе мышления было смелым шагом.

Матильда – сорокапятилетняя, хорошо одетая дама – немного нервничала. По-английски она говорила грамматически безупречно, хотя и с акцентом; половину жизни, до того как получить престижное место в Турине, она провела в больших английских университетах.

– Занимаясь физикой, – начала она, – мы по необходимости имели дело с пространством и временем. Я буду говорить о пространстве. Когда-то мы принимали существование пространства как данность и не слишком задумывались о его структуре. О том, что такое пространство на самом деле. Как оно себя ведет. К появлению Эйнштейна Минковский и Лоренц уже заложили основы для пересмотра фундаментальной природы пространства. Были созданы математические методы, оставалось лишь применить их к проблеме искривления пространства-времени.

Пока она говорила, на экране мелькали портреты Ньютона и других ученых, чертежи с доказательствами Евклидовых теорем, математические формулы и, наконец, лицо Эйнштейна на фоне

схематической черной дыры, изгибающей пространство, как подшипник – тонкий кусок резины.

– Я не стану проводить семинар по современной физике, – продолжала Матильда. – Хочу лишь сказать, что теперь у нас есть способы представлять пространство математически. Начиная с идеи настолько простой, что многие из вас даже не сочли бы ее идеей. А именно что каждая точка в пространстве как-то связана с другими по соседству, но тем меньше, чем они дальше.

Она проиллюстрировала это впечатляюще простой картинкой: миллиметровка с черными точками в местах пересечения некоторых линий.

– Если мы упростим до предела и сравним пространство с листом миллиметровой бумаги, то каждая точка будет непосредственно связана с четырьмя соседними к северу, югу, востоку и западу от нее. Чуть дальше угловые точки на северо-востоке, юго-западе и так далее.

Картинка медленно уменьшалась, показывая все больше миллиметровочной вселенной.

– Давайте представим, что некое существо движется по миллиметровой бумаге.

В центральной точке появился мультяшный пингвин.

– Он идет на север, потом на северо-запад, потом некоторое время на восток, и так далее.

Пингвин заковылял по миллиметровке, как Матильда описывала.

– В один момент он здесь, в следующий там, и так далее. Все настолько очевидно, что мы даже об этом не задумываемся. Но что будет, если перемешать точки?

На картинке точки пришли в движение и заняли новые позиции, словно карты в перетасованной колоде.

– Мы зашифровали карту – спутали, какая точка к какой ведет. Катастрофа. Сперва пингвин здесь.

Он возник в верхнем правом углу.

– Потом внезапно телепортируется в случайную, как нам кажется, точку.

Пингвин возник на левом краю листа.

– Потом сюда.

Пингвин перепрыгнул ближе к середине.

– С налету мы не разберемся. Надо собрать данные – выполнить анализ потоков. Когда данных будет достаточно, мы можем увидеть тренды. Мы получим свидетельства, что эта точка и та должны быть очень близко друг к другу – может быть, в непосредственном соседстве, – потому что у них очень много общего. Когда одна возбуждается, другая возбуждается

одновременно либо чуть раньше или чуть позже. Тогда мы сможем осмыслить общую картину трафика, как если бы это было трехмерное многообразие. И когда закономерности устойчивы, мы можем быть уверены, что видим нечто реальное.

– Матильда, вы проделали это со всеми данными, исходящими от Процесса? – спросил кто-то.

– Нет. Не совсем. Старые данные – за первые год-два работы Процесса – можно довольно четко представить как поток сообщений в нейросети. Мы не знаем, что он «думает», – поспешно добавила она, изобразив пальцами кавычки, – но мы видим характер трафика, какой ожидали бы от нейронной сети.

София добавила:

– Да, мы начали работать в этом направлении после того, как Новое выделение ресурсов стало по-настоящему большим.

«Новое выделение ресурсов», или НВР, было довольно расплывчатым термином для того, что проявилось в конце первого года и с тех пор росло экспоненциально. При загрузке Процесс имел достаточно памяти для хранения собственной нейросети, и поначалу ему этого хватало. Однако затем он стал запрашивать все больше и больше дополнительных ресурсов из систем, к которым имел доступ.

– НВП или НВВ? – спросил кто-то.

– П, – ответила София.

Процессу выделялись два типа ресурсов: память (отсюда НВП, новое выделение памяти) и вычислительная мощность (отсюда НВВ). Они как будто прыгали друг через друга: Процесс внезапно захватывал много памяти и некоторое время разрастался, занимая ее, потом требовал больше вычислительной мощности.

– Мы уже некоторое время знаем, что использование памяти в НВР имеет другой характер, чем в исходном процессе, – заметил еще один участник. – Если мне позволено прибегнуть к антропоморфной лексике, Процесс использует НВР для чего-то другого, не для моделирования собственной нейросети.

– Согласна. И как раз поэтому мы начали данное исследование, – ответила София. – Мы спросили себя: если память НВР организована… используется не как память нейросети, то как именно она используется? На что это похоже?

– И мы получили ответ, – сказала Матильда. – Она используется пространственным образом. Для отслеживания вымышленного либо виртуального пространства с постоянными характеристиками.

– Как миллиметровка? – спросил кто-то. В его тоне звучал не столько скепсис, сколько недоумение.

– Как трехмерное многообразие. Миллиметровка – просто

метафора, – ответила Матильда. – Поскольку мы имеем доступ к огромному количеству данных, мы можем гораздо больше сказать о структуре этого пространства. О том, что оно в себя включает. Мы с Софией пригласили вас сюда, чтобы показать вам результаты. Сейчас я попрошу всех чуть-чуть отойти и освободить место посередине, а потом включу пространственное моделирование, и вы сами увидите.

Участники начали шумно поднимать с пола сумки и отступать от центра; скоро в середине корта образовалось свободное место, а люди столпились по краям неровным овалом. София и Матильда остались ближе к середине, у границы разметки. Матильда двигала руками перед собой, управляя видимым только ей виртуальным интерфейсом.

На пол наложился рисунок миллиметровки.

– Просто проверка, – сказала Матильда. – А теперь облако точек.

Над кортом возникло облако из миллионов зеленых огоньков.

Хотя все точки были одного цвета и не связаны друг с другом, глаз мгновенно различал в них ландшафт. Где-то, по большей части на краях, зеленые огоньки касались пола. Ближе к середине они были примерно на высоте пояса. Все участники, обойдя модель и рассмотрев ее с разных сторон, согласились, что смотрят на трехмерную карту острова или континента, окруженную морем и с высокогорьями посередине.

– Ирландия, – объявил кто-то.

– Слишком много гор! – фыркнул кто-то другой. – Может, остров Мэн? Там посередине гора.

– Это что-то куда более крупное, посмотрите, сколько рек и горных хребтов, – заметил третий. – Я собирался сказать, Северный остров Новой Зеландии. Трудно определить, если не принести лестницу и не посмотреть сверху.

– На Земле такого места нет, – произнес тихий голос спокойно, однако с непререкаемой уверенностью.

Все повернулись к говорящему – лысому бородачу лет под семьдесят. Почти всю конференцию он тихо сидел в заднем ряду, без очков дополненной реальности, и по временам внимательно слушал, а по временам бормотал себе под нос, думая о своем. Нынешнюю презентацию он наблюдал со скучающей улыбкой, как детский лепет. Однако, когда посреди корта возникла модель, он так оживился, что чуть не сбил кого-то с ног, рванув через облако точек к заинтересовавшей его детали.

– Плутон прав, – объявила София. – Модель не соответствует ни одному известному….

– И не может соответствовать. Это видно с первого взгляда, –

перебил Плутон.

София обернулась к ошарашенной Матильде, словно хотела сказать: «Я же говорила!» Затем обратилась к Плутону:

– Нельзя ли объяснить подробнее?

– Это фантазия. В карте нет физического смысла. Аллювиальные формации совершенно неправильные. Горные долины V-образные, а не U-образные, какими должны быть. Никакого понимания, как ледники их прокладывали. Горы – просто высокие места без всякой истории. Ни обнажения осадочных слоев, ни каких-либо следов вулканизма. Это программистский арт. Напомнило мне первые карты «Т'Эрры», которые набрасывал Додж, когда звал меня на работу.

– Очень убедительно, – сказала София.

Плутон понял, что все его слушают, замкнулся и начал отслеживать вверх по течению заинтересовавшее его русло. Несколько минут все любовались новым континентом и, разбившись на кучки, вполголоса обсуждали подробности. Зеленые огоньки мигали и перемещались.

– Мне мерещится или они правда движутся? – спросил кто-то.

– Модель строится в режиме реального времени, – подтвердила Матильда. – С поступлением новых данных происходят мелкие изменения. Однако общая форма за последние месяцы почти не менялась.

Некоторые участники забрели внутрь континента – получше разглядеть детали. Казалось, их тела обрезаны на уровне колен или бедра. Однако вблизи модель выглядела аморфным зеленым Млечным Путем.

– Это максимальное разрешение, какое мы можем получить за вменяемое время с имеющейся у нас вычислительной мощностью, – объяснила София. – Отсюда впечатление пуантилистской живописи. Отойдите чуть подальше, и будет видно хорошо.

Из середины континента раздался незнакомый, электронно искаженный голос. Все повернулись к Метатрону Элмо Шепарда. Голос с другой стороны земного шара раздавался из решетки на безглазом лице.

– Что это? – спросил он.

– Яркий участок в середине? – уточнила София.

– Да.

– Он яркий из-за более высокой концентрации точек.

– Вижу.

– Потому что из этого участка исходит в сто раз больше данных, чем из любого другого, – объяснила София. – Здесь сосредоточена почти вся вычислительная активность.

– Можно его увеличить?

– Мы предполагали, что кто-нибудь об этом попросит, – ответила София. – Советую всем закрыть глаза или сдвинуть очки на лоб. Изображение сейчас изменится, что может вызвать головокружение.

Она кивнула Матильде.

Матильда мысленно сосчитала до трех и вновь что-то проделала в пользовательском интерфейсе. Те, кто не внял совету Софии, увидели, как яркий участок в центре стремительно растет и становится ярче, а все остальное погружается во тьму. После того как новая картинка установилась, все несколько минут ее разглядывали.

Это было, как и раньше, облако зеленых точек, но ландшафт выглядел иначе. На плоской равнине высился холм, а на его вершине расположилось нечто искусственное, прямоугольное с вертикальными стенами. На равнине читалась сетка светящихся линий, похожая на вид ночного города в иллюминатор самолета: четкие клетки с аккуратными коробочками внутри.

– Я совершенно не понимаю, что перед нами, – объявила Глория Уотерхауз. Она была благотворительница, связанная с семейным фондом, гуманитарий и, если разговор становился чересчур научным, всегда первая просила объяснить для чайников. Глория взяла на себя эту роль и прекрасно ее выполняла. – Мы видели что-то похожее на воображаемый остров с берегами, горами и реками. Теперь видим часть острова с поселком. Это я поняла. Но что это такое? Похоже на компьютерную графику сорока-пятидесятилетней давности, когда все было примитивное.

– Такая конфигурация точек – единственный способ объяснить данные, поступающие из Нового выделения ресурсов, – ответила Матильда.

– И она устойчивая? – спросила Глория.

– Нынешняя картина выстраивалась месяцами, – сказала София. – Она немного меняется со временем, но в целом стабильна.

– Что за красные искры? – спросил Метатрон.

Тут и там в зеленом облаке, словно вспышки молний, возникали и гасли красные точки.

– Мы используем красный как средство отладки. Точки отмечают появление новых данных. В реальном времени, – ответила София.

– Тогда, возможно, в модели ошибка, – объявил Метатрон, указывая раскрытой ладонью в черноту над сеткой улиц.

Здесь висело облако красных точек, похожее на фейерверк:

каждая точка существовала долю секунды, но само облако сохранялось. На их глазах оно двинулось к прямоугольной структуре на вершине холма.

30

Ждоду прискучило, что на него смотрят, и он полетел во Дворец. Там по-прежнему было пусто, что ощущалось как неправильность, однако он не видел нужды что-либо всерьез улучшать. Души в Городе, такие слабые по сравнению с ним, поместили в дома предметы, названия которых он знал: столы, стулья. Так же поступил со своим жилищем и Страж. Просто для разнообразия Ждод превратил часть адаманта на полу в стул и на пробу сел. Поскольку его тело никогда не уставало, никакой разницы с тем, чтобы стоять или лететь, он не ощутил. Однако разнообразия прибавилось. Ждод сделал второй стул, на котором могла бы сидеть другая душа. Поскольку другие души были меньше, стул он тоже сделал поменьше. Между двумя стульями он воздвиг стол. Настоящего смысла Ждод в этом не видел, и радости, как от создания растений и строительства гор, пустынь, болот, тоже. Так что он скоро вышел в Сад посмотреть, какие растения там появились. У некоторых были листья другого цвета, не зеленые, и они собирались в пучки, называемые цветами. Их назначение, кроме как вносить разнообразие и радовать глаз, было пока неясно. Впрочем, с тех пор как Ждод извлек свою душу из хаоса, он видел бесчисленное множество всего, не имеющего ясного назначения. Всякий раз он укреплялся в мысли, что видел это в краях, где обитал при жизни. Он жил в чем-то, устроенном как Город. Другие души, вероятно, тоже там жили. В его мире имелись листья, деревья и цветы. Времена года сменяли друг друга, волны били о скалы. Он не творил новое из ничего, а скорее мало-помалу вспоминал. Души, украшавшие дома стульями, тоже пытались вспомнить что-то, некогда им знакомое.

Позже Страж вошел с улицы в Сторожку. Через отверстие, соединявшее ее с Дворцом, он с любопытством разглядывал новую обстановку. Ждод, видя это, сел на стул и сделал движение, будто хочет втянуть Стража движением воздуха. Потом вспомнил слово и тут же издал его ртом: «Входи».

Страж вошел, пересек разделяющее их пространство и сел на соразмерный ему стул. Его тело за последнее время стало объемней, черты – более проработанными. Появились губы, зубы, язык – сейчас Ждод вспомнил их названия и зачем они нужны: лучше формировать звуки из хаоса дыхания. «Цветы красиво», –

сказал Страж четче, чем умел Ждод. По крайней мере, эти два слова Ждод узнал; они были частью более сложной фразы и соединялись маленьким словом, с которым она получалась еще лучше. Страж проводил время в Городе с другими душами, и они далеко обогнали Ждода в искусстве говорения.

Ему подумалось, что Страж и другие не видели созданных им земель и не понимают, чем занят Ждод. Когда-нибудь они разовьют ноги либо крылья, смогут преодолевать большие расстояния и увидят все собственными глазами. Но, быть может, удастся до тех пор объяснить это словами? Ждод попробовал, но его убогая речь не могла передать величия сотворенного. Скоро он перешел на жесты и несвязанные слова: указывал в одну сторону и говорил: «Океан», потом в другую и говорил: «Горы». Затем осознал бесплодность своих попыток и умолк.

Тишину нарушил всплеск хаотического шума. Ждод глянул на Стража; аура у того увеличилась и выпустила стебелек в сторону Ждода. Так делали души в Городе, когда стояли рядом. Ждод на пробу поступил так же: потянулся аурой через стол. Когда ауры Стража и Ждода слились, он ощутил, увидел и услышал новое.

Когда-то давно Страж коснулся Ждодова колена отростком ауры, и это вызвало шебуршащее чувство. Сейчас было и такое, но преобладало нечто более сформированное. Теперь Ждод понимал: соединиться аурами – значит почувствовать, что чувствует другой, и даже подумать, что тот думает, без необходимости облекать мысли в слова. Теперь он видел то же, что видел Страж, и не только сейчас, но и в воспоминании. Страж вспоминал сегодняшнее посещение Города. Его мысленными очами Ждод смотрел в лица душ, встреченных там Стражем. Все были ясно узнаваемые, однако блеклые и как будто зараженные хаосом – возможно, изъян передачи мыслей через ауру, а возможно, Страж и впрямь так видел.

Ждод вызвал образы гор с высоты полета, заснеженных вершин и одетых лесами склонов. Он чувствовал, что это передается Стражу, поэтому вызвал и другие воспоминания о Земле, которые до того безуспешно пытался облечь в слова.

Для Стража это оказалось чересчур. Его восприятие было слишком маленькое, слабое и неясное – каково ж ему было увидеть Землю в полноте Ждодова взора? Страж мгновенно утомился. Перемычка ауры оборвалась и втянулась обратно в его голову, после чего оставалась маленькой и плотно прижатой. Страж ушел в Сторожку, лег на то, что там создал – «кровать», – и долго не шевелился.

Ждод, в свою очередь, размышлял о том, что вошло в него

через перемычку ауры. Среди прочего он видел сквер посреди Города – ровный квадрат травы, лишенный душ, строений и деревьев. Таким сотворил его Ждод, действуя обычным порядком – лепить сперва общую форму, помещая там гору, тут реку, а после возвращаться и все улучшать. Сквер, увиденный глазами Стража, требовал немедленного улучшения. Да и самому Ждоду не мешало больше общаться с душами, дабы овладеть искусством слов.

Так что он вышел в Сад – освежить в памяти цветы, появившиеся здесь за последнее время, а затем пролетел над улицей и опустился в центре Города, где была одна лишь безвидная трава. Расхаживая взад-вперед, он засадил сквер цветами – не повсюду, как травой, а приятными для глаз группами. И вновь его настигла уверенность, что он не создает новое, но вспоминает прежнюю жизнь. Он чувствовал, что в законченном парке среди клумб будут виться дорожки из чего-то вроде камня. В центре должно стоять каменное сооружение. Не как Дворец. Маленькое, размером всего на несколько душ. И не для жилья, просто украшение, приятное для глаз.

Силясь поточнее вызвать эти воспоминания, он перестал обращать внимание на все вокруг, а когда отвлекся и посмотрел по сторонам, то увидел, что по краю сквера собрались души. Его изумило их число: больше, чем он мог сосчитать. Тысячи. Они не выстроились ровными рядами, а разбились каким-то удобным для себя образом. Как и прежде, одни разговаривали словами, другие обменивались мыслями и восприятием через ауру. Те, что говорили, употребляли больше слов, чем он ожидал. Слово «Ждод» было общим, «цветы» – нет. Разные скопления душ, по-видимому, расходились во мнении, какие звуки чему соответствуют. И опять новое для Ждода осознание, про которое он чувствовал: там, откуда он взялся, это в порядке вещей. Души не одинаковые, они объединяются по степени сходства, в том числе по употреблению слов.

Впрочем, все они избегали заходить на траву, кроме одной души – относительно крупной и хорошо сформированной. Она свободно перемещалась по скверу, чаще на крыльях, чем ногами, от одной клумбы к другой, словно осматривала Ждодову работу. Ждод нарек ее Самозваной. Он попытался жестами и отдельными словами объяснить, что ей можно гулять в сквере, однако Самозвана то ли и так это знала, то ли не считала, что нуждается в его разрешении.

За тем, как Ждод пытался втолковать ей свою мысль, наблюдала другая отчетливая и зрелая душа. Ждод нарек его Всеговором, ибо видел, как тот ходит между разными группами.

Ждод призвал Всеговора и Самозвану к себе – рассмотреть, какие обличья они себе выбрали. У Самозваны тело было тонкое и сильное, как зеленая ветка. Она как будто состояла из одних крыльев и пользовалась ими чаще, чем другие души. Ее аура была водопадом белой ряби, в который она уже вплела цветы, выращенные Ждодом в сквере. Ждоду не понравилось, что она рвет цветы, но, глянув на клумбы, он увидел, что на месте сорванных выросли новые.

Всеговор был шире, чем Самозвана, но не такой массивный, как Страж. Он распределил по своему телу – на щиколотках, бедрах и локтях – дополнительные пары крылышек вдобавок к большим крыльям за спиной. Аура у него была маленькая и плотно прилегала к голове, возможно, потому, что он предпочитал говорить словами, в чем превосходил все другие души. Соответственно его лицо – особенно нос и рот – было совершеннее, чем у других, и очень приятно на вид.

Ждод не знал, как с ним объясниться. Собственные слова казались ему грубыми в сравнении с речью Всеговора. Слияние аур было бы действеннее, но он не хотел ошеломить эти души, как бедного Стража. Впрочем, тронув благоуханную ауру Самозваны, Ждод понял, что та обладает более развитым восприятием и прямое соприкосновение с его природой ее не ошеломит. Затем она смогла передать Всеговору, чего хочет Ждод. С помощью этих двоих Ждод сумел объяснить, что желательно всем душам свободно гулять по скверу.

Он подумал, что можно заодно воздвигнуть и башенку, мелькнувшую в его памяти, вышел на середину сквера и вызвал лежащий под травой адамант. Что-то под ногами заворочалась, силясь подняться и принять форму по его воле. Однако, глянув вниз, он увидел лишь траву. В одном месте она разошлась, и наружу лез камень – все медленнее и медленнее, а потом вовсе остановился. Ждод оставил попытки придать ему форму, и камень застыл бесформенным бугром на высоте его колена.

Все это крайне обеспокоило Ждода, так что он полетел обратно во Дворец. Самозвана некоторое время следовала за ним, но Ждода уже утомило ее своеволие. Он развернулся и взмахом крыльев создал мощные токи ветра, которые понесли ее назад к Городу. Она увернулась от них с ловкостью, вызвавшей у Ждода разом досаду и восхищение, однако намек поняла и полетела обратно.

Идея одинокой башенки в сквере пробудила еще одно воспоминание: у дворцов иногда бывают башни по углам. Ждод опустился у стены, выходящей на Сад и лес. Здесь он мог трудиться незримо для душ в Городе, ибо мысль, что кто-то

наблюдает за его работой, странным образом смущала. На углу Дворца он попытался воздвигнуть башню, как недавно в сквере. Стоило только подумать, и адамант, поднявшись из основания холма, образовал круглую башню. Ждод повторил то же на другом дальнем углу, и вновь получилось. Он перелетел к стороне Дворца, выходящей на улицу. Третья башня потребовала куда больших усилий. За четвертую он не стал даже и браться.

«Открытие» Ландшафта стало главным событием Екопермона-3. После этого никто ни о чем другом не говорил. Участники до утра бродили по теннисному корту и разглядывали модель. Зеркало «Провил» – Программы визуализации Ландшафта, как стали называть созданный Матильдой и Софией инструмент, залили на сервера и предоставили коллегам доступ, чтобы те после конференции без спешки изучили модель из дома или с работы.

В следующие недели появились отчеты, похожие не столько на современные научные статьи, сколько на дневники путешественников восемнадцатого века. Одни виртуальные капитаны Куки, например Плутон, больше интересовались самим Ландшафтом, другие сосредоточились на горячем участке в середине. Даже для самых больших скептиков это чертовски напоминало город с улицами и домами. София вскоре заметила то, что, раз увиденное, уже нельзя было развидеть: «город» повторял план айовского городка, в котором рос Ричард и другие Фортрасты.

Когда к улучшению «Провил» подключили еще программистов и новые вычислительные мощности, появилась возможность различать – хотя и в призрачной, пуантилистской форме – виртуальные тела, соответствующие отдельным процессам. По большей части они были строго гуманоидные, что отчасти даже разочаровывало. Однако некоторые обзавелись крыльями либо другими дополнениями, а немногие приняли совершенно неожиданные и странные формы.

Как только это заметили, подсчитать статистику оказалось делом нескольких дней. Результаты были неоспоримы. Чем раньше загрузили процесс – чем старше был скан, – тем с меньшей вероятностью он обретал обычную человеческую форму. Самыми диковинными были Додж, процессы РНБ и Эфратские Одиннадцать. Из них Додж был загружен первым, остальные, начиная с Верны, общим числом в несколько десятков, – после того как Додж просуществовал в Битмире уже какое-то время.

И не то чтобы их тела были сперва человекоподобными, а со временем приобретали все большую странность. Статистика

показывала четкий рубеж, соответствующий началу полного сканирования. Процессы, вошедшие в Битмир с полной информацией о прижизненных телах, обитали теперь в цифровых симулякрах этих тел. Те, кто попал туда из отрезанных голов, демонстрировали более разнообразную морфологию. Но у них же был самый высокий процент неудавшихся загрузок – некоторые не оставили в системе никакого следа. Если они и были живы, то никак не проявлялись.

31

– Грустно, что мы встречаемся при таких… э… обстоятельствах, – сказал Корваллис.

– Ничего, я привычная, – ответила Зула. – Это теперь моя работа или вроде того – быть ангелом смерти.

Зула с Корваллисом, а также две бригады «Скорой помощи», пожарная машина, несколько полицейских, три юриста, похоронный агент и врач собрались за последние сорок пять минут между домом и гаражом, размерами почти не уступающим дому, в загородной местности к северо-востоку от Сиэтла. Дом стоял в конце подъездной дороги – четвертьмильного частного ответвления шоссе, вьющегося к подножиям Каскадных гор мимо конюшен и молочных ферм. Заснеженные горы вставали из тумана всего в нескольких милях отсюда. С них дул холодный ветер, заставляя людей укрываться за Плутоновым гаражом.

В чем крылась своеобразная ирония, поскольку в Плутоновом гараже было намного, намного холоднее, чем во дворе.

Плутон купил участок и поселился в доме – довольно тоскливом образчике архитектуры 1970-х не в лучшем состоянии – давным-давно. За десятилетия он превратил гараж в полностью оборудованную научную лабораторию и механическую мастерскую. Соседи с ужасом смотрели, как тяжелые грузовики подвозят по разъезженной грунтовке многотонные станки. Газ в баллонах и криогенные жидкости доставляли постоянно. Никто не знал, чем именно он там занимается. Ответ напрашивался: тем, что ему в данную минуту заблагорассудилось. В какой-то период он получал разные типы лавы, плавя камни на огромных кислородных горелках собственного изобретения. Испытывал на заднем дворе самодельные ракетные двигатели.

Сегодня двери гаража были широко распахнуты, являя взгляду его последнее изобретение: исключительно сложную машину самоубийства за герметическим пуленепробиваемым стеклом, обклеенным предупреждающими надписями и

юридическими документами.

Зула добиралась сюда больше часа и в дороге выслушала по телефону кое-какие объяснения, поэтому знала, что увидит.

Плутон лежал за стеклом на медицинской каталке посреди научной лаборатории. В ярком холодном свете многочисленных светодиодных ламп можно было разглядеть множество проводов. Тело и всю голову, кроме лица, закрывало что-то вроде походного спального мешка, на лице была подключенная к отдельному компьютеру гарнитура виртуальной реальности. Спальный – правильнее, наверное, сказать «смертный» – мешок пронизывала сеть трубок. Судя по наросшему на трубках инею, внутри у них было что-то очень холодное. Трубки тянулись к ящику в углу – надо думать, охладительному устройству. Трубки потоньше, которые вились по шее Плутона и ныряли в мешок, были подключены к капельницам. Имелась и система контроля, воплощенная в системе проводов числом никак не меньше трубок; все провода шли к рабочей станции – компьютеру старого образца с системным блоком и ЖК-монитором. Некоторые провода вели к охладителю, некоторые – к приборчикам, установленным на капельницах. И один – к телефонному аппарату.

– Где такие сегодня покупают? – спросила Зула, глядя на аппарат.

– В Китае. Некоторые бизнес-конторы до сих пор ими пользуются для определенных целей.

– Полицию вызвали по нему?

– Сперва был звонок адвокату. Рассчитанный так, что сердце Плутона остановилось раньше, чем кто-либо успел приехать. Завещание и распоряжение об останках уже лежали наготове. Врачи приехали через пятнадцать минут после адвоката, увидели на кардиографе прямую линию и не стали вламываться внутрь. Сейчас ситуация вроде как зашла в тупик. Ждут коронера.

– То есть главное, что он умер и врачи не нужны, – сказала Зула. – Все как с дядей Ричардом, только лучше организовано.

– Хм, это не имеет прямого отношения к делу, но у Плутона был рак. Я только что прочел в одном из документов, которые он нам оставил. – Корваллис поднял папку: – Прямая кишка. Распространился на печень. Плутон знал об этом примерно год.

– То есть успел все это построить?

– Видимо, да. Но проект, как я понимаю, недавний. Вон там его доктор. – Корваллис указал на человека в белом халате, который что-то оживленно обсуждал с дюжим сельским пожарным. – Говорит, Плутон интенсивно лечился, делал все, чтобы победить болезнь, а несколько месяцев назад прекратил

терапию.

– Екопермон, – сказала Зула.

– Да. Возможно, совпадение, но…

– Но, скорее всего, нет. Хотела бы я знать, что у него играет в VR-гарнитуре.

– У Плутона были идеи, – ответил Корваллис. – Он обрисовал мне их в баре на Екопермоне. Он думает… думал о непрерывности сознания. Забираешь ли ты свои воспоминания в Битмир? Помнят ли гуляющие по городу люди, откуда они?

– Или они как души в Аиде, которые пили из Леты и забыли все? – сказала Зула. – Мне кажется, скорее второе.

– Ну они точно не особо стремятся выйти с нами на связь.

– Да уж!

– Итак, что происходит, когда ты пересекаешь…

– Стикс?

– Сохраняется ли единая нить сознания, которую можно подхватить с прежнего места?

– Ну то, что мы видели на Екопермоне, определенно что-то говорит, – сказала Зула. – Ландшафт воспроизводит обстановку, с которой эти люди были знакомы в Митспейсе[27].

– По стандартам Плутона – нет, – хмыкнул Корваллис.

– Но его стандартам ничто удовлетворить не может, – закончила Зула.

– Так что, думаю, Плутон с помощью VR-гарнитуры пытался повлиять на исход. Он хотел заснуть с идеями, образами в кратковременной памяти, которые попадут на скан и в компьютер. Он не хотел пить из Леты.

– Думаю, мы скоро выясним. Когда вытащим его оттуда и узнаем, что показывали его очки.

Корваллис открыл папку и достал запечатанный конверт:

– Это тебе.

На конверте был приклеен стикер с печатными буквами: «ОТКРЫВАТЬ ТОЛЬКО ЗУЛЕ ФОРТРАСТ (ЛИБО ТОМУ, КТО БУДЕТ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ДИРЕКТОРОМ ФОРТРАСТОВСКОГО ФАМИЛЬНОГО ФОНДА)».

– А надо ли открывать?

– Думаю, ты можешь считать это еще одной своей символической обязанностью, – сказал Корваллис. – Но если там не документ, которым Плутон жертвует свой мозг науке, я сам лягу в его холодильник.

Ждод поднялся в воздух и полетел в горы. Он хотел посмотреть одно место, которое запомнил по прежним посещениям. Чтобы разделить четыре реки, проложенные от устьев, и объяснить их направление, потребовалось воздвигнуть несколько горных хребтов. И тут Ждод сам загнал себя в ловушку: хребты сходились как-то совершенно неправильно. Между ними образовались странные зазоры, в которых вода не знала, куда течь. Один хребет не состыковывался с другим; пришлось оставить вертикальные уступы с одной стороны и бездонные провалы с другой. Это было единственное такое место на всей Земле; здесь сосредоточилась вся неправильность, которую он изгнал отовсюду. Узел был немногим больше Города, Улицы и Дворца, но чем сильнее Ждод его сжимал, тем заметнее становилась нелогичность. Он отчаялся исправить Узел и подумывал просто обнести его высокой стеной, дабы ни одна душа не увидела Ждодовы ошибки. Однако вместо этого он полетел к особо корявой части Узла. Здесь горный хребет высился над бездонной пропастью. В ее глубине можно было различить обнаженный хаос – последние остатки хаоса, еще сохранившиеся на Земле.

Ногами сюда было не пройти, и даже долететь трудно. Ждод по пути старался сделать это место еще более недоступным – окутал уступы ледяными водопадами и заставил ветры биться о них с той же силой, с какой волны ударяют о побережье.

Так Ждод обрел убежище от чужих глаз там, где ни одна душа не могла его увидеть.

Достигнув желанного одиночества, он сел на карниз под нависающим горным хребтом. Карниз он расширил и сделал ровнее, ибо задумал возвести тут здание, чем-то сходное с Дворцом, только более сложное, с высокими стенами и множеством башен. Пока Ждод трудился, ему приходили разные названия, такие как Замок и Крепость, но остановился он на Твердыне. Долго он размышлял, какой ей надлежит стать, и наконец приступил к задуманному. Упорно и терпеливо Ждод возвращал адамант в хаос, делая пластичным, а затем лепил по своей воле. Вызвав из карниза фундамент, он попытался воздвигнуть первую стену. И вновь камень послушался не сразу, но затем принял требуемую форму.

Ждод понял, что не совсем один. Кто-то за ним наблюдал. Он огляделся, ожидая увидеть в воздухе Самозвану или какую-нибудь другую душу из Города. Однако никого видно не было, и аура, какая обычно извещала о появлении новой души, тоже не ощущалась.

Наконец Ждод глянул в бездну под Узлом. Исполинское лицо

вздымалось из хаоса, словно из моря. Голова была больше Ждодовой и окутана дикой рябью, которая щупальцами тянулась за ней, почти не отличимая от тела. Поднимаясь, душа сгущалась в форму, более похожую на Ждодову размерами и очертаниями, но по-прежнему не могла отделить себя от темной ауры хаоса. Наконец она уцепилась недооформленными руками за скалу, на которой Ждод заложил основание Твердыни, поднялась вровень со Ждодом и посмотрела ему в лицо. У диких душ он видел и более причудливые формы. У этой по крайней мере было лицо, и чем больше Ждод в него вглядывался, тем сильнее чувствовал, что душа эта ему знакома.

– Давно ли ты обитаешь здесь? – спросил он, указывая в бездну хаоса.

– Нет, – ответила душа. – Отсюда я вылез несколько дней назад, и пригляделся к здешним диковинным камням, и с высоты обозрел лежащие окрест края. Затем меня сморила усталость, и я на время отступил. Думаю, это повторялось несколько раз, но одинаковость сбивает мой разум с толку.

– Таков путь каждой души при вступлении в смерть, – объяснил Ждод.

– Мы знакомы.

– Соглашусь, – промолвил Ждод. – По тому хотя бы, что речь твоя мне яснее речи других душ.

– Так есть другие?

– Много.

– Но не здесь.

– Да. Здесь я обитаю в одиночестве либо в обществе близких мне душ. Ты тоже можешь здесь обитать, ибо мы были знакомы в жизни, но я приглашаю тебя выйти и вместе со мной осмотреть прочие края. Многое там не завершено и нуждается в улучшении.

Тот согласился и обрел силу ума, а равно устойчивый облик быстрее любой известной Ждоду души. Имя он себе взял Плутон, ибо так ему вспомнилось.

Плутона влекло устроение Земли. Научившись ее преобразовывать, он принялся расхаживать по разным краям (крыльев у него не было) и совершенствовать их облик. Общие формы, созданные Ждодом, он не менял, но придавал им бóльшую сложность и разнообразие. На гладких адамантовых обрывах пролегли извивы и трещины, их пронизали жилы и слои невиданных прежде камней. Горные породы, созданные Плутоном, состязались красотой и разнообразием с цветами в Саду. Ждод знал, что Плутона огорчает скопление ошибок, породившее Узел, и, дай ему волю, он бы все там сровнял и пересоздал. Посему Ждод постановил, что Узел должен

оставаться неизменным.

Избавившись от чужого глаза, Ждод вернулся к Твердыне и сделал ее больше и сложнее, чем требовалось для какой-либо цели, ибо его не отпускала память о неудаче в сквере. Чтобы прогнать сомнения, он должен был доказать себе: его способность лепить мир по задуманному нимало не оскудела. В этом он скоро убедился и чувствовал, что близость хаоса не помеха, а скорее помощь. Некогда его злейший враг, хаос превратился в источник творчества. По пути от исполинского карниза Ждод вновь прибег к силе хаоса и окружил все это место ураганами. Ураганы подхватывали брызги от бесчисленных водопадов, окутывая Узел стеной грозовых бурь, сквозь которую могли пройти лишь Плутон и сам Ждод.

И все же, вернувшись к Дворцу, он не смог воздвигнуть четвертую башню со стороны Города. Страж, который вроде бы вполне оправился, смотрел на него с изумлением. Чуть поодаль стояли Всеговор и Самозвана, тоже наблюдая за ним, и Ждод знал: из Города на него смотрят и другие души.

Позже, размышляя об этом в Саду, он нашел ответ – все дело в других душах, в их восприятии. В одиночестве он волен менять что угодно – надо лишь вообразить желаемый результат. На глазах у других душ все сложнее. Видимо, любая перемена – например, строительство башни – производит соответствующие перемены в умах всех наблюдающих душ. А души сильны сами по себе и обладают некоторой инерцией, особенно когда должны согласно увидеть создаваемое со множества разных точек зрения. Все в мире связано узами, которые необходимо разорвать, прежде чем произвести перемены, и узы эти плетутся восприятием душ.

Он отослал Стража, Всеговора и Самозвану и повелел туману собраться вокруг холма. (Туманы, как и другие атмосферные явления, были теперь не редкостью.) Как только Дворец окутало мглой, Ждод без труда возвел четвертую башню. Еще он добавил перед Дворцом новые помещения: комнату между Сторожкой и главным залом, где мог бы поселиться Всеговор, дабы разговаривать с другими душами, и башню над Сторожкой – для Самозваны, если ей захочется здесь жить.

Когда туман рассеялся и души увидели новый облик Дворца, в их умах произошли перемены, но Ждоду не надо было для этого трудиться – мир просто сказал им, каково все теперь. Дабы подтвердить свою догадку, он дождался ночи (в это время все души уходили в дома). Ждод спустился в Сквер и на всякий случай еще окутал площадь туманом. Без всякого труда он поднял застрявший в траве камень и воздвиг башенку наподобие тех, какие поставил по углам Дворца.

После этого во Дворце и в Городе на время воцарился порядок. Всеговор занял свою новую комнату, а Самозвана обжила башенку над Сторожкой.

Лето сменилось осенью. Ждод взял в обычай иногда ходить по улице и гулять в Сквере, приглядывая, чем заняты прочие души, и давая им себя посмотреть. Он теперь узнавал и другие души, чем-либо себя отличившие. Одна любила сидеть на башенке в Сквере и просто глядеть иногда днями напролет; Ждод назвал ее Долговзорой и устроил ее комнатку наверху четвертой башни Дворца, той, что смотрела на Город. Еще один обустроил свое жилище на удивление красиво и сложно; его Ждод нарек Делатором и поселил в домике рядом с боковой стеной Дворца, дабы тот изготавливал новые вещи вдали от мешающих взглядов остальных душ.

Ждод научил Самозвану летать на большие расстояния и показал, как преодолеть завесу бурь вокруг Твердыни. Зимой ураганы бушевали особенно яростно, но гибкое тело и проворные крылья Самозваны с ними справлялись. Делатор, напротив, был из тех нелетающих, чьи крылья усохли за ненадобностью. Ждод иногда переносил его в Твердыню и оставлял там на недели ее улучшать. Здесь Делатор научился творить вещи из различных металлов, прозрачного камня и новых горных пород, которые разместил в недрах Узла Плутон. Делатор добывал минералы и руды с помощью других душ, чью страсть к земле подметила Долговзора.

Сам Ждод тем временем подолгу трудился в Саду. Он задумал нечто сложнее всего, что сотворил с тех пор, как впервые извлек себя из хаоса.

Замысел пришел, когда Ждод смотрел с высоты на Сквер и движущиеся души пробудили еще одно почти-воспоминание. У него росла уверенность, что в мире, где он жил, пока не умер, обитали существа, движущиеся по собственной воле. Этим они отличались от деревьев, травы и цветов, которые были неподвижны и лишь колыхались на ветру. Однако не были они и душами, а принадлежали к некоему промежуточному разряду. Думал Ждод о них давно и чувствовал, что Земля без таких существ остается незавершенной. Однако мысль была настолько смутной, что он нисколько не продвинулся, пока случайно не догадался собрать цветы в клумбы – этим, взяв у него общую идею, занималась теперь Самозвана. Благодаря ей цветы были везде, даже там, где им быть не положено, например на ветках деревьев. Долговзора часами глядела на них с легким смущением, которое не умела выразить словами, но легко передавала через единение аур: цветы, хоть и прекрасные, были

одиноки и стали бы лучше, роись вокруг крохотные души-которые-не-совсем-души. Они должны порхать на маленьких крылышках, садиться на цветы и наполнять воздух негромким гулом.

Теперь Ждод не мог успокоиться, пока не создаст этих существ. Он трудился в Саду, а когда благоухание и красота цветов начинали его отвлекать, летел в Твердыню и пытался вызвать существ из хаоса. Он вложил смутный образ в разум Делатора, и тот попытался сотворить крылья из металла и стекла. Крылья были прекрасны и похожи на то, что надо, однако не умели летать. Для этого нужна была оживляющая сила, Ждоду недоступная. Он забирал творения Делатора и ставил в Саду, где холодное зимнее солнце играло в стекле и вспыхивало на полированных металлических жилках, но какими бы маленькими и тонкими ни мастерил их Делатор, они не взлетали.

Как-то Ждод сидел рядом с клумбой и разглядывал крылышки из стекла и металла, такие маленькие, что они умещались поперек его пальца. Тут он почувствовал приближение другой души и, подняв глаза, увидел перед собой Долговзору.

– Иди в Лес, – сказала она. – Там творится то, о чем тебе следует знать.

Ждод знал, что Долговзора теперь чаще бывает в Лесу, чем в Городе, но не ведал, что там ее заинтересовало. Снега таяли, как и каждый год с тех пор, как впервые побежали ручьями и слились в первую реку. Из голой земли под деревьями пробивались растения; многие за годы распространились из Сада в Лес на холме, так что были здесь разнообразнее, чем где-либо еще. Они, естественно, влекли Долговзору, упорную и терпеливую наблюдательницу, но она не звала Ждода смотреть на все, что возбудило ее любопытство. Долговзора любила бывать одна и не приставала к другим без повода. Итак, Ждод встал и вместе с ней вышел через калитку. Они вступили под деревья, усыпанные почками, и прошли мимо первых зеленых ростков к месту, хорошо ему знакомому. Здесь вода впервые забила из-под земли, здесь брал начало первый ручей, увиденный Ждодом при первом таянии снега. Позже, следуя вдоль речных притоков к их началам, он нашел и другие такие высоко в горах. Среди них встречались и более полноводные, и такие, где струи били выше. Однако для Ждода это место, которое он называл весенним родником, все равно оставалось истоком реки. В журчании этих струй он впервые услышал свое имя и понял, как себя называть.

Очень давно – возможно, еще до того, как Ждод увидел Стража, – родник облюбовала некая душа. Сейчас, подходя вместе с Долговзорой, он понял, что многие деревья вокруг родника тоже

населены душами – присутствие одной привлекло многих. На влажной почве деревья росли особенно хорошо; они были выше и приятнее для глаза, чем где-либо еще на Земле. Ему пришло на ум слово «роща»; древностью, размером деревьев и числом обитающих душ она отличалась от любого другого места. В центре ее был темный влажный ложок, откуда бежал ручей.

У внешнего кольца деревьев Долговзора остановилась. Она издали следила, как Ждод идет к весеннему роднику.

– Здравствуй, Ждод, – произнес голос из родника. – Что ты хочешь наделить жизнью?

Ждод, не доверяя своему умению говорить, показал крылышки из стекла и металла у себя на пальце.

Журчание родника стало громче и наполнило рощу звуком, похожим на шипение хаоса, однако Ждод знал: это нечто куда более высокого порядка и рождено умением, терпеливо обитавшим тут почти столько же, сколько пробыл в этом мире сам Ждод. Теперь он понял, что живущая в роднике душа копила силы столько, сколько он. Но то были силы иного рода.

Кончик пальца защекотало, и Ждод, глянув туда, увидел льющуюся со всех сторон ауру. Чувство было сродни тому, что он испытал при касании ауры Стража, но содержало меньше хаоса и больше непостижимой для Ждода упорядоченности. Крылышки трепетали сами по себе. Присмотревшись, он увидел, что они уже не из стекла и металла, какими искусно и кропотливо сотворил их Делатор, а из чего-то другого, еще тоньше и легче. Их соединяло между собой тонкое тельце. На глазах у Ждода оно выпустило ножки, головку с одного конца и острый хвостик с другого.

Ждод чувствовал, что оно сейчас улетит, и придавил крылышки большим пальцем, чтобы удержать и лучше рассмотреть. Однако при этом хвостик-жало вонзился ему в палец и произвел ощущение, из-за которого он отдернул руку. Существо взлетело, зависло на миг перед его лицом и опустилось на лиловый цветок, росший у родника.

В воде угадывалась некая форма, подобная той, что приняли Ждод и другие души, только без крыльев. Она как будто возлежала на ложе ручья, но теперь села, так что ноги и ягодицы остались в воде, а голова, туловище и руки предстали глазам Ждода.

– Имя этому Боль, – сказала Весенний Родник, глядя на руку Ждода, которую тот по-прежнему держал на весу, словно опасаясь приблизить к своему телу.

– Я начинаю ее вспоминать, – ответил Ждод.

– Если ты возьмешь в обычай создавать новые существа,

действующие по своему произволению, ты испытаешь ее снова, такую же и худшую, – изрекла Весенний Родник, глядя Ждоду прямо в глаза.

– И тем не менее их стоит создавать, – промолвил Ждод, – хоть я и не обладаю такой силой.

– Развить эту силу было моим здесь делом, – ответила Весенний Родник. – Но я не умею изобретать сложные формы, в которые можно вдохнуть жизнь.

– Так будем творить их вместе, – предложил Ждод.

– Можешь обустроить мне место во Дворце, и я буду обитать там время от времени, – сказала Весенний Родник, – когда пожелаю облечься в форму, подобную твоей. Но если ты оглядишься и не увидишь меня там, значит, я здесь.

При последних словах ее голос стал журчанием влажного шума, а форма обратилась в водяной холмик, который рассыпался струями и утек из Рощи. Однако Ждод знал, что Весенний Родник осталась на прежнем месте.

Часть 6

33

– Это не обычная деловая встреча, – объявил Элмо Шепард через бесстрастное лицо Метатрона. – Пусть вас не вводят в заблуждение обыденные аспекты: конференц-зал, графин с водой, ваши деловые костюмы. Мы тут занимаемся эсхатологией. Практикуем ее, как некоторые – йогу.

Корваллису обстановка вовсе не казалась обыденной. Да, они сидели за обычным конференц-столом в офисе НЭО. Однако над этим столом висела обновляющаяся в реальном времени модель Ландшафта.

С тех пор как на Екопермоне-3 впервые показали «Провил» – Программу визуализации Ландшафта – минуло полтора года. За это время его общая форма почти не изменилась. Однако алгоритмы улучшились, и данных теперь поступало больше. Ландшафт можно было картировать намного точней и уверенней. Некоторые более тонкие детали изменились. Нельзя было уйти от факта, что именно таких изменений они ждали от Плутона. Он отправился туда – покончил с собой, – чтобы выправить это место. И выполнял задуманное.

И все же Корваллис не доверял свидетельству собственных глаз, пока София не обратила его внимание на башню в сквере. Никто уже не ставил кавычек. Не «башня» в «сквере», а башня в сквере, как все ясно видели. София показала снимки, которые сделала несколько лет назад в сквере посреди айовского городка, где вырос Ричард. Там стояла очень похожая башня.

Бесполезно было отрицать, что процессы, моделирующие мозг Доджа и Плутона, *живут* теперь в мире, который создали по своим представлениям. Они научились выделять в облаке память для хранения карты этого мира. Имелись даже свидетельства, что они используют другие ресурсы – кластеры высокопроизводительных процессоров – для моделирования ветра и волн.

И если это верно для двух процессов, то должно быть верно и для всех остальных, а их уже были тысячи.

– Мне не нравится то, что происходит, – сказал Метатрон. – Это задумывалось иначе.

– Что «это»? – спросила Зула.

– Вы прекрасно знаете.

– Да. Думаю, что знаю. Но, говоря «это», как будто у нас есть

общее видение «этого», вы в некотором смысле передергиваете. Надо расшифровать то «это», о котором вы говорите.

Здесь Эл, сиди он с ними в одной комнате, мог бы возразить. Однако помешала скорость передачи сигнала между Фландрией и Сиэтлом. Зула продолжила:

– Я познакомилась с вами после дядиной смерти, когда против воли должна была пройти краткий курс эвтропийства, крионики и тому подобного. Я слышала про идею Сингулярности, читала про нее в статьях, но не видела вживую никого, кто бы всерьез к ней готовился. С тех пор вы, я, Корваллис, София, Синджин, Джейк и многие другие отдали заметную часть жизни на разработку ее механики. Мы не обсуждали общую картину: зачем это делаем, какова цель. Когда вы говорите: «Это задумывалось иначе», у меня возникает чувство, что вы имеете в виду какую-то общую картину, которую мы, возможно, не видим. Поделитесь ей.

– В каком-то смысле я ею уже поделился, – ответил Метатрон, – когда сказал, что мы здесь занимаемся эсхатологией.

– Вы про конец света и все такое? – спросил Корваллис.

– Какова окончательная участь человечества? Вот определение, которое мне ближе других, – сказал Эл. – Извечная тема мировых религий. Только у пророков и богословов не было фактической информации. У нас есть факты. Мы можем решишь, какова наша окончательная участь, и воплотить свое решение. Мы – первые люди в истории, кому дан такой выбор. Я не позволю нам упустить эту возможность.

– Кто говорит, что мы ее упускаем? – возмутилась Зула. – Мы не знаем, что происходит в Ландшафте. Может быть, это райский сад. Может быть, там замечательно.

– Может быть, это цифровая Северная Корея, – парировал Эл. – В любом случае это моделирование земной обстановки. Мы не знаем, что там происходит. Люди – процессы – вроде бы сосредоточились в месте, называемом городом. Они общаются между собой – во всяком случае, складывается такое впечатление. Другие процессы разместились в других частях Ландшафта. Если вы освободите мне стол, я покажу результаты сетевого анализа, проделанного моей командой.

– Прошу, – ответила Зула.

Ландшафт померк. Лаборант Эла, физически присутствующий в конференц-зале, подвигал руками в воздухе и вызвал абстракцию: созвездие цветных объектов над столом. Тысячи белых комочков таблетками аспирина теснились в нижних дюймах модели сразу над столом. Их связывали бессчетные паутинные нити. Над ними парили десятка два

шариков побольше, раскрашенных по цветовой схеме, которую Эл еще не объяснил. Сверху висел желтый шар размером с грейпфрут. От него к объектам уровнем ниже отходили тонкие золотистые лучи.

– Мы не можем подслушать непосредственный обмен сообщениями между процессами, – сказал Эл, – но можем понять, кто с кем разговаривает. Сейчас перед вами результат анализа сетей. Здесь видно, кто с кем разговаривает и как часто. И некоторые тенденции очевидны.

– Простите за элементарный вопрос. Каждый из этих объектов соответствует отдельному процессу? – спросил Корваллис. – Душе, так сказать?

– Да, а линии между ними показывают то, что мы считаем коммуникацией.

– Почему одни настолько больше других?

– Размер пропорционален потребляемым ресурсам – памяти, вычислительной мощности.

– Ясно. Значит, много маленьких постоянно разговаривают между собой. – Корваллис провел ладонью через нижний слой, похожий на таблетки в паутине.

– Да. Подавляющее число индивидуальных процессов соответствует этому профилю. А выше – жирные коты. Ресурсные магнаты. Большой желтый сверху – первый Процесс, который София запустила в Принстоне.

– Мозг Доджа, – сказала София.

– Да, хотя коннектом с тех пор сильно изменился и вполне может иметь мало общего с Доджем.

– Однако он устроил сквер, башню… – напомнила Зула и тут же нетерпеливо тряхнула головой: – Извините. Продолжайте.

– Между ними – Пантеон.

– Что-что?

– Это мой термин для группы из примерно двадцати процессов, дающих непропорциональную нагрузку на систему – они потребляют много ресурсов. Здесь почти все девять процессов РНБ, в том числе процесс, моделирующий коннектом Верны Браден, уступающий только Мозгу Доджа. Они и некоторые из Эфратских Одиннадцати получили фору и быстро росли.

– Плутон?

– Большой лиловый, – ответил Эл. – И, честно сказать, несколько моих тоже здесь.

– Ваших?!

– Вы знаете, о чем я. Клиенты моей организации, отсканированные на моих устройствах, загруженные через мою сеть.

Зула встала и обошла стол, разглядывая модель с разных сторон.

– Если это правда, я вижу, что Додж разговаривает с Плутоном, с Верной и с другими членами того, что вы назвали Пантеоном. Но почти никогда не говорит с мелкими.

– Мелкие много разговаривают друг с другом, – заметил Корваллис, – и у них есть контакты с членами Пантеона.

– И некоторые чаще других, – вставил Джейк. – Верна совсем не говорит с мелкими, но у кого-то из ангелов контактов много.

– Ангелов? – резко переспросил Эл.

Джейк улыбнулся:

– Мой термин для тех, кого вы называете членами Пантеона.

Зула подняла руку, словно прося Джейка сдержаться – не лезть в спор касательно ангелов и богов. Но тут вмешался Эл:

– Зула, я заметил, вы стоите довольно близко к зеленому шару.

– Тому, который вы идентифицируете с Верной, если я правильно поняла. Что насчет него?

– Присмотритесь внимательно и скажите, что увидели.

Зула нагнулась ниже и сморщила нос:

– Вокруг Верны я вижу крохотные зеленые точки. Как плодовые мушки вокруг дыни. От них к Верне идут бледные линии. Что это?

– Не знаю, – ответил Эл, – и это меня тревожит. Вообще-то меня тревожит и многое другое. Но это новое и связано исключительно с Верной.

– Верна была программистом. Недооцененным. Так и не успела ничего толком добиться до того, как заболела раком. Может быть, занялась любимым делом, – сказал Корваллис.

– В каком смысле? – спросил Джейк.

– Точки – плодовые мушки – возникшие в последнее время независимые процессы, – сказал Эл. – Учтите, они совсем не так сложны, как те, что мы запустили на основе полных человеческих коннектомов. И возможности у них несравнимо меньше. Однако они независимы и запущены не нами. Косвенные свидетельства указывают, что их запустила Верна.

– Невежливый вопрос: кто платит за вычислительные мощности, потребляемые этими новыми процессами? – спросила Зула.

– Вы, – ответил Эл. – Поскольку процесс Верны запустил ваш фонд. И порожденные ею процессы имеют ту же олографическую подпись. Соответственно, деньги списываются с вас. В более широком смысле я все это поддерживаю, ежедневно вводя в строй новые серверные парки. Финансируя НИОКР, оплачивая

накладные расходы.

– Если все так и есть, то это безумно интересно, – заметила Зула. – Спасибо, Эл, что показали нам. Какие у вас выводы?

– Для начала, это иерархическая структура.

– Вы, безусловно, так ее показали, расположив процессы иерархически, – сухо проговорила Зула.

– Все подтверждено статистикой. Мы не просто играем с картинками, – огрызнулся Эл. – В потреблении ресурсов четко доминируют несколько мегапроцессов. Они определили Ландшафт, на котором все живут. Это… это ровно…

– Ровно как наш мир, вы хотите сказать? – спросил Корваллис. – Ничто не изменилось.

– Это меня и тревожит, – сказал Эл. – У нас была возможность начать все с начала. Выстроить новую вселенную, в которой сознания – сущности, основанные на человеческих умах, но бессмертные, больше и лучше людей, – делали бы, что хотят, свободные от ограничений физического мира. Вместо этого Процесс – первый Процесс – получил огромную фору и слепо, бездумно воспроизвел нечто очень похожее на наш физический мир. С той же географией и физикой, в плену которых мы живем.

– Может быть, они нам нужны, – сказала Зула. – Может быть, наш мозг только так и способен воспринимать вещи.

– Снова Кант, – пробормотал Корваллис.

– Си, вам придется повторить громче, – сказал Эл. – Микрофоны у этой штуки слабее человеческих ушей.

– Ну лет сто назад у нас с Доджем был разговор про Канта. О котором Додж до того не слышал. Речь шла об идее Канта, что пространство и время неизбежны для человеческого ума, что мы просто не можем мыслить, не помещая все в пространственно-временной каркас. Что всякая попытка думать вне этого каркаса породила бы вздор. Этими доводами он опровергал Лейбница.

– По-вашему, Ричард это запомнил? – спросил Джейк.

– Он полез гуглить Канта, – ответил Корваллис.

– Этот вопрос заботит всех, кто размышляет о концепции рая, – сказал Джейк. – Какова она, вечная жизнь там, где нет физических ограничений? Где нет зла, боли, нужд? Быть ангелом, жить на облаке, бренчать на арфе двадцать четыре часа в сутки без выходных – все это может надоесть. До такой степени, что рай покажется адом.

Джейк не шутил. Он проводил целые конференции по таким вопросам. Финансировал издание книг. Приглашал известных ученых на публичные дискуссии с богословами.

– Все это очень интересно, – без тени интереса произнес Эл. – Предлагаю продолжить эту дискуссию без меня. Снимите

гостиницу в горах, пригласите архиепископов и программистов, обсуждайте за вином свои возвышенные идеи. Мне плевать. У меня поджимает время. Я вбухал в это дело больше, чем вы в состоянии оценить. С самого начала я закачивал в проект деньги. Да я на ветер пустил больше, чем остальные вложили. Я смирился с нерациональными тратами – с тем, что не знаю, какие именно двадцать процентов дают реальный прогресс. Поскольку знал, что смертен, и не хотел просто сдохнуть. Как те, кто умер до меня и умрет после. Я проявлял невероятную либеральность, о чем все забывают. Я позволил бенефициарам моей щедрости экспериментировать с любыми идеями, в том числе совершенно бредовыми. Хорошо. Но результаты меня смущали. И вот последняя капля: один из процессов – Верна – порождает собственные процессы.

– Проблема ученика чародея, – кивнул Корваллис.

– Если это умеет Верна, другие тоже могут научиться, потребность в ресурсах станет расти экспоненциально, и проект вылетит в трубу. Когда я сыграю в ящик, то не смогу даже загрузить собственный процесс, потому что все компьютеры мира будут заняты моделированием плодовых мушек. Так что, думаю, мне пора взять на себя более активную роль. Более направляющую.

– И куда бы вы хотели все направить? – спросила Зула.

Эл вздохнул. Метатрон не мог выпустить воздух из легких и ссутулиться, однако дуновение белого шума слышалось вполне отчетливо.

– Думаю, они застряли, – сказал он. – Послушайте. Лучшее и худшее из возможного произошло, когда София раньше времени запустила Мозг Доджа. Просто нажала кнопку. Предоставь мы это дело ученым, они бы тянули еще лет сто и все бы сделали неправильно. Так что ее инициатива в целом была на пользу. Однако по всему Процесс очнулся в полной дезориентации. Думаю, он тыркался наобум, не думая про общую картину, и просто воспроизводил те квалиа, которые были ему приятнее. Результат мы видели. Система стремится к единственному аттрактору – воспроизведению старого мира, – что несравнимо меньше ее возможностей. А все потому, что новые процессы, загруженные вслед за первым, вошли с ним в самоподдерживающийся резонанс.

– И вы хотите это разрушить, – сказала Зула. – Встряхнуть все и начать заново с более высокими целями.

– По крайней мере, с готовностью допустить, что эти души – я называю их душами – могут не только воспроизводить опыт прежней жизни.

Корваллис спросил:

– Так что вы у нас просите, Эл?

– То, чего должен был потребовать изначально, – ответил Эл. – Полноправный статус. Я должен стать держателем токена с неограниченными административными привилегиями в отношении процессов.

Вполне разумная просьба со стороны человека, который, надо признать, больше всех сделал для осуществления проекта. Оттого-то все надолго замолчали. Попроси Эл чего-нибудь несусветного, его бы подняли на смех.

Первым заговорил Корваллис:

– Эл, просто для ясности. Сейчас, по историческим причинам, токеном такого уровня владеет одна София. С его помощью она запустила Процесс, который, как вы сами указали, сейчас доминирует. Она может его отключить. «Убить». Если вы получите равные привилегии, у вас тоже будет эта возможность.

– Послушайте, Си. Задумайтесь на секунду, что происходит с Верной и мелкими процессами, которые она порождает. И это скоро станет вашей проблемой, поскольку платит за них Фортрастовский фамильный фонд. Что будет, когда их станет миллиард и они потратят все ваши деньги?

– Как вы знаете, этого не произойдет. Мы можем замедлить моделирование и поддерживать ту скорость сжигания капитала, которая нам по карману.

– Пиар-катастрофа, – ответил Эл. – «Провил» создавалась как исследовательский инструмент, но теперь ее смотрят миллионы. Увлеченно следят, что происходит в мире мертвых. При меньшей скорости зрители потеряют интерес. Перестанут подписывать контракты. Остановится приток денег. Мы не сможем добавлять нужную компьютерную инфраструктуру. Проект войдет в штопор.

– Я смотрю на вещи не столь пессимистично, – ответил Корваллис.

– Можете называть это пессимизмом, если хотите. Цифры не лгут. «Плодовых мушек» надо прихлопнуть.

– Послушайте, я рад, что вы обратили наше внимание на Верниных «плодовых мушек». Мы будем за ними приглядывать. Но сейчас я не о них, и вы это прекрасно понимаете. Я о больших процессах, основанных на человеческих коннектомах. Процессах, которые мы называем по имени и думаем о них, как о человеческих душах. Токен с неограниченными административными правами позволяет «убить» любой из них.

– Си, вы знаете мое мнение, – ответил Эл. – Я больше, чем кто-либо из присутствующих, верю, что процессы живые. Живые в той же мере, что вы и я. И для меня отключить один из них

равнозначно убийству. Так что вы правы, говоря, что я получу возможность убить любой из них. Однако это не имеет никакого отношения к делу. С тем же успехом вы могли сказать, что здесь, в Митспейсе, я способен нанять киллера и устранить кого угодно.

Некоторое время все переваривали услышанное. Потом Джейк спросил:

– Эл, вы сейчас абстрактно философствуете или угрожаете?

Корваллис глянул через стол на Зулу. Зула глянула на него и, невидимо для Метатрона, покрутила пальцем у виска.

34

После того как Весенний Родник вдохнула жизнь в нескольких пчел, новых творить не пришлось – пчелы умели сами порождать пчел. К концу лета они уже клубились роями, как облака. Самозвана отвела рой по Улице к Городу, и там пчелы нашли клумбы, созданные Ждодом и улучшенные Самозваной. Теперь городские души гуляли по дорожкам Сквера и завороженно любовались пчелами, разглядывали их как можно ближе, но так, чтобы не ужалили. Одинокая пчела жужжала почти неслышно, однако гудение целого роя различалось отчетливо. Всеговор подолгу вслушивался в этот гул, силясь уловить в нем смысл. Городские души вставляли жужжание пчел в свою речь, а когда двое или трое объединяли ауры, то порой гудели настолько похоже, что пчелы слетались посмотреть. Ждод, по-прежнему говоривший хуже многих душ, не обращал на пчелиные звуки особого внимания. Он упорно совершенствовал части своего рта и умение произносить целые предложения. Всеговор, когда не слушал пчел, помогал Ждоду в его стараниях; они сидели за столом во Дворце и беседовали о последних улучшениях Земли и о жизни в Городе, вспоминали слова и упражнялись в их произнесении. Облекать мысли в слова и предложения было трудно, однако Ждод чувствовал, что оно того стоит.

Через несколько дней после оживления первой пчелы Ждод окутал Сад туманом и преобразил зеркальную чашу воды, которую создал давным-давно, когда впервые захотел сотворить себе лицо. Он расширил ее и воздвиг в середине башенку, откуда била вода. Из чаши вытекал ручеек и, змеясь по Саду, сливался в Лесу с ручьем, бегущим от родника. Края чаши Ждод расширил и сделал ровными, чтобы душа могла на них сидеть или лежать. Он надеялся, что Весенний Родник отыщет фонтан и поселится там, вблизи от Дворца, но в своей стихии. Ибо он наконец-то понял, что именно она была творцом множества растений, появлявшихся

в Саду с первых дней Земли. Ему хотелось, чтобы она обитала среди своих творений.

Поначалу Весенний Родник вроде бы не заметила фонтан, но однажды Долговзора увидела со своей башни, как Весенний Родник в лунном свете возникла из чаши, приняла облик с руками и ногами и сидела на краю, как и надеялся Ждод. Вскоре она стала часто туда заглядывать, даже гуляла в этой форме по Саду и Дворцу.

Вид роящихся над цветами пчел утвердил Ждода в мысли, что его догадка о душах-которые-не-души верна. Ему захотелось создать и другие малые формы, чтобы Весенний Родник, коли пожелает, вдохнула в них жизнь. Он вернул из Твердыни Делатора и его копателей вместе с камнями и металлами, добытыми в недрах. Вместе они измыслили пчелоподобных существ, больше и меньше, с телами различной формы. Впрочем, мало в кого удалось вдохнуть жизнь, да и те по большей части жили недолго. Ни одни не умели себя воспроизводить. Ждод и Весенний Родник тщетно ломали голову над причиной неудач, пока однажды Долговзора не нашла разгадку.

Души, обитавшие во Дворце, завели обычай на закате садиться вокруг стола и упражняться в искусстве речи. К Ждоду, Стражу, Самозване, Всеговору, Долговзоре и Делатору теперь добавились Весенний Родник и две души из города, которым Ждод дал имена Искусница и Седобород. Седобородa Ждод ценил за умение размышлять о мудреном; при этом Седобород обычно тянул себя за лохмы бесцветной ауры, окутывающие его рот, щеки и подбородок. Искусница, как и Делатор, любила создавать прочные вещи из того, что дарила Земля, но, если Делатору нравилось работать с камнем и металлом, она предпочитала добывать материалы из растений. Искусница и Делатор пытались создать восьминогое бескрылое существо; ей думалось (и другие это подтверждали), что оно может ткать из воздуха тончайшую ткань. В это существо Весенний Родник сумела вдохнуть жизнь, но оно вскоре умерло, так ничего из воздуха и не соткав.

Долговзора последнее время наблюдала за пчелами, приближаясь осторожно, чтобы те ее не ужалили. Ей думалось, что пчелы берут вещество цветов в свои тельца и несут туда, где обитают ночью: в светло-желтые наросты, уменьшенные подобия Города, выстроенные ими в развилках деревьев и других подобных местах. Наросты эти звались ульями. В начале лета Долговзоре, чтобы посмотреть, как пчелы их строят, приходилось взлетать или взбираться на деревья, но недавно те начали создавать самый большой улей в башенке посреди Сквера. Для душ она была чересчур мала, однако в ней помещались тысячи

пчел, и прорези, оставленные Ждодом в стенах, служили для них входами. Глядя в эти прорези, Долговзора видела, как пчелы выдавливают из своих телец светло-желтое вещество для улья.

Седобород потянул себя за подбородок. Он высказал догадку: пчелы делают воск из того самого вещества, которое берут из цветов. Делатор заметил, что когда он что-нибудь из чего-нибудь создает, то материала уходит в точности по размеру самого изделия, и как бы пчелы строили улей, если бы не брали вещество где-нибудь еще? Самозвана тут же согласилась. Она много раз пролетала мимо ульев и чувствовала запах воска – он пахнет цветами.

– Ответ на загадку – если это и впрямь загадка – между нами, – промолвил Ждод.

Другие души принялись озираться, как будто ответ сейчас пролетит между ними наподобие пчелы, однако Ждод хлопнул ладонью по столу.

– Все время, что мы собираемся здесь по вечерам, я чувствую – чего-то не хватает. Как цветы казались одинокими, когда над ними не гудели пчелы, так и стол кажется пустым. Более того, он лишен назначения, ведь мы ничего на него не ставим, разве что творения Искусницы и Делатора, когда те что-нибудь здесь мастерят.

Ждод намеревался продолжить, но в этом не было нужды: почти все уже согласно закивали или изменили форму ауры.

– Имя этому – «пища», – сказал Всеговор. – И «питье».

– Я начинаю их вспоминать, – объявил Страж. – И теперь чувствую, мне их не хватает, ибо, сдается, некогда они изрядно меня радовали.

– Они для живых, – промолвила Весенний Родник. – Пчелам надо питаться, чтобы делать воск для ульев и порождать себе подобных. Мы не делаем ульев. А порождать себе подобных для нас дело несбыточное. Мы даже простых существ, задуманных Искусницей, не можем наделить жизнью.

– Может быть, они потому не плетут нити из воздуха, что им нечего есть, – заметила Искусница.

Делатор кивнул:

– Им надо откуда-то добывать вещество для нитей.

– Если даже и так, – изрек Седобород, – это не меняет главного. Как сказала Весенний Родник, мы ничего не производим из наших форм, а значит, не нуждаемся в пище и питье.

– Не буду спорить, – ответила Долговзора. – Однако души в Городе завели диковинное обыкновение. Они сидят в доме и совместно издают звуки, не имеющие иной цели, кроме

приятности для издающих и слушающих.

– Я их слышал, – сказал Всеговор. – Они позаимствовали идею у пчел, но звуки их сложнее и красивее.

– Я тоже слышал и жажду услышать еще, – согласился Ждод.

– Очень занятно, – молвил Седобород, – но я не понимаю, как это связано с моими недавними словами.

– Для меня связь вполне ясна, – ответил Страж. – Потому, быть может, что сейчас я испытываю нечто сродни боли, хоть и не столь неприятное. Сдается мне, что имя этому «голод». Я желаю пищи и питья. Не потому, что мне надо выдавить из себя воск для улья. И не затем, чтобы породить свои подобия. Я желаю их оттого же, отчего Ждод желает слышать некие звуки: просто ради удовольствия.

– Твое объяснение убедительно, – проговорил Седобород, – но проку от него никакого, ибо пищи у нас нет, и я лично понятия не имею, как ее можно раздобыть.

– Я мог бы попытаться ее изготовить, – сказал Делатор, – но не знаю ее форму, а мысль о том, чтобы съесть что-нибудь железное, не наполняет меня предвкушением удовольствия.

– У меня есть одна идея, – объявила Самозвана. – Проще показать, чем объяснить.

– Так соединим ауры? – предложил Страж.

– Нет, – ответила Самозвана. – Я хочу позвать вас в одно известное мне место в Саду.

Она вспорхнула из-за стола, другие души, не столь проворные, последовали за ней ногами. Снаружи почти стемнело, но последние лучи солнца еще пробивались в Сад через просветы в изгороди.

Самозвана повела их к маленькому кривому деревцу у фонтана. Ждод создал его много лет назад с мыслью засадить такими части Земли, непригодные, на его вкус, для высоких деревьев. До сих пор оно не пригодилось, и Самозвана, пожалев никому не нужное деревце, украсила его белыми цветами. Ждод счел это нелепостью – цветы должны расти на земле, – но, как часто бывало с причудами Самозваны, мало-помалу согласился, что так лучше. Весной деревце, сплошь усыпанное цветами, в которых копошились пчелы, радовало глаз и нюх. Сейчас был конец лета, и цветы давно осыпались.

– Лепестки опали несколько месяцев назад, – напомнила Самозвана. – Остались только сухие черешки на веточках, где они сидели. Пчелы, так любившие это дерево, забросили его, и оно казалось мне одиноким. Ан глядь, черешки раздались. Из бывших цветочных почек получились не листья, а вот такие шарики, которые теперь висят по всему дереву.

Она подставила ладонь под один шарик – маленькую зеленую луну. Остальные, вглядевшись, и впрямь различили такие же по всему дереву – не меньше, чем было по весне цветов.

– Мне думается, – продолжала Самозвана, – что пчелы, посещая деревце, как-то…

Ей не хватило слов, но Весенний Родник поняла, что она хотела сказать.

– Пчелы, обладая жизнью, наделили ею дерево, и оно произвело вот это.

– Яблоки, – объявил Страж. – Так они называются. Давайте их есть.

Самозване его предложение не понравилось, но прежде, чем она успела возразить, Ждод объявил:

– Они еще не закончили расти.

– Откуда ты знаешь? – спросил Седобород.

– О яблоках у меня удивительно сильные воспоминания, – ответил Ждод. – Почти такие же сильные – сейчас, когда они пробудились, – как память о листьях, из которой я сотворил Землю. И я вам говорю, что яблоко не пища, покуда не станет по размеру ладони и красным.

– Красным?! – изумился Страж.

– Это произойдет, – предрек Ждод, – ко времени, когда листья поменяют цвет. Тогда мы соберем яблоки, отнесем на стол и будем есть в свое удовольствие.

Осень пришла в положенный срок. Листья начали краснеть. Пчелы с каждым днем трудились все усерднее; ульи теперь источали новый запах, не цветочный, а слаще. Страж высказал мысль, что там можно найти пищу иного рода, не как яблоки. Он уже собирался ее добыть, но Самозвана заметила, что пчелы наверняка делают ее не без причины. Седобород предположил, что пчелы готовят пищу на зиму и будут есть, когда не станет цветов. Всеговор вспомнил, что это называется мед, а Ждод запретил Стражу красть мед из ульев.

Однако в ту пору, когда и листья, и яблоки стали наливаться краснотой, Долговзора сообщила, что некоторые городские души извлекают мед из ульев, какие пониже, и кладут себе в рот. Пчелы больно их жалят, и некоторые заметили, что пчелу можно убить, прихлопнув ладонью. Многих пчел убили таким образом, хоть и не столько, чтобы существенно уменьшить их число.

Души за столом по-разному восприняли новость. Самозвана разгневалась. Тех, кто убивает пчел, надо «наказать», говорила она. Слово было смутно знакомое, но никто не помнил, что именно оно значит.

– Хочешь ли ты причинить им боль? – спросила Весенний

Родник. – Или лишить их удовольствий?

– Или полностью уничтожить их формы? – добавил Страж и взглянул на Ждода.

Тот когда-то давно поделился со Стражем своим видением – душа на высокой горе сжимает в руке яркую молнию – и мыслью о непоправимом уроне.

Самозвана не знала, каким должно быть наказание. Седобород усомнился, нужно ли оно вообще. Пчел много, заметил он.

– Даже если эти души поступили дурно и заслужили наказание, нам ли судить и наказывать? – проговорил Ждод.

– Не нам, а тебе, – объявила Самозвана. – Ты сотворил Землю. И как ты исправляешь неправильную форму гор, деревьев и рек, так же ты должен исправлять деяния душ, вредящих красоте Земли.

– Я мог бы наказать тебя в тот день, когда перенес цветы из Сада в Сквер, – ответил Ждод. – Ибо ты рвала их и вплетала в свою ауру, и я разгневался.

– Ты отогнал меня силой своих крыльев, – напомнила Самозвана.

– Но это не то наказание, какого ты желаешь убийцам пчел, – ответил Ждод. – Со временем я понял, что ты улучшаешь окрестности так, как мне самому не приходило в голову. Земля теперь лучше из-за того, что тебя не наказали.

– Я не понимаю, чем злодейское убийство пчел улучшает Землю.

– Меня оно тоже смущает, – признал Ждод, – хоть я и не понимаю отчего.

– Быть может, дело в том, о чем мы говорили, когда речь впервые зашла о пище, – молвил Страж. – Во время того разговора во мне впервые проснулся голод, но мудрые души объяснили, что для нас пища лишена смысла. Пчелам она нужна, без нее они не будут пчелами. Душам вроде нас она без надобности, и если мы едим, то лишь для удовольствия.

Седобород слушал и кивал.

– Души, убивавшие пчел, – сказал он, – отняли пищу у тех, кто в ней нуждается, затем лишь, чтобы утолить свое влечение.

– Теперь, когда ты изложил все такими словами, – проговорил Ждод, – я осуждаю их поступок как дурной и вновь признаю, что Самозвана превосходит меня быстротой ума. Наказывать ли их, я подумаю, но прежде обращусь к мудрости Весеннего Родника по более насущному делу.

Весенний Родник до сих пор молчала, хотя по движениям ауры было видно: она внимательно слушает и тщательно

обдумывает услышанное. Сейчас она обратила взор к Ждоду. Тому было приятно чувствовать на себе ее взгляд, ибо он видел красоту Весеннего Родника и чувствовал к ней влечение, отличное от голода. Отбросив на время подобные мысли, он спросил:

– Нужны ли деревьям яблоки так же, как пчелам – мед? Будем ли мы красть яблоки у дерева, если станем их рвать?

Весенний Родник задумалась ненадолго и тряхнула головой:

– Деревья получают пищу из почвы и от солнца. Яблоки сродни листьям. Они опадут на землю и усохнут, а дереву не будет без них плохо.

– Коли так, – сказал Ждод, – я отложу суд и расправу над убийцами пчел. Прежде устроим пир, дабы и нам понять, что значит вкушать пищу и утолять свое влечение.

Искусница умело сплела из пучков травы то, что называлось корзинами. Души из-за стола отправились в Сад и набрали полные корзины яблок. Как и предсказал Ждод, яблоки были теперь по размеру ладони и почти целиком красные. Корзины отнесли во Дворец и высыпали на стол, который Искусница застелила тканым покровом цвета осенних листьев. Делатор изготовил орудие под названием «нож» и показал, как резать яблоки на куски. В каждом оказались твердые катышки; Весенний Родник погладила их пальцем и объявила, что они заключают в себе жизнь будущих деревьев, а потому есть их нельзя. Потом каждый начал на пробу вкладывать куски яблока в рот, служивший прежде лишь для произнесения слов.

И так Ждод обнаружил новый способ, которым Земля с ним разговаривает. Он начинал со зрения и слуха, потом научился осязать стопой камни и траву, а носом обонять аромат сосен в горах. Теперь он впервые со смерти вкушал пищу. Как всегда, когда он открывал или вспоминал новое чувство, первым было изумление. Однако вскоре вернулась способность о таком размышлять, и он задумался, где теперь проглоченные куски. Где-то внутри его. В нем должны появиться новые формы для переваривания яблок и удаления ненужного. А может быть, формы эти дремали в нем изначально и только сейчас начали просыпаться.

Нечто подобное наверняка происходило в телах городских душ, которые ели мед.

Ждод велел собрать оставшиеся яблоки в корзины и нести за ним, а сам полетел вдоль Улицы в Город. На подлете он ощутил новый запах, неприятный, но не смог понять, откуда этот запах. Ждод покружил над Сквером. Множество душ собралось вокруг башни и пыталось в нее проникнуть. Цель их была ясна: убийцы

пчел рассказали про мед и разбудили у них влечение. Пчелы, защищая улей, вылетали из щелей и жалили нападавших, а те их прихлопывали.

Ждод опустился на вершину башни и сильно забил крылами. Ветер от них рассеял пчел, а многие души сбил с ног. Новый запах здесь был сильнее. Неподалеку душа устроилась в странной позе: на корточках, задом над самой травой. Бурая струйка потекла из нее и замарала траву. Ждод понял, откуда идет странный запах и каков его источник.

– От тех, кто вкушал мед, вы узнали о его приятности, – очень громко провозгласил Ждод. – Скажу вам, что в этих словах есть истина, и всем нам свойственно искать таких удовольствий. Однако красть мед у пчел – значит впускать в Землю зло, противоречащее моим стараниям ее улучшить. Есть, однако, иной способ добыть пищу, не убивая пчел и не обкрадывая тех, кто по-настоящему в ней нуждается. Вам сюда несут плоды из Сада.

Он указал в сторону Дворца, откуда приближались Страж, Самозвана, Всеговор, Делатор, Долговзора, Искусница и Седобород, нагруженные тяжелыми корзинами.

– От яблони в моем Саду ешьте, коли вам надо, – объявил Ждод, – а пчел не обижайте. Лучше возьмите их за образец и впредь учитесь делать свое.

Так пчелы в башне были спасены рачением Ждода, а городские души вкусили яблок и познали, что такое пища и вкус. Позже они познали также, что значит испражняться. Души, умеющие хорошо копать, принялись рыть для этого ямы, а на вершине холма Ждод сотворил ямы такие глубокие, чтобы запах испражнений не оскорблял его ноздри, когда он любуется красотой Сада.

35

Пришла зима. Ждод ощущал холод, как никогда прежде, и реже выходил из Дворца. Пролетая над тихим заснеженным Городом, он видел очень мало душ и понимал, что они тоже мерзнут. Он догадывался: это все потому, что они ели. Вкушение пищи доставляет удовольствие, но делает тело доступным для менее приятных чувств. Ждод умел менять мир по своему усмотрению. Он окутывал себя плащом теплого воздуха, чего не могли другие, и бродил по Городу, пока они жались друг к другу в домах. Искусница научила их делать одеяла, в которые они кутались для тепла.

Проходя мимо одного домика, Ждод услышал, как две души

внутри издают громкие звуки, но не слова. Он заглянул в окошко. Две души сплелись аурами, окутавшими их целиком.

– Они дарят друг другу удовольствие, – произнес голос.

Ждод поднял голову. На крыше домика сидела душа с крыльями из густых, белых как снег перьев. Она сложила их и укрылась ими для тепла.

– Чересчур слабо сказано, насколько я могу судить, – ответствовал Ждод.

– Это искусство, которое дарит удовольствие сверх всяких границ.

Больше душа ничего не сказала и, сидя в теплой палатке своих крыльев, молча смотрела на Ждода.

– Есть много способов доставить удовольствие другой душе. Делать красивые вещи. Издавать приятные слова или производить музыку. Или просто… – Ждод поглядел на душу и долго молча на нее смотрел. – Воплотить красоту, приятную для глаза, как сделала ты. То, чем заняты эти двое, – явление совершенно иного порядка.

Он понимал, что они чувствуют, и ощущал то же влечение, что последнее время испытывал к Весеннему Роднику.

– Почему души так нескоро вспомнили ощущения, принадлежащие иному миру? – задумчиво проговорил он. – Сперва была пища. А теперь вот это.

– А ты его помнишь? – спросила душа, которую Ждод назвал Теплые Крылья.

– Увидев, вспомнил. И почти уверен, что занимался этим до того, как попал сюда.

– Как и мы все, – ответила Теплые Крылья. – В природе души стремиться к этому, как пчелы летят к цветам.

– Почему ты сидишь у них на крыше? – спросил Ждод. – Ты их этому научила?

Теплые Крылья рассмеялась:

– Им не требовалось руководство.

– Если завтра я приду к другому дому, где две души соединяются таким образом, найду ли я тебя там?

– А ты хочешь найти меня там?

Ждод теперь чувствовал сильнейшее влечение и понимал: если оно распространится на другие души, то станет для Города таким же важным, как и влечение к пище и теплу. И не только для Города, но и для всей Земли. Долговзора рассказала ему, что в последнее время появилось много новых душ. В Городе им места не хватило, и они, окрепнув, расселились вдаль и вширь.

– Я приглашаю тебя перебраться во Дворец, – сказал Ждод.

Он решил, что устроит ей жилище там, где редко бывает сам,

ибо ее красота, а равно манера говорить об удовольствии при всей приятности чем-то его смущали.

– Если ты станешь летать в Город на своих прекрасных белых крыльях и больше узнавать про такое… – Ждод кивнул на окошко, за которым двое по-прежнему дарили друг другу удовольствие, – то я буду рад видеть тебя за столом во Дворце вместе с другими душами и слушать твои рассказы, ибо, сдается мне, это нечто важное.

Теплые Крылья не обиделась на приглашение, однако не в ее природе было соглашаться стразу.

– Кто эти души и что за стол? – спросила она. – В Городе о них много судачат.

Ждоду не приходило на ум, что городские души задаются подобными вопросами. Теперь он понял, что иначе и быть не могло, ибо любопытство такое же неотъемлемое свойство души, как потребность к пище и влечение к другим удовольствиям.

– Это Пантеон, – ответил Ждод. – Такое слово пришло на ум Всеговору. Ты наверняка заметила, что в природе некоторых душ развивать в себе более чем обычные силы. Ты, например, облеклась в форму, как ни у кого другого. Уверен, многие городские души, глядя на твою красоту, силились изменить себя по твоему образу, но не сумели. Быть может, им недостает умения управлять своей формой, а скорее – ума. Твое совершенство свидетельствует о долгом труде, который сам по себе – часть всякого искусства. Сколько лет и зим трудилась ты над собой, укрывшись, быть может, в доме, где тебя не увидит ни одна другая душа? Тогда ты, возможно, спрашивала себя, зачем так стараться. Но я скажу, что этим ты выделила себя из числа тех, кто не ставил себе таких целей, а если и ставил, то не добился по недостатку ума или упорства. Посему место тебе за моим столом, а не среди них. Ибо здесь, в Городе, ты только будешь той, что сидит на крыше.

Теплые Крылья не отвечала, но слушала очень внимательно.

Ждод продолжал:

– Вижу, ты поняла мои слова и хорошо знаешь, о чем я говорю. Души, подобные тебе, нужны в Пантеоне по одной простой причине: ты видишь то, к чему я слеп, и во многом другом меня превосходишь. Лети со мной во Дворец, Теплые Крылья.

И она согласилась.

Зимний холод вынудил городские души пойти на различные ухищрения. Те, кто умел изменять собственную форму, покрыли себя перьями или мехом. Среди других распространялись ремесла Искусницы; души мастерили одеяла, а затем и покровы для тела

из палых листьев и мертвой травы. Что листья и траву можно жечь для тепла, они узнали у Делатора, который освоил огонь для работы с металлами.

Некоторое время назад Ждод наделил деревья способностью ронять ветки на сильном ветру. Теперь на некоторых участках Леса ветки эти лежали большими кучами. Делатор показал, что их тоже можно жечь; замерзшие души ходили из Города в Лес и носили ветки, сколько могут утащить. Делатор научил их делать орудия, чтобы рубить и резать ветки на части; к концу зимы почти все городские души носили при себе ножи и топоры.

Впрочем, многие по-прежнему терзались влечениями, которые Земля не могла утолить. Однажды, когда таяли снега, Страж, пролетая над Сквером, приметил душу: она стояла перед башенкой и ударяла по стенам топором. Страж опустился на вершину башни и стал смотреть. Вновь и вновь ударяла душа по башне металлическим орудием, но камень не поддавался, лишь летели снопы искр. Страж недоумевал, отчего душа с такой яростью предается столь бесплодным усилиям. Он взмахнул крыльями и опустился на землю. Душа при виде его перестала стучать по башне топором.

– Чего ты этим добиваешься, Прихлоп? – спросил Страж.

Он узнал душу, которая осенью разоряла ульи и ела мед. Эта душа научилась защищаться от жалящих пчел, прихлопывая их до смерти, чему и научила других.

Прихлоп ответил:

– Видя, как топор рубит толстые ветки, я решил, что он может рубить и башню.

– Ждод поставил ее для украшения на радость всем душам, – напомнил Страж. – Не тебе менять ее форму.

– Она полна меду, – ответил Прихлоп.

– Мед принадлежит пчелам, как сказал Ждод много дней назад перед яблочным пиром.

– Мы не ели, да и не видели яблок с того самого дня, – возразил Прихлоп. – Влечение наше выросло, и мы утолим его медом из башни.

– Нет, – промолвил Страж и протянул руку в жесте, который с начала Земли был требованием остановиться и отступить.

– Вечно ты говоришь душам, что делать, а чего не делать, не пускаешь нас во Дворец, – возмутился Прихлоп. – И вот опять то же самое, только сейчас у меня есть топор, а у тебя нет. И хотя топор бессилен изменить форму адаманта, слагающего башню, та форма, которой облекся ты, о гордый Страж, мягче веток, легко поддающихся топору. Если не хочешь претерпеть изменение своей формы, отойди в сторону.

Страж, почти не сознавая, что ему угрожают, попытался отнять топор; однако Прихлоп размахнулся и блестящим лезвием рассек кожу, отделявшую Стража от внешнего мира. На снег хлынула красная кровь. Страж попятился скорее от удивления, нежели от страха, и уставился на рассеченную руку. Пришла боль.

– И так будет впредь! – воскликнул Прихлоп.

Внезапно Стража обдало теплом, со всех сторон раздался шум, в глазах померкло, как от взгляда на солнце. Когда зрение вернулось, души перед ним не было, только круг мертвой травы, на котором полностью стаял снег. Оттуда поднимался дым, как и от топора, лежащего в середине круга. Металл остался как был, но топорище обратилось в уголь. Ощутив спиной сильный ветер, Страж поднял голову. На вершину башни опустился Ждод, в обычной своей форме, но больше и величественнее, в перьях, какие сделала себе Теплые Крылья.

– Да уж, будет впредь, – проговорил Ждод.

В одной руке он держал пучок изломанных палок, таких ярких, что невозможно было смотреть. Другой рукой он ухватил не раненую руку Стража, поднял того в воздух и понес во Дворец.

36

Весенний Родник вдохнула жизнь в новое существо, во многом сходное с пчелой, но крупнее, способное жалить больнее; она нарекла его шершнем и отправила строить гнезда из глины и причинять боль. Однако это не потребовалось. Души в Городе больше не обижали пчел, а напротив, выказывали ульям величайшее почтение, и особенно большому улью в башне. Когда потеплело, они пустили в ход топоры и возвели новое сооружение: четыре стены вокруг башни и обгорелого места, куда ударила молния Ждода. Здесь они развели огонь и поддерживали его круглые сутки.

Паря на весенних ветрах высоко над Дворцом или стоя на сторожевой башне Долговзоры, Ждод созерцал дым над Сквером и череду душ, несущих охапки хвороста. Всеговор объяснил, что они считают это даром ему, Ждоду, извинениями за ошибку Прихлопа и мольбой не поражать их больше сияющими молниями. Деревянные стены вскоре сменились каменными. Для начала души разломали дома, сделанные для них Ждодом, и сложили фундамент и стены из обломков. Поскольку они не умели, как Ждод, лепить адамант из хаоса, они искали места, где Плутон улучшил Землю новыми горными породами, и несли

камни оттуда. Некоторые души переселились в сооружение, дабы удобнее было поддерживать огонь и продолжать строительство. Они утверждали, что освоили пчелиную речь, и время от времени, соединив ауры, издавали гул, слышный тихими вечерами во Дворце. Всеговор часто ходил туда и слушал их звуки, но различал в них не больше смысла, чем в гудении пчел.

Ждода это все чрезвычайно смущало и огорчало. К открытому неповиновению он приготовился, изготовив вместе с Делатором сияющие молнии. Но первая же обратила души в боязливое покорство. А в итоге они придумали занятие, тревожившее его больше, нежели дерзость Прихлопа.

Теплые Крылья перебралась во Дворец, и очень скоро души Пантеона освоили искусство безграничного удовольствия. Сама она научила ему Стража, пока лечила тому рану. Делатор сошелся с Искусницей, Всеговор – с Долговзорой. Седобород не сошелся ни с кем в Пантеоне, но часто посещал Город и соединялся с различными душами в некоторых домах. Ждод и Весенний Родник оставались одни – никто не смел к ним с таким подступиться, ибо все без слов понимали: эти двое отличны от всех и предназначены друг для друга.

Благодаря Теплым Крыльям Ждод теперь понимал, что за влечение испытывал с тех пор, как Весенний Родник впервые предстала ему в ручье. Вскоре после того, как Теплые Крылья поселилась во Дворце, Ждод однажды вечером вышел к озаренному лунным светом фонтану. Весенний Родник купалась в струях воды. Он подошел и завел речь о своих чувствах и намерениях. Весенний Родник слушала его слова, пока он не выговорился, затем сказала, что подумает, и велела разыскать ее в Лесу на следующий день.

На следующий день, когда над Лесом ярко сияло солнце, Ждод пришел к роднику с цветами из Сада, сел в темном ложке и стал ждать, когда она примет форму, пригодную для удовольствий, на мысль о которых навела его Теплые Крылья. Через некоторое время Весенний Родник и впрямь приняла такую форму, но из струящейся холодной воды.

– Мы с тобой отличны от всех, – напомнила она.

– Это так, – признал Ждод, – и все же мы обладаем теми же влечениями и чувствами.

– Мы можем сойтись, как они, – согласилась она, – что было бы мне очень приятно. Я думала об этом еще до того, как явилась Теплые Крылья и завела такие речи.

– Так давай… – начал Ждод, но Весенний Родник его перебила:

– Хотя внешне мы соединимся, как остальные, последствия

будут совершенно иного порядка. Ибо ты имеешь силу создавать и лепить все, что составляет Землю, а мне дано наделять существа жизнью. Если мы сочетаемся, возникнут новые души.

– Не вижу тут препятствия, – ответил Ждод, ибо сильное влечение мешало ему вдуматься в мудрость ее слов.

– Я не о пчелах и не о птицах, – продолжала Весенний Родник, – но о душах, подобных нам, владеющих речью.

– Новые души являются каждый день, – напомнил Ждод.

– Да, – согласилась Весенний Родник. – И они являются потому, что умерли в прежнем месте и очнулись здесь. Пойми, Ждод, души, возникшие из нашего соединения, будут новыми творениями, которые никогда прежде не жили и не умерли. Не знаю, что это означает и к чему может привести. Они могут быть подобны другим в Пантеоне и жить с нами счастливо. Но могут оказаться сильнее нас. Тогда они будут в силах уничтожить наши формы молниями, как ты уничтожил Прихлопа.

– Ты вновь превзошла меня мудростью и глубиной прозрения, – ответил Ждод. – Посему, а не по недостатку влечения, должен сказать: я удалюсь и обдумаю твои слова.

Итак, он оставил цветы у ручья, ушел во Дворец и долго там размышлял.

На следующий день он вернулся с еще большим букетом и новым пылом. Но все закончилось так же, и Ждод улетел далеко размышлять над некими тонкостями, на которые указала Весенний Родник. Однако на третий день он вернулся вновь и сказал: «Будь что будет». И вошел в нее, и она окружила его, как нежная и сильная речная вода обтекает камень, и ауры их слились, словно две реки, чьи воды одним могучим потоком несутся к далекому океану.

Потом Весенний Родник много недель не являлась ни в какой форме. Ждод удалился в Твердыню размышлять о том, что между ними произошло. Здесь, где мысли его не отвлекали Весенний Родник и странное поведение городских душ, он вместе с Делатором трудился над еще более сложными изобретениями. Перья Теплых Крыльев навели Пантеон на мысль о пернатых существах покрупнее пчел. Эти существа должны были вить гнезда на деревьях. Их крылья, иные, чем у пчел, требовали вдумчивой работы.

Под Узлом по-прежнему зияла Бездна. Сторожевые башни и мастерские смотрели на нее. Другие души, посещавшие Твердыню, воспринимали Бездну как изъян. Плутон также считал ее ошибкой и предлагал идеи, как залатать прореху в ткани Земли. Однако Ждод запретил ему и напомнил, что и сам он, Плутон, вылез из этого провала.

– Хотел бы я знать, что еще может оттуда вылезти? – был ответ Плутона.

– Что угодно, – промолвил Ждод, – и в этом обещание и опасность Бездны. Ибо хаос в ней – источник всего, что ты видишь и что ты сам.

Однако наедине с собой Ждод взвешивал слова Плутона и других. В часы досуга он сидел на стене, которой обнес Твердыню, всматривался в хаос и проверял, какие формы может оттуда вызвать. В волнах ряби он различал пятнышки цвета, как те, из которых в начале кропотливо создавал листья. Их Ждод силился превратить в оболочки для крылатых существ, над которыми работал вместе с Делатором. А в шипении хаоса ему порой слышались обрывки, наделенные чертами мелодий. Их он вылавливал в закоулках своего ума и чаще всего упускал. Впрочем, если они не ускользали, их удавалось извлечь из шума и обнаружить в них музыку. Ждод не создавал ее, просто вызволял из неблагозвучного шума. Твердыню наполнили величественные напевы. Все, кто здесь бывал, отмечали их красоту. Делатору они прибавляли сил; он умел превращать звуки в красивые вещи, на Земле прежде не виданные.

И не только он творил в Твердыне новые чудеса. Одеяла и покровы для тела, придуманные Искусницей, навели Пантеон на мысль о ткани еще тоньше, на которую перьями можно наносить знаки – надо только изготовить черный состав из некоторых плодов и коры определенного дерева. Все пошло в ход – мастерство Искусницы, перья Теплых Крыльев и умение Самозваны найти нужные растения для бумаги и чернил. Долговзора и Самозвана путешествовали по Земле, составляли ее карты, зарисовывали горы и реки. Всеговор и Седобород придумали систему письменности и начали записывать историю Земли, насколько помнили. Они обучили этим искусствам некоторые городские души, среди которых особым талантом выделялась женщина, получившая имя Пест.

В разгар лета Ждод покинул Твердыню, неся сделанную Делатором птицу. Он надеялся, что Весенний Родник сумеет вдохнуть в нее жизнь. Однако прежде он облетел всю Землю, взмывая высоко в поиске душ, вселившихся в ее ветра, и спускаясь к побережью, дабы разыскать дикие океанские души. Каждой он сообщал, что несколько месяцев спустя, когда в Саду соберут яблоки, будет пир, на который ждут всех.

Когда последняя дикая душа – она обитала в восточном море, там, где оно бьется о большую скалу, – получила его приглашение, Ждод пролетел над рекой и по ее ветвлениям достиг Леса, а там, двигаясь вверх по ручью, разыскал обитель

Весеннего Родника. Сама Весенний Родник вроде бы нисколько не изменилась и все же была иной. Довольно скоро он понял, в чем дело: она, как и предсказывала, создавала две новые души. Однако столь великий труд требовал куда большего времени. В пчелу она вдохнула мысль за считаные мгновения, теперь ей предстояла работа на добрую часть года.

Ждод оробело вложил ей в ладони творение Делатора. Покуда она разглядывала птицу и гладила перышки, он сказал:

– Знай я, что ты занята столь великим делом, не стал бы тревожить тебя такой безделицей.

– Напротив, – ответила Весенний Родник. – Труд по созданию новых душ дал мне силу, которой у меня не было прежде, и то, что раньше не получалось, теперь легко.

Птица сама собой захлопала крыльями, взлетела – поначалу неуклюже, но вскоре уже запорхала с изяществом Самозваны.

– Птица – доброе дело, – молвила Весенний Родник. – Однако пока ты ее изобретал, городские души тоже время даром не теряли. Думаю, тебе стоит расправить крылья, взлететь повыше и глянуть в их сторону.

Ждода обеспокоили ее слова. Он взлетел на башню Долговзоры, сел на крышу и посмотрел на город. В его отсутствие там произошли разительные перемены. Раньше здание, возводимое душами в Сквере, было приземистым, чуть выше башенки в центре, и места занимало немного. Теперь его фундамент захватил весь Сквер, так что не осталось ни травинки, ни цветочка, и даже расползся по улицам туда, где прежде стояли дома. Такой большой фундамент потребовался для того, что стояло выше: башни, которая показалась Ждоду уродливым подобием башенки-украшения, воздвигнутой тут изначально. Ибо, даже незавершенная, она имела примерно ту же форму. И, как понял он, присмотревшись, то же назначение, только не пчелы роились и гудели вокруг, а души.

Фундамент башни был сложен из дерева и обломков камня. Когда их запасы исчерпались, души-строители взяли пример у шершней, которые лепят гнезда из глины и сушат ее на солнце. Так они воздвигли много этажей, и башня высотой почти сравнялась с Дворцом. Переняли они и способ, каким строят пчелы и шершни. Поначалу слои укладывали один на другой, но чем выше, тем больше башня напоминала восковые соты или глиняное гнездо на дереве: извилистые переходы и ячейки, куда могут вселяться души. Даже издалека был слышен согласный гул множества душ. Как будто привычка подражать языку пчел, дивившая Всеговора, вытеснила слова и отняла у них способность говорить. Ни намека на мелодию или ритм не сквозило в этом

гудении, словно музыку они тоже позабыли.

– Это весьма значительные перемены, – проговорил Ждод. – Мне удивительно, что никто из Дворца не слетал в Твердыню и не поставил меня в известность.

– Все шло медленно и ускорилось лишь в последние дни, – ответила Долговзора. – Самозвана полетела к тебе, но ей сказали, ты отправился в далекое путешествие. За это время Башня выросла больше чем вдвое. Гудение слышно круглые сутки, ибо эти души уже не расходятся по домам, а сидят в мириадах ячеек Башни и сплетают голоса в чудно́й песне. И ауры у них тоже сплетены.

– Я поразмыслю об этом, – молвил Ждод, – но прежде подниму холм и Дворец выше. Негоже той Башне быть вровень с моей обителью, ибо я для совершенствования Земли нуждаюсь в тишине и покое.

Затем он разыскал западный ветер, часто приносивший тучи и ливни. Ветер окутал холм и Дворец яростной бурей. За ее покровом Ждод поднял холм вдвое, а заодно сделал стены и башни еще выше. Впрочем, когда утром прояснилось, он увидел, что не вполне добился желаемого; дождь не размыл верхнюю часть Башни, а за ночь души еще продвинулись в строительстве.

– Как может глиняная Башня достичь такой высоты и устоять перед бурей? – спросил Ждод у Седобородa.

Тот ответил:

– Не только из глины сделана она. Как пчелы, строя ульи, выдавливают воск, так души вкладывают часть себя в вещество Башни, вплетают в нее свою ауру. Покуда Башня связана единением душ и общим пчелиным гулом, она будет стоять и расти.

– Что их побуждает? Да, я сказал им не убивать пчел, а брать за образец, но не могли же они понять меня столь превратно.

– Они души, как и ты, Ждод, и подвержены той же тоске, что понудила тебя сотворить Землю. Однако они не способны лепить мир, подобно тебе, и вынуждены обходиться жалкими возможностями своих форм.

Ждод полетел в Город и некоторое время кружил у Башни, заглядывая в ее извилистые глиняные ходы, где те были открыты взгляду, чувствуя сквозь глиняные стены гул множества душ. Звук становился то тише, то громче, и перепады его распространялись вверх и вниз. Ждод угадывал взаимное удовольствие, о котором возвестила Теплые Крылья и которое изведали почти все члены Пантеона. Но те предавались ему попарно, а здешние души – все разом.

В ту ночь Ждод призвал не только западный ветер, но и три

других. Средь бушующего урагана он поднял холм и Дворец еще выше и думал, что утром остатки Башни будут далеко внизу. Однако, когда буря начала затихать, вновь стал различим гул, а утром солнце осветило Башню, еще более высокую, чем накануне.

37

Корваллис иногда вспоминал, как тридцать лет назад Ричард Фортраст выдернул его из программистского отдела Корпорации-9592 на самый верх, непосредственно под свое начало. Корваллис задал обычный вопрос о должностных обязанностях. Ричард ответил просто: «Всякая заумь». Отдел кадров такая формулировка не устроила; Ричарду пришлось спуститься на несколько этажей и объяснить подробнее. В памятном импровизированном перформансе посреди эйчаровского опенспейса он сообщил, что рутинную предсказуемую работу можно и нужно передать компьютерам. Если компьютеры с ней не справятся, надо аутсорсить ее людям в далеких краях. Если она чересчур сложна или секретна для аутсорсинга, «вы, ребята» (имелись в виду эйчары) должны нашинковать ее на задачи, соответствующие должностным обязанностям, и объявить о них на рынке вакансий. Над этим всем, впрочем, парит недоступная «вам, ребятам» область «всякой зауми». Для компании важно иметь людей, которые таким занимаются. На самом деле гораздо важнее всего остального. Но объяснять «всякую заумь» «вам, ребятам» – все равно что объяснять синий цвет слепому от рождения. Тут на него посыпались срочные сообщения от автора, пишущего для Корпорации-9592. Тот сел на мель у какого-то безлюдного повествовательного берега и нуждался в моральной поддержке, так что обсуждение на этом закончилось. Кто-то написал достаточно расплывчатый перечень обязанностей и придумал название должности, позволяющее платить Корваллису ту высокую зарплату, на которую он был вправе рассчитывать. Все сложилось идеально. Заодно получился смешной рассказ для тех все более редких случаев, когда старые друзья начинали вспоминать Доджа. Правда, история осталась без финала, поскольку Додж так и не успел объяснить, что такое «всякая заумь» и почему она важна. Со временем, впрочем, Корваллис понял, что именно незавершенность – важная составляющая истории.

На протяжении своей дальнейшей карьеры Корваллис упрямо занимался всякой заумью, при первой же возможности стараясь освободиться от того, что к ней не относилось. Порой это ставило его перед рискованным выбором, но он всякий раз вспоминал Ричарда и старался поступить так, как поступил бы тот.

Вот почему сейчас он сидел в самом дорогом ресторане

Сиэтла напротив Герты Шток и круглосуточной сиделки, которая поддерживала в Герте жизнь, присматривая за подключенными к той проводами и трубками. Герта, как выяснилось, была трансгендерной женщиной. И не такой уж глубокой старухой, просто очень больной. Корваллиса времен Корпорации-9592 зрелище повергло бы в ужас, но из-за Доджева завещания и собственной лазерной нацеленности на всякую заумь он мало-помалу превратился в своего рода высокотехнологичного Харона. Корваллис переправлял мертвых через цифровой Стикс и высаживал на неведомый для себя берег. Ему постоянно приходилось видеть умирающих: Доджа, потом Верну и других, переселившихся в облачное посмертие. Состояние Герты Шток его не изумляло и не пугало.

Впрочем, он сильно удивился, когда она рассказала, чем зарабатывает на жизнь.

– Я музыкант. Моего настоящего имени вы никогда не слышали, но я знаю, что вы слышали мою музыку. Я записывалась под именем Помпезус Бомбазус.

Корваллис тут же вспомнил:

– Последняя музыка, которую слышал Ричард Фортраст.

– Если в лифте не проигрывали какую-нибудь попсу, – ответила Герта.

– Вам попадалось то видео?

– Мальчик со сломанной рукой? На тротуаре?

Герта закивала и улыбнулась, показывая желтые зубы и чудовищные десны. Корваллис отвел глаза и воспроизвел перед мысленным взором гифку: Додж с мальчиком на тротуаре за мгновения до того, как уйдет умирать. У Ричарда на шее массивные дорогущие наушники с шумоподавлением, из них в промозглый осенний воздух льется музыка. Совершенно точно «Помпезус Бомбазус».

– У него были все ваши вещи, – сказал Корваллис.

– Меня это на время прославило, – ответила Герта. – И принесло большой заказ – музыку для ААА-игры. Хватило на трансгендерный переход.

– И что было потом? Мне вроде бы помнится, вы еще пару альбомов записали.

– Не выстрелило. У меня был шанс, я его упустила.

Корваллис отпил дорогого вина, которое заказала у сомелье Герта.

– Но согласно тому, что переслал мне ваш секретарь, вы прилетели из Берлина на частном самолете. Остановились в лучшей сиэтлской гостинице, обедаете в лучшем ресторане, заказываете лучшее вино. Должен ли я буду заплатить по счету?

Герта рассмеялась и мотнула головой:

– Я внезапно разбогатела. Две недели назад я жила в государственном доме престарелых. Теперь деньги текут на мой банковский счет рекой. Сотни тысяч долларов в день.

– Откуда?

– От вас, друг мой. Вы когда-нибудь проверяете свою бухгалтерию?

– От меня лично? Или…

– Нет, от вашего фонда, или как там это называется.

– Почему мы перечисляем деньги на ваш счет?

– Это происходит автоматически, – сказала Герта. – Есть система, которая отслеживает скачивание музыки. Она платит музыкантам всякий раз, как кто-нибудь слушает их песни. Кто-то или что-то в вашем облаке качает мою музыку, как безумный. Я внезапно стала богатой. – Помпезус Бомбазус вскинула руки, увлекая вверх провода и трубки капельниц. – И я хочу умереть как богатая, с хорошим обедом в желудке. И чтобы мое тело отсканировали, как сканируют богатых. И я хочу попасть в то замечательное место, где все слушают мою музыку.

Через несколько дней Корваллис нашел время проверить бухгалтерию и убедился, что Герта сказала правду про скачивание и деньги. Помпезус Бомбазус за последние пять недель заработала больше, чем за предыдущие десять лет. Для живых она оставалась забытым музыкантом, но для мертвых затмевала «Битлз».

В обычных обстоятельствах какой-нибудь процесс в системе отметил бы аномальные выплаты и поставил в известность ревизора Фортрастовского фамильного фонда. Но в данном случае всплеск остался незамеченным на фоне более мощных трендов. Экосистема вычислительной деятельности, возникшая пять лет назад, когда София запустила Мозг Доджа, и включающая теперь тысячи процессов на неведомом числе серверных парков, которые Эл открыл по всему миру, перешла в новый режим. Про этот режим знали одно – он обходится очень дорого. Причем по-новому. Выяснить, что именно думают и делают процессы, было все так же трудно. За годы участники Екопермона создали и предоставили в распоряжение сообщества различные инструменты, которые извлекали доступные данные из потока сообщений и нагрузок на серверы, анализировали разными хитрыми способами и выдавали трехмерные визуализации. Их теперь появилось много, но чаще всего использовались изначальная «Провил» (программа визуализации Ландшафта) и схема сетевого картирования, вышедшая из

исследовательских организаций Элмо Шепарда. Корваллис, как и все держатели токена, мог в любой момент посмотреть их через гарнитуру. Приложение было многопользовательское; вы могли при желании включить функцию, позволяющую видеть аватары тех, кто сейчас смотрит ту же визуализацию. Сами вы при этом могли оставаться невидимым, а могли известить о своем присутствии. Сообщество было эксклюзивным клубом – не больше ста держателей токенов по всему миру. Доступ имели только ученые и руководители из учреждений Большой Тройки Уотерхауз-Фортраст-Шепард.

Недели две назад ревизор Фортрастовского фамильного фонда сообщил руководству и совету директоров, что происходят неприятные вещи, на которые надо обратить внимание. С тех пор Корваллис постоянно держал включенную визуализацию на периферии зрения и проверял ее несколько раз за день.

Один участок Ландшафта всегда ставил их в недоумение: в горах к северу от Города располагалось место, не вписывающееся в понятную трехмерную форму. Исследователи окрестили его Эшервиллем по имени художника М. К. Эшера, который рисовал невозможные фигуры. Эшервилль существовал по меньшей мере столько же, сколько работала «Провил», и почти не менялся. Анализ потоков сообщений четко демонстрировал, что Додж, Плутон и некоторые другие процессы «Пантеона» активно с ним связаны.

Эшервилль при всей своей странности был хотя бы стабильным. Другое непонятное место называли Площадью с тех пор, как София указала на его сходство со сквером в родном городке Ричарда Фортраста, однако теперь всякое сходство исчезло. Последнее время Площадь светилась так, что ее было не разглядеть, если не приглушить яркость очков. Остальной Ландшафт при этом погружался во тьму. Все зеленые точки в «Провил» имели одинаковую яркость; если одна область светилась сильнее других, то лишь от того, что там концентрировалось много точек. Если сравнить Ландшафт с роем светлячков, то Площадь была банкой, куда светлячки почему-то набились до отказа. «Провил» старалась отследить все данные и нанести на объемную карту, но не могла осмыслить поступающую информацию. А может, наблюдатели вроде Корваллиса не могли сопоставить увиденное с формами, знакомыми им по жизни в трехмерном пространстве. Может, покойники иначе понимали геометрию, а может, в данных вообще не было смысла.

Вторым любимым инструментом Корваллиса была Элова система, представляющая трафик в виде трехмерной вселенной

цветных шариков-процессов, соединенных линиями-сообщениями. Когда Эл впервые ее показал, сверху был большой желтый шар – Мозг Доджа, под ним – процессы Пантеона, а внизу – тысячи крохотных белых катышков в паутине. Сейчас наверху все было в целом по-прежнему, а вот нижний уровень напоминал ком ваты размером с автомобиль. Если увеличить, становились видны отдельные скопления, но плотный поток сообщений не давал их разглядеть.

– Наконец-то что-то.

Корваллис привык узнавать этот голос. На личной встрече в Зелрек-Аалберге он последний раз слышал собственный голос Элмо Шепарда. Теперь – только такой.

Аватары для виртуальных пространств появились давно, а вот их аудиоаналоги долго запаздывали. Такие аналоги потребовались для «Т'Эрры», игры, созданной Ричардом, Плутоном, Корваллисом и другими сотрудниками Корпорации-9592. Задачка была адская, и никакая вменяемая программистская команда за нее бы не взялась, поэтому ее подняли до статуса «всякой зауми». Приятно вообразить, что ты отправляешься в квест с командой магов, эльфов, гномов и так далее и вся эта публика будет общаться голосами кинематографического качества, такими же проработанными, как аватары, оружие и сам мир. Однако, когда один игрок – китаец, плохо говорящий по-английски, другой из Арканзаса и не пытается скрыть деревенский выговор, третий в Бостоне, но изображает шотландский акцент, потому что так, по его мнению, должен говорить гном, четвертый в Лондоне, и бостонец его дико раздражает, пятый – женщина, играющая за мужского персонажа, а пятый параллельно спорит с матерью, требующей вынести мусор, – когда все это происходит одновременно, невозможно заставить персонажей говорить с кинематографическим правдоподобием. Команда отдела «Заумных исследований» прибегла к подходу «разделяй и властвуй». Они научились превращать мужской голос в женский и наоборот. С помощью систем преобразования речи в текст расшифровывали, что говорят игроки, подключали алгоритмы искусственного интеллекта, отфильтровали лишнее вроде: «Немедленно вынеси мусор или до конца недели гулять не пойдешь!» – потом преобразованием текста в речь воссоздавали сказанное с нужными акцентами и так далее. Созданная ими технология нашла применение не только в играх.

С ее помощью говорил теперь Эл. Когда он только завел себе Метатрона для конференций и деловых встреч, то проецировал на гладкую механическую голову собственное лицо и говорил

собственным голосом – по сути, робот служил ему передвижным спикерфоном. Постепенно это менялось. Он отключил проекцию лица и начал пользоваться алгоритмами генерации речи. Поначалу Метатрон вещал стандартным встроенным голосом, затем Эл и его помощники его кастомизировали. Звучало это не совсем как речь Эла, когда тот физически сидел напротив тебя за столом и пропускал воздух через голосовые связки, но достаточно близко – люди, знавшие его лично, прислушивались, кивали и соглашались, что сделано качественно. Как именно генерировалась речь, никто не знал, и после «разговоров» с Эловым Метатроном это бурно обсуждалось в барах или за кофе. Иногда естественность интонаций наводила на мысль, что Эл сам говорит в микрофон, иногда звучало скорее как алгоритм генерации речи. Поскольку алгоритмы в последнее время значительно усовершенствовались, между двумя теориями оставалась широкая серая область – что и делало их такой отличной темой для споров в баре. Споры бы разрешились, увидь кто-нибудь Элмо Шепарда во плоти. Однако никто не видел его больше года, и по поводу его состояния строились разные догадки. Кто-то считал, что Эл умер. Из сторонников этой теории часть полагала, что вместо Эла говорит Синджин Керр, или Енох Роот, или несколько держателей токенов, сидящих в одной комнате. Существовало и другое мнение: мозг Эла отсканирован и запущен в облаке как процесс, способный взаимодействовать с алгоритмом генерации речи. Большинство, впрочем, думали, что Эл жив.

Жути добавляло и то, что Голос Эла раздавался в разное время из разных устройств. Поначалу все привыкли ассоциировать его с Метатроном. Эл разместил роботов в городах по всему миру; они умели добраться общественным транспортом до офиса ФедЭкса и отправить себя в требуемое место; иногда они добирались туда быстрее, чем люди с билетами на самолет. Тем же голосом Эл пользовался для таких старомодных средств связи, как телефон и телеконференции. И так же говорила его аватара, когда он являлся в виртуальной или дополненной реальности.

Как сейчас. При звуке его голоса Корваллис повернулся и увидел аватару Эла метрах в двух от себя. Аватара тоже смотрела на Ком, как окрестили плотный ватный слой в нижней части модели. Эл повернулся и глянул на Корваллиса. Аватара не очень походила на Элмо Шепарда. Тот, кто ее сделал, очевидно, начал с трехмерного скана Метатрона и постепенно вносил изменения. В какой-то период она до опасного походила на приз Американской киноакадемии, и ее за глаза стали называть Оскаром. Тут, по-

видимому, Эл пригласил художника, или дизайнера, или кого там еще, потому что блестящая металлическая аватара приобрела человеческие черты и отдаленное сходство с его фотографией в выпускном альбоме. Аватара получилась средней паршивости. Куда более выразительные можно было купить за сущие гроши, что большинство и делали. Эл нарочно выбрал себе такую по той же причине, по какой генерировал свой голос алгоритмически: не хотел, чтобы люди знали, в каком он состоянии и вообще один там человек или комитет помощников.

– В старых телесериалах, – сказал голос Эла, – я про действительно старые, вроде вульгарных ситкомов тысяча девятьсот шестидесятых, герои иногда попадали в мир сновидений или на небеса. Завернуть актеров в простыни, нацепить им крылья и нимбы, дать в руки арфы. Но там всегда было это. – Аватара провела рукой сквозь Ком. – Ведра за камерой, в них сухой лед. Заволакивает пол студии густым белым туманом.

– Чтобы выглядело как облака. Да, помню, видел пару раз, – ответил Корваллис.

– Напомнило мне это, – аватара Эла вновь провела рукой по белому слою.

– Сознательный выбор? – спросил Корваллис.

– Нет, конечно! – фыркнул Эл. (Корваллис уже не сомневался, что беседует с Элмо Шепардом. Что тот жив, в сознании и говорит через аватару, насколько позволяет его рассыпающееся тело.) – Алгоритм визуализации такой, какой есть. Пространственное размещение получилось само собой – это был лучший способ представить, что происходит. Белый – цвет по умолчанию, используется, когда мы не можем идентифицировать конкретный процесс и понять его роль. Что, как вы видите, относится к подавляющему большинству. На ситкомы шестидесятых годов двадцатого века это стало похоже лишь с переменой, которая произошла в последние недели.

– Что именно изменилось, Эл? Почему картинка настолько другая? Как это связано с происходящим на Площади?

– Фазовый переход, я думаю.

Корваллис улыбнулся:

– Знаете, что Ричард о таком говорил?

– Нет.

– У нас были математики, которые занимались всякой заумью. Для Ричарда их разговоры были темный лес. Однако он заметил, что некоторые их словечки – верный знак наметившегося прорыва. И «фазовый переход» стоял в его списке на первом месте.

– Это очень сложная система со множеством частей. Мы не можем уследить за всеми. Можем лишь что-то улавливать статистически. По большей части она ведет себя установившимся образом. А потом вдруг что-то происходит – все меняется кардинально. Как мы видим сейчас.

– И что вы видите? Минуту назад вы сказали: «Наконец-то что-то». Что вы имели в виду?

– Вы знаете, меня беспокоило, как все развивается, – сказал Эл. – Первые процессы имели такую фору, что перекрыли кислород остальным. Они создали грубую пространственную матрицу, повторяющую их обрывочные смутные воспоминания о ландшафтах и городской среде. Новые процессы, вместо того чтобы начать с нуля, почему-то устремились в эту матрицу. Она стала смирительной рубашкой – тюрьмой. Слишком сходной с миром, который они покинули, – миром, где живем я и вы. Что проку умереть и превратиться в цифровую сущность, если все вычислительные мощности уходят на воссоздание аналогового мира, от которого вы только что освободились? Хуже того, попасть в иерархическую структуру, где всем заправляют единицы, наделенные божественной властью? Я очень боялся, что Додж и Пантеон выстроили стабильную систему.

– Стабильность же – это хорошо, разве нет?

– Да, кроме тех случаев, когда система плоха. Тоталитарные и коррумпированные режимы стабильны. Я боялся, что здесь такой случай. И, возможно, так оно и было. Но теперь благодаря новым процессам, которых среди душ-пролетариев огромное большинство, мы видим концентрацию сил и ресурсов почти как у старой гвардии. Думаю, идет подготовка к титаномахии.

– Слово вроде бы знакомое, но вам придется напомнить мне, что это такое, – сказал Корваллис.

– Когда олимпийские боги свергли титанов. Заменили их чем-то более новым и совершенным.

– Приковали титанов к скалам, сбросили их в Аид, или что там еще.

– Я, в отличие от Софии, не увлекаюсь мифологией, – ответил Эл. – Суть в том, что близятся перемены. Впервые я вижу выход. И с надеждой думаю, что когда я загружусь – уже скоро, Си, – когда я загружусь, то попаду в такое место, где и впрямь смогу действовать. В лучший мир.

– Что значит «уже скоро»? – спросил Корваллис.

Он смотрел не на Ком, а на большие цветные шары и гадал, что будет, если сбудется пророчества Эла и всех их сбросят в своего рода титаномахии? Прекрасные ли они, эти души? Добрые, мудрые? Или они чудовища, которых надо свергнуть и приковать

цепями?

Он глянул на аватару Эла, но та исчезла. Как будто Эл или кто-то, приглядывающий за ним в Зелрек-Аалберге, выдернул шнур из розетки.

38

Синджин Керр и впрямь юрист экстра-класса. Сегодня он повел наступление на Фортрастовский фамильный фонд. Он и впрямь юрист экстра-класса. Он вместе со своей командой явно готовил это наступление много лет. Он и впрямь юрист экстра-класса. Зула как ответственная за всю деятельность фонда оказалась главной мишенью его атаки. Синджин Керр и впрямь юрист экстра-класса. Ей придется на несколько лет отложить все остальное в своей жизни и только отбиваться либо уйти с поста и передать руководство профессиональному бойцу.

Синджин Керр и впрямь юрист экстра-класса.

Таков был внутренний монолог Зулы в те три часа, за которые Синджин терпеливо излагал свое дело. Они встретились на нейтральной территории, в конференц-зале сиэтлского отеля. Как только стал ясен масштаб атаки, Зулин рептильный мозг включил реакцию «бежать-или-драться». Юристы ее фонда, почти такие же хорошие, как Синджин, воздвигли многоуровневую оборону. Могут пройти годы, прежде чем для рептильного мозга Зулы и впрямь найдется работа. Врагу предстоит захватить траншеи, осушить рвы, взорвать стены, протаранить ворота, сжечь сторожевые башни и перебить защитников – лишь тогда солдаты Синджина Керра примутся высаживать дверь в самой высокой башне, где укрылась Зула с кинжалом в потной руке. Так что сегодня ее роль, как почти всегда, была чисто символической, и она то и дело уплывала мыслями. Синджин Керр завораживал ее чисто человеческим обаянием, неотделимым от его высочайшего профессионализма. Он начал тщательно спланированную атаку с монолога и час говорил без перерыва, без бумажки, о графиках. И не о трехмерных графиках в дополненной реальности с анимированными светящимися линиями. Просто о двумерных графиках, какие можно показать на маркерной доске. Для удобства тех, против кого вел атаку, он напечатал их на бумаге и раздал всем, словно на деловой встрече году так в 1995-м. И все же убогие артефакты прошлого века добавляли его выступлению весомости. Синджин Керр – боец старой закалки! На втором часу Зула стала уплывать мыслями еще чаще и в какой-то момент поймала себя на том, что думает о магической силе жестких

копий. Ей вспоминались средневековые документы в европейских музеях, написанные от руки на пергаменте, с тяжелыми восковыми печатями на шнурках. Физическая реальность предметов была свидетельством, что люди подходили к делу серьезно, что это настоящее, а не игра с пикселями.

Все неимоверно сложные подпункты были подробнейше изучены и расписаны в энной степени помощниками Керра, которые к этому времени, надо думать, занимали несколько новых офисных небоскребов вдоль извилистой границы Зелрек-Аалберга. Его освободили от бремени частностей, чтобы он сосредоточился на том, чего не могли подчиненные: изложить историю занятно, связно и пугающе убедительно. Все понимали, что это генеральная репетиция будущих выступлений в суде. Элмо Шепард демонстрировал свое супероружие перед кучкой избранных врагов. Ультиматум был очевиден: сдайтесь сейчас или я вынужден буду обратить это оружие против вас. Вообразите, каково вам придется. Синджин привез с собой всего двух помощников, но дал понять, что они лишь первые в череде мирмидонян, которая протянулась бы за ним до горизонта, присутствуй они здесь физически. Они принесли документы в портфелях, оставив ему свободу быть просто Синджином. Он указывал на закорючки в графиках и говорил о них ровно столько, чтобы продемонстрировать доскональное знание мелочей, но, только-только начав углубляться в дебри, убирал обличающий перст, плавным движением руки отмахивался от мелочей, смотрел кому-нибудь в глаза и высказывал интересную мысль более общего характера – не в агрессивной манере, а скорее в духе: «*Поскольку все мы здесь умные взрослые люди и поскольку у нас есть подчиненные, которые потом вникнут во все частности, мы вполне можем отвлечься на следующее убийственное замечание*». И тогда он мог говорить философично, с юмором, мог вызвать у присутствующих смех – не натужно-вежливый, каким отвечают на дежурные шутки выступающего, а искренний, невольный, за которым приходило чувство: какой Синджин классный! Как приятно его слушать! И все это, разумеется, подразумевало: «*Вообразите его перед коллегией присяжных*».

Он говорил, что Элмо Шепард с самого начала был более чем равным партнером – задолго до того, как Ричард Фортраст, или Корваллис Кавасаки, или кто-нибудь еще из присутствующих услышал о крионике и Сингулярности. Мистер Шепард провел все необходимые предварительные исследования; он был соавтором инструкций, вошедших в подписанное Доджем распоряжение об останках. Он прибыл на место и лично встретился с Си-плюсом

через несколько часов после трагического события. Грандиозное здание научных лабораторий, интеллектуальной собственности и человеческого капитала, выросшее вокруг этой индустрии в последующие десятилетия, не появилось бы без исключительной щедрости мистера Шепарда. Однако он был не просто денежным мешком; более чем кто бы то ни было, мистер Шепард с его колоссальным интеллектом собрал у себя в голове все, что известно о коннектоме, как его сканировать, хранить и моделировать на компьютере. Понимая, что современные вычислительные мощности не отвечают поставленной задаче, он практически в одиночку создал с нуля индустрию квантовых вычислений. Он мог бы еще больше на этом разбогатеть, но предпочел вкладывать деньги в дело своей жизни.

Мистер Шепард никак не мог предвидеть, что София запустит Процесс раньше времени, однако благородно принял результаты ее скороспелого решения и со всегдашней щедростью поддерживал их последующее развитие. И не в расчете на прибыль. Мистер Шепард поддерживает все, что служит благу науки. Он не ищет славы. Не ждет признания. Время все расставит по местам. Богатство дало ему доступную лишь немногим привилегию смотреть далеко в будущее. Мистер Шепард стремится к тому же, к чему стремились все мировые религии, но идет к этим целям иным путем, тайной тропой позади горы, которую христианство, ислам и другие штурмовали в лоб много тысячелетий. Тропа петляет через темные дебри и мало кому доступна, но она ведет на вершину. Когда-нибудь мир это увидит. До тех пор мистер Шепард готов нести груз непонимания.

За свою бескорыстную щедрость мистер Шепард много не просит, но он не дурачок, не рассеянный филантроп, подписывающий чеки ради налогового вычета или именной доски на фасаде здания. Он неукоснительно щепетилен в делах. Долг красен платежом. Два крупнейших учреждения, с которыми он объединил свои усилия – фонды Уотерхауза и Фортраста, – могут ждать от мистера Шепарда абсолютной честности и открытости. Взамен он ждет – нет, требует – симметричного отношения. Кто скажет, что это несправедливо?

В принципе все просто и ясно. Детали, разумеется, чрезвычайно сложны. Ничьей вины тут нет; так бывает, когда энергичные талантливые люди идут на прорыв. Эти светлые головы ничего не добьются, если будут на каждом шагу проверять все юридические тонкости и досконально просчитывать любые потенциальные осложнения и конфликты. Надо позволить им работать без помех. Простые смертные вроде Синджина

подчистят юридические концы.

Сейчас как раз пришло время подчистить юридические концы. На самом деле ничего особенно не требуется. Что-то непропорционально разрослось, вышло из-под контроля, нынешнее состояние дел не вполне соответствует контрактам, заключенным годы назад. Непредвиденные последствия требуют определенного перенаправления финансовых потоков, исправления недочетов, уточнения прежде подписанных соглашений. Совершенно незачем передавать это неповоротливой судебной машине.

Никому такого не хочется.

39

Ждод видел, что Башня – мерзость, и не только из-за своей высоты и близости ко Дворцу, но и потому, что души в ней соединили ауры.

Он призвал из Твердыни Делатора и велел тому выковать молнию больше и мощнее всех прежних. Когда она была готова, Ждод пролетал над Дворцом, сжимая ее в правой руке. Жар молнии опалял его, сияние слепило. Он метнул ее в Башню, в самую середину, и Башня рухнула; верхняя часть упала на нижнюю, и та рассыпалась в прах до самого каменного основания, похоронив его под кучей глиняной пыли.

Ждод пролетел над Сквером. Внизу копошились, выбираясь из пыли, души. Они сильно уменьшились с уничтожением Башни, в которую вплели значительную часть себя. Однако они были живы, и когда подавали голос, то не гудели по-пчелиному, а говорили и кричали на прежних своих наречиях.

– Не стройте больше Башен, – повелел им Ждод, – и живите не в ульях, а в домах, как раньше. Вам придется строить их самим, раз вы по недоумию разрушили те, что дал вам я. И не объединяйте ауры, когда хотите что-нибудь друг другу сказать, а превращайте мысли в слова, как пристало душам.

– Они говорят на разных языках, – заметил позже Всеговор, – и объединятся по наречию; их новые дома могут оказаться по всей Земле, а не в Городе, где ты их видишь и можешь поразить своим ужасным оружием.

– Будь что будет, – сказал Ждод.

Всеговор не ошибся. Души уже начали объединяться по наречию и уходить из Города в разные стороны. Каждая группа хотела построить город подальше от иноязычных душ и от Ждода. Ждод не стал им препятствовать.

Когда город опустел и там не осталось душ, и некому стало смотреть, как он работает, Ждод продолжил поднимать холм, пока сам Дворец не стал высочайшей башней в заоблачном столпе. Слуху Ждода больше не докучало гудение Улья; он трудился под сладостные звуки, которые производила недавно явившаяся душа. Долговзора нашла ее на развалинах внизу, где душа эта извлекала мелодии, дуя в полую кость. Ее (или его, потому что новая душа не могла определиться со своим полом) взяли во Дворец; здесь Искусница и Делатор помогли ей или ему создать множество новых инструментов для извлечения разного рода звуков. Ждод нарек эту душу Панэуфониумом и разрешил ей жить, где пожелает. Наградой ему стала именно та музыка, какую он желал слушать, когда занимается строительством или улучшает те части Земли, что еще требуют улучшения.

Так высока была башня Ждода, что из своих уединенных покоев он в ясную погоду мог обозреть всю Землю. А поднимая взгляд, он видел звезды. И если вглядывался пристальнее, то различал за покровом ночи безграничное море хаоса. Однако хаос наверху не смущал его, как не смущал хаос в бездне под Твердыней. Ибо Ждод покорил хаос и поставил себе на службу.

Над облаками было холодно, но Ждод повелел воздуху в Саду, во Дворце и вокруг Дворца оставаться теплым. Лес за воротами Сада он тоже сделал теплым и приятным во все времена года, чтобы тамошние ручьи не замерзали, а текли в реку, что низвергалась с обрыва длинным водопадом. Обитель Весеннего Родника осталась на прежнем месте, и там, в роще, она вынашивала души, зачатые вместе со Ждодом.

Итак, вновь наступили мир и покой. Кончилось лето, началась осень, листья и яблоки начали краснеть, и все приглашенные Ждодом души полетели во Дворец на пир.

Зула не могла бы стать юристом просто по складу характера. В начале третьего часа она полностью отключилась. А все потому, что поддалась чарам Синджина Керра. Не в сексуальном смысле, разумеется. Скорее в эмоциональном. Все, что он говорил, было таким разумным. Он сам такой умница. Так замечательно шутит. И не самодовольно, а так, будто постоянно удивляется собственному умению обнаруживать крупицы юмора, изначально присущие любым человеческим делам. Разве можно оспорить, что многое изменилось и пора провести генеральную уборку? Третий час был посвящен подробностям того, куда уходят деньги. Огромные виртуальные суммы в современных цифровых валютах перемещались туда и обратно между Уотерхаузовскими, Фортрастовскими и Шепардовскими учреждениями,

коммерческими и некоммерческими. Трансферы были доступны для наблюдения держателям соответствующих токенов, если те удосуживались посмотреть цифры, но чаще происходили во мраке, поскольку детали не поддавались человеческому разумению. Даже в отключке Зула чувствовала, к чему клонит Синджин: к тому, что часть денег ушла не туда. Вероятно, просто по недосмотру. Вполне понятному. Однако важно исправить ошибку. Речь об очень больших суммах.

Очнулась Зула уже почти в полдень, когда услышала имя дочери. Наблюдатель с другой стороны стола мог бы не заметить перемены в ее лице, но сердце забилось чаще и щеки вспыхнули от стыда. Она не слушала. Потеряла нить выступления в самый важный момент. Она знала, что Синджин упомянул Софию, но не знала, что именно он сказал.

Впрочем, догадаться было несложно.

Через полчаса, во время перерыва на ланч, ее догадки подтвердил Маркус Хоббс, главный юрист Фортрастовского фамильного фонда, внимательно слушавший Синджина три часа кряду.

– Очень просто. Элу с самого начала не нравилось, что Корваллис сделал Софию держателем токена к Мозгу Доджа и она запустила Процесс. Все эти годы он многократно повторял, что хочет иметь привилегии того же уровня.

Зула глянула через стол на дочь. Корваллис и Мэйв присоединились к Зуле, Маркусу и Софии за ланчем. Они сидели за угловым столом в эфиопском ресторане на Черри-стрит, примерно в трех кварталах от медицинского центра, где случилось несчастье с Ричардом. Было начало октября. По неписаной семейной традиции они всегда собирались в этой части города в то время, когда клены стояли красные. А «семья» означала для них не только родство в обычном смысле. Си-плюс давно стал практически Фортрастом. София была теперь любящей тетушкой подросших детей Корваллиса и Мэйв.

И всех их преследовали умершие. Потому что именно они создали систему, в которой «жили» Додж, Верна, Плутон.

– Он постоянно жалуется, что Сингулярность получается не такая, как ему хотелось, – сказала Зула. – Думаю, отчасти его бесит количество *бюрократии*. Столько юристов. Столько деловых встреч.

– Но сейчас все вроде разворачивается в ту сторону, которая ему по вкусу, – заметила София.

– Ты про Ком? – спросил Корваллис. Он еще раньше рассказал всем присутствующим про свою встречу с аватарой Элмо Шепарда.

– Да, – ответила София.

– Ком ему нравится, – согласился Корваллис.

– Отлично, – сказала София, – но, даже если Ком – ровно то, о чем он мечтал, кто будет это поддерживать, когда он сам станет частью Кома? Несколько фондов с пересекающимися советами директоров. Их капиталы разделены между неведомым числом инвестиционных инструментов в самых разных финансовых организациях по всему миру.

– Многое из этого автономно, – напомнил Маркус. – Бóльшая часть наших инвестиций управляется ботами, которых мы не понимаем. В его случае их доля, вероятно, еще выше.

– Но все равно нужна материальная основа. Компьютерам, на которых размещена система, требуется электричество и крыша, чтобы на них не лился дождь. Люди могут отключить их, когда захотят.

– Это его тревожит, – сказала София. – И это тревожит меня в его просьбе.

– Не могла бы ты объяснить подробнее? – попросил Маркус. – Поскольку все более очевидно, что Синджин здесь именно из-за этого.

– Процесс, который я запустила в Принстоне, очень сложный и дорогой, но тем не менее это компьютерная программа, подчиняющаяся нескольким простым командам. И одна из этих команд: «выход». Или другая аналогичная. Не знаю, поскольку никогда ее против него не применяла. Или против Плутона, Верны либо кого-нибудь еще.

– Ты держатель токена с правом завершить Процесс – и любой процесс – когда угодно? – уточнил Маркус.

– По сути это работает так. – София глянула на Корваллиса.

Тот кивнул.

– А у тебя, Си, такое право есть? – спросил Маркус. – Ведь София получила свой токен от тебя.

Корваллис помотал головой:

– Ты думаешь, я вроде суперпользователя или сисадмина. Тут другое. Я выдал Софии токен, который дал ей право создать совершенно новую систему. В этой системе она администратор – имеет абсолютную власть над всеми процессами, а я не имею никакой. Не имею и не хочу, – добавил он.

Мэйв внимательно следила за разговором. Судя по всему, она чем-то заинтересовалась, но все не находила удобного момента задать вопрос.

– Спрошу грубо: что будет, если ты угодишь под автобус? – спросила она Софию.

– Ничего, – ответила та.

– Другими словами, – сказал Маркус, – ты не предусмотрела процедуру передачи токена в случае твоей смерти.

– Я даже не знаю, как это сделать, – ответила София. – Никогда о таком не думала. Но подумаю.

– Поскольку речь о моей дочери, давайте зададим вопрос в более мягкой форме, – сказала Зула. – Что будет, если ты забудешь пароль?

– Мы не пользуемся паролями.

– Знаю. Он завязан на твою ПАРАНДЖО. У меня она тоже есть.

– Нет никакого «его». От ассоциаций с паролями одна путаница. Мы отказались от них по этой самой причине: если ты забываешь пароль, то все, кранты. А если кто-нибудь крадет твой пароль, то становится тобой, получает все твои привилегии. В ПАРАНДЖО суть «О» – олографии – в том, что ты должна все время подтверждать свою личность…

– Лицом, голосом, тем, как печатаешь, как ходишь… – сказала Зула. Она все это знала.

– Когда-то было так, да. Все более или менее сводилось к распознаванию лиц. Теперь мы даже не знаем, как это работает. Мы передали все ИИ, и они просто тебя узнают, исходя из… а черт его знает из чего.

– Так вот, возвращаясь к сути моего вопроса, – продолжала Зула чуть раздраженно, – допустим, твой загадочный ИИ, привратник, перестанет тебя узнавать. Именно это я хотела сказать архаичным выражением «забыла пароль».

– Если я потеряю способность удостоверить мою личность – доказать, что эта ПАРАНДЖО моя, если загадочный ИИ перестанет меня узнавать, то привилегии данного токена будут утрачены безвозвратно.

– И что это изменит на практическом уровне? – спросила Мэйв.

– На удивление мало, – ответила София. – Я – Атропа.

– Не могла бы ты пояснить для тех из нас, кто в последнее время не штудировал д'Олеров? – недовольно проговорила Зула.

– Атропой звалась парка, которая перерезает нити жизней. У меня есть право завершить любой процесс, впечатав в терминальное окошко quit, или kill, или какая там команда это выполняет. Мне надо посмотреть ее на главной странице. Если я потеряю связь с текущей ПАРАНДЖО, этого права не будет ни у кого.

– Но создать новый процесс – другая история, – сказала Мэйв полувопросительно, полуутвердительно.

– Поскольку это открытый протокол для обмена

сообщениями, каждый может запустить процесс-участник, – объяснил Корваллис. – Конечно, очень мало кто обладает знаниями и умениями, чтобы запустить что-нибудь по-настоящему интересное. По сути, такая власть есть у нас и у Эла Шепарда.

– Это представляет требования Синджина в новом свете, – заметил Маркус. – По его словам, Эл с самого начала всего лишь просит таких же административных прав, как у Софии. Но если единственное, что может София и не могут другие, – быть Атропой, то зачем ему это право?

– Он хочет убить Доджа, Верну и остальных, – сказала Мэйв.

София пожала плечами:

– Я чересчур упростила. У меня есть еще некоторые административные возможности, которых нет у Эла. По сути, они относятся к ограничению используемых ресурсов. Задним числом я понимаю, что если бы подумала об этом в самом начале, то поставила бы какие-то ограничения: сколько памяти может выделять себе Процесс, сколько вычислительной мощности использовать и так далее.

– Это то, что в нормальных условиях делает системный администратор, – объяснил Корваллис ради Зулы. – Например, когда я в прежние времена ставил программу на терабайтный винт, я устанавливал ей квоту – допустим, не забирать под собственные нужды больше полтерабайта, иначе она задавит все остальные процессы и подвесит систему.

– Я ничего такого не сделала, – сказала София, – потому что Джейк, а после Эл добавляли Процессу ресурсы быстрее, чем они расходовались. Всех так заворожил его рост, что хотелось для эксперимента дать ему полную свободу развития.

– Ясно, – сказала Зула. – И Эл в этом раскаялся, потому что Процесс стал доминирующим.

– Никто не ждал, что процессы, загруженные из Эловой сети, потянутся к первому, вместо того чтобы развиваться независимо, – кивнул Корваллис.

– Ладно, – с нескрываемым скепсисом произнес Маркус. – Значит, Синджин скажет, Элу нужна лишь возможность ограничить зарвавшиеся процессы. Обнести их оградой. Установить нормальные квоты, чего не сделала София.

– Он сможет и кое-что еще. Например, воздвигнуть барьеры между «нашими» и «своими» процессами, – София изобразила пальцами кавычки.

– Что *звучит* разумно. Но мы не можем дать ему этого права, не наделив его одновременно властью Атропы, – сказал Маркус и чикнул в воздухе двумя пальцами.

– Так с ходу не скажу, надо проверить, – ответила София.

– Какие у тебя ощущения после сегодняшнего утра? – спросила Зула Маркуса.

– Синджин плотно обложил нас со всех сторон, – признал тот. – Пока не появился Ком, с ресурсами проблем не было. Мировое предложение квантовых суперкомпьютерных кластеров и облачных хранилищ опережало рост потребностей.

– Что не случайно, – вставил Корваллис. – Эл строил это все для поддержки запускаемых им процессов.

– Конечно, – сказал Маркус. – Но он исходил из предположения, что каждый новый процесс будет добавлять лишь небольшую нагрузку. Однако все прежние оценки пошли псу под хвост. Внутри Кома на порядок больше вычислений, чем прежде, когда процессы были не так тесно связаны. Система может заглохнуть.

– Ты знаешь мое мнение, – сказал Корваллис. – Это вырожденная деятельность. Они просто зациклились. Состояние гонки. Никаких осмысленных вычислений в Коме не производится.

– Это всего лишь твое мнение, – напомнил Маркус. – Представь, что стоишь перед присяжными и пытаешься их в этом убедить. Ты должен будешь на голубом глазу сказать, что процессы Доджа и Пантеона – правильные, а все связанное с Комом – «вырожденное».

София кивнула:

– Знай мы, что на самом деле думают процессы, было бы другое дело. Но у нас есть только анализ потоков и скорость сжигания капитала.

– Не согласен, – возразил Корваллис. – У нас достаточно логов, доказывающих, что Ландшафт появился в результате вычислений Пантеона. Где результат вычислений Кома? Его не видно.

– Опять-таки. Присяжные, – напомнил Маркус.

– А нельзя представить «Критику чистого разума» в качестве доказательства? – хмыкнула Мэйв.

– Дело в том, – сказал Маркус, – что Ком сыграл на руку Элу, создав дефицит вычислительной мощности, чего раньше не было. И Эл может использовать этот дефицит как довод против нас. Ведь самое разумное, на первый взгляд, требование: сказать, что пора ввести ограничение.

– Он не стал бы тратить на одно это требование целых три часа, – заметила Зула.

– Все остальное было просто демонстрацией, что будет, если мы не согласимся. Эл устроит нам очень крупные неприятности, и

проще нам сдать на попятную, не доводя до суда.

Принесли еду, и разговор на время прекратился: все потянулись к середине стола оторвать по куску ынджеры[28] и обмакнуть в острый соус. Однако как только Мэйв утолила первый голод, она вытерла рот салфеткой и объявила:

– Я категорически не согласна давать Элу или кому бы то ни было право завершать процессы. Я один раз уже потеряла сестру. Если процесс, который мы называем Верной, в каком-то смысле Верна, я хочу ее защитить. И то же самое относится к моим маленьким племянникам и племянницам.

С минуту все осмысливали ее слова. Верна, единственная сестра Мэйв, умерла бездетной. У Мэйв не могло быть племянников и племянниц. Все изумленно смотрели на нее, пока Корваллис не сказал:

– Не могла бы ты объяснить, милая?

– У нас есть свидетельства о сборке новых процессов. Связанных с Верной.

– Это ведь уже довольно давно происходит? – спросил Маркус. – В отличие от всех остальных, процесс Верны умеет порождать самостоятельные процессы.

Мэйв чуточку развела большой и указательный пальцы:

– Крохотные. Маленькие «привет, мир», действующие сами по себе. Они ничего особенно не делают. Потребляют не так уж много ресурсов.

– Они все привязаны к нашим счетам, – добавил Корваллис, – так что мы их отслеживаем. Траты такие маленькие, что не о чем говорить.

– Так было до последнего времени. Сейчас Верна работает над двумя большими. – Мэйв глянула на Корваллиса, тот кивком подтвердил ее слова. – Новые процессы, похоже, имеют масштаб отсканированного человеческого коннектома. Их создание идет уже несколько месяцев.

Маркус, поняв, в чем дело, кивнул:

– Так вот что ты имела в виду, когда говорила о племянниках и племянницах.

– Может быть, это еще одна причина, почему бесится Эл, – сказала Зула. – Если наши процессы научатся себя копировать, они могут вытеснить его процессы.

Минуту назад у Маркуса на руке пикнули часы, и он уставился в стену – смотрел в очках какую-то новую информацию. Сейчас он вытер руку салфеткой, сдвинул очки на лоб и объявил:

– Скоро он начнет беситься еще сильнее.

– Что случилось? – спросила Зула. – Что ты сейчас узнал?

Ей тоже пришло извещение, но она не стала смотреть.

Маркус затряс головой, словно говоря: «А черт его разберет!»

– Ком только что упал.

– Упал? – резко переспросила Мэйв.

– Вырубился. Вычислительная активность внутри Кома снизилась на три порядка. Зеленая фиговина на Площади исчезла. Площадь стала прежней – скверик с башенкой.

Те, у кого очки были сдвинуты на лоб, опустили их на глаза, остальные вытащили из кармана и надели. Все первым делом посмотрели визуализацию Ландшафта и убедились, что Маркус прав: сияющий столб, который последние недели нефтяным факелом высился над Площадью, исчез начисто. Однако здание на соседнем холме стояло, как прежде, только холм стал выше и круче.

– Это точно не сбой в «Провил»? – спросила Мэйв.

Маркус мотнул головой:

– Все очень четко видно по скорости сжигания. По деньгам. И если вы переключитесь на другую визуализацию, то увидите, что с Комом.

Они проверили более абстрактную визуализацию – ту, в которой последние недели доминировало аморфное облако белых нитей. Процессы Доджа и Пантеона по-прежнему висели надо всем, такие же яркие, как прежде. Однако Ком исчез. На его месте лежал тонкий слой, какой бывает на земле после града: тысячи твердых на вид белых шариков. Каждый представлял отдельный процесс, но еще несколько минут назад они были скрыты в путанице белых нитей. Теперь, если наклониться поближе и вглядеться в отдельный шарик, можно было различить возникающие и пропадающие белые ниточки-сообщения. И все же Маркус был прав: уровень активности упал практически до нуля.

Всем разом пришло одно и то же извещение. Синджин Керр кратко информировал, что вынужден отменить встречу во второй половине дня, и просил прощения, что не мог предупредить раньше. Еще через несколько секунд пришло сообщение от него же: он очень сожалеет, что не сможет увидеться с ними через неделю на Екопермоне-5.

40

Вместо сумочки София носила Ромашку – своего рода отдельный карман, призванный искупить грехи производителей женской одежды. Это был плоский бумажник с ремешком через плечо. Туда помещались документы, тампоны, ручки, миниатюрный мультитул, ключи, а также импровизированные

четки из электронных побрякушек и мини-фонариков. Периодически Ромашка распухала, и тогда София чистила ее от напиханных внутрь бумажек. Собираясь ночевать не дома, убирала в сумку побольше. На Екопермоне-5 там лежали ключ-карта от номера и сувенирный блокнот участника. Сбоку имелся прямоугольный кармашек из прозрачного пластика, который застегивался на молнию. Как-то, перерывая ящик стола в поисках паспорта, София наткнулась на ромашку, которую отковыряла в душевой кабине на ферме Фортрастов, и сунула ее в кармашек, чтобы чаще видеть. Со временем ромашка превратилась в визуальный маркер, вроде характерного украшения или мелированной прядки, который ассоциировали с ней друзья, а незнакомые использовали как предлог завязать разговор. Более модные подруги морщились при виде все более затертого и засаленного бумажника, получившего у них прозвище Ромашка.

После долгого сидения в конференц-зале София обычно шла в гостиничный фитнес-центр и с полчаса занималась на беговой дорожке. На тренажере была подставка для книги или ноутбука, давно не используемая, – когда разминаешься, удобнее читать в очках дополненной реальности. София клала Ромашку на подставку, включала дорожку на быстрый шаг, опускала очки со лба на переносицу и просматривала скопившиеся за день сообщения. Ее редактор с помощью различных ботов сортировала эти сообщения по разным папкам. В одну большую папку отправлялось на карантин все связанное с иском, который от имени Элмо Шепарда подал недавно Синджин Керр. Сообщения эти были как на подбор исключительно нудные и очень пугающие. Фортрастовские адвокаты разрешили ей их не читать – если какой-нибудь документ требовал внимания Софии, ее извещали отдельно.

Куда интереснее была папка Еноха Роота, куда сыпалось обсуждение его утреннего доклада на тему амортальности. Не удовлетворившись одним оригинальным словом, он озаглавил доклад «Амортальность, или Смерть после смерти».

Этой темой он занялся после странного происшествия несколько месяцев назад, когда в результате взаимодействия с Процессом Доджа некая душа вроде бы исчезла полностью. В «Провил» можно было прокрутить событие заново, правда, в зернистом, дерганом качестве и без звука. Все произошло на Площади и началось со стычки между горожанином и членом Пантеона. Горожанин ударил члена Пантеона каким-то орудием и причинил тому некий ущерб. Появился Додж, проделал что-то вычислительно дорогостоящее, и нападающий перестал существовать.

Конечно, у сисадминов была резервная копия его данных. Держатель токена с соответствующими привилегиями мог перезагрузить остановленный процесс. Однако прежде требовалось решить некоторые вопросы, и София как одна из этих держателей обязана была вникнуть в дело.

Потому что, затевая это все, они не рассматривали вариант, что душа может умереть. А тем более – кого-то убить.

(Строго говоря, они много чего не рассматривали – целую кучу незапланированных последствий. Но что толку себя корить? Так всегда бывает в начале. Вы либо советуетесь с акционерами и перебираете все возможные последствия – и в таком случае, скорее всего, вообще ничего не делаете, так как последствия в сложных системах бесчисленны и непредсказуемы, – либо просто жмете «ввод».)

(А еще слово «душа» тянет за собой лишний философский и религиозный багаж. Но отсканированный мозг, загруженный в качестве процесса и получивший возможность использовать ресурсы и взаимодействовать с другими процессами, обретал личностные черты: он существовал не везде, а в конкретном месте, двигался вроде бы по законам физики, а его взаимодействие с другими процессами очень напоминало общение. Можно было увильнуть от сложных вопросов, держась строгой терминологии вроде «процессы». Однако они рекламировали клиентам не возможность породить процесс. Все, заплатившие за посмертное сканирование мозга, делали это в убеждении, что процесс станет продолжением их бытия в некой загробной жизни. Никакие терминологические пляски с бубном не могли замаскировать тот факт, что на самом деле речь идет о душе. И часть сделки – что она будет жить вечно.)

Не оставалось сомнений, что некоторые процессы, помещенные в систему, пустили корни, росли, процветали, что-то делали, общались с себе подобными, рыли ямы, валили деревья, строили дома, а потом по какой-то причине (и смерть от рук Доджа – лишь одна из них) прекращались. Нельзя сказать, что они «исчезали без следа», поскольку данные где-то хранились. Однако сам процесс переставал изменяться и возвращал ресурсы в облако. В том числе ресурсы, требуемые для поддержания виртуального тела.

Отсюда возникали вопросы, которые в Митспейсе проходили по разряду «жизни и смерти», а в бизнесе относились к обслуживанию клиентов. Если поставщик услуг выманил у клиента деньги обещанием бессмертия (может быть, не совсем в этих словах, но именно так большинство клиентов его поняли), отсканировал его останки, попутно обратив их в пар, загрузил

скан в облако, дал ему какого-то рода жизнь, квалиа, опыт, общение, воспоминания, все, что есть у людей в Митспейсе, а потом допустил его прекращение, разве этот поставщик не нарушил обязательства перед клиентом? Родственники и друзья покойного заметят, что он снова умер, и поднимут хай. Они могут вручить свои мозги и души конкурентам, утверждающим, что устранили из своей системы баг смерти.

В старом мире смерть вела к бесконечным философским размышлениям и порождала религии; в Битмире она сулила негативные отзывы от безутешных родственников и разорительные иски.

Доктора наук по информационным технологиям и да, философы и богословы собрались сейчас на Екопермон-5 поговорить о сути проблемы. Сегодня Енох Роот высказал свою позицию. Он пытался упредить тех, кто скажет: «По счастью, есть простое решение – процессы можно просто перезагрузить!» Енох хотел указать на некоторые потенциально катастрофические осложнения. Из-за растущего авторитета Еноха и в Саут-Лейк-Юнион, и в Зелрек-Аалберге его концепция стала основной – такой, которую любые конкуренты должны будут вписать в лицензионное соглашение с конечным пользователем. Концепция была сложной, но сводилась к термину «амортальность».

– Если в лесу падает дерево, больно ли тому, на кого оно упало? – таким вопросом он начал свой сегодняшний доклад. Ответ был: «Да, потому что иначе система рассыплется».

Процесс Доджа по какой-то причине засадил Ландшафт деревьями. Недавно прибывшие души начали их валить и строить из них дома. Дерево бесполезно – из него не построишь дом, – если не обладает физическими свойствами, такими как вес и твердость. Отлично. Но если дерево на кого-то падает, оно не может внезапно превратиться в подушку. То есть, конечно, может – в компьютерной программе возможно все, – но что это будет за мир? Наш мозг, будь то материальный мозг в Митспейсе или его тщательно воссозданная модель в Битмире, просто не сумеет осмыслить мир, где деревья превращаются в подушки, когда становятся опасными. Сделайте исключение для падающих деревьев, и конца-края этому не будет. Очень скоро вся вселенная «потеряет связность».

Отсюда есть лишь один выход – амортальность. Не бессмертие – потому что, когда на лесоруба падает дерево, тот должен пострадать и, возможно, умереть. Но «умереть» здесь не значит «исчезнуть навсегда». Форма – тело, которым душа одевала себя до падения дерева, – должна нести урон, и урон должен иметь реальные последствия. Если он окажется

достаточно тяжелым, то лучше душе расстаться с этим телом и получить новое.

В теории довольно просто. Однако на практике – как всегда – существовала ловушка. Нельзя просто загрузить новую копию исходного оригинала с нуля. Или даже виртуальное тело на тот момент, когда упало дерево. Технико-философские обоснования были гипермудреные, но существовала простая аналогия, понятная каждому пользователю, хоть раз перезагружавшему заглючивший комп. Вся система дико сложна, миллионы подсистем связаны между собой, и если хоть одна связь не восстановится, ничего не заработает. В теории что угодно можно отладить, а на практике проще и лучше все отключить и начать с чистого листа.

Енох не делал вид, будто у него есть ответы на все вопросы. Целью доклада было просто их сформулировать.

Те немногие, кого София знала и любила, собрались у маленького открытого бассейна с горячей водой, так что она, начитавшись про амортальность, выключила беговую дорожку, сунула очки во внешний карман Ромашки и убрала ее в ближайший шкаф с махровыми халатами. Потом разделась, залезла минут на пятнадцать в горячую воду и отказалась от пущенной по кругу трубки с марихуаной. Впрочем, народ уже расходился, а сама София устала, так что она вылезла из воды, взяла с полки махровый халат, надела его, а Ромашку завернула в свою одежду. По лабиринту тропок, дорожек и крытых переходов София добрела до отведенного ей домика. Там были гостиная с кухонным уголком и спальня, обе выходили на Пролив Отчаяния, в обеих были стеклянные двери на мощеную терраску, где еле-еле помещались столик и два садовых кресла. Домик стоял прямо над обрывом; здесь поставили стеклянную ограду высотой по пояс, чтобы гости со сна или по пьяни не рухнули вниз. Калитка в ограде вела на деревянную лестницу к докам и переходам десятью метрами ниже. Там же располагалась гостиничная вертолетная площадка – на удивление маленькая платформа, нависающая над бурной водой.

София не знала, почему ее поселили в этот домик, самый уютный на всей базе. Другие участники жили в гостиничных номерах – очень комфортабельных, но все же номерах. Там обычно и останавливались ее мама и все остальные, напрямую связанные с фондом, чтобы кто чего не подумал. Для Софии площадка внизу была исключительно помехой; всякий раз, как там взлетал или садился вертолет, разговор на минуту-две тонул в реве винтов. Однако она понимала, что некоторым любителям

шикарного отдыха может быть приятно вылезти из личной вертушки и прямо с площадки подняться по лестнице в отдельный коттедж.

Удобства в домике отвечали всем требованиям такого сибарита. София вошла прямиком туда, бросила одежду на пол, повесила Ромашку на дверной крюк, положила очки на тумбочку и включила душ нагреваться. Пока она снимала халат, вода уже нагрелась, так что София залезла под душ и начала смывать с волос бассейновую хлорку. Намылилась целиком, сполоснулась.

Выйдя из душа, София услышала шипение, которого не было, когда она включала воду. Голова кружилась; пришлось ухватиться за тумбу. Из-за чего бы это? В номере был встроенный парогенератор с непонятной системой управления. Наверное, она нечаянно его включила. Может, он все это время шипел, поднимая температуру до того, что у нее закружилась голова. София глянула на контрольную панель, но разобраться не смогла. Пар из генератора вроде бы не шел. Подойдя к двери, София заметила, что прозрачный пластиковый карман Ромашки запотел. Она сняла бумажник с крюка и повесила на шею. Потом распахнула дверь, впустив прохладный воздух из спальни. София отчего-то задыхалась и вообще чувствовала себя нехорошо. Хотелось выбежать на террасу и глотнуть свежего воздуха.

Шипение слышалось отчетливее. В комнате было темно, но у дверей на террасу горели незнакомые цветные светодиоды. В свете из ванной София различила возле кровати предмет, которого тут не было минуту назад, – промышленную тележку на толстых шинах. На тележке помещались синий ящик с невключенной панелью управления, свернутый шланг и провод, а за ящиком – баллон примерно с Софию ростом.

Она узнала сварочный аппарат. Значит, в баллоне – инертный газ, нужный для того, чтобы раскаленный металл не окислялся. И шипит именно баллон, потому что регулятор крана наверху сорван. Шипит и наполняет комнату газом.

Газом, главный смысл которого в том, что он не содержит кислорода.

Софии было плохо не из-за жары, а из-за недостатка воздуха. От удушья.

Тележка со сварочным аппаратом загораживала путь к дверям на террасу, и София рванула к выходу из домика, но он оказался забаррикадирован тяжелой мебелью.

Она повернула к стеклянным дверям на террасу и снова увидела такие же светодиодные огоньки. Теперь они двигались. Двигались, как человек. Это был Метатрон. Его ночные габаритные огни включились автоматически. Он стоял у дверей, а

сейчас двинулся ей навстречу. Другой такой же двигался снаружи. Нет, это просто отражение первого в стекле. Обычные пространственные понятия, такие как «внутри» и «снаружи», «наверху» и «внизу», «вертикально» и «горизонтально», стали непостижимо сложными. Что-то давило на колени – София поняла, что это пол, а она стоит на коленях. Давление на плечи означало, вероятно, что она привалилась спиной к стене. Метатрон приближался. Она вдохнула смесь 75 % CO_2 – 25 % аргона (так было написано на шипящем баллоне) и выкрикнула «Помогите!» неожиданно вязким голосом. Однако к шипению присоединился мощный рев, заглушивший все остальное. София подумала было, что это стучит ее сердце, но тут же поняла, что слышит вертолет.

Что-то жесткое наручником сомкнулось на ее запястье. Рука Метатрона. Он шел к стеклянным дверям. Поскольку он по-прежнему сжимал Софиино запястье, то сейчас тащил ее за собой. Она совершенно обмякла и почти ничего не видела, но свободная рука, волочащаяся по ковру, наткнулась на что-то знакомое и рефлекторно это стиснула: нейлоновый ремень Ромашки. Теперь Ромашка тянулась за ней следом. Зазвенело разбивающееся стекло.

София очнулась, как ей показалось, очень нескоро. Но нет. Чувство времени сбилось. Она хватала ртом холодный воздух – настоящий. Ногам было больно. Она открыла глаза и увидела над собой светодиодные огни робота на фоне туманного неба. Он тащил ее вниз по деревянной лестнице, а ноги болели от того, что ее проволокли по битому стеклу, камню и дереву, а теперь по ступеням. Рев слышался совсем близко; они были уже почти на площадке. Что-то опутывало пальцы свободной руки: нейлоновый ремешок Ромашки. София вывернула шею и с уровня земли увидела, как алюминиевые ноги Метатрона с черными неопреновыми подошвами мерным шагом вступили на покрытие площадки.

София размахнулась свободной рукой и накинула нейлоновый ремешок с Ромашкой на ноги Метатрона. Его мерная поступить сбилась. Несколько мгновений он шатался, пока колоссальный объем вычислений силился компенсировать неожиданный поворот событий. Потом просто упал, с такой силой врезавшись головой в полозья вертолета, что вся машина чуточку накренилась. Винты крутились почти на скорости взлета, забирая на себя основной вес машины, полозья едва касались площадки.

София вскочила, насколько это было возможно, когда руку стиснул Метатрон, а над головой крутятся винты. При этом она немного протащила упавшего робота и поняла, что он не такой и

тяжелый: силища у него была огромная, а вес – как у ребенка. Он тянул в обратную сторону, но не мог ее сдвинуть, пока не встанет на ноги. София понимала, что он хочет затащить ее в открытую дверцу вертолета.

Она двинулась прочь от дверцы, то есть к хвосту. Предостерегающий голос в голове напомнил про хвостовой винт: заденешь его – изрубит тебя в куски.

Метатрон наконец высвободил ноги из ремня Ромашки и вскочил с неожиданным проворством насекомого. Теперь он тянул Софию с нечеловеческой силой. Когда она дергалась, он дергал в десять раз быстрее. Ее рука была как будто вмурована в Вашингтонский монумент. Но София уже знала, что Метатрон не тяжелый. Вся его сила – от контакта с землей.

Она дала притянуть себя к металлическому телу и просунула руку между ног робота, так что локоть оказался под тем местом, где у человека располагались бы гениталии, ухватилась, напряглась и встала. Словно могучий Геракл, отрывающий Антея от земли. Сила, с которой боролась София, исчезла, и ее бросило на корпус вертолета. Чувствуя в опасной близости вибрацию хвостового винта, она повернулась прочь от опасности и нечаянно сунула ноги Метатрона под крутящуюся лопасть.

Все остальное произошло слишком быстро для человеческого восприятия. Словно резкая смена кадра в кино: до и после. София успела понять, что все плохо и что ей больно. Хвостовой винт был поломан, вертолет накренило. Хвост качнулся, сбив с площадки Софию и то, что осталось от Метатрона.

Вода внизу была, как и обещали, ледяная. София пыталась плыть, но Метатрон по-прежнему сжимал ее мертвой хваткой. Свободная рука взметнулась, и с ней Ромашка. Белые пластиковые лепестки мгновение плыли перед лицом, все менее различимые по мере того, как София уходила под воду.

41

В самой высокой башне Дворца обитала Долговзора. Чуть ниже ее комнатки башню опоясывал парапет; здесь Ждод любил гулять взад-вперед. Когда-то отсюда открывался красивый вид на Город, до которого тогда было рукой подать. Теперь Город превратился в развалины, лежащие так далеко внизу, что их порой скрывали облака. Они выглядели проплешиной в земле, ибо все деревья вокруг были вырублены.

Дальше вновь начинался лес. Там падали бессчетные листья, как в те времена, когда Ждод обитал на Земле один. Глядя с

высоты на красное море, он с нежностью вспоминал дни, когда все вокруг было сотворено им. Красный лес внизу бурел бы, когда листья высохнут и улетят, белел, а потом зеленел в положенный срок, и так снова и снова, тысячи лет, без малейших его усилий. Сейчас, с высоты, лес казался прежним, но Ждод знал, что под красным пологом бывшие горожане разбредаются во все стороны, валят деревья и срут на землю везде, где проходят.

Некоторые отправились на запад к обширному морю травы, протянувшемуся до самого хребта, который Плутон воздвиг на западном побережье. Другие пошли на юг, затем свернули к востоку, огибая каменистую пустыню в юго-западной четверти Земли, на теплые зеленые низины у срединного залива. Третьи обогнули Столп и двинулись вдоль великой реки к востоку, ища, где поселиться в ее широкой долине.

Совсем немногие отважились пойти на север, ибо зимы там были ранние и суровые, а местность труднопроходимая. До самого Узла хребты чередовались с глубокими ущельями. Даже те из горожан, у кого были крылья, не смели туда соваться, ибо все знали, что этот край – заповедная область Ждода и некоторых избранных членов Пантеона.

Возможно, Долговзора почувствовала, что мысли Ждода обращены к Твердыне, потому что выпорхнула из башни, опустилась по правую руку от него и тоже устремила взор на север, к столпу черных туч над областью вечных бурь.

– Что-то странное происходит в тех краях, – объявила она. – А здесь ничто не требует твоего внимания.

Она указала на Сад, где шли приготовления к Пиру. Некоторых горожан подняли на вершину Столпа и разрешили им поселиться в домиках вокруг стен, в сфере теплого воздуха и золотистого света. Они были меньше и слабее душ Пантеона, однако довольствовались смиренной участью и старались быть полезными в меру сил и наклонностей. Одни из них добывали в горах нужные Делатору руды и кристаллы, другие бродили по Земле, собирая плоды и съедобные травы для стола. Помощники Долговзоры летали, плавали и ходили по Земле, примечая все интересное и сообщая ей то, что она бы иначе не узнала. Страж по одной-две собрал десятка два душ, которым нравилось обходить дозором границы благословенной обители на вершине и стоять на часах у ее ворот. Дикие души прибывали в изумлявших Ждода количествах. В разное время он встретил несколько таких и свел с ними знакомство. Всякий раз, замечая у берега или на слиянии рек, что вода закручивается в водовороты с более чем обычной сложностью, или обнаруживая нечто похожее в движении ветра, или когда одно дерево возвышалось над всеми

на горном хребте, либо утес отличался от всех остальных красотой формы, Ждод летел туда и терпеливо ждал, когда дух места вступит с ним в общение. Некоторые дикие души очнулись, пустили корни и создали свои формы в полном одиночестве; до появления Ждода они не ведали о существовании других. Некоторые впервые возникли в Городе и ушли оттуда, потому что чувствовали отвращение к тамошнему обществу. Кто-то обитал в единственном стебельке травы, кто-то – в целом горном хребте, одна душа была западным ветром и одна – восточным морем. Ждод понимал, что на одну известную ему может приходиться множество неведомых. Однако каким-то образом весть о Пире распространилась среди них. Многие прибывшие в те дни были незнакомы Ждоду и Пантеону; сейчас эти неотесанные души заполонили Сад, нарушив его привычную тишину.

– Хорошо, – сказал Ждод. – Так какие известия с севера?

– Проще показать, чем объяснить, – ответила Долговзора, – и если ты поможешь мне одолеть опасные завихрения бурь, мы окажемся там быстрее, чем я бы излагала словами.

Она взлетела, не дожидаясь ответа, и Ждод был вынужден за нею последовать.

Некоторое время они летели на север, затем Ждод обогнал Долговзору и стал показывать дорогу в лабиринте вихрей и туч вдоль южной границы бурь. Им приходилось лететь через такие места, где молнии били из тучи в тучи, словно сотни Ждодов забавлялись сверкающими молниями из кузницы Делатора. Раз, другой, а потом и третий Ждод чувствовал перемену в воздухе и, подлетев к Долговзоре, укрывал ее крыльями от сокрушительных разрядов.

Наконец они влетели в центр циклона. Он возникал, исчезал, носился, как дикая душа над Узлом и Областью Бурь, лежащей дальше на север, но чаще всего бывал над Твердыней, где они и застали его сегодня.

Сама Твердыня – замок, возведенный Ждодом в центре Узла, – была устроена довольно просто. При всем множестве башен и тому подобного это был, по сути, обнесенный стеной квадрат на уступе. Над ней аркой нависал перекрученный хребет. Так получилось из-за ошибок, которые Ждод допустил эоны назад, создавая Землю и прокладывая русла рек.

Уступ круто обрывался в хаос. Твердыня высилась над обрывом, стена здесь составляла с ним единое целое, и Ждод, стоя на парапете, мог смотреть прямо в пропасть.

Бездна хаоса не была изолированным провалом в земле; она располагалась внутри извилистой трещины, идущей вдоль всего основания Узла. Кое-где трещину можно было перешагнуть, где-

то она была шириной с великую реку. В целом, впрочем, чем дальше от Твердыни, тем ***у***же она становилась, пока наконец ее борта не смыкались полностью. Ждод подозревал, что дальше она ветвится под другими частями Земли. Впрочем, это касалось только Плутона, который умел в ней перемещаться и таким образом попадал из одной части Земли в другую быстрее легкокрылой Самозваны.

Из-за гор – не только их высоты, но и бессмысленного изгиба – с юга сюда было не подойти. Те, кто шел с востока и с запада, должны были сделать крюк и выбраться на северную дорогу – если готовы были преодолевать много миль по гористой, продуваемой ветрами местности. Ждод всегда считал эту дорогу изъяном – единственным недостатком безупречной в остальном системы преград на пути к Твердыне. Теперь уже поздно было что-либо менять. Однако бездна – заполненный хаосом провал под самым уступом – удачно изгибалась чуть севернее Твердыни и шла там примерно в направлении с востока на запад. Ждод расширил ее до каньона с почти вертикальными стенами. Ее нельзя было перепрыгнуть, только перелететь, и ни один строитель не сумел бы перекинуть через нее мост.

По крайней мере, так Ждод себя уверял, пока своими глазами не увидел мост через ущелье.

К северу от Твердыни по двум сторонам бездны, один напротив другого, высились два одинаковых устоя. В этих краях Плутон не стал превращать адамант в горные породы, зная, что Ждод все равно уничтожит его работу, так что устои были все из того же адаманта, гладкие, с красивыми плавными очертаниями. Они сужались и почти сходились над серединой бездны. Здесь их соединял настил из целых древесных стволов. Очевидно, их срубили в лесах Области Бурь на севере, притащили сюда, а затем плотно связали.

Теперь Область Бурь соединялась с Парадным Двором, как Ждод именовал каменную площадку между северным фасадом Твердыни и краем бездны. Он не знал, откуда взялось название; оно пришло ему в голову, когда он сидел на Парадном Крыльце (как называл северные ступени Твердыни) и смотрел в ту сторону.

До сих пор в Парадный Двор не было хода чужим, и Ждод скорее опешил, чем разозлился, увидев, что души шастают туда по мосту. Они двигались в обе стороны, во Двор и обратно. Те, что приближались к Твердыне с юга, несли камни. Те, что возвращались на север, шли налегке. Вступив во владения Ждода, души пересекали Двор и вскоре оказывались у места, где уже выросла невысокая дугообразная стена. С каждым брошенным камнем она становилась все выше. Избавившись от своей ноши,

они торопливо поворачивали обратно и спешили за новыми камнями.

Ничего поразительнее Ждод не видел с тех пор, как впервые очнулся в море хаоса. Может, и к лучшему, что зрелище настолько его ошеломило; иначе бы он спикировал во внутренний двор Твердыни, схватил охапку молний и принялся разить ими направо-налево. Изумление заставило его промедлить, и за это время ему в голову пришел более хитрый план.

Ждод круто свернул в грозовые тучи. Долговзора последовала за ним.

– Возвращайся во Дворец, – приказал он ей. – Ты правильно поступила, что показала мне это все.

И она полетела на восток, низко к земле, долгим путем в обход Области Бурь.

За тучами Ждод перелетел на северный край бездны, опустился в пустынном месте и принял подобие бескрылой городской души. В этом обличье он пересек заснеженные скалы и присоединился к потоку душ, идущих на юг к мосту. По большей части они были одеты и обуты не для здешних холодов. Он дивился, что они преодолевают такие тяготы ради того, чтобы пронести камень через мост.

– Ох, до чего же трудно идти, – сказал он душе, шагавшей вместе с тремя другими. – Я думаю повернуть назад, а ты?

– Ангел сказал, мы уже почти на месте! – ответила душа и, видя растерянность Ждода – ибо тот никогда прежде не слышал слова «ангел», – указала в небо чуть позади них.

Над караваном парила крылатая душа; порой она спускалась ободрить и поддержать изнуренных носильщиков. Ни ее, ни подобных ей Ждод прежде не видел.

– Грядущий нас вознаградит, – добавила еще одна душа из той же группы, – как только избавит нас от тирании Ждода.

Желая узнать больше, он присоединился к этим трем душам. Отсюда – как и обещал ангел – было недалеко до моста. По пути Ждод засыпал новых спутников вопросами про Грядущего, ангелов и мост, но те почти ничего не знали.

На определенном месте им вроде бы следовало взять камни, что они и сделали, после чего пристроились в вереницу за другими носильщиками. У моста движение замедлилось, и Ждод успел рассмотреть это диковинное сооружение, так неожиданно выросшее из края бездны. Устой и впрямь был из твердого адаманта и составлял единое целое со скальным основанием Земли. Нечто подобное мог бы сотворить Ждод на вершине своей мощи; даже Плутону такое было не по силам. Ждоду подумалось: уж не сам ли он воздвиг эти устои в какого-то рода сне, а потом

забыл? Или на Земле есть другая подобная ему душа? Такая же – и даже, если подумать, более могущественная, чем сам Ждод?

Однако мощь строителя была явно не безгранична. Теперь Ждод понимал, что с моста Твердыня не видна: даже самые высокие ее башни заслонял вздымающийся горный хребет. Неведомый строитель моста, при всей своей умелости, выбрал такое место, где его не увидят Ждод и другие души, глядящие из Твердыни на север.

Там, где устой сужался до ширины дороги и переходил в деревянный настил, была воздвигнута адамантовая арка с башенкой, очень похожей на ту, которую Ждод поставил в середине Сквера. На ее парапете, сложив крылья за спиной, стояли на часах две души в белых одеяниях – ангелы; один смотрел на север, другой – на юг. Ждод, пройдя под аркой и вступив на грубый бревенчатый настил, понял, что неведомый строитель мог бы перекинуть сплошной адамантовый мост через всю бездну, но предпочел сделать так, чтобы мост легко было разрушить, когда это будет отвечать его намерениям.

Так каковы же его намерения?

Через сто шагов Ждод оказался перед второй аркой, точно такой же, как первая. На ней тоже стояли два ангела. Дальше до самого Двора под ногами у него был сплошной адамант.

Во Дворе он сразу почувствовал себя сильнее и уверенней. Еще через несколько шагов взору открылись башни Твердыни. А вот носильщиков это зрелище как будто испугало. Здесь, на землях Узла в виду Твердыни, они принялись метаться, налетая друг на друга. Казалось, они разрываются между обязанностью нести камни в указанное место и все более отчаянным желанием без оглядки бежать обратно к мосту. Ангелы, похоже, тоже избегали вступать в Ждодов Парадный Двор. Порядок, если это можно так назвать, поддерживали бескрылые души с палками, которые покрикивали на растерянные перепуганные души. Многие, спеша вернуться на мост, бросали камни где попало. Палконосцы (все они напоминали Ждоду убитого Прихлопа) заставляли их поднимать брошенные камни и нести к возводимой стене.

Стена эта представляла собой длинную пологую насыпь. На нее ничего не стоило взобраться. Так Ждод и сделал, после чего бросил свой камень сверху, чем невольно произвел себя в герои. Двое палконосцев, видевших этот подвиг, теперь указывали палками на Ждода и понуждали другие души следовать его примеру, дабы стена росла ввысь, а не вширь.

С этого высокого места Ждод видел, что стена изгибается пологой дугой от одного горного отрога до другого, отсекая кусок

Парадного Двора размером примерно с Город в былые времена. Реши сам Ждод защитить Твердыню от вторжения с севера (что никогда не приходило ему в голову), он поставил бы внешнюю стену именно здесь, между этими отрогами.

Однако души строили нечто прямо противоположное. Стена должна была удержать идущих *от* Твердыни *к* мосту.

Что было полной бессмыслицей, поскольку Ждод и души Пантеона легко могли над ней пролететь.

Разве что стену намеревались построить до самой нависающей скалы, полностью запечатав Твердыню.

Что тоже было бессмысленно, поскольку Ждод, да и Плутон легко бы ее разрушили.

Земля сошла с ума. Ждод чувствовал, что у него опускаются руки. Твердыня – которая была его домом более, чем Дворец, – манила своей близостью. Он начал спускаться с южного склона стены, туда, где располагался вход в его обитель.

Тут же он перестал быть образцом для подражания и стал примером того, что делать нельзя.

– Стой! – заорал палконосец, который взбежал на стену глянуть на него и тут же съежился при виде Твердыни во всей красе. – Во имя Грядущего, вернись немедленно!

– Почему? – крикнул в ответ Ждод. – Мне тут нравится.

– Это Обитель Смерти!

– Что мне смерть? – вопросил Ждод. Он лучше других знал, что такое смерть, ибо убил Прихлопа, однако ему забавно было поддерживать разговор.

Преодолев остаток спуска, Ждод оказался в знакомом Парадном Дворе. Обернувшись к собеседнику, он подумал, что отсюда стена выглядит довольно внушительной для тех, кто не умеет летать и еще плохо научился ходить.

– Смерть? Это конец всего, – с запинкой проговорил палконосец и беспомощно пожал плечами. – Она рождается там, сразу за входом. Даже ангелы не смеют подходить так близко, как ты.

– Буду рад познакомиться с этой дамой, – сказал Ждод. – Может, и ты когда-нибудь с ней встретишься.

Палконосец в испуге сбежал с дальней стороны стены. Теперь, когда на Ждода никто не смотрел, он принял свой обычный облик и зашагал через Двор к Твердыне. В отличие от Города, она не была ровным прямоугольником. Под каменной аркой она сужалась и плавно поворачивала, так что сейчас с каждым шагом открывалась Ждоду все более полно. До сих пор он шел по заснеженным камнями, но дальше, под защитой нависающей горы, воздух был теплее. Здесь землю покрывала

почва, и на ней росло множество растений, в том числе большие старые деревья у Крыльца.

Двор перед Крыльцом устилал ковер из алых осенних листьев, мокрых и неподвижных. Однако чуткий слух Ждода различал под ними какое-то движение. Взмахом крыла он поднял порыв ветра, так что почти все листья улетели и обнажилась голая земля.

Его взору предстал цветок, выросший под укрытием листьев. От взмаха Ждодова крыла он качнулся и даже как будто затрепетал. Его тонкий стебелек не переломился, но отогнулся назад, как будто цветок смотрит на Ждода снизу вверх. Лица как такового у цветка не было, только круглая, как солнце, серединка, обрамленная на редкость правильными симметричными лепестками. Ниже от тонкого стебля отходили в стороны длинные зеленые листья, чем-то похожие на руки. Ждод узнал цветок, но вместе с тем был уверен, что он не этой Земли – ни сам Ждод, ни Весенний Родник, ни кто другой из членов Пантеона не создавал эту форму. Откуда-то Ждод знал, что цветок зовется Ромашкой и что это порождение мира, где он и другие души жили, пока не умерли. Там он ее видел, и там она что-то для него значила. И еще он знал наверняка, что в Ромашке заключена собственная душа; лепестки и серединка ее круглого личика были не какого-то постоянного цвета, а отзывались на его взгляд с переменчивостью модулированного хаоса, сиречь ауры.

– В тебе есть душа, – сказал Ждод, – и хотя ты явилась не ко времени, ибо сейчас осень, я не вижу причин изгонять тебя из моего Парадного Двора. Я оставлю тебя в покое и в должный срок посмотрю, сумеешь ли ты во что-нибудь себя превратить.

Затем он поднял из земли адамантовую стену, отделив эту часть двора, и сделал в ограде ворота, и запер их на случай, если какой-нибудь палконосец отважится зайти так далеко. Убедившись, что Ромашке ничто не угрожает, Ждод поднялся по ступеням Крыльца и вошел в дом. При этом стебелек нового цветка потянулся за ним, а личико обратилось в его сторону.

Твердыня когда-то была такой же просторной и пустой, как Дворец, но поскольку она стала мастерской Делатора, Искусницы и тех даровитых душ, что у них учились, сейчас ее заполняли красивые и хитроумные изделия. Другие части Твердыни были отведены Седобороду и его помощнице Пест, которые покрыли письменами множество страниц и разместили их на полках в специально отведенной комнате. Плутон перенял у них искусство изготовления бумаги и чернил и составил карты различных частей Земли; для карт имелось отдельное хранилище. С этими и другими улучшениями Твердыня стала Ждоду гораздо милее

Дворца. Здесь не хватало лишь Весеннего Родника, ее рощи и сада. Ждоду отчасти хотелось остаться, но надо было готовить Пир, а сразу за двором его обители творилось что-то странное и неприятное. Он пошел в комнату, где ученики Седобородa и Пест выводили слова на бумаге, и велел им перебрать все прежние записи – поискать, нет ли там упоминаний ангелов, Грядущего, Ромашки или смерти, – и все, что узнают, сообщить на Пиру, до которого оставалось три дня. Еще он поручил им присматривать за Ромашкой во дворе и хорошенько ее поливать.

Отдав эти распоряжения, Ждод полетел сквозь бурю во Дворец. Там все было по-прежнему, подготовка к Пиру шла своим чередом. Из дальних частей Земли прибыли еще дикие души. Некоторые затаились в Лесу в облике зверей, некоторые смерчами висели над Столпом, иных было не отличить от груды камней или кучки земли. По большей части они не могли помогать тем, кто готовил Пир, так что просто смотрели.

Делатор придумал, как сколотить из дерева столы, а Искусница научилась плести стулья из гибких веток. Они обучили этому другие души, и те за несколько недель изготовили во множестве и то и другое. Готовые столы и стулья приносили в большой зал Дворца и примыкающую часть Сада. Почти сразу другие трудолюбивые души заполняли столы плодами Земли; сперва застилали дерево яркими красными листьями, затем ставили корзины с яблоками и другими плодами, что в последнее время появились в разных областях Земли. В холодных пещерах, устроенных Плутоном под Дворцом, хранились отвары душистых трав и соки, выжатые из ягод.

За день до Пира крылатые души Пантеона начали переносить из Твердыни тех, кто трудился там, но не умел летать. Они прибывали с красивыми вещицами, изготовленными в кузнях и мастерских Твердыни для украшения столов и радости гостей. И они, и другие новоприбывшие принимались накрывать столы вместе с остальными, чтобы завтра с утра пораньше начать Пир.

Завершающие приготовления происходили под взглядом Ромашки. Ее аккуратно выкопали и пересадили в сделанный Искусницей глиняный горшок. Пест доставила ее во дворец, одной рукой прижимая к груди горшок, а другой придерживая хрупкий стебель Ромашки, пока Страж на крыльях нес их через бурю. С высокого Ждодова стола во Дворце Ромашка всю ночь наблюдала, как другие хлопочут, а все души тем временем с гордостью любовались Ромашкой. Ибо она улучшала свою форму и отделялась от хаоса быстрее любой другой души. Внизу, где стебель раздваивался на корешки, возникли ноги, и все понимали, что скоро она выберется из горшка и начнет ходить.

Выше она приняла форму, какую предпочитало большинство членов Пантеона, с обычным числом и расположением конечностей, и достигла роста, при котором удобно беседовать с другими душами. Длинные зеленые листья на стебле стали вытянутыми крыльями. Лепестки вокруг личика перестали быть одинаковыми, начали появляться органы зрения, слуха и речи, как почти у всех душ. Когда вносили что-нибудь красивое или Панэуфониум, усевшись на стене, играл веселую мелодию, Ромашка поворачивала личико в ту сторону.

Как обычно, способность говорить у Ромашки запаздывала, но она внимательно слушала других: поворачивалась к Всеговору и ловила его речь, самую богатую и выразительную.

И все же Ромашка была не самой новой душой, явившейся на Пир. В темный час до рассвета горизонт озарился не на востоке, где должно всходить солнце, а на севере. Длинные тени пролегли по земле, стремительно укорачиваясь по мере того, как источник света поднимался в зенит и наконец завис над Садом. То был огромный шар хаоса, полностью лишенный отдельных черт, но ослепительно яркий. Затем он опустился в Сад и сгустился в форму достаточно компактную, чтобы пройти меж других душ и вступить во Дворец. Те, кто отважился на него взглянуть, говорили, что вроде бы увидели в сиянии зачатки лица, прекрасного и сурового.

– Я не стала вглядываться долго и пристально, – сказала Ждоду Долговзора, когда взошло настоящее солнце и души Пантеона собрались за столом обсудить последние приготовления к Пиру. – Хаос мне не в новинку, но что-то в этой душе внушает мне страх рассеяться и стать меньше, чем я сейчас.

– Я не видел новоприбывшего, – ответил Ждод, – но, судя по описанию, это еще одна дикая душа. Как другие обитают в горах, морях и ветрах и принимают соответствующие формы, эта, возможно, принадлежит небесам, где живут светозарные тела.

– Мне он напомнил скорее яркие молнии, что слепят и убивают, – заметил Седобород; он ходил в Сад взглянуть на новоприбывшего.

– Мне потребовалось много лет, чтобы научиться изготавливать молнии, и то я не справился бы без помощи Делатора, – молвил Ждод. – Сама мысль пришла мне лишь после долгих раздумий о трудах, коими мы отделили себя от хаоса и сохраняем сознание от одного мига до другого. Однако все вы, кто видел новоприбывшего, согласны, что он при всей своей яркости только начал обретать форму и лицо, и если научился говорить, то никак пока этого не проявил. Меня не тревожит его случайное сходство с молниями, выкованными Делатором в

недрах Узла.

Его слова успокоили тех членов Пантеона, что не видели новоприбывшего своими глазами. Они уже собрались заговорить о чем-то другом, но тут их прервал незнакомый голос:

– Новоприбывший – душа, подобных которым Земля еще не видела, и лучше бы тебе держать молнии под рукой, когда он разгуливает по твоему Саду, о Ждод!

Музыка умолкла. Ждод и все члены Пантеона повернулись и увидели, что говорит Ромашка. Она переминалась в земле, силясь вылезти из горшка, ее длинные зеленые крылья трепетали.

– Воистину пришло время юных дарований, – заметил Седобород, – когда столь недавно явившаяся душа созревает так скоро.

– Я лишь предвестница того, что шло за мной по пятам, и едва успела обрести речь, чтобы вовремя тебя предупредить, – сказала она.

– О чем ты предупреждаешь, Ромашка? О новоприбывшем?

– Меня зовут София, что значит Премудрость, – ответила она. – А имя новоприбывшего – Эл, и мы оба недавно из мира, где все мы жили до того, как умерли. Некоторые из вас мне знакомы. Частности стерлись из памяти, но тебя, Ждод, я знала близко.

– У меня не осталось никаких воспоминаний ни об этом, ни о чем другом, кроме немногих форм, которые отзываются в моей душе, когда я их вижу, – молвил Ждод. – Признаю, впрочем, что форма, которую ты приняла у меня во Дворе, была мне знакома.

– Я знаю Софию, – подтвердил Плутон. – Чувствую это, хотя не могу вспомнить ничего определенного.

– Есть ли среди вас та, кто зовется Верно, или Весной? – спросила София. – Я видела ее вчера издали и ощутила странное родство.

– Весенний Родник вынашивает новые души и по большей части предпочитает уединение в Лесу, – ответил Страж. – Но я хотел бы больше узнать про Эла, даже если ты позабыла частности.

– За недолгое время здесь я поняла, что у некоторых душ способность изменять этот мир больше, чем у других. Знайте: у Эла она больше, чем у всех остальных, больше, может быть, чем даже у Ждода.

Члены Пантеона не поверили Софии.

– Немыслимо, чтобы душа, явившаяся так недавно, обладала мощью, которую мы великими трудами приобрели за долгие годы, – сказала Теплые Крылья.

Впрочем, она обхватила себя крыльями, словно низшая городская душа на холодном ветру.

– Ответ заключен в материях, для нас непостижимых; он связан с тем, из чего вселенная состоит на самом деле и как она выстраивается в каждый следующий миг. В сравнении с этим та мощь, о которой вы говорите, не более чем видимость, – настаивала София.

– В таком случае незачем это и обсуждать, – объявил Ждод, однако глянул сперва на Делатора, затем на Стража.

Страж поднялся и пошел в ту часть Дворца, где обитал среди низших душ, помогавших ему в трудах. Делатор же отправился туда, куда складывал молнии, выкованные в Твердыне. Кладовая эта посещалось редко, а дверь запирал придуманный Делатором хитроумный механизм – открыть ее мог лишь владеющий некой тайной.

– Откройте ворота, и пусть начнется Пир! – вскричал Ждод.

На время Эла и Софию позабыли, потому что во Дворец и в Сад хлынула толпа душ. Задолго до того, как солнце достигло зенита, все они нашли себе стулья и принялись угощаться плодами урожая. Когда гости утолили первый голод, Всеговор встал, взмахнул крыльями и поднялся над столом Пантеона, где все могли его видеть.

– Слушайте! – воскликнул он голосом таким чистым и звучным, что даже сидящие в Саду услышали и повернулись к нему. Панэуфониум подул в металлический горн. Всеговор продолжал: – Ждод, собравший вас на Пир, скажет несколько приветственных слов.

Теперь во главе стола поднялся Ждод:

– Приветствую всех, кто прибыл сюда из отдаленных частей Земли. Отныне вы здесь не чужие. Мы все, обитающие в этом Дворце, к вашим услугам. Я и Страж, Долговзора, Самозвана, Седобород, Всеговор, чей звонкий голос вы слышали, Теплые Крылья, которая многому может вас научить, Плутон – с ним многие из вас знакомы по его странствиям и улучшениям Земли, Искусница, Весенний Родник, которая сейчас слышит мой голос, но не может к нам присоединиться, и… – Тут Ждод на миг умолк, заметив пустой стул Делатора. – И Делатор, который, сдается, предпочел труды в кузне обществу других душ.

В зал со стороны кладовой, где хранились молнии, вошел кто-то, кого Ждод сперва не признал, – он был маленький, скрюченный и двигался так, будто у него одна нога короче другой. Но когда эта душа обратила к Ждоду лицо, тот узнал Делатора. Не прежнего Делатора, кряжистого и гордого, который недавно вышел отсюда, но уменьшенного и поврежденного. Он ушел за молниями и вернулся с пустыми руками.

– Что случилось? – вопросил Ждод.

– Механизм, которым я запирал дверь Арсенала, взломан, – ответил Делатор чуть слышно, ибо первичный хаос пожирал его форму. – Я открыл дверь, в глаза мне ударил свет, и я очнулся таким, каким ты меня видишь!

Страж взмыл над столом, чтобы лучше видеть Делатора:

– Что с молниями?

– Исчезли, – ответил Делатор.

– Не исчезли! – произнес другой голос, такой глубокий и низкий, что слышавшие ощутили его всем своим существом, а основания Дворца содрогнулись, как будто все построенное Ждодом было не тяжелее трепещущего на ветке листа. Трещины побежали по стенам, полу и потолку, и в них ударил свет, такой яркий, что все души заслонили глаза руками или крыльями. Свет этот не только освещал, но резал и жег все, на что падал. Теперь стало видно, что некая сила, направленная сверху, уничтожает крышу Дворца.

Первым делом Ждод вспомнил про Весенний Родник, поэтому взмыл в воздух и захлопал крылами, чтобы лететь в Сад. Однако не успел он подняться над столом, как что-то тяжелое ударило сзади и придавило к полу его правое крыло. Он ощутил то, что Весенний Родник назвала болью, только много сильнее, чем от пчелиного укуса.

Камень, придавивший его крыло, был частью дворцовой крыши. Ждод сам создал ее из хаоса много лет назад, а значит, имел силу уничтожить ее обломок. Однако он не мог развоплотить камень на глазах у множества душ, как не смог поднять башню в Сквере на виду у горожан. Он попытался напустить вокруг тумана, однако туман не сгущался из-за яркого горячего света, бьющего ему в спину через увеличивающийся пролом в потолке. Дыма и пыли, впрочем, было предостаточно, и Ждод окутался ими, чтобы обратить камень в хаос. Однако и дым, и пыль тут же развеяло порывом ветра из уст Эла, и ветер этот нес слова:

– Смотрите, как лжец укрывает свои деяния за дымом и грязью!

Ждод поднял лицо к свету и увидел могучую фигуру, попирающую Дворец, теперь полностью лишенный крыши. За ним души поменьше – ангелы! – потрясали краденными молниями, но не метали их, как копья, а вздымали, как огненные мечи.

То был Эл, представший в исполинской форме, яркой и прекрасной, но бескрылой. Руки у него, впрочем, были, и сейчас он протянул одну к ближайшему ангелу. Тот вложил в нее молнию. Эл занес сияющее оружие над плечом и обвел взором Дворец, высматривая следующую жертву. Ждод лежал на виду без

всякой защиты. Эл тем не менее остановил взгляд не на Ждоде, а на столе, где стояла в глиняном горшке Ромашка – София. Она так и не сумела выбраться из земли.

Ждод вспомнил странную сцену на мосту и то, как ангелы не отваживались вступить в Парадный Двор, слова палконосца про Обитель Смерти, стену, которую возводили для защиты от чего-то, исходящего из Твердыни.

Все это было из-за Ромашки. Они боялись ее – не Ждода, не Стража и не других членов Пантеона.

Ждод, придавленный камнем, не мог двинуться. Он глянул на Стража, парящего в воздухе над ним. Сломанное крыло Ждода растворялось в хаос, и он потянулся язычком этого хаоса, как некогда Страж, и тронул того за ногу. Между ними мгновенно прошел ток впечатлений, и Страж понял. Он развернулся в воздухе и спикировал к столу в тот самый миг, когда Эл метнул молнию в Ромашку. Разряд ударил Стража в спину и чуть не уничтожил его. Падая на стол, Страж задел рукой горшок, тот упал и разбился о каменные плиты. Долговзора, укрывшаяся по ту сторону стола, метнулась к слабой молодой душе и укрыла ее своим телом. Ждод не видел, что происходит, но знал, что теперь Ромашка освободилась от почвы. Следующая молния убила бы ее, да и многих других в придачу. Ждод выдернул из-под камня обрывки крыла, вскочил и зашагал по разрушенному Дворцу навстречу Элу.

Как ни хотелось тому уничтожить Ромашку, он был вынужден повернуться к своему самому могущественному врагу. Вместо того чтобы потянуться за новой молнией, Эл указал на Ждода:

– Долго сей обладал незаслуженной властью над Землей. Он лепил ее по своим искаженным и смутным воспоминаниям о мире, откуда мы все вышли. Я только что оттуда и помню этот мир лучше любой души. Я говорю вам: тот мир не таков, чтобы стоило мечтать о возвращении. Он не должен служить прообразом нашей будущей жизни. Создать такой мир заново – значит обременить себя всеми ограничениями старого. Узрите Ждода со сломанным крылом. Узрите Делатора с покалеченной ногой и Дворец без крыши. Зачем сюда допущено такое зло? Но таким сотворил этот мир Ждод, сперва по неведению, а после из гордыни. Он заставил все души повиноваться ему, принять установленные им пределы, указывал, что думать, и делать, и как можно душам общаться между собой. Он покарал уничтожением тех, кто смел помыслить об ином порядке вещей. Посему я изгоняю Ждода, и его Пантеон, и всех, кто ему верен. Я отправлю их туда, где они будут терпеть боль и нести бремя ограничений, что сами себе избрали!

Вспышка нестерпимо яркого света на мгновение ослепила Ждода. Его окутала сила, которой бесполезно было противиться. В следующий миг его оторвало от усеянного обломками пола. Когда он вновь смог видеть, то понял, что смотрит прямо в лицо Эла. Тот поднял его одной рукой, как будто Ждод легче опавшего листа. Свет Элова лица не померк, но Ждод уже притерпелся к нему и теперь различал то, чего не видел прежде: не только черты Эла и то, что вокруг, но и многое, скрытое от Ждода все время, что он обитал на Земле.

Он давно знал, что яркий полуденный свет выявляет мелкие погрешности его творения, незримые ночью. Когда солнце стояло в зените, показывая то, что можно было упустить в слабом свете луны и звезд, он обыкновенно всматривался в Землю и в материю Дворца, размышляя, как их улучшить. Почему-то он знал, что такое чередование света и сумерек – правильное. В ночном полумраке даже самые усердные души получали короткий роздых от бремени чересчур острого восприятия.

Яркость полуденного солнца вполне удовлетворяла Ждода. За все годы на Земле ему никогда не приходила мысль поместить на небо второе или третье солнце, дабы увидеть больше подробностей; он был убежден, что различает все мелочи в свете одного. Сейчас, в хватке Эла, он был как будто под лучами сотни разом вспыхнувших солнц. И как одно солнце давало силы увидеть и понять сокрытое в лунном свете, так сто озарили уголки его сознания, лежавшие во тьме с тех пор, как он впервые очнулся после смерти.

Он знал, что был Доджем, а Ждод – порождение Доджевой фантазии. Знал, что родом из Айовы, где был городок с башней посередине, как та, которую воздвиг здесь Ждод. Что жил в Сиэтле, где были красные осенние листья, яблоки, друзья и родня. Что Плутон был ему другом, а София – родней и он знал ее маленькой.

Много других мимолетных впечатлений возникло в его сознании, покуда он смотрел Элу в лицо. Все они таились в темных уголках памяти с самого начала; оттуда он их постепенно извлекал, медленные и нечеткие; они и были прообразом всего, что он сотворил.

Открылись ему и воспоминания самого Эла. Они были иные, поскольку, он чувствовал, исходили из нездорового, спутанного сознания. Ему представали здания, лица, машины, которых никогда не видели глаза Доджа.

Эл понял, что Додж видит принадлежащее только ему, Элу, отпрянул в ужасе и омерзении и отшвырнул Доджа, словно горящий уголь.

Дворец падал прочь от Доджа, а может, он сам падал прочь от Дворца: падал в небо, поскольку верх и низ утратили всякий смысл. Перепуганные души выбегали из Дворца в Сад или взмывали в холодный воздух над вершиной горы, спеша укрыться от Эла в далеких частях Земли. Некоторых атаковали Эловы белокрылые клевреты с огненными мечами, но их не хватало на всех убегающих. Другие гости не убегали, и Додж подумал, что их удерживают силой, но следом пришла более неприятная мысль: они остались с захватчиком по собственной воле. Однако больше всего он тревожился за Весенний Родник и, обратив взор на зеленую лощину в Лесу, где та обитала, увидел кольцо звезд. Так он понял, что ангелы Эла с мечами-молниями встали на стражу, дабы никого туда не впустить – и никого оттуда не выпускать. Весенний Родник, он знал, была в середине круга, под защитой и в неволе.

Земля удалялась. Он падал спиной вперед сквозь холодный воздух, сгорая и оставляя за собой огненный след. Вокруг, ближе и дальше, летели еще метеоры – другие члены Пантеона и низшие души, выброшенные с Земли. Он видел улицу, обсаженную красными деревьями, вьющуюся от Столпа к развалинам Города. Вокруг были раскиданы новые селения, построенные разноязыкими душами после того, как Додж обрушил Башню. Сейчас они наверняка подняли лица к свету – фигуре Эла на горе. Возможно, некоторые смотрели и выше – и тогда видели огненные линии, прочерченные на небе Доджем и другими. Теперь перед Доджем лежала вся Земля: белые полосы прибоя, где волны бились о берег, заснеженные горы, окутанные вечными грозовыми тучами над Узлом.

Вокруг него небо сменялось хаосом. Додж черпал из него силы; здесь, в глубинах хаоса, он был так одинок, что обрел прежнюю мощь. Он не хотел терять Землю из виду, поэтому взмахом крыла превратил хаос под собой в черный адамантовый свод. На этот свод он и рухнул с такой силой, что в новосозданной тверди возник огненный кратер.

Додж очнулся.

Долго лежал он в озере огня, глядя на Землю – далекую луну в его небе – и считая удары, с которыми падали остальные: Ромашка, Делатор, Искусница, Плутон, Теплые Крылья, Пануэфониум, Всеговор, Самозвана, Седобород, Страж и Долговзора. Все они, а также множество душ поменьше рухнули на черный небосвод ближе или дальше от него, и Додж знал: сегодня души на Земле, глядя в небо, увидят новое созвездие алых звезд.

Пламя не причиняло ему боли. Вчера оно бы жгло и он отпрянул. Оно развоплотило бы те его части, которых коснулось, вернуло их в хаос и понудило его заново себя собирать, воссоздавая границу между Доджем и не-Доджем. Сегодня он понимал, что всё – созданный им мир, сотворенная для себя форма, огненный котел, выбитый ударом о черную твердь, – фантазмы.

По правде сказать, он давно что-то такое подозревал. Это было очевидно по тому, как он вызывал всевозможные видимости из собственного сознания. Однако видимости дарили ему радость, удовольствие, общество других, поэтому он не вглядывался слишком пристально и не задумывался слишком глубоко о природе вещей. От Эла он получил урок, который не смел забыть. Относиться к видимости как к реальности – значит ослабить себя перед теми, кто, как Эл, владеет силами, лежащими в основе видимости. Итак, он не обращал внимания на боль от огня, отказывался гореть – и не горел. Не пытался он и потушить пламя, а тем более превратить в зеленые поля, голубые озера и другие приятные виды. Теперь он понимал, что поддаться на самосозданные удовольствия – значит отдать себя во власть Эла.

Возможно, минули годы, покуда он лежал в чаше своего кратера, раздумывая об увиденном в тот миг, когда его разум соединился с разумом Эла и яростный свет озарил темные уголки, где долго таились воспоминания о прежней жизни. Однако он знал, что другие члены Пантеона и сотни низших душ рассеяны по черному своду небесной тверди, которую он вызвал из небытия, дабы остановить их падение. Они не видели того, что видел Додж, а значит, не обладают знанием, дающим силы победить боль и стать невосприимчивыми к холоду, пламени и хаосу. Ради них Додж встал и вышел из горящего озера. Поломанное крыло волочилось за ним, но он на ходу вернул тому прежнюю форму и выбрался на черный обод кратера уже в былом обличье. Без воздуха он не мог воспарить на крыльях и потому сотворил воздух. Сразу появились и звуки: грохот валунов и камней, катящихся по склонам кратеров, крики душ, мучимых отчаянием и болью. Додж распростер крыла и взмыл в воздух, которым покрыл Небосвод, осмотрел его, определил его границы, сосчитал кратеры на месте падения различных душ. Он подумал, что Небосвод немногим меньше Земли – она висела в небе наверху, зеленая, голубая, белая, такого размера, что Додж мог закрыть ее ладонью вытянутой руки. Надо полагать, земные души видели в ночном небе такого же размера созвездие, и, как догадывался он, уже давно. Не желая, чтобы их видели такими, он укрыл Небосвод завесой дыма и хаоса, непроницаемой для

идущего оттуда света. Затем оглядел все, что под этой завесой, – свои новые владения. До того как Додж и прочие души изрыли ее кратерами, Небосвод был гладким и ровным, как глиняный черепок. Теперь тут были высокие места и низкие, хоть и не такие разнообразные, как на Земле.

Первым его порывом было улучшить небесную твердь, как прежде Землю: воздвигнуть холм, а на нем – прекрасный Дворец, дабы жить и предаваться удовольствиям. Однако Додж помнил усвоенный урок и решил принять Небосвод таким, каков есть. Вместе с воздухом появился и ветер от пламени в кратерах, кое-где возникали смерчи, побольше и поменьше. Несколько смерчей соединились в один исполинский, подсвеченный снизу огнями кратеров. Додж подумал, что здесь можно собрать души, заброшенные в небо Элом, и полетел из конца в конец Небосвода, призывая всех. Форма у них была в той или иной степени повреждена, никто, подобно Доджу, не обрел знания о видимостях и фантазмах. Так что все были искалечены до неузнаваемости и к смерчу ковыляли долго. Однако Додж терпеливо ждал, пока все дойдут и соберутся вокруг него.

– Здрав будь, Ждод, прошедший невредимым сквозь пламя! – вскричал один из них, в котором он не без труда признал Стража.

– Здесь я Додж, – объявил он. – И ты тоже получишь новое имя, вместе с новой формой и местом обитания. Нарекаю тебя Войной, ибо, сдается мне, она станет твоим занятием.

Смущенный шепот пробежал меж различными душами – и теми, что уже стояли в кольце, и теми, кто еще подходил.

– Ждод был всего лишь моей выдумкой, – во всеуслышание объявил Додж. – То была фантазия, созданная ради забавы. Видимость, построенная на явлениях совершенно другой природы.

Никто из них не заглянул в свои воспоминания так глубоко, как Додж в пронизывающем свете Элова лица, а значит, бесполезно было бы говорить, что Ждод – персонаж в компьютерной игре.

– Там, откуда мы пришли, такие забавы в обыкновение и временами почти что обретают все атрибуты реальности. Те, кто им предается, носят имя «геймеры» и видят фантазмы, как если бы это было на самом деле. Они создают вымышленных себя, с лицами, формами и способностями, и отправляют на поиски приключений. Однако когда такой фантазм гибнет от вражеского меча, геймер не терпит никакого урона, разве что для своей гордости. Все, что верно для геймеров и их вымышленных личностей, верно и для вас. Неправда, будто я прошел сквозь огонь невредимым. Все вы были на Пиру. Все видели, как мне

переломило камнем крыло и как Эл сжал меня, беспомощного, в кулаке. Теперь у меня вновь два крыла, и я летаю свободно, поскольку отринул ложную форму Ждода, а с ней – и удовольствия, и боль, которым она по природе своей подвержена.

– Можем ли мы обрести силу сделать то же самое, о Додж? – спросила оплавленная и покалеченная душа, в которой он по интонациям признал Теплые Крылья.

– Ничто этому не препятствует, кроме твоей собственной привязанности к фантазмам и видимостями, из которых создано вот оно, – и Додж указал наверх, призывая их поднять лица к Земле.

– Для меня это горькое известие, – ответила Теплые Крылья.

– Для тебя особенно, Любовь, – согласился Додж, – ибо ты более других упивалась телесными удовольствиями. Я не говорю, что мы должны отринуть их навсегда. Только что мы должны принять удовольствие вместе с болью и никогда не относиться к ним с прежней детской наивностью.

Он осекся. Слово «детской» пришло естественно, как что-то из прижизненных воспоминаний. Однако ни он, ни кто другой на Земле никогда такого слова не слышали, ибо здесь не было детей. И сейчас оно поразило его особенно сильно, ведь он знал, что Весна вынашивает новые души и скоро они явятся в мир. И он знал, что души эти вступят в мир детьми, с детским пониманием и без всякой памяти о прошлой жизни, по образу которой могли бы формировать – или деформировать – свое мышление.

Додж решил, что должен вернуться на Землю, вызволить Весну из неволи и предстать перед новыми душами, которым она даст жизнь. Ибо они придут в мир без врожденного знания об отце и будут расти питом- цами Эла.

Много раз пытался он вернуться на Землю. И всякий раз его отбрасывали не только ангелы-стражи, но и различные заклятия, которые Эл поставил на пути Доджа и остальных изгнанников.

Иногда Додж отправлялся один, укрывшись невидимостью. Иногда с несколькими соратниками. Трижды за прошедшие столетия он выступал во главе воинства, в доспехах и с оружием, что Делатор выковал в огненных кратерах Небосвода.

Всякий раз, как он терпел поражение, земные души видели Доджа и его соратников яркими метеорами в ночном небе. Всякий раз их траектории оканчивались новыми кратерами на черной небесной тверди.

Как-то он в одиночку подобрался ко Дворцу так близко, что увидел, как тамошние обитатели лакомятся плодами дворцовых деревьев, но тогда сам Эл восстал в гневе и зашвырнул его с

такой силой, что Додж пробил Небосвод насквозь, до уходящего в бесконечность хаоса. Война, увидев, как Додж пронесся кометой, призвал остальных членов Пантеона вытащить того из дыры. На ее краю Додж некоторое время отдыхал, восстанавливая силы. Искусница предложила всем вернуться в темный замок, который они строили по соседству из выбросов множества кратеров, ибо стены давали хоть какую-то защиту от безжалостных стихий. Однако Додж, еще не восстановивший дар речи, поднял руку, прося их остаться. Его взор был прикован не к Земле, а к дыре с хаосом, которую он пробил силой своего удара. Или, возможно, правильнее будет сказать, что Эл пробил эту дыру, швырнув Доджа с такой силой.

– Не напоминает ли вам это что-нибудь на Земле? – спросил он, когда вновь обрел способность говорить.

– Это ровно тот же хаос, от которого мы все должны были отделиться, когда возникли, – ответил Седобород.

– Когда впервые появился Плутон, я увидел его вылезающим из дыры, очень похожей на ту, что мы видим под нами, – сказал Додж.

Самозвана первой поняла его загадку, ибо при своем любопытстве и умении летать частенько посещала место, о котором говорил Додж.

– Это очень похоже на трещину в мире, что лежит глубоко под…

– Узлом! – воскликнул Делатор, который тоже проводил там много времени. Он кивнул: – Я почти могу уверить себя, что смотрю из окна Твердыни.

Додж кивнул:

– Хаос – не форма и не место; всякий хаос подобен другому хаосу. Так я вернусь на Землю! Смотрите!

Он углубил и расширил дыру, в которой бурлила хаотическая рябь. Казалось, за отверстием лишь бесконечное ничто. Таким оно оставалось часы и дни, покуда Додж размышлял над ним, собирая все силы, накопленные за долгие годы на Земле. Время от времени в глубине возникал какой-нибудь фантазм, и те члены Пантеона, которым хватило терпения смотреть, переглядывались и восклицали: «Ты видел?» Но когда они снова глядели в дыру, видения уже не было. Перемена, производимая Доджем, была столь медленной, что наблюдатели ее не замечали. Те, кто уходил и возвращался, утверждали, что видят перемену: теперь из дыры шел свет, и не алый огненный, а белый свет Земли. В нем начали проступать формы, сперва зыбкие и мимолетные, затем постоянные. Поначалу трудно было понять, что они означают.

Но однажды на Доджевы труды пришел взглянуть Плутон. Он

долго здесь не появлялся – строил темную башню, новую обитель Пантеона. Подойдя к яме и заглянув внутрь, он сразу понял, что перед ним. Ибо Плутон видел это раньше.

– Когда я впервые вылез из бездны хаоса под Узлом, она была такой же, – сказал он. – Стоя здесь, мы смотрим вниз. Однако вид тот же, как если смотреть из глубин под Узлом. Мы видим Твердыню, хотя она и кажется перевернутой. Ближе к нам ее массивное основание, изваянное из камня рукой того, кто звался тогда Ждодом, а дальше уходят вниз стены. Еще дальше высокие башни, а еще глубже, если смотреть отсюда, перекрученные формы Узла.

Остальные подошли взглянуть и сразу с ним согласились. Они видели Твердыню через клубящуюся завесу хаоса, которая порой сгущалась в плотные тучи, а порой становилась прозрачной, как чистая вода. Однако вид за хаосом всегда был один и тот же и точно соответствовал тому, какой они помнили Твердыню.

– Если это истинный портрет того места, каково оно сейчас, а не просто воспоминание, каким оно было когда-то, то Эл его не нашел и не уничтожил, – молвила Самозвана.

– Думаю, так и есть, – ответила Долговзора.

Ибо Делатор отыскал в кратерах осколки прозрачных кристаллов, из которых выточил линзы, и в башне темного замка собрал из линз инструменты, направленные вверх. Долговзора часами смотрела в них, наблюдая, что делают Эл, его клевреты и тысячи рассеянных по Земле душ.

– Эл не снес Твердыню, – продолжала она, – но и не оставил ее без внимания. Его клевреты воздвигли мощные укрепления в том, что раньше звалось Парадным Двором, дабы ничто не могло выйти наружу.

Делатор встал на ноги, здоровую и покалеченную, и дохромал до края дыры.

– Мне хочется туда нырнуть, – сказал он, – и вернуться в мои мастерские, которые теперь так близко. Зная то, что знаю теперь, я сумею сделать их куда лучше.

Пан – душа, известная раньше как Пануэфониум, – забила в боевые барабаны из черепов, палок и клочков кожи, собранных в проигранных битвах. Сегодня у нее был огромный пенис, назавтра она могла отрастить груди. Бой барабанов всколыхнул Пантеон. Все устремились к яме.

Однако Додж крылом закрыл Делатору лицо и оттеснил того от ямы. Барабаны Пана умолкли.

– Я должен тщательно продумать свои действия, – объявил Додж. – Ибо Эл и его клевреты видят меня всякий раз, как я

приближаюсь. Не знаю, как им это удается, ведь я приближаюсь незримо и в хитроумных личинах.

Делатор сказал:

– Из земли живых Эл принес знания и умения, много превосходящие наши. А может, правильнее сказать, они принадлежат к порядку вещей, нам почти неведомому.

– Откуда ты знаешь? – спросила Любовь, вступая на край кратера, так что белый свет Земли озарил ее лицо. Она вернула ему прежнюю красоту, хотя теперь оно отражало пережитые муки и новое знание.

Долговзора взглядом и жестом призвала ее к молчанию:

– Я тоже видела свидетельство того, о чем говорит Делатор.

– Твой вопрос, Любовь, не празден, – ответил Делатор, – ибо события Пира были так кратки, а мы по большей части пребывали в ужасе и смятении. Однако, когда я пошел в кладовую за молниями, то сразу увидел, что замки вскрыты средствами, нам неведомыми.

– Равным образом, – сказала Долговзора, – я вижу, что за подступами к Земле следят, но не глаза и уши, подобные нашим. Смотрят инструменты, никак не воплощенные – либо недоступные нашим органам зрения, а значит, все равно что невещественные. То, что смотрит этими глазами, подобно не нашему разуму, а скорее разуму пчел, возникающему из бесчисленных взаимодействий в улье.

– Обмануть таких стражей – нелегкая задача, – признал Додж, – но в моей памяти о мире живых сохранились понятия, которые тут могут сгодиться. Главное из них – лазейка. Узел – лазейка в Землю, а Эл, вероятно, считает его всего лишь огрехом неумелого творца. Быть может, он сохранил Узел в память о несовершенстве Ждода, дабы тешить свою гордость. Мне осталось придумать, как пройти в эти врата невидимо для незримых глаз и неузнанно для роящегося разума, что извещает Эла о моем появлении. Оставьте меня одного, дабы мне поразмыслить над этой задачей.

Все члены Пантеона удались, оставив его одного на краю бездны. По крайней мере, так он думал, пока не почувствовал, что рядом кто-то есть, и, подняв глаза, не увидел парящую над ним Ромашку, или Софию. Из всех душ, упавших на небесную твердь, она изменилась меньше всего; легкость формы и проворство ума позволили ей собраться в полете и ловко опуститься на черный каменный свод. Она была как бы ангелом этого места – не лучезарным, а темным, как остальные. Случайно или нарочно, она повисла в воздухе так, что яркая и далекая Земля была над ее головой.

Додж укорил Софию за то, что она не оставила его в покое, но беззлобно, и София пропустила его слова мимо ушей, словно то были мертвые бурые листья на осеннем ветру.

– Из земли живых я принесла знание, которое тебе стоит включить в план, – объявила она. – И еще я принесла смертоносную силу, какой нет даже у Эла.

– Расскажи о своих знаниях и своей силе, – промолвил Додж. – Ибо, потерпев поражение от Эла, я утратил гордость и готов внимать советам.

– Твой план проникнуть на Землю через лазейку разумен, – сказала София, – но закончится так же, как все попытки зайти с других сторон. Глаза, устремленные в небо, и гудящий разум, что ищет признаки твоего возвращения, устроены не так, как наши. Слепые и глупые во многих смыслах, они наделены такой способностью распознавать, что, боюсь, мгновенно обнаружат тебя в любой точке Земли и даже в бездне под Твердыней, где, ты думаешь, Эл не поставил часовых.

– Потому-то я и хочу изменить обличье, – ответил Додж.

София покачала головой:

– Часовые Эла не высматривают твою форму, они даже воспринять ее неспособны. Однако они легко тебя узнают по цепочке сознания, что тянется из давних времен, когда ты впервые начал собирать себя из хаоса.

Додж задумался.

– Если сказанное тобой правда, для меня это горькое известие. Я должен буду обдумать твои слова. Однако на первый взгляд из них следует, что мое пребывание на Небосводе будет долгим, возможно, вечным. Коли так, надо отказаться от всякой надежды вернуться на Землю. Мы посвятим себя созданию новой Земли, выкованной из черных руд и озаренной пламенем. Быть может, однажды она сравняется в красоте с Землей, которую мы создали и утратили, а то и превзойдет ее.

– Пока ты не обрек себя вечному изгнанию, Додж, услышь второе, что я должна тебе сказать, – проговорила София. Однако взгляд ее был потуплен, а голос не сулил ничего доброго.

– Ты сказала, что обладаешь некой силой, которой нет даже у Эла, – молвил Додж.

– У меня есть власть перерезать нить сознания, делающую тебя тобой.

Долго молчал Додж, услышав эти слова.

– У тебя есть власть над жизнью и смертью, – проговорил он наконец. – Немудрено, что Эл тебя страшился.

– Нить каждой души на Земле можно пресечь в любой миг, и мне дана эта власть.

– Почему же ты не убьешь Эла?

– Наверное, мне следовало его убить тогда во Дворце. Однако в те ранние дни я еще не знала про свою силу. А теперь, когда знаю, я слишком далеко. Чтобы применить силу, мне надо стоять близко к душе, так, чтобы смотреть ей в глаза.

– Весна тоже подвластная твоей силе?

– Да. И все пчелы, осы и прочие порожденные ею жизни.

– Когда-то я назвал бы это смертью и страшился бы ее и тебя, – сказал Додж. – Однако еще в мире живых я размышлял о нити сознания, как она делает нас теми, кто мы есть, и как она всякий раз обрывается во сне и возобновляется при пробуждении. Уснуть не значит умереть; сон всего лишь перерыв на мгновения или на заметную часть суток. Проснувшись, ты живешь так, будто перерыва не было. Подобным образом и смерть, на время пресекшая мою нить, не отличается от сна. Ибо главное тут – связность нити и той истории, которая в ней рассказана. У Эла есть часовые и заклятия, чтобы преградить Доджу путь. Однако Додж однажды создал себя из хаоса и может создать вновь. Как я спал, только чтобы проснуться, как умер, только чтобы жить дальше, так теперь я без страха предаю себя тому, на что ты одна способна. Жалею я лишь о том, что наше возобновленное знакомство было таким коротким.

Из лица Софии брызнула вода. На Земле Додж такого ни разу не видел, но вспомнил, что это, по миру живых. Он встал и обхватил Софию крылами.

Она сказала:

– Один раз мы разлучились, но я тебя нашла, и ты меня вспомнил.

– И полюбил, – добавил Додж. Он развел крылья и отодвинул Софию от себя, чтобы полюбоваться ее лицом.

– Обещаю, что так будет снова. – И София поцеловала его в щеку.

Затем отступила на шаг и взмахнула крылом, как лезвием косы. Оно снесло Доджу голову, и сперва голова, а затем и тело рухнули в бездну. Сперва казалось, что они будут падать до самой Твердыни, но еще до лазейки хаос растворил их без следа.

Часть 7

42

София погибла или была убита.

Эл умер либо покончил с собой.

Оба оказались в Битмире.

Одновременно в Митспейсе кто-то из сотрудников Эла метафорически повернул огромный франкенштейновский рубильник в положение «вкл» и активировал множество заранее припасенных компьютеров. Что было более или менее необходимо: процесс Эла потреблял ресурсы в масштабах, сравнимых с процессом Доджа, и прихватил свиту отсканированных и закэшированных душ Пантеоновского класса, которые загрузили одновременно. Так что Эл явился не один, слабый и неуверенный, как большинство новых процессов; он с первого дня был большой шишкой, имел помощников и обширные ресурсы новой памяти и вычислительной мощности.

С переходом Эла из Митспейса в Битмир исчез и связанный с ним нездоровый надрыв. Зелрек-Аалберг (ЗА) утихомирился и начал работать с Саут-Лейк-Юнионом (СЛЮ) более конструктивно.

Им ничего и не оставалось, кроме как сообща тянуть эту лямку – поддерживать загробную жизнь. Тысячи процессов были уже загружены. Миллионы людей в земле живых внесли депозит и подписали документы, обязывающие ЗА либо СЛЮ отсканировать и загрузить их после смерти. Бизнес накладывает ответственность.

В Митспейсе прошло десять лет. Компьютерные ресурсы добавлялись с каждым годом. Люди, работающие в этой сфере, начали полушутливо называть их маной – термином, который эрпэгэшники десятилетия назад культурно апроприировали из полинезийской религии. В некоторых РПГ типа «Драконов и подземелий» маной называлось своего рода магическое топливо, которое персонаж накапливал, хранил, а потом тратил на заклинания. В новом значении термин означал компьютерную инфраструктуру, необходимую для поддержания Битмира: процессоры (теперь все они были квантовые), запоминающие устройства, сетевое оборудование, по которому обменивались сообщениями различные субпроцессы, электрогенераторы и охладители, необходимые для их работы. Чем больше этого становилось, тем быстрее и лучше работал Битмир. Прежние

инвестиции начали окупаться. Количество маны росло с быстротой, немыслимой еще несколько лет назад, и легко обгоняло скорость, с которой люди умирали в Митспейсе и загружались в Битмир.

Соответственно, увеличивался коэффициент временного сдвига, то есть модель работала быстрее, чем в реальном времени. Годы в Битмире проносились стремительнее, чем для живых в Митспейсе.

София, Пантеон и Процесс Доджа покинули Город, да и весь Ландшафт. Они начали создавать некое новое место, которое окутали каким-то глушащим алгоритмом, так что Программа визуализации Ландшафта там не работала. Что именно творится, никто не знал. Иногда они большими или меньшими группами появлялись в Ландшафте. То, что происходило, можно было замедлить и рассмотреть в «Провил». Больше всего это напоминало стычки. И даже полномасштабные битвы.

Через какое-то время (в Митспейсе прошло четыре года, в Битмире – века) Процесс Доджа внезапно остановила не кто иная, как София. Очевидно, она сохранила эту власть, поскольку ИИ, узнававшие ее при жизни, узнавали ее и в Битмире.

К добру или к худу, Ландшафт сохранял непрерывность во времени. Некоторые его обитатели «жили», а некоторые географические элементы моделировались на оборудовании СЛЮ – группы научных и коммерческих учреждений, контролируемых фондами Уотерхауза и Фортраста. Другие – на оборудовании Эловых компаний. Однако разделить их было нельзя. Подобно сиамским близнецам с общим сердцем, обе стороны обязаны были как-то сосуществовать.

Они образовали консорциум. У него было официальное название, которое значилось только в юридических документах. Люди называли его СЛЮЗА. Корваллис возглавлял СЛЮ. Синджин Керр занимал аналогичное положение в ЗА – хотя что там на самом деле происходит, никто толком не знал. Енох Роот был добрым профессором, которого звали рассудить споры и запутанные технофилософские вопросы. Зула, усохшая от горя, после смерти Софии года на два полностью исчезла с горизонта, потом вернулась в ФФФ на почетную руководящую должность со смутно очерченным кругом обязанностей.

В год после трагического происшествия Екопермон не собирали, затем он возобновился, но прежним уже не стал. Теперь конференции проходили в более крупных центрах ближе к цивилизации. Они превратились в то, что кто-то окрестил «Смерть-ЭКСПО», и напоминали отчасти съезд религиозных возрожденцев, отчасти научный конгресс. Даже в самых больших

конференц-центрах есть маленькие комнаты в тихих уголках; там-то Си-плюс, Синджин, Енох и Зула устраивали свои ежегодные встречи на Екопермонах. Там они разбирали Важные Вопросы, которым предстояло определить их деятельность на следующие десятилетия.

Или, в более актуальных для них терминах, на период магнитудой от 5 до 8.

Измерять продолжительность в годах не имело смысла, поскольку коэффициент временного сдвига менялся. Куда лучшим мерилом было число независимых душ или процессов в системе. Для удобства использовалась не абсолютная величина, а магнитуда, как в шкале Рихтера.

Десять в степени ноль, 100, равно единице. Значит, все время, когда Процесс Доджа существовал в системе один, у нее была магнитуда 0.

Слово «магнитуда» неизбежно сократилось до «маг». Десять в степени один, 101, равно просто десяти, а 102 – ста. В эпоху Маг 1–2, когда в Битмире обитало от десятка до сотни душ, новозагруженные процессы попадали в мир, где Додж наметил основные черты, но правила еще не установились, а ресурсов было в избытке. Технологии сканирования и моделирования были тогда на стадии разработки, и сканировали только мозг без тела. Во многих случаях эти души формировались изолированно от других. Некоторые, возникшие рядом с Доджем, вошли в его Пантеон, но многие развились в существ, мало похожих на людей и обликом, и психологией, и возможностями.

В эпоху Маг 3 и Маг 4 – от тысячи до десяти тысяч активных душ – вокруг Доджа возникло нечто вроде города. Затем оно трансформировалось в то, что Си-плюс считал вырожденным мусором, а Эл находил многообещающим: ватообразный Ком. К тому времени СЛЮЗА подняла сканирование на уровень, когда улучшать уже нечего. Процесс можно было удешевить или ускорить, но качество сканов достигло теоретического предела.

Души, сгенерированные из этих сканов, были куда единообразнее и по внешности, и по своим возможностям. Они составили население «города». Они знали про Доджа – единственный процесс Маг 0 – и взаимодействовали с некоторыми душами Маг 1 и Маг 2. Впрочем, по самому устройству их вселенной то были души иного порядка. Позже они всех удивили, совершив своего рода фазовый переход в Ком. Когда тот рухнул, они рассеялись, вновь обрели гуманоидные тела и – насколько можно судить – социальную жизнь.

Эти события примерно соответствовали границе Маг 3–4 и Маг 5–6, то есть времени, когда население увеличилось с десяти

тысяч душ до ста тысяч по кривой, обещавшей скоро довести их число до миллиона. Поэтому, вероятно, к лучшему, что после разрушения Кома души начали распределяться по всему Ландшафту. В конфигурации Кома плотность населения была очень высокой. Однако клиентам, наблюдавшим это в «Провил», не улыбалась загробная жизнь в чем-то вроде колонии насекомых. Они рисовали себе рай с зеленой травой, деревьями, чистой водой и закатами. По расчетам, Ландшафт мог обеспечить такой роскошью 107 (десять миллионов) душ и даже, возможно, 108 (сто миллионов), если те и дальше будут концентрироваться в городах. По крайней мере, нечто подобное наблюдалось по берегам большой реки на востоке.

Так или иначе, к моменту создания консорциума, получившего неофициальное название СЛЮЗА, шкала находилась на отметке примерно Маг 5. Инженеры закатали рукава и занялись вопросами, которые предстояло решить, когда система дорастет до Маг 8, 9 и дальше. Со временем это число могло дойти до Маг 10: десять миллиардов душ, если считать, что все живущие на Земле в середине двадцать первого века захотят, чтобы их отсканировали и загрузили.

Дальше рост должен был остановиться. Отчасти по техническим причинам: планета Земля могла обеспечить работу конечного числа компьютеров. Отчасти потому, что рост населения снизился до нуля и ушел в минус.

Управлять системой было труднее, чем нужно, из-за того, что некоторые души не вписывались ни в какие рамки. Так что после двух лет чесания в затылке руководители СЛЮЗА решили сильно упростить картину, а именно просто закрыть глаза на две сотни процессов, загруженных в самом начале, когда еще не было стандартов и все придумывалось на ходу.

В пору наивысшей активности процессы Доджа и Верны использовали больше ресурсов – тратили больше денег, имели большую скорость сжигания капитала, уж какой термин вам нравится, – чем тысяча обычных душ вместе взятых. Вообще-то диспропорция оказалась бы еще сильнее, если считать сам Ландшафт частью процесса Доджа. Однако не похоже было, что Додж лично приглядывает за каждой волной в океане и каждым деревом в лесу, поэтому совет старейшин консорциума постановил рассматривать все это отдельно, как субпроцессы, порожденные Доджем, но не выставляемые на его счет. Их, а равно мириады субпроцессов Верны, покрывал теперь бюджет на Земельные участки и Сооружения, который делился между членами СЛЮЗА по сложной, постоянно меняющейся формуле.

Однако факт оставался фактом: Додж и некоторые другие

старые души отличались от остальных так сильно, что просто составить каталог различий стало бы научной работой на целую жизнь. Никто не знал, что они завтра выкинут. И все же представлялось нерациональным уделять им слишком много внимания, уж очень мало было их число. С ними разбирались в каждом отдельном случае.

Все значительно упростилось тем, что Додж, за неимением термина лучше, умер. Не то чтобы можно было предъявить труп, но он вернул все свои ресурсы, и после этого на его счету не было зафиксировано никаких трат. София как будто то возникала, то исчезала. Трудно было сказать, что именно происходит, поскольку она ловко шифровалась.

Второй по ресурсоемкости процесс Маг 0–2 – связанный с Верной – породил два совершенно новых процесса человеческой сложности и залег на дно, снизив свою активность до уровня чуть больше обычной души.

Может быть, Верна еще выйдет на прежний уровень. Может быть, ее «дети» породят собственных детей и так далее и со временем ее потомство станет непосильным бременем для вычислительной инфраструктуры Митспейса. Однако ничто из этого не составляло проблемы *сейчас*. Процесс Верны так активно взаимодействовал с Земельными участками и Сооружениями – общим аккаунтом для моделирования и поддержания географии, метеорологии и биологии Ландшафта, – что их невозможно было разделить. Поэтому с бухгалтерской точки зрения проще было следить не за самой Верной, а за C&M и смотреть, не появятся ли на графике сжигания капитала странные всплески. Такие всплески действительно появлялись, но и пропадали так быстро, что люди не успевали согласовать встречу для их обсуждения. Да и не настолько они были серьезные, чтобы принимать меры.

Итак, из самых ресурсоемких процессов Эл и его команда полностью за себя заплатили новой маной, которую команда Эла в Митспейсе вывела онлайн одновременно с их загрузкой. Доджа больше не было. Пантеон держался особняком и не вступал в проблематичные взаимодействия с другими душами. Верна слилась с огромным счетом C&M. Она была как торфяной пожар в неведомой глуши.

Имелись еще различные процессы Маг 0–2 числом порядка сотни, те, что по большей части возникли в изоляции и получили тела странной формы и размера с необычными способностями. Идиоморфы. Они оставались в самом Ландшафте и потенциально могли создать очень серьезные проблемы, если пустят в ход силы, накопленные за первые беззаконные эоны. Однако они почти никогда этого не делали. По мере того как в Митспейсе

проходили годы, затем десятилетия, а в Битмире десятилетия, затем века, у инженеров СЛЮЗА сложился консенсус, позже ратифицированный на Екопермонах: не как официальная конституция или свод правил, а просто как методические рекомендации. В случае идиоморфов Маг 0–2 эти рекомендации сводились к двум принципам.

Принцип Элджернона, он же Первая директива[29], был отчасти вдохновлен клятвой Гиппократа («Не навреди»), но больше – трагическим и предостерегающим научно-фантастическим рассказом Дэниела Киза «Цветы для Элджернона», в котором умственно отсталому герою дают экспериментальный препарат, на время превращающий его в гения, однако действие препарата заканчивается, и мы, читая дневник героя, видим неумолимое угасание его рассудка – медленную и мучительную интеллектуальную смерть. Никто не хотел подвергать такому душу, которая в ранние дни Битмира обрела колоссальные силы и уникальный разум. То, что они дорого обходятся, не оправдывало бы подобную жестокость. Идиоморфов было мало, их суммарное потребление ресурсов не составляло проблемы, да к тому же они в силу своей исключительности почти не взаимодействовали с «нормальными» душами эпох Маг 3 и выше.

И, в противовес первому:

Принцип Фенрира, он же Закон безумного бога (ни разу на практике не применявшийся), предусматривал явление безумного бога и прописывал общие правила для борьбы с ним (Фенрир – в скандинавской мифологии исполинский волк, который по пророчеству однажды вернется и устроит всем полный писец, а правила игры в этих мифах таковы, что боги с ним ничего поделать не смогут). Ближе всего к сценарию безумного бога были эпизоды, когда Додж разрушил Ком и когда Эл выбросил из Ландшафта Доджа и Пантеон. Классический гипотетический вопрос звучал так: что, если Эл попытается отменить закон тяготения? Это повлияет на всех в Битмире одновременно: не только на C&M (реки перестанут течь вниз и так далее), но и на каждую душу (они увидят камни и себя парящими в невесомости, их восприятие и мысли радикально изменятся, они станут говорить об этом между собой). За считаные секунды потребление ресурсов подскочит на порядки. Охлаждающие системы перегреются, предохранители вылетят, обнаружатся не проявлявшиеся раньше баги. Скорее всего, грохнется вся система. Теоретически ее можно перезагрузить, на практике никто не хотел даже и думать, к чему приведет холодный перезапуск и заработает ли что-нибудь снова.

Итак, существовал консенсус, что безумных богов надо останавливать, если их действия создадут такой экзистенциальный риск. Соответствующие комитеты, целевые рабочие группы, черновые программные документы занимали определенное место в графике Екопермонов. Однако, если часок поговорить в баре с кем-нибудь из тех, кто за это отвечал, выяснялось, что они знают о возможных сценариях не больше спецов по гражданской обороне времен холодной войны, готовящих планы на случай термоядерного конфликта.

Вот, собственно, и все насчет проблематичных процессов Маг 0–2. Все, кому полагалось о таком думать, вздохнули с облегчением, когда Енох Роот, их серый кардинал, предложил отказаться от надежды вписать чудны́е старые души в систематическую картину. Значительно привлекательнее были задачи, сулящие успех или по крайней мере ощутимый прогресс, например разобраться с куда большим числом недавно загруженных душ, определить их отношения с «жизнью и смертью», или, как выразился Енох, «смертью после смерти». Эти души имели достаточно много общего, так что о них можно было хотя бы думать систематически. Все они потребляли примерно одинаковые ресурсы. Их виртуальные тела имели примерно одинаковую форму и размер, они примерно одинаково взаимодействовали друг с другом и неодушевленными предметами вокруг.

Что, по сути, довольно близко копировало, или воспроизводило, или моделировало тела, которые у них были в Митспейсе, а также взаимодействия этих тел между собой и с внешним миром.

Отсюда вытекала необходимость смерти – или по крайней мере умирания. Амортальность – и как философская абстракция, и как пункт в клиентском договоре – заключалась в том, что в случае чего ваша душа перезагрузится. И не с нуля. Воспоминания, накопленные в загробной жизни, не сотрутся начисто. Связь между перезагруженной личностью и прежней, убитой рухнувшим деревом или чем там еще, постараются сохранить.

Помимо амортальности умные головы из СЛЮЗА обсуждали еще два важных вопроса: морфотелеологию и поэтапное воплощение.

«Морфо» значит «форма», «телеология» – нечто предопределенное, изначально заданное. Слово это часто использовалось как страшилка теми, кто считал, что все должно развиваться самостоятельно, без ограничений. Некоторые

утверждали, что индустрия загробной жизни напрасно пошла на поводу у нейробиологов и стала сканировать тело целиком. Потому что если вы сканируете все нервы до кончиков пальцев на ногах и моделируете взаимодействие бактерий с клетками кишечника, то процесс в Битмире не успокоится, пока не создаст себе цифровые пальцы на ногах, цифровые внутренности и все остальное. Цифровая жизнь имеет куда больший потенциал, чем биологическая, однако морфотелеологи избрали порочный путь, из-за которого души в Битмире останутся пленниками маленького, тесного и не слишком интересного уголка в огромном пространстве возможностей. Они уже не смогут стать богами или ангелами.

Поэтапное воплощение должно было разрешить проблемы (а) морфотелеологии и (б) того факта, что темпы создания компьютерной инфраструктуры не позволяли *немедленно* обеспечить каждого умершего полноценным гуманоидным телом и хорошеньким домиком в Битмире. Смоделировать ручей, весело журчащий по камням на вашем участке, не говоря уже о дыме, идущем из каминной трубы, дорого. Это было возможно на этапе Маг 7, но вычислительные мощности не могли угнаться за смертностью. Умерших можно по-прежнему сканировать, а сканы – архивировать, возможно, даже загружать как новые процессы, но обустроить их по высшему разряду, дать им полноценные квалиа, физически неосуществимо и вряд ли будет осуществимо в ближайшие десятилетия – что при такой непомерной нагрузке на компьютерные центры соответствовало векам в Битмире.

Либо можно было запускать всех в высоком разрешении на имеющемся оборудовании. На инженерном уровне это бы сработало. Однако коэффициент временного сдвига упал бы до черепашьей скорости. На моделирование нескольких секунд в Битмире со всеми журчащими ручейками и завивающимися струйками дыма уходили бы годы расчетов в Митспейсе. Что для душ в Битмире не составило бы *никакой разницы*, поскольку их мышление тоже бы замедлилось. Они испытывали бы квалиа ручейка, дыма и всего прочего точно так же, как если бы время бежало в тысячу раз быстрее. Однако люди в Митспейсе, следящие за Битмиром во все более продвинутых версиях Программы визуализации Ландшафта, видели бы что-то вроде фильма при медленном соединении, когда компьютер каждые несколько секунд замирает, чтобы подгрузить в буфер следующую порцию. Это сулило проблемы с пиаром и маркетингом, так как просмотр стал главным средством привлечения клиентов. А именно от них шли деньги на новое, более быстрое оборудование.

Люди по Элову сторону океана утверждали, что выход – в

поэтапном воплощении. Души можно загружать сразу в куда более ресурсосберегающей форме, по многим параметрам напоминающей Ком. Изначальный Ком развивался сам по себе и был очень дорогим, со множеством бессмысленных циклов. Однако Эловы инженеры придумали, как создать аналогичную, но куда более экономную систему: например, души смогут общаться напрямую, а не моделировать биологические речь и слух. Пусть даже большинству клиентов не улыбается провести вечность в упрощенной форме, общаясь пакетами данных, это лучше, чем умереть насовсем, к тому же в эмбриональном, промежуточном состоянии они смогут исследовать творческие альтернативы шаблонному гуманоидному плану, который навязывают им морфотелеологические элиты. Человеческий зародыш, плавающий в околоплодных водах, – еще не полностью сформированный человек. Однако это не *плохое* существование.

Мэйв живо интересовалась морфотелеологией и связанной темой идиоморфов – душ, по большей части эры Маг 0–2, принявших негуманоидный облик. Корваллис не сразу понял, как сильно ее волнует эта тема, а когда понял, их отношения – если понимать под этим словом «что-нибудь хоть сколько-то напоминающее традиционный брак» – было уже не спасти.

Она всегда была скрытной. Единственный раз, в молодости, она открыла миру свои мечты, когда создала «Зтетику». Неудача загнала ее в безлюдные окрестности Моава. После встречи с Корваллисом она на несколько лет стала громоотводом для глобальной интернет-травли, что было по-своему увлекательно, однако самой Мэйв в этом перформансе отводилась пассивная роль, поскольку целью было похоронить ее истинную личность под тоннами фейковых новостей. Всякий думающий человек, наблюдая за спектаклем, в конце концов спрашивал себя: «Так кто же она на самом деле?» В той мере, в какой затея удалась, настоящая Мэйв стала еще неуловимей.

За этой ширмой она вместе с Корваллисом растила троих детей. Они не договаривались специально, что он будет работать полный день, а Мэйв – возить детей в школу и спортивные секции, просто так получилось само собой. Три года она под псевдонимом вела блог «Внедорожник премиум-класса как протез». Идея состояла в том, что богатая мамаша – по сути кентавр: ее тело (а значит, и личность) практически срослось с автомобилем, в котором она, развозя детей туда-сюда, часами простаивает в пробках, слушая различные подкасты либо общаясь с себе подобными посредством блютус-телепатии. Из греческой мифологии Мэйв почерпнула идею кентавров – мудрых

наставников и целителей. Писала она остроумно, но для широкой публики слишком хлестко – в пору наибольшей популярности блога у нее было тысяч десять подписчиков, но они отваливались по мере того, как их дети входили в подростковый возраст. Так или иначе, эра огромных блестящих внедорожников премиум-класса пришла к концу. Подобно уходящим на Запад толкиновским эльфам, они растворялись в потребительском рынке по мере того, как семьи переходили сперва на каршеринг, а затем и на общественные электромобили. К тому времени, когда старшему ребенку исполнилось двенадцать, а младшему – девять, она перестала вести блог и в следующие десять лет никак себя интеллектуально-творчески не проявляла.

Но внезапно дети разъехались по университетам, и Мэйв, словно вылупившаяся из кокона бабочка, явила первые намеки на то, во что превратила себя в темноте. И многое из этого было не вполне понятно даже Корваллису. Все началось с ее протезов, но было ошибкой сказать, что к ним все и сводилось. Инвалидность стала щелочкой, в которую Мэйв десятилетия назад вогнала кончик интеллектуального клина. С тех пор она вбивала его глубже, слушая подкасты, скачивая диссертации, изредка посещая научные конференции и бисерным почерком конспектируя в блокнотах екопермоновские доклады. Однако ей не удавалось полностью разворотить трещину, пока на Екопермонах не заговорили о морфотелеологии и сканировании всего тела «с головы до ног». В ответ на это она обычно поднимала протезы и, помахивая ими в воздухе, спрашивала: «А как насчет тех, у кого ног нет?»

Гораздо позже, когда ее уже с ним не было, Си-плюс часто смотрел видео тогдашней Мэйв, как она атакует докладчиков неудобными вопросами.

– Я вижу, к чему вы клоните, – говорит она маститому, но туговато соображающему нейробиологу на Екопермоне-4, – но если ваш взгляд примут, означает ли это, что в Битмире я буду безногой? Потому что вы отсканируете мой труп, а ног-то у него нет, верно? Выходит, их не будет и у моей аватары? Калека – он и на том свете калека.

– Я понимаю ваши возражения, – отвечает он, – однако нервы, ведущие к вашим ногам, сохранились. Да, они перерезаны в районе колена. Однако выше они связаны с отделами вашего мозга, отвечающими за моторные функции. И связи эти на месте. Возможно, они частично атрофировались…

– Мне не нравится слово «атрофия», – перебивает Мэйв. – Послушайте, мозг адаптируется. Мой научился обходиться без

нижних конечностей. В детстве у меня бывали фантомные боли, теперь их нет. Можете называть это атрофией. Для меня это пластичность. Приспособление. Рост. *Эвтропия.*

– Называйте как хотите, – говорит нейробиолог. – Эти приспособления, безусловно, отразятся в сканах вашего мозга. И будут правильно смоделированы после загрузки вашего процесса. Что дальше, мы, честно говоря, не знаем. Поскольку не знаем, отчего души в Битмире принимают тот или иной облик. Я просто не могу сказать, какую форму примет ваше тело. Хочу надеяться, что оно разовьет нормальные нижние конечности и научится ими управлять.

Тут Корваллис отводит взгляд от экрана и почти морщится, потому что нейробиолог подставился по-крупному. Но, вместо того чтобы стереть его в порошок, Мэйв с заметным усилием сдерживается и начинает вправлять ему мозги. Вернее, не так. Она скорее думает вслух – впервые формулирует идеи, зревшие со времен ее злополучного стартапа.

– А я надеюсь, что нет, – говорит она, потом, сообразив, что от нее отмахнутся как от крикливой скандалистки, заходит с другой стороны: – То есть я надеюсь на большее, чем вы готовы принять. Именно это я и хочу расширить. Границы. Пределы возможного. У Доджа есть крылья.

– Что?! – Нейробиолог не поспевал за ее мыслью.

– У Доджа есть крылья, – повторяет она. – Мы не знаем, как он их вырастил, потому что в «Провил» увидели его уже с крыльями. У него и у других процессов Маг от нуля до двух странные идиоморфные тела. У некоторых вообще нет тел. Они все загружены со сканов, которые мы теперь считаем низкокачественными. Сканировали только мозг – значит, они фактически обезглавлены? Вот это калеки так калеки! Выходит, им пришлось заново выращивать тела. Выдумывать себя на ходу. Новые процессы основаны на сканах более высокого качества – до самых культяшек, – и вместе с тем мы видим меньше свободы, меньше, если хотите, творчества в формировании тел у процессов Маг три-четыре. Как вернуть эту свободу?

– Свободу… иметь негуманоидное тело?

– Да. Я хочу крылья.

Докладчик нервно косится на кого-то за кадром. Корваллис, смотрящий видео много лет спустя, знает, на кого именно: на двух сотрудников Эла, которые молча слушают дискуссию. Нервничает ученый потому, что Эл создает в Битмире крылатые души – ангелов? И ему, и остальным в зале это хорошо известно. Однако участники Екопермонов предпочитают шушукаться о таком в барах. И только Мэйв нарушает приличия.

– Опять-таки мы ничего не можем сказать наверняка. Согласен, что наблюдается корреляция между высококачественными сканами и более традиционной человеческой морфологией. Значит ли это, что надо *сознательно* ухудшать сканы? Мне бы очень не хотелось взять останки клиента и отсканировать их не в лучшем доступном качестве. А если данные уже есть? Вы должны предоставить их процессу во всей полноте, вы не вправе утаивать информацию исходя из смутной гипотезы, что таким образом дадите ему свободу отрастить крылья.

– Забудьте про отращивание. Что, если крылья уже есть? – спрашивает Мэйв.

– Не понимаю вас.

– *Нейробиологически*. Если мозг так настроен, что «знает» о своих крыльях?

– Нельзя ли подробнее? Все это очень интересно, но я абсолютно не понимаю, к чему вы клоните.

– Мой мозг исходно был такой же, как ваш. Он считал, что у него есть ноги. Потом их ампутировали. Сперва я чувствовала фантомные боли, потом мозг решил, что ног у меня нет. Если завтра я умру, меня отсканируют и загрузят, мой смоделированный мозг по-прежнему будет так считать.

– Пока вроде все понятно.

– Что, если мой мозг будет считать, что у меня есть крылья?

Нейробиолог с улыбкой разводит руками. На этом разговор заканчивается.

Но после этого Мэйв начала приучать свой мозг к мысли о крыльях.

Дело облегчалось тем, что денег и свободного времени у нее было в избытке. Системы виртуальной реальности к тому времени достигли неимоверной реалистичности. Мэйв наняла команду программистов и спецов по аэродинамике, изучающих полет птиц. В акробатической школе неподалеку от Боинг-Филд они создали специальный тренажер. Там Мэйв висела в обвязке из многочисленных тросов, которые подтягивались и ослаблялись так, чтобы она «летала» в воздухе. VR-гарнитура на глазах показывала соответствующие картинки, а главное, движущиеся крылья, которые Мэйв видела, когда поворачивала голову вбок. Сенсоры в той же гарнитуре принимали слабые сигналы ее мозга. Аналогичные системы были созданы годами раньше; они позволяли парализованным управлять инвалидной коляской либо механическими конечностями. Мэйв, разумеется, прочла все статьи о переменах, которые происходили в мозгу пациентов по мере освоения этих систем. Существовали процедуры и препараты

для усиления нейропластичности. Она перепробовала их все, что привело к заметным изменениям в ее личности. Для Корваллиса это было тяжелое испытание. Когда он сетовал, что она становится другим человеком, Мэйв резко отвечала, что именно этого и добивается. Дальше стало хуже. Он выслушал много неприятного об их первой встрече в Моаве и о ее давнем невысказанном подозрении, что с той историей не все чисто. У него пунктик насчет безногих? Си-плюс с чистой совестью ответил, что нет. А насчет слабых женщин, которых надо спасать? Тут отпираться было труднее.

Так что он сдал назад и перестал делиться опасениями по поводу ее экспериментов. А от них и впрямь захватывало дух. Это была не столько традиционная наука, сколько арт-проект. Однако известны примеры, когда искусство прокладывало новые пути для науки. Под видом искусства Мэйв довела свои эксперименты до того, что ученые на Екопермоне согласились взглянуть, как она «летает» в смоделированной среде, и посмотреть визуализацию того, что происходит в ее мозгу.

Люди Эла с самого начала отнеслись к ее исследованиям очень внимательно. Не раз, берясь за новое направление, Мэйв обнаруживала, что ученые из Зелрек-Аалберга его уже застолбили. Удивляться не приходилось. В жизни Элмо Шепард не был фанатом морфотелеологии. А в смерти его окружало ангельское воинство.

Конец Книги 1

notes

1

Долина Якима в штате Вашингтон известна как один из лучших производителей яблок в мире.

2

Герой полнометражного компьютерного мультфильма «Приключения мистера Пибоди и Шермана», гениальный пес-ученый, просвещающий усыновленного им человеческого мальчика по имени Шерман.

З

Полная карта связей в нервной системе организма. Термин был предложен в 2005 г. Олафом Спорнсом и Патриком Хэгменном.

4

«Приятное оцепенение», песня «Пинк Флойд» с альбома *The Wall* (1979).

5

Мужская юбка с грузовыми карманами, выпускается одноименной фирмой с 2000 г.

6

Освобождение от федерального подоходного налога согласно пункту 501(c)(3) налогового кодекса США, по которому предоставляются налоговые льготы организациям, занимающимся религиозной, благотворительной, научной и образовательной деятельностью.

7

Вскоре после смерти Уолта Диснея в 1966 г. возник слух, что его тело не кремировано, как сообщалось, а заморожено для будущего воскрешения и хранится под аттракционом «Пираты Карибского моря» в калифорнийском Диснейленде. Из-за чего возник слух, неизвестно, но предполагают, что все началось с шутки сотрудников компании.

8

Некоммерческая организация, привлекающая выпускников колледжей и университетов для преподавания в бедных районах США.

9

Cinema verité, дословный перевод на французский названия серии советских документальных фильмов «Киноправда» (1922–1924), выпущенных объединением КИНОКи под руководством Дзиги Вертова, – метод съемки документальных и художественных фильмов, цель которого – создать эффект максимальной искренности и естественности.

10

Лигерад – лежачий велосипед; велосипедист на нем едет полулежа и крутит педали перед собой или даже выше себя.

11

Seal Team Six: The Raid on Osama Bin Laden (2012) – американский фильм про спецоперацию Морских котиков, в результате которой был убит Усама бен Ладен.

12

Бизнес-ангел (бизнес-меценат) – частный инвестор, поддерживающий стартап на первых порах.

13

Радий-226 использовался для люминесцентной краски, которую наносили на стрелки и циферблаты часов в 20–50-х годах XX века.

14

«Синие» районы в США – там, где большинство голосуют за демократов.

15

КПП «С» (Чарли) на Фридрихштрассе для перехода из Западного в Восточный Берлин во времена холодной войны.

16

Гадсденовский флаг – желтое полотно с изображением гремучей змеи, готовой нанести удар, под змеей надпись «Не наступай на меня». Флаг был создан полковником Кристофером Гадсденом (1724–1805) во время Войны за независимость. После ее окончания сохранился как символ американского патриотизма, разногласий с властью или поддержки гражданских свобод. В настоящее время – символ консервативного либертарианства.

17

Перформативными (в отличие от констатирующих) в лингвистике называются речевые акты, равноценные поступку, например приказания. Перформатив нельзя оценить на истинность или ложность, только на эффективность.

18

Федеральное агентство, созданное в 1935 году по инициативе Франклина Делано Рузвельта для трудоустройства миллионов безработных (в основном неквалифицированных мужчин). УОР занималось строительством общественных зданий, автодорог, стадионов, дамб, аэродромов.

19

Американская ресторанная сеть.

20

«Грин-Бей Пэкерс» («Упаковщики») – профессиональный клуб по американскому футболу из города Грин-Бей, штата Висконсин. Висконсин – животноводческий штат, где развито производство сыра, и местных жителей прозвали сырноголовые (что означает «тупицы). Болельщики «Пэкерс» превратили обидное прозвище в символ гордости и носят огромные пенопластовые шляпы в виде треугольных кусков сыра.

21

Арета Луиза Франклин (1942–2018) – американская чернокожая певица в стилях ритм-энд-блюз, соул и госпел. Ее версия песни «Уважение», записанная в 1967 г., стала символом феминизма.

22

«Я люблю Люси» (1951–1957) – популярнейший американский комедийный телесериал.

23

Томас Уиллис (1621–1675, Лондон) – английский ученый и врач, один из основателей Королевского общества, занимался, в частности, исследованиями нервной системы человека.

24

Уолтер Кронкайт-младший (1916–2009) – американский тележурналист, бессменный ведущий вечернего выпуска новостей Си-би-эс с 1962 по 1981 г. В 1970-х и 1980-х годах Кронкайт, согласно опросам общественного мнения, был человеком, которому американцы доверяли больше всего.

25

Гамлет, акт 3, сц. 1, перев. Б. Пастернака.

26

Положительная дискриминация – преимущества для категорий, традиционно страдавших от обычной (негативной) дискриминации, в частности для женщин.

27

Митспейс (от англ. meatspace – meat («мясо», «плоть») + space («пространство») на интернет-сленге означает реальность, то есть физический мир, в отличие от виртуального или киберпространства.

28

Традиционные эфиопские блины из муки африканского злака теф.

29

В «Звездном пути» Первая директива запрещает офицерам Звездного флота вмешиваться в развитие цивилизаций на других планетах.